М. А. ГАСПРАТЯН,
С. Ф. ОРЕШКОВА,
Ю. А. ПЕТРОСЯН,

Очерки истории Турции

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. А. ГАСРАТЯН,
С. Ф. ОРЕШКОВА,
Ю. А. ПЕТРОСЯН

Очерки истории Турции

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

63.3(5Ту)
Г22

Ответственный редактор
А. М. ШАМСУТДИНОВ

В книге освещается значительный исторический период, начиная со времени появления тюрок на территории Малой Азии и создания ими своих государств в этом регионе и до наших дней.

Г $\frac{0506000000\text{-}052}{013(02)\text{-}83}$ 78-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из характерных черт современной науки является все возрастающий объем научной информации. Стремительно растут и наши знания в области истории. Каждое десятилетие приносит новые открытия в историческом прошлом человечества, и каждое десятилетие рождает новые значительные исторические события, требующие осмысления и анализа историка.

Все сказанное в полной мере относится и к истории Турции, которой посвящены сотни самых разнообразных исторических работ.

Вероятно, в области туркологии каждые 15—20 лет порождают потребность и необходимость в новом осмыслении событий истории Турции с учетом новых данных источников, новых исследовательских результатов. Именно такова цель книги, предлагаемой вниманию читателей.

Авторов в немалой степени побуждало к созданию книги и то обстоятельство, что именно последние два десятилетия были насыщены первостепенной важности событиями в социальной, политической и культурной жизни Турции. Непрекращающееся противоборство разнородных социальных сил — борьба «левых» и «правых», усиление классовой борьбы, рабочего движения и неуклонное нарастание политической значимости армии — все это породило исключительно сложную политическую ситуацию 70-х — начала 80-х годов. Естественно, что эти события привлекают внимание не только к Турции наших дней, но и повышают интерес к ее историческому прошлому, ее социально-политическим и культурным традициям. 60—70-е годы в области изучения истории Турции, пожалуй, особенно плодотворны. В разных странах опубликовано много новых источников. Интенсивно стали исследоваться социально-политические и культурные аспекты истории Османской империи в эпоху средневековья. Тщательно изучалась эпоха реформ в XIX в., младотурецкая революция. Появились значительные исследования истории кемалистской революции и республиканской Турции. За последние десятилетия крупный вклад в изучение исторического прошлого и современного развития Турции внесли советские ученые. Научные результаты их исследований положены в основу данной работы.

Авторский коллектив надеется, что эта книга принесет пользу не только исследователям истории Турции, преподавателям, аспирантам и студентам востоковедных вузов, но и всем тем, кто интересуется проблемами истории и культуры народов Ближнего и Среднего Востока.

РАЗДЕЛ I

СРЕДНИЕ ВЕКА (IX—XVIII вв.) *

Глава I

ТЮРКИ В МАЛОЙ АЗИИ В XI—XIII вв.

Тюркские племена в этнополитической истории Малой Азии XI в. Тюркские племена в Малой Азии и на Балканах впервые появляются еще в период так называемого Великого переселения народов (в первые века нашей эры). Однако вплоть до VII в. проникавшие в эти районы массы тюркских кочевников, связанные с такими племенными объединениями, как гунны, булгары, сувары, авары, хазары и др., быстро поглощались местным этносом и не оставили сколько-нибудь заметного следа в этнической истории региона.

В VIII—X вв. начинается более значительный приток тюрок из Средней Азии и Хорасана. Аббасидские халифы привлекают их в западные области халифата, используют как военную силу для защиты границ своих владений. На востоке Малой Азии, на границах с Византией, появляются поселения тюркских племен.

Другие тюркские племена, такие, как печенеги, узы, куманы (кипчаки, половцы), продвигаясь с северо-запада, проникают в XI—XII вв. во владения Византии, где их также стремились селить в пограничных провинциях и использовать как наемников в войске.

---

* Термин «средние века» в данной работе отнесен к периоду IX—XVIII вв., т. е. употреблен с несколько расширительным хронологическим толкованием верхних граней этого периода. В советской историографии гранью средневековой и новой истории во всемирном масштабе принято считать середину XVII в. Однако при изложении материала по истории анатолийских турок и тех государственных образований, в создании которых они приняли главенствующее участие, автор счел правомерным несколько отодвинуть эту условную грань, так как феодальные отношения в изучаемом регионе к середине XVII в. еще далеко не исчерпали всех возможностей своего развития. Лишь в XVIII в. в стране начинают проявляться первые признаки переходного периода к новой, капиталистической, эре, да и то не в социально-экономической сфере, где грани феодального способа производства еще не были перейдены, а лишь в области культуры и идеологии, призванных расчистить путь новым производственным отношениям, появление которых в Османской империи было несколько ускорено вовлечением страны в мировой капиталистический рынок и революционизирующим воздействием европейского капитализма.

Расселяясь среди других обитателей страны, эти тюркские элементы в какой-то степени подготавливали будущую тюркизацию Анатолии и Восточной Фракии.

В XI в. к границам Малой Азии подступила новая (более мощная, чем все предыдущие) миграционная волна тюркских, так называемых огузских племен из Средней Азии, изменившая этническую картину региона. Историко-археологический материал, имеющийся в распоряжении исследователей в настоящее время, позволяет утверждать, что формирование огузского этноса начиналось в Западном Семиречье. После падения Западнотюркского каганата (742 г.) эти племена продвигаются к низовьям Сырдарьи, где к середине IX в. складывается государственное образование сырдарьинских ябгу. В рамках этой кочевой конфедерации шел сложный этнический синтез, в котором принимали участие различные тюркоязычные и другие народы долины Сырдарьи, степей Приаралья и Северного Прикаспия. Племена, вошедшие в состав державы сырдарьинских ябгу, получили с течением времени общее название «огузы».

В IX — начале XI в. обосабливаются две этнические общности — западные и восточные огузы; за последними закрепилось также название «туркмены». В X в. из огузо-туркменского племени кынык возвышается род Сельджука. В X —XI вв., став мусульманами, Сельджукиды повели борьбу против языческих огузских вождей, объединив вокруг себя значительные огузо-туркменские силы. Продвинувшись на юг, в пределы государства Газневидов, Сельджукиды сумели сокрушить власть этого государства в Хорасане (1040 г.) и создать новую державу «Великих Сельджукидов», утвердившуюся во второй половине XI в. на огромной территории — от Средней Азии до Средиземного моря.

Становление этой державы еще более активизировало миграционное движение огузо-туркменских племен, которое становится постоянным фактором истории Западной Азии XI—XII вв. Сельджукские султаны старались направить эти воинственные кочевые орды подальше от центров своей державы, в пограничные западные районы, чтобы, с одной стороны, уберечь от разграбления подчинившиеся им земледельческие районы и города, а с другой — использовать огузо-туркменские родо-племенные ополчения для завоеваний на западе, в частности территории Византии. Отсюда — сознательная миграционная политика Сельджукидов, предоставлявшая кочевникам возможность новых завоеваний. Идеологически этот миграционный поток воодушевлялся исламом и почетностью (по мусульманским канонам) борьбы с неверными. В результате такой политики «Великих Сельджукидов» и значительности миграции огузо-туркменских племен объясняется тот факт, что в дальнейшем компактные массы тюркского населения сосредоточились в районах, географически наиболее отдаленных от областей, откуда пришли тюрки (т. е. от Средней Азии), а именно в Азербайджане и Малой Азии.

Уже в 30—40-х годах XI в. было совершено несколько военных набегов в Закавказье и Малую Азию, предводителями которых выступали двоюродные братья первого сельджукского султана, Тогрул-бека (1038—1063), — Ибрагим Йинал и Куталмыш.

При следующем султане «Великих Сельджукидов», Алп-Арслане (1063—1072), походами на Византию (в 1064 и 1067—1068 гг.) руководили сам султан и наследник престола Мелик-шах. Попытка императора Византии Романа IV Диогена (1068—1071) воспрепятствовать продвижению сельджуков на запад закончилась сокрушительным разгромом византийских войск при Манцикерте (Малазгирте) в 1071 г., чему способствовало, в частности, то, что в составе византийской армии находились печенеги, гузы, кипчаки и некоторые другие тюркские народы, которые в решающий момент изменили византийскому императору. Роман IV Диоген попал в плен, но был отпущен на условиях выплаты ежегодной дани в размере 1 тыс. динаров.

После возвращения Романа IV Диогена из сельджукского плена византийские придворные круги добились его низложения с императорского престола, а его преемники не признали для себя обязательными и условия заключенного договора. Византийский историк Скилица пишет по этому поводу: «Так как заключенное с Диогеном соглашение осталось неисполненным, то тюрки... поднявшись из Персии во всеоружии и не встречая никакого сопротивления, напали на ромейские фемы и опустошили их, не ограничиваясь лишь временным наездом, как то было прежде, и быстрым отступлением, но завладевая страной с целью обладания ею на правах постоянного господства».

Вступивший на трон «Великих Сельджукидов» султан Мелик-шах I (1072—1092), при котором держава Сельджукидов достигла наивысшего расцвета, в первые годы правления был занят упрочением своей власти в восточных районах государства. Против Византии в это время воевали отдельные тюркские военачальники, слабо координировавшие военные действия между собой и не всегда подчинявшиеся центральной власти. Это — Артук, Кунак, Барсук, Чаха (или Чакан), Сулейман ибн Куталмыш и др. Существует легенда, что Сулеймана ибн Куталмыша Мелик-шах I назначил правителем вновь завоеванных территорий. В исторической литературе высказываются вполне обоснованные сомнения, была ли власть Сулеймана ибн Куталмыша официально санкционирована султаном «Великих Сельджукидов». Известно, однако, что, опираясь на свои малоазиатские владения, столицей которых стала Никея (Изник), Сулейман в 1081 г. начал выказывать претензии на первенство в роде Сельджука. В битве с братом Мелик-шаха I Тутушем, эмиром Сирии, Сулейман был разбит и погиб в бою (1086 г.). Однако малоазиатские владения остались за его наследниками. После смерти Мелик-шаха I (1092 г.) империя «Великих Сельджукидов» фактически распадалась. В западных ее областях сюзеренитет «великого султана» сохранялся лишь номи-

нально и выражался в праве на хутбу, т. е. упоминание имени султана в пятничной молитве, и чеканку монет с его именем. Владетели отдельных областей распадавшейся державы «Великих Сельджукидов» объявляют себя султанами. В XII в. титул «султана» присвоили себе и эмиры Малой Азии. Основанный там султанат получил наименование Румского. Румом тюрки называли Малую Азию, принадлежавшую Византии. В дальнейшем это название сохранилось и за владениями тюрок, обосновавшихся на бывших византийских территориях.

Сельджукиды Рума на первых порах не были единственными тюркскими владетелями Анатолии. Характер тюркского завоевания и его постепенность привели к тому, что отдельные огузо-туркменские племена в разное время попадали на эти территории. Отвоевывая их у Византии и утверждаясь на вновь завоеванных территориях, они зачастую действовали самостоятельно, не поддерживая связей с сельджукскими султанами.

Одновременно с владениями Сельджукидов из рода Сулеймана ибн Куталмыша в Малой Азии сложились некоторые другие государственные образования тюркских племен. Среди них — эмираты Данишмендидов (в юго-восточной части Малой Азии со столицей в Сивасе), Артукидов (в районе Мардина) и др. О Данишмендидах в Малой Азии известно уже с 1067 г. Есть предположение, что именно они утвердили первую тюркскую государственную организацию на территории Малой Азии. Мелик-шах I пытался использовать Данишмендидов, в частности второго представителя этой династии — Амир Гази Гюмюш-Тегина (1084—1134), для ослабления позиций Сулеймана ибн Куталмыша и его наследников, так как эта мятежная ветвь Сельджукидов стала в 80-х годах XI в. фактически независимой и угрожала самому султану, заявляя о своих правах на трон «Великих Сельджукидов».

Долгое время в Малой Азии продолжали действовать также и отдельные, фактически не признававшие власти какого-либо государства тюркские племена или отряды отдельных завоевателей.

На новом месте обитания пришлые тюркские кочевые племена вступали в контакт с тюрками, переселившимися с Балкан (печенегами, узами, половцами), дотюркскими кочевниками Анатолии и местным оседлым населением. Происходили перегруппирования племен, их перемещения и смешения. Формировались этнические общности нового типа, в основе которых лежали территориально-хозяйственные связи. Следствием этнодемографических процессов X—XI вв. явилось то, что в отношении к тюркским племенам, ушедшим далеко на запад, почти перестает применяться термин «огуз». Лишь отдельные отзвуки его, как отмечал академик В. А. Гордлевский, сохранились в топонимике и ономастике региона.

С X в. к племенам, признававшим власть рода Сельджука, стал применяться термин «сельджуки». Он бытовал наряду с этнонимом

«туркмены» *, которым в XII—XIII вв. в Малой Азии называли все тюркские племена, пришедшие с Востока. Оседание тюрок-кочевников на землю в Анатолии было первым шагом к их прочному поселению на захваченных территориях, внедрению среди местного населения, сближению с ним и его последующей ассимиляции. Осевшие тюрки, начавшие заниматься земледелием, заложили основу турецкого крестьянского населения Малой Азии. Именно среди него начал употребляться и общий этноним малоазиатского тюркского населения — «турок» (türk), который, однако, долгое время не мог получить широкого распространения, поскольку на первый план даже у осевшего населения выступало не этническое, а религиозное самосознание.

Государство Сельджукидов Малой Азии. Сельджукиды начали свое утверждение в Малой Азии с мероприятия, которое В. А. Гордлевский назвал «социальной реформой» Сулеймана ибн Куталмыша. «Крепостных и рабов, работавших в латифундиях в Малой Азии, он объявил свободными, и они массами стали переходить в ислам». То, что при обращении местного населения в ислам Сельджукиды умело использовали материальные стимулы, привлекло к ним как крестьянство, так и представителей феодального класса. Возможно, что именно это способствовало успехам этой династии в борьбе с Византией и помогло покорению ею других туркменских княжеств.

Византия во второй половине XI в. переживала период феодальной анархии и междоусобиц. Лишь за 1057—1081 гг. на престоле Византийской империи сменилось пять императоров. Кроме Сельджукидов, нанесших ей решительное поражение в 1071 г., после чего Малая Азия фактически была потеряна для империи, Византию теснили норманны, обосновавшиеся в Южной Италии, и с начала 80-х годов XI в. постоянно опустошавшие Эпир и побережье Далмации. В 1088 г. тяжелое поражение византийскому императору Алексею I Комнину (1081—1118) нанесли в битве при Доростоле печенеги, надвигавшиеся на Византию с севера.

Печенеги, вторгнувшись во Фракию, действовали в согласии с богомилами ** Болгарии и сельджукским эмиром Чахой. Находясь в критическом положении, Алексей I Комнин в 1090—1094 гг. неоднократно обращался за помощью к римскому папе и западноевропейским феодалам, что послужило поводом к началу первого Крестового похода. Однако к 1096 г., когда начали прибывать кре-

---

* В Восточной Анатолии для ряда кочевых и полукочевых племен самоназвание «туркмены» сохранилось до наших дней, что является отзвуком их огузо-туркменского происхождения. Туркмен Восточной Анатолии не следует отождествлять с туркменами Средней Азии, основное ядро которых сложилось из тюркизированных потомков древнего населения степей и оазисов Закаспия, а этнические компоненты огузо-туркменского происхождения послужили одним из крупных, но не единственным этническим слагаемым.

** Богомилы — участники антифеодального народного движения в Болгарии и некоторых южнославянских странах, облеченного в форму богомильской ереси.

стоносцы, Византия уже сумела справиться с печенегами и потому постаралась направить силы крестоносцев прежде всего против тюрок Малой Азии. Румские Сельджукиды были разбиты крестоносцами (1097 г.), потеряли столицу своего государства Никею и были отброшены на восток за Эскишехир. Крестоносцы не задержались в Малой Азии, а быстро ушли в Сирию.

Государство Сельджукидов Рума сумело оправиться от удара. Более того, как отмечал В. А. Гордлевский, «крестоносцы своим поведением — насилиями и грабежами — так раздражают в Малой Азии население, что местные князья, забыв о пропасти, которую церковь кладет между христианами и мусульманами, обращаются к Сельджукидам и объединенно выступают против крестоносцев. Таким образом, на Востоке временно образуется единый блок, направленный против крестоносцев: когда предстоит выбор между крестоносцами и турками, предпочтение туркам отдают часто и армяне, и византийцы».

Сельджукиды начинают выступать как посредники между тюркской кочевой вольницей и оседлым, главным образом греческим, населением, внося некий порядок в их взаимоотношения. Падение Византии (1204 г.) позволило Сельджукидам еще более упрочить свои позиции. Столицей государства с 1116 г. они делают г. Конью. По названию столицы государство Сельджукидов Малой Азии, Румский султанат, часто, особенно на Западе, называют Конийским султанатом (или Иконийским).

От других сельджукских владений в Азии Сельджукиды Рума оказались отрезанными воинственными эмиратами Восточной Анатолии, а потому они отстранились от активной борьбы за власть и дополнительные территории в империи «Великих Сельджуков». Борьбу с крестоносцами, обосновавшимися в Сирии, вели также другие эмираты, такие, как Артукиды, Данишмендиды. Воспользовавшись относительной внешнеполитической передышкой, Румский султанат сумел укрепить свою власть внутри страны, а затем, в 80-х годах XII в. сокрушить главного соперника — государство Данишмендидов.

К XIII в. объединение почти всей Анатолии в единое государство — Румский султанат — начинает давать свои положительные плоды. В Анатолии оживляется торговля, важнейшие торговые пути перемещаются сюда из Сирии, превратившейся в результате крестовых походов в арену ожесточенных войн. В страну продолжается приток тюрко-мусульманского населения, в том числе многих ученых, поэтов, философов мусульманского мира.

В Анатолии главным занятием тюркских племен оставалось кочевое скотоводство, а потому селились они прежде всего там, где были удобные пастбища. Именно к таким районам относилось обширное плоскогорье Центральной Анатолии. Расселившиеся здесь многочисленные тюркские пришельцы очень скоро оказались в большинстве по отношению к местному населению, степные пространства Анатолии были в это время мало населены.

Иначе обстояло дело в других районах страны. Как уже отмечалось, часть бывших кочевников стала заниматься земледелием и переходить на оседлость. Однако процесс этот шел крайне медленно. Дружины беев и эмиров, участвовавших в завоевании Анатолии, оседали в городах и крепостях. В городах и среди крестьянства тюрки все еще составляли меньшинство населения. Доказательством этому может служить, например, тот факт, что даже в XIII в. важнейшей статьей дохода Румского султаната продолжал оставаться джизье (подушная подать с немусульман).

В эпоху Сельджукидов кочевые племена были основным господствующим слоем населения. Разложение родового строя началось у них задолго до прихода в Малую Азию. Большинство племен представляли собой не кровно-родственные союзы, а были искусственно составлены из частей более древних родо-племенных групп. Необходимость их объединения диктовалась нуждами совместной обороны от посягательств других племен или феодальных государств и стремлением к захвату новых пастбищ. Сельджукиды Рума практиковали в отношении племен политику дробления и разъединения, предоставляя им для поселения территории в разных районах страны. Известно, например, что в районе Анкары находились населенные пункты, названия которых связаны с наименованиями 17 из 24 огузских племен, а подразделения племени кайи были расселены, судя по топонимическим данным, на громадном пространстве — от Чанаккале до Карса, от Урфы до Манисы.

Еще в государстве «Великих Сельджукидов» правительство широко внедряет систему икта, т. е. за гражданскую и военную службу предоставляет земельные наделы, с которых получивший их иктадар сам взимает налоги. Введение такой системы было ускорено разрухой, эпидемиями и опустошениями, являвшимися неизбежными спутниками экспансионистской политики Сельджукидов, а также желанием избежать огромных расходов на управление завоеванными территориями, армию и налоговый аппарат, ставших особенно ощутимыми в связи с широко распространившимся по всем странах мусульманского Востока в XI—XII вв. так называемым серебряным кризисом.

Расстройство денежной системы порождало необходимость отказа от денежного вознаграждения за военные услуги и замену его предоставлением земельных наделов вместо жалованья. Икта получали представители огузо-туркменской кочевой знати, которые, не отказываясь от кочевой жизни и от связи со своими племенами, превращались в феодальных эксплуататоров оседлого крестьянства, что способствовало усилению власти кочевой аристократии, углублению социальной дифференциации внутри племен, ускорению феодализации верхушки огузского общества. Источники сообщают, что наделять тюрок владениями икта начал знаменитый везир «Великих Сельджукидов» Низам аль-Мульк.

Однако в пограничных районах владений «Великих Сельджу-

кидов» складывалась особая форма землепользования и землевладения. Это были так называемые земли уджей. Они предоставлялись главам племен, которые обязывались защищать границы империи «Великих Сельджукидов», а за это получали налоговый и административный иммунитет в предоставленных владениях. Система уджей позволила родо-племенному ополчению кочевников влиться в феодальную систему сельджукского государства. Кочевая вольница на границах могла найти приемлемое для себя и неопасное для центральной власти применение в агрессивных вылазках в соседние государства. Само возникновение Румского султаната на наиболее нестабильной границе сельджукидской империи связано с особой самостоятельностью, типа уджей, предоставленной этой области «Великими Сельджукидами».

Оказавшись зажатыми между христианскими государствами (Византия, а затем ее наследники — Никейская империя и Трапезундское королевство, государства крестоносцев, Грузинское царство, Киликийская Армения), Сельджукиды Рума также широко использовали систему уджей, сочетая ее с идеей священной войны против неверных. При этом, как отмечал академик В. В. Бартольд, «идея джихада была только средством удалить на границу из внутренних областей беспокойные элементы».

По мере становления Румского султаната его уджи постепенно сдвигались на запад. Если в начале второй половины XI в. они располагались по линии Эрзурум — Малатья — Тарс, то через столетие, во второй половине XII в., передвинулись в район Эскишехир — Анталья. Феодальный характер собственности на землю в уджах был завуалирован, так как здесь сохранилась родо-племенная организация племени, которое устанавливало свое господство над проживавшими на территории уджа крестьянами-земледельцами. Однако дальнейшая эволюция этих владений показывает, что они фактически превращаются в неограниченную собственность уджбея. Сами же пограничные бейлики (княжества) с их внутренней независимостью и самостоятельностью во внешнеполитических акциях оказали большое влияние на дальнейшие судьбы державы Сельджукидов.

Социальные отношения на других территориях Румского султаната, вне уджей, развивались аналогично тому, как это шло в государстве «Великих Сельджукидов», хотя, очевидно, несколько более быстрыми темпами, чем в других областях.

Воздействие производительных сил завоеванных областей Византии, так же как и предшествующий опыт, накопленный в Иране и других странах мусульманского Востока, несомненно, способствовали некоторому ускорению темпов общественного развития государства Сельджукидов Рума. В нем, как и в государстве «Великих Сельджукидов», земля считалась государственной собственностью. От «Великих Сельджукидов» был унаследован и институт икта, служивший для оплаты услуг воинов и чиновничества. Широкое распространение этого вида феодальных пожало-

ваний господствующему классу свидетельствовало об активном процессе феодализации румской сельджукской кочевой знати, приобщении ее к эксплуатации земледельческого населения. Сама же форма эксплуатации устанавливалась сверху, через государственную податную систему, что объяснялось утверждением государства и его организационной структуры в уже сложившейся ранее среде феодального земледельческого общества.

На первых порах степень эксплуатации крестьянства была более низкой, чем ранее в Византии и других христианских государствах Малой Азии, однако по мере упрочения своего положения Сельджукиды начинают усиливать налоговую эксплуатацию крестьянства. В источниках описывается своеобразный эксперимент, проводившийся сельджукской администрацией в XII в. В безлюдную область было переселено около 5 тыс. пленных греков, составлена тщательная перепись населения, скота, имущества. Переселенцев снабдили семенами и предоставили землю. На пять лет они были освобождены от налогов, а после этого должны были платить сельджукским властям те же налоги, которые ранее платили византийскому императору.

Итак, Сельджукиды хотели сохранить и продолжить ту налоговую практику, которую они встретили в византийских владениях. Через икта к феодальной эксплуатации земледельческого населения, ее установившимся ранее на этих территориях формам и нормам приспосабливалась кочевая знать тюркских племен. Разумеется, институт икта не охватывал всех форм феодальных общественных отношений Румского султаната. Существовали в нем и земельные владения, даваемые представителям феодального класса на правах безусловной собственности — мюльк; значительные земельные угодья предоставлялись различным мусульманским религиозным учреждениям, в которых могли сложиться иные формы рентных отношений с крестьянством. Однако именно икта является наиболее показательным для определения уровня общественных отношений, складывавшихся в Румском султанате в конце XI—XII в.

В начале XIII в. государство Сельджукидов Малой Азии переживает апогей своего величия, и в то же время в нем начинают явно проявляться черты внутреннего разброда и упадка.

История династии Сельджукидов переполнена известиями о дворцовых переворотах, насильственных смертях (удушениях, отравлениях), различных заговорах. Отсутствие твердого порядка престолонаследования порождало при каждой смене султана острые столкновения различных группировок придворных кругов и предводителей племен. За всем этим стояли социальные противоречия, связанные с интенсивно и противоречиво идущим процессом феодализации сельджукского общества.

Наиболее ярко выступали две линии развития. Первая — становление феодальных отношений в племенах, которые находились на разных этапах перехода к оседлости и разрыва родо-племенных

связей. Центральное правительство через систему уджей пыталось взять под свой контроль социальные процессы, идущие в этой части сельджукского общества. Однако племенная вольница, эта варварская периферия Румского султаната, не поддавалась контролю. Положение осложнялось еще и тем, что в начале XIII в., особенно после падения под ударами монголов государства Хорезмшахов (1220 г.), в Малую Азию устремилась новая мощная миграционная волна из Средней Азии и Хорасана, окончательно переварить которую сельджукское общество так и не сумело.

Вторая линия феодального развития являлась продолжением тех социальных процессов, которые шли в государстве «Великих Сельджукидов», и впитала в себя также местные, малоазиатские влияния. Она была связана с икта, государственной структурой султаната, создаваемой по типу халифата Аббасидов, и идеологически опиралась на ислам суннитского толка. Эта линия феодального развития охватывала ту структуру хозяйства и социальной организации, к которой принадлежали сельджукские беи, группировавшиеся вокруг династии, и оседлое крестьянство, в основной своей массе христианское, а также города, которые после упадка, наступившего в результате разграбления и разгрома в период сельджукского завоевания, восстановили свое хозяйство, активно были включены в процесс исламизации и переживали в XII—XIII вв. новый подъем ремесленного производства и торговли.

В некоторых исторических работах уровень общественного развития Румского султаната в XIII в. характеризуется как ранняя стадия феодализма, но уже близкая к переходу в развитую стадию, и даже как «стадия развитого феодализма». Однако эта характеристика, на наш взгляд, не охватывает всего тюркского общества. С некоторыми оговорками она может быть отнесена лишь к отмеченной нами второй линии феодального развития. Кочевая варварская периферия уджей и близкая им по уровню развития масса вновь прибывших в Анатолию в начале XIII в. кочевых племен нарушали социальную организацию государства Сельджукидов, не позволяли ей развиваться вглубь, и именно поэтому впоследствии она была легко сметена монгольским завоеванием.

Противоречия отмеченных выше двух линий феодального развития с особой наглядностью проявились в глубоко потрясшем султанат восстании Баба Исхака (1239 г.).

Баба Исхак был мюридом (учеником, последователем) известного шейха Баба Ильяса Хорасани. Многочисленные баба, кочевавшие вместе с огузско-туркменскими племенами, являлись их весьма почитаемыми религиозными вождями. Они не всегда придерживались ортодоксального ислама, в их проповедях зачастую проявлялись некоторые отголоски шаманизма либо различные исламские сектантские взгляды. В Румском султанате, где султан и его окружение исповедовали суннизм ханифитского толка, среди огузо-туркменских племен, недовольных султанским притеснением, особой популярностью начинают пользоваться баба, пропо-

ведовавшие шиитские идеи. Баба Ильяс среди них был особенно популярен. Он обосновался в районе Амасьи, откуда вел свои проповеди. Источники свидетельствуют, что по силе влияния он конкурировал с проповедниками другого популярного в Руме религиозного братства — мевлеви, на время затмив их главу Джеляледдина Руми даже в глазах самого султана.

Опираясь на шиитские мессианские идеи, воспринятые от Баба Ильяса, Баба Исхак, славившийся своим аскетическим, благочестивым и добродетельным образом жизни, объявил себя «посланником Аллаха», собрал вокруг себя многочисленных сторонников среди кочевников и крестьян Юго-Восточной и Центральной Анатолии и поднял их на восстание против сельджукского султана-суннита. Активное участие в этом восстании принимали и многочисленные племена, недавно прибывшие в Малую Азию после разгрома Джеляледдина Хорезмшаха (по некоторым данным, общая численность прибывших оценивается в 70 тыс. шатров). Восставшие вместе с женами и детьми нападали на города и феодальные владения, уничтожали имущество, убивали владельцев. Лишь с огромным напряжением сил, используя европейских наемников, султанским войскам удалось жестоко подавить восстание.

Восстание Баба Исхака, его размах и район распространения, социальный состав участников, лозунги и идеи, вдохновлявшие их на борьбу, свидетельствуют о том, что в данном случае наблюдается движение раннефеодального периода, когда борьбу вели не только и не столько крестьяне, задавленные феодальным гнетом, но и значительная масса населения, в данном случае кочевые племена, которые противились процессу феодализации.

Усиление туркменского кочевого элемента в Румском султанате в 30-х годах XIII в. было одной из причин внутреннего ослабления государства перед монгольским нашествием на страну.

Разбив войско Сельджукидов в битве у Кёсе-дага (1242 г.), монголы произвели в Малой Азии огромные опустошения, разрушив многие города, истребив либо угнав в плен десятки тысяч жителей.

В стране начинается период междоусобиц.

Итак, период XI—XIII вв., по сути дела, является предысторией Турции. Изменение этнической и демографической ситуации в Малой Азии, связанное с массовой миграцией на ее территорию огузо-туркменских племен, начавшейся во второй половине XI в., явилось исходным моментом для формирования в будущем турецкой народности, сложившейся из различных этнических компонентов, относящихся как к пришлым, связанным с сельджукским движением, так и к ранее обосновавшимся здесь народам.

В XI—XIII вв. процесс складывания турецкой этнической общности еще только начинался. Пока еще конфессиональные, племенные, языковые различия сильно затрудняли ход наметившихся этнических процессов. Не было и достаточно прочной социально-экономической и политической общности. Поэтому сельджукский

Румский султанат, созданный переселившимися в Малую Азию тюрками-огузами и сумевший подчинить себе другие тюркские государственные образования, не может быть назван еще турецким государством.

Однако в то же время появление в Малой Азии новой крупнейшей этнолингвистической и культурной общности тюркских народов, в большинстве своем объединенных также единой религией — исламом суннитского толка, начало этнического смешения тюрок с местным, прежде всего оседлым, населением, вовлеченным в процесс исламизации, появление моментов синкретизма в местной культуре, испытавшей на себе центральноазиатское, иранское, арабское, византийское влияние,— все это свидетельствовало о начале нового периода истории региона, о формировании той политической, культурной и социальной среды, в которой в дальнейшем протекало складывание и развитие турецкой народности.

Этнические изменения, происшедшие в Малой Азии к этому периоду, были столь значительны, что даже опустошительное монгольское нашествие не смогло уничтожить связей тюркских племен с освоенной ими в XI—XIII вв. территорией. В социальном же и политическом плане в последующий период произойдут значительные изменения, которые приведут к созданию нового государственного образования анатолийских тюрок и формированию турецкой народности.

Глава II

СТАНОВЛЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Анатолийские бейлики. Монгольское нашествие вызвало в Анатолии большие политические и этнические изменения. Новая миграционная волна тюркских кочевых племен увлекла в переселение на Запад и многих оседлых жителей и горожан, причем не только тюркского, но и мусульман нетюркского, например иранского, происхождения; было и переселение кипчакских племен с севера, из Дешт-и Кипчак. Все это на фоне той политической раздробленности, которую создали монголы, подорвав власть Сельджукидов Рума в западной части Малой Азии, способствовало усилению этнической, религиозной и социальной разобщенности местного населения. Происходили новые перегруппировки племен, появлялись небольшие объединения кочевых и полукочевых тюркских племен, в основе которых первоначально лежал не столько территориальный, сколько племенной принцип объединения вокруг отдельных правящих родов, получавших для своего племени земли от Сельджукидов или Ильханов в качестве икта, уджей и т. п.

В Восточной Анатолии, которая была непосредственно вклю-

чена в монгольское государство Хулагуидов (Ильханов) и в которой кочевые традиции сохранялись сильнее, самостоятельные государственные образования сложились несколько позднее, в начале XV в. В Западной же Анатолии, формально оставленной под властью Сельджукидов, уже в XIII в. появилось почти два десятка небольших бейликов (княжеств), фактически не зависимых ни от монголов, ни от вассалов — сельджукских султанов.

В XIII в. наибольшую самостоятельность проявлял бейлик Караманов, сложившийся в горных районах Западной Киликии. Этот бейлик трижды (1261, 1275, 1277 гг.) совершал походы на Конью, остававшуюся резиденцией сельджукских султанов. Идеологически династия Караманов была связана с дервишской организацией Баба Ильяса, и ее выступления против Сельджукидов были отражением борьбы туркменских кочевников, роль которых в политической жизни Малой Азии в XIII в. значительно возросла, против феодального государства.

С особой наглядностью это проявилось в 1277 г., когда для борьбы с сельджукскими и ильханскими властями был использован некий человек, без роду и племени, прозванный Джимри, который выдавал себя за сына сельджукского султана. С помощью караманских войск он был возведен на трон Сельджукидов в Конье, везиром при нем стал караманский бей Мехмед. Новая власть уничтожала сельджукских сановников, окружая себя людьми незнатного происхождения. С большой жестокостью это восстание было подавлено объединенными силами Сельджукидов и Ильханов (1277 г.); были использованы и военные силы соперничавшего с Караманами бейлика Гермиянов.

Наиболее значительным мероприятием этого времени, инициатором которого явился талантливый государственный деятель бейлика Караманов Мехмед-бей (1261—1277), было внедрение турецкого языка в качестве государственного для ведения делопроизводства и финансов взамен персидского, используемого для этой цели Сельджукидами. Даже подавление восстания Джимри и гибель Мехмед-бея не смогли отменить это нововведение, отразившее изменившуюся этнолингвистическую ситуацию в Малой Азии. На турецком языке стали создаваться в то время и первые художественные произведения.

Поражение 1277 г. не подорвало политической значительности бейлика Караманов. По образному выражению В. А. Гордлевского, Малая Азия в монгольскую эпоху являла собой «проходной двор, через который шли противники, борющиеся за наследие Сельджукидов (монголы и мамлюки)». Бейлик Караманов, находясь в пограничной зоне между двумя крупнейшими в XIII в. государствами Ближнего Востока — монгольской державой Ильханов и мамлюкским Сирийско-египетским султанатом, активно играл на межгосударственных противоречиях. В начале XIV в., после еще двух неудачных попыток (в 1315 и 1320 гг.), Караманиды в конце концов завладели Коньей и сделали ее своей сто-

лицей, чем явно заявили о претензиях стать наследниками Сельджукидов в Малой Азии.

Главным соперником этого могущественного бейлика был бейлик Гермиянов (столица — г. Кютахья), который сумел к концу XIII в. распространить свою власть вплоть до Анкары, т. е. захватить часть территорий, принадлежавших непосредственно Ильханам. Он распространял свое влияние на север и юго-запад Анатолии, где ряд местных бейских династий оказался в зависимости от Гермиянов либо даже вел свою родословную от отдельных их военачальников (беи Сурухана, Айдына, Караси и ряд других). Будучи окруженным этими новыми образованиями, бейлик Гермиянов оказался «внутренним» государством, отрезанным от территорий, населенных «неверными», против которых можно было бы вести «газават» («священную» завоевательную войну).

Соперничавшие между собой наиболее крупные государственные образования туркменских племен XIII — начала XIV в.— бейлики Гермиянов и Караманов сохраняли относительно медленные темпы внутреннего социального развития, оставаясь на переходной стадии от племенного союза к феодальному государству. Западные мелкие бейлики стали их обгонять. Будучи форпостами на границе с «неверными», они впитывали значительное число пришельцев из внутренних областей Анатолии, привлекаемых возможностью новых завоеваний и захвата военной добычи. Население этих бейликов оказалось по сравнению с внутренними районами более неоднородным, смешанным как в этническом и социальном отношении, так и в религиозном. Распространяются учения различных гетеродоксальных исламских сект, во многом сохранивших традиции, сложившиеся у кочевников еще в Центральной Азии. Эпические сказания о богатырях — альпах переплетаются с исламскими представлениями о «борцах за веру» — гази.

В начале XIV в. приморские бейлики Караси, Сурухан и особенно Айдын были наиболее активны в борьбе с Византией. Имея свой флот, они занимались пиратством и работорговлей, чем наносили значительный ущерб приморским районам и европейской торговле. Известно, что в 1343—1344 гг. был предпринят крестовый поход, в организации которого приняли участие французский король Филипп VI, Византия, Венеция, отдельные феодальные владетели островов Эгейского и Средиземного морей, король Неаполя и римский папа. Крестоносцы захватили Измир, принадлежавший ранее бейлику Айдын.

Одновременно с этим в приморских бейликах наблюдалось значительное развитие торговли. В 1348—1351 гг. Венеция, а затем и Генуя заключили при посредстве папы с одним из айдынских беев, Кадыром, торговые соглашения. К европейской торговле приобщились и другие прибрежные бейлики, в частности Ментеше и Сурухан. Они выступали посредниками в торговле с Европой для других анатолийских бейликов, в частности бейлика Гермиянов, откуда поступали квасцы, знаменитая в ту пору гермиянская

бязь, лошади. Сухопутные торговые связи этих бейликов простирались вплоть до мамлюкского Египта, чем в значительной степени объясняется и политическая поддержка мамлюков, оказываемая ими анатолийским бейликам сначала в борьбе с монголами, а позднее и с турками-османами. Торговые связи с Европой способствовали установлению относительно мирных христианско-мусульманских отношений в этой части Малой Азии.

Идея «священной» войны с неверными нашла более благоприятную почву на северо-западе Анатолии, где сложился бейлик Османов.

Согласно преданию, Эртогрул, предводитель небольшой группы кочевников в 400—500 шатров, происходивших из племени кайа, получил от сельджукского султана Ала-ад-дина Кей-Кубада I (1219—1236) удж в районе Сёгута, который вменял в обязанность его бея и подвластного ему племени оборону северо-западной границы державы Сельджукидов. Как и другие уджи, он передавался по наследству. Вождем племени и уджбеем после Эртогрула стал его сын Осман (1258—1324), по имени которого в дальнейшем и бейлик и династия стали османскими.

От бейлика Османов к османскому государству. Сведения о начальных этапах истории бейлика Османов носят легендарный характер. Возможно, что отдельные сообщения, дошедшие до нас в передаче османских хронистов XIV—XV вв., представляют собой сознательные поздние измышления, преследующие цель показать особую героичность истории рода Османа и доказать «законность» власти этой династии. Уже один из первых османских хронистов, Ашик-паша-заде (1400 — после 1495 г.), писал о существовании многих сказаний о приходе Эртогрула в Сёгут. Более достоверны известия о периоде правления Османа. Известно, что в 1289 г. им был захвачен у Византии небольшой город Караджахисар, население которого бежало перед приходом турок. Город был вновь заселен людьми, пришедшими из бейлика Гермиянов и других районов Анатолии. Местный христианский храм был превращен в мечеть, где впервые стала читаться хутба (пятничная молитва) с упоминанием имени Османа. По некоторым легендам, именно в это время Осман был утвержден сельджукским султаном в звании бея унаследованного им от отца уджа и получил такие бейские регалии, как барабан и бунчук. Если же в первые годы правления Османа такое утверждение и могло играть какую-то роль, то уже в 1299 г. бейлик Османов полностью избавился от верховенства сельджукских султанов, хотя и продолжал еще признавать политическую власть Ильханов и платить им небольшую дань.

В военных действиях против Византии Осман, а затем и его преемники направляли усилия против ее малоазиатских территорий. В этом они существенно отличались от других пограничных бейликов, имевших флот и делавших набеги главным образом на прибрежные районы Балканского полуострова. Балканские опе-

рации были очень опасны для Византии и, естественно, вызывали ее активные контрудары, в которых, как это было, например, при крестовом походе против Измира, принимали участие и другие европейские страны. Что же касается малоазиатских районов Византийской империи, то здесь после возвращения столицы империи из Никеи в Константинополь произошло значительное сокращение населения, упало хозяйственное значение этих территорий, ослабло внимание правительства к обороне границ. Более того, Михаил VII Палеолог в целях увеличения средств имперской казны конфисковал часть земель, предоставлявшихся ранее акритам, в обязанности которых входила охрана границ. В пограничных районах выделялись земли отдельным тюркским племенам, переселявшимся с Балкан. Все это, разумеется, облегчало бейлику Османов возможность расширения своих территорий за счет Византии. Уже Осман подготовил плацдарм для завоевания Прусы (Бурсы), которая была взята его сыном Орханом в 1326 г. Бурса стала столицей бейлика. В последующие годы турки-османы овладели Никеей (Изник, 1330 г.) и Никомедией (Измит, 1337 г.) и вышли к берегам Мраморного моря.

К этому времени значительные изменения произошли и во внутренней структуре бейлика. Осман и его племя вели полукочевой образ жизни. Своим сыновьям Осман не оставил «никакой казны», а лишь «несколько табунов славных коней и овечьих стад». Однако в результате завоеваний он приобрел новые территории. Своим приближенным в «кормление» он стал раздавать земли. Раздачи этих пожалований — тимаров, по свидетельству хронистов, были связаны с определенными условиями. Хронисты передают следующий указ Османа: «Тимар, который я дам кому-либо, пусть без причины не отнимают. А если тот, кому я дал тимар, умрет, то пусть передадут сыну его. Если сын мал, то все равно пусть передадут, чтобы во время войны слуги его ходили в поход до тех пор, пока он сам не станет пригодным». Итак, Осман от себя стал раздавать наследственные тимары за военную службу. В предписаниях о раздаче тимаров встречается следующая формулировка: «тестю Эдебали он (Осман. — *Авт.*) дал в качестве тимара доход с Биледжика». Очевидно, пока еще османская знать интересовалась не самой землей, а лишь возможностью получить с нее либо с какого-либо другого объекта определенный доход. Однако сам факт раздачи беем таких пожалований свидетельствует о далеко зашедшем процессе социального расслоения внутри османского общества.

Намечаются и градации между пожалованиями различным категориям лиц. Так, своему сыну Орхану Осман отдал санджак (область) Караджахисар, а отдельным гази давал лишь деревни. Хронисты указывают: «Каждого облагодетельствовал по его достоинству. Собравшиеся к Осману гази набрались сил. Они постоянно хотели воевать». Следовательно, «война за веру», во имя которой в пограничные с Византией бейлики собирались значитель-

ные массы гази, по сути дела, была войной за новые земли, необходимые феодализирующейся кочевой знати для утверждения собственной власти и материального достатка.

Оставаясь по форме носителями тех же идей воинствующего ислама и агрессивного кочевничества, как, например, Данишмендиды в XI в., османы, однако, находились уже на новом, более высоком уровне социального развития. Для них «священная война с неверными» была лишь поводом для установления собственного господства над земледельческим населением, причем для подавляющей части османского общества этот процесс сопровождался отказом от кочевничества. Развитие феодальных отношений шло параллельно с формированием собственной государственности и при ее активном воздействии на сферу социальных отношений в обществе.

После смерти Османа беем племени стал его сын Орхан (1324—1360), а везиром при нем — его старший брат Алаэддин. С именами Орхана и Алаэддина хронисты связывают ряд важных нововведений. Началась чеканка собственной монеты. Это — принципиально важное мероприятие, так как в период средневековья чеканка монеты от собственного имени означала самостоятельность, независимость от какого-либо другого государства.

Далее, как отмечают хронисты, до Орхана у войска, ведущего войну с неверными, не было особой одежды и не было различия между сипахи (всадником, кавалеристом) — господином и райатом — простолюдином. Султан Орхан предписал своему войску носить белые колпаки. Это, казалось бы, на первый взгляд незначительное распоряжение знаменовало начало оформления сословного деления в османском обществе.

Третьим принципиально важным нововведением Орхана были меры по укреплению и расширению армии. Было создано особое воинское пехотное формирование — яя. Оно комплектовалось из молодых турок, которые получали жалованье из казны тогда, когда участвовали в военных действиях. Если же войны не было, жалованья им не платили, но предоставляли для обработки специально отведенные участки земли, с которых они не платили никаких налогов в казну. На тех же условиях формировалось и кавалерийское войско — мюселлем. Создание таких категорий войск давало возможность определенной части османского полукочевого общества на более выгодных, чем у остального крестьянства, условиях включаться в оседлый земледельческий труд и одновременно втягивало его в процесс феодализации, предоставив на первых порах некоторые преимущества в сравнении с местным населением.

Несколько позднее наряду с яя и мюсселемами Орхан и Алаэддин стали создавать новое войско (ени чери). Это были ставшие знаменитыми впоследствии янычары. Для их комплектования производился принудительный набор (девширме) мальчиков из семей «неверных». Мальчиков раздавали в турецкие семьи разного

социального положения и материального достатка (представителей знати, ремесленников, крестьян), чтобы «обучить турецкому языку и рабскому служению». Через несколько лет их отбирали и помещали в специальную военную школу — «Аджеми огланы» (чужеземные мальчики), где, уже будучи тюркизированными и обращенными в ислам, они подготавливались к несению военной службы. За службу воины этой категории османской армии получали жалованье.

Создав янычарский корпус, турецкие султаны обеспечивали себя надежным и хорошо обученным войском, не имевшим родственных связей с османским обществом. Однако янычарскому корпусу еще предстояло сыграть свою роль в будущих османских завоеваниях. В первые же годы военные действия вели главным образом добровольцы, приходившие в армию бейлика Османов из различных тюркских и нетюркских племен и народов.

Поэт XIV в. Ахмеди в «Искендернаме» писал: «Он [Орхан], первый простер руку на Рум [Византию], причинил императору много разных бед; варсаки, торгуды, турки, греки и сарийцы — все были с ним тогда». Значительное влияние среди этой разноплеменной массы завоевателей имели различные корпоративные, военные, религиозно-мистические, дервишские организации и всевозможные братства типа Футувва, Ахиани-рум, Баджиани-рум, Абдалаи-и-рум и др. Через них, а также через представителей ортодоксальных суннитских улемов воспринимали правители бейлика Османов различные традиции и обычаи общественного и государственного устройства, свойственные странам Ближнего и Среднего Востока. Первые великие везиры и другие османские администраторы происходили из среды улемов, являвшихся выходцами из старых центров государства Сельджукидов, а также из Ирана и Египта.

Во внешней политике Орхан, как и его отец Осман придерживались единого принципа — вели активную экспансионистскую политику против «неверных» и избегали каких-либо военных конфликтов с соседними турецкими бейликами, не отказываясь в то же время от попыток мирными, дипломатическими методами добиться расширения своих границ и в этом направлении. Так, в 1345 г. Орхану удалось, воспользовавшись внутренними усобицами в бейлике Караси, присоединить часть его к своим владениям. Этим османы получили доступ к восточному побережью пролива Дарданеллы, а следовательно, и плацдарм для будущих набегов на Балканский полуостров.

В Византии после смерти императора Андроника III (1341 г.) шла борьба за трон между двумя претендентами — Иоанном V Палеологом и Иоанном VI Кантакузином, и в то же время разразилось мощное восстание крестьян и ремесленников против произвола знати. Оба претендента обращались за помощью к туркам. Палеолог привлекал на свою сторону войска бейлика Айдын, а Кантакузин обратился к Орхану. В 1345—1348 гг. сын Орхана

Сулейман вел военные действия на Галлипольском полуострове и во Фракии. В 1349 г. он же помогал Кантакузину в борьбе с восставшей Фессалоникой и совершил походы в Сербию и Болгарию. За эту помощь османы получили крепость Цимпе на Галлипольском полуострове (1352 г.).

С этого времени начался новый этап османских военных действий на Балканах. Теперь это уже были не эпизодические набеги, а прочное завоевание территории. В 1354 г., воспользовавшись тем, что стены города Галлиполи (Гелиболу) были разрушены землетрясением, турки захватили этот город. Далее они закрепились на Галлипольском полуострове, куда стало переселяться турецкое население, и перешли во Фракию.

Сулейман был не единственным турецким завоевателем, действовавшим в это время на Балканском полуострове. Отдельные отряды из бейликов Сарухан, Караси, Айдын также совершали грабительские рейды по византийской территории. После смерти Сулеймана (1357 г.) его брат Мурад пытался, опираясь на созданный ранее галлипольский плацдарм, продолжать военные действия во Фракии и даже овладел в 1361 г. Адрианополем (Эдирне). Тогда же было учреждено османское объединенное военное управление вновь завоеванной византийской территорией — румелийское бейлербейство (Румелия или страна Рум) с центром в Эдирне. Однако смерть Орхана заставила Мурада уйти в Анатолию, где ему пришлось бороться с местными беями и братом Халилом за власть в бейлике Османов.

Инициатива в борьбе с Византией перешла к отдельным турецким военачальникам, связанным с другими анатолийскими бейликами либо действовавшим самостоятельно. Эти турецкие отряды в 1359 г. сделали первую попытку штурма стен Константинополя. Они же разбойничали в сербских и болгарских областях. В 1362 г. одним из беев был взят Филиппополь (Пловдив). В 1371 г. некий Хаджи ильбей разбил в сражении на р. Марица сербских князей.

Характерно, что эти действия не были уже просто грабительскими набегами. Отдельные военачальники, одержав победу и захватив военные трофеи, не уходили в Анатолию, и создавали на Балканах разрозненные, маленькие бейлики. Османские позиции на Балканах таким образом оказались утраченными. К тому же в 1366 г. брат византийского императора граф Амадео Савойский захватил владения османов на Галлипольском полуострове, что осложнило для них возможность возвращения к активной балканской политике.

Мурад I (1360—1389) в первые годы своего правления был занят внутренними делами. Однако в 1373—1376 гг. ситуация изменилась. Сын Мурада I, наследник османского престола Савджи поднял бунт против отца (1373 г.) и установил контакты с наследником византийского престола Андроником, также выступившим против своего отца, византийского императора Иоанна V. Эта ди-

настийная борьба кончилась смертью Савджи и временным воцарением в 1376 г. с помощью генуэзцев Андроника. Чтобы успокоить Мурада I, Андроник вернул Галлипольский полуостров османам. В дальнейшем, в 1376—1377 гг., с помощью тех же генуэзцев, недовольных возвращением на византийский трон Иоанна V и восстановлением в Константинополе позиций его союзника Венеции, давнего соперника Генуи, османы переправили свои войска в Европу. Мураду I удалось склонить на свою сторону обосновавшихся в Румелии турецких беев, среди которых были и бывшие ранее на службе у османов военачальники, такие, например, как Эвренос-бей, греческий ренегат, перешедший на сторону османов еще во время покорения Биттинии (Вафинии). Османы снова завоевали Адрианополь, куда Мурад I перенес свою резиденцию. Таким образом, центр османского государства во второй половине XIV в. переместился в Европу. При Мураде I и его преемнике Баязиде I османы захватили византийские территории на Балканах, исключая лишь Константинополь и небольшой район вокруг него, подчинили Сербию (1389 г.), болгарские земли (к 1395 г.), подошли к границам Венгрии, создавая непосредственную угрозу Центральной Европе.

Итак, за небольшой исторический отрезок времени (менее 50 лет) со времени первой высадки на Галлипольском полуострове османы овладели восточной и центральной частями Балканского полуострова. Одновременно, используя различные дипломатические средства, династийные браки, подкупы и т. п., Мурад I попытался подчинить себе Центральную Анатолию. К военным методам подчинения пришлось прибегнуть лишь в отношении бейлика Караманов (1387 г.). Для идеологического обоснования войны против мусульманского бейлика были использованы сношения караманов с Венецией, Сербией и римским папой, которые пытались подтолкнуть бейлик Караманов к выступлению против османов.

Конфликт османов и карама́нов произошел из-за присоединения к османскому государству части территории бейлика Хамид, купленной Мурадом I у их владельца. В военных действиях против тюркского бейлика Мурад I широко использовал христианские вспомогательные войска. Именно здесь османы впервые использовали в военных действиях пушки и мушкеты, которые затем были применены в войнах в Европе (в частности, в битве на Косовом поле в 1389 г., решившей судьбу Сербии).

Султан Баязид I, сменивший на престоле своего отца Мурада I, павшего от руки сербского патриота в битве на Косовом поле, получил в истории прозвище Молниеносный (Йилдырым). Он стремительными военными действиями и в Румелии, и в Анатолии сумел еще более упрочить позиции османов. В 1389—1390 г. были подчинены бейлики Западной и Центральной Анатолии Ментеше, Айдын, Сурухан, Гермиянов, Хамид. В 1390—1392 гг. был разгромлен бейлик Караманов, в 1396 г. подчинен Сивас.

К этому времени изменились настроения на Западе. Турецкую опасность стали осознавать как правители государств Центральной Европы, так и римский папа и итальянские торговые республики. Начали раздаваться голоса, что «турки так сильны не сами по себе, а из-за несогласия христиан», что «наша ненависть и междоусобная вражда приносят им победу». В 1396 г. был объявлен крестовый поход против турок. Крестоносцами командовал венгерский король Сигизмунд I.

Их армия, состоявшая кроме венгров из французских, английских, итальянских, немецких, чешских рыцарей, была маломаневренна и плохо дисциплинирована. Рыцари-католики держали себя враждебно по отношению к местному православному населению. Результатом явился жесточайший разгром крестоносцев турками в битве у Никополя (сентябрь 1396 г.). В это же время османы подчинили себе Валахию (1391—1396), вторглись в Аттику и Пелопоннес (1397 г.), блокировали столицу Византии Константинополь (1394—1402) и даже предприняли попытку его штурма, которая, правда, окончилась неудачей (1400 г.).

При Мураде I и особенно при Баязиде I значительные изменения происходили в государственном устройстве и социальной структуре османского государства. Первые османские правители были еще, по сути дела, вождями племен, опиравшимися на силу кочевого ополчения, к которому присоединялись пришельцы из других бейликов, предводительствуемые своими племенными вождями и дервишами-суфиями, а также отдельные христианские ренегаты. Османский бей был лишь первым среди равных, которому, как военному командиру, полагалась пятая часть добычи (пенчик). Во второй половине XIV в. положение меняется.

С расширением бейлика складывалась его система управления. Уже при Орхане среди его помощников-везиров, которые происходили, как правило, из среды улемов или ближайших султанских родственников (как, например, брат Орхана Али Алаэддин), выделялся великий везир (пока, правда, так еще не называвшийся; название было введено при Мураде I), сосредоточивший в своих руках как военное, так и гражданское управление. Первым таким везиром был Чандарлы Халил Хайреддин-паша. Везиру полагался соответствующий должностной символ — бунчук (пучок волос из лошадиного хвоста), свидетельствовавший об особой знатности и соответствующем титуле. В дальнейшем произошла градация между беями: санджакбей и лица, занимавшие соответствующие этому рангу должности, стали получать один бунчук (однобунчужный паша), бейлербей — два бунчука, везир — три; султану полагалось четыре бунчука.

Судебно-религиозные функции управления, как это характерно для всех мусульманских государств, были обособлены. Первоначально наивысшим авторитетом в этой сфере был кадий Бурсы. Затем, в 1360—1362 гг., была учреждена особая должность кадиаскера. При Мураде I начало формироваться финансовое ве-

домство, были разделены личная султанская и государственная казна.

В качестве основной административной единицы государства на первых порах вводились санджаки. Само слово «санджак» (как и часто употребляемый его арабский эквивалент — лива) в переводе означало «знамя» и говорило о единстве административного деления и военной организации.

Санджакбей был не только правителем, но и командиром военного подразделения, которое первоначально, очевидно, получало для своего размещения определенную территорию. В дальнейшем же эта территория, область (санджак) должна была регулярно поставлять соответствующее военное кавалерийское подразделение. Для рекрутирования кавалерийского ополчения применялась система тимаров. Очевидно, эта система к XIV в. складывалась во всех туркменских бейликах. Известно, что Мурад I, присоединив к своим владениям территорию бейлика Хамид, сохранил сложившуюся там систему тимаров, подтвердив ее лишь выдачей от своего имени владельцам тимаров грамот (бератов) на право владения. Так же поступил Баязид I при захвате им бейликов Айдын и Ментеше. При Мураде I и Баязиде I было уточнено, что наследование тимаров осуществлялось лишь по мужской линии. Издававшиеся неоднократно в это время строгие султанские указы, запрещавшие наследование тимаров женщинами, подтверждают условный характер этих пожалований, связанных с обязательным несением военной службы. Этим же объясняется запрещение Баязида I раздавать тимары чиновникам и секретарям.

Подчиняясь санджакбею, как командиру отряда кавалерийского ополчения, тимариот, или сипахи (что означает воин-кавалерист, получивший для своей экипировки и пропитания право собирать налоги с предоставленного ему для этого земельного участка — тимара), в своем тимаре был, по сути дела, представителем провинциальной администрации, проводившим ее финансовую, социальную и аграрную политику. Его отношения с крестьянством носили не частно-, а публично-правовой характер, т. е. определялись заранее султанским бератом на предоставленный тимар. Тимариоты были первыми феодальными элементами молодого варварского государства, воспользовавшегося для своего ускоренного развития той феодальной рентной основой, которая сложилась ранее на завоеванной им территории.

Первые тимары, предоставлявшиеся сипахи, были незначительны по размеру. Лишь утверждаясь на Балканах, османские султаны смогли предоставлять в распоряжение своих воинов за особые заслуги или выполнение каких-либо административных функций земельные участки бóльших размеров. В 1375 г. при Мураде I были учреждены более крупные земельные пожалования, даваемые на условиях несения военной службы, — зеаметы (заимами, т. е. лицами, получавшими зеамет, в частности, становились

санджакбеи). Везирам и ближайшим султанским родственникам стали жаловать хассы. Размеры хассов были еще более значительны, но предоставление их было связано лишь с выполнением определенной обязанности или занятием должности; по наследству они не передавались.

Итак, на унаследованной от прошлого земельно-рентной основе новое государство формировало новый османский феодальный класс, тесно связанный с системой государственного управления и централизованно управляемой армией. Завоевания на Балканах ставили новые проблемы перед администрацией. В 1362 г. был учрежден первый Румелийский бейлербейлик, т. е. особая административная область, объединившая несколько санджаков. Правителем ее был назначен Лала Шахин, бывший воспитатель Мурада I. В 1393 г. такой же бейлербейлик был учрежден в анатолийских владениях.

Так начала формироваться административная структура государства. Однако кроме областей, находившихся под непосредственной османской властью, т. е. управляемых через санджакбеев и бейлербеев, в XIV в. на границах османских владений существовала особая буферная зона вассальных территорий. Действовавшие на границах крупные беи были почти независимы от центральной администрации. Наиболее известные и сильные из них происходили из семей Эвренос-бея, Михал-бея, Туракхана, Милкоча и др. В их владениях, так же как и у османских султанов, были сипахи, получавшие тимары от своих беев.

Кроме того, бывшие христианские государства, подчинившиеся османам, сохраняли некоторую независимость в своих внутренних делах, но платили ежегодную дань и поставляли османским султанам определенные воинские контингенты. Известно, например, что сербский деспот Стефан Лазаревич участвовал с 15-тысячным войском на стороне султана в Никопольской битве с крестоносцами и своей поддержкой турок в значительной мере решил исход битвы в пользу последних. Как уже отмечалось, вассальные христианские войска использовались султанами в военных действиях против Караманов. Валашские полки выступали на стороне Баязида I в битве с Тимуром в 1402 г.

Данником османских султанов был, по сути дела, и византийский император. Это порождало зачастую такие ситуации, что, например, при осаде турками последнего греческого города в Анатолии — Филадельфии (Алашехира) — византийский престолонаследник Мануил участвовал с отрядом греческих войск в сражении на стороне турок против византийского гарнизона.

Османская армия во второй половине XIV в. представляла собой довольно многочисленную, но далеко не единую организацию. Все более значимой армейской единицей становилась сипахийская кавалерия, рекрутируемая на тимарной основе. В то же время возрастала и роль янычаров. Подчинение османским султаном турецких военачальников, в 50—60-е годы XIV в. само-

стоятельно действовавших на Балканах, знаменовалось передачей в пользу султана пятой части всей захваченной в «священной войне» добычи, в том числе и военнопленных.

Поступавшие в распоряжение султана огромные людские ресурсы способствовали тому, что янычарский корпус становился заметным явлением в османской армии, оттесняя на задний план ранее сформированные части яя и мюсселемов, действовавшие как феодальные ополчения. Однако все эти военные контингенты, находившиеся под непосредственным командованием султана, сосуществовали по-прежнему с отрядами добровольцев из Анатолии, привлекаемых перспективой захвата трофеев или получения тимаров. Такие отряды называли «акынджи» (акын — набег). Во второй половине XIV в. это название вытеснило прежде широко бытовавший термин «гази» (борцы за веру). Очевидно, это объясняется тем, что функции гази и ореол, окружавший это имя, присваивали себе сами султаны и распространяли его на войска, находившиеся в их непосредственном подчинении.

С усилением султанской власти вольница акынджи оттеснялась на задний план. Более того, уже начиная с Мурада I ограничивалось пожалование тимаров рядовым воинам. Постепенно отряды акынджи, объединявшие по 10, 100, 1000 воинов, представлявших собой типичных для первого периода завоеваний кавалеристов, которые вели с собой две лошади (одну для себя, другую для возможной добычи) и были вооружены мечом, кривой турецкой саблей, щитом, а временами и просто дубиной, превращались во вспомогательное войско, просуществовавшее до конца XVI — начала XVII в., когда его функции окончательно перешли к крымским татарам.

В XIV в. значительные массы акынджи, еще действовавшие на Балканах, группировались вокруг пограничных беев. Эти беи, по сути дела, выступали как самостоятельные владетели, считавшие себя равными с султанами. Находившиеся в их распоряжении балканские территории султаны уступали им на правах безусловной собственности — мюльков.

Кроме того, на Балканах обосновывались в это время и отдельные кочевые племена, сыгравшие значительную роль в турецкой колонизации восточных и центральных районов Балканского полуострова. Заметный вклад в турецкую колонизацию этого периода внесли также различные дервишские и другие религиозные организации и братства. Известно, например, что уже Мурад I привлек на свою сторону братство Ахи, перенесшее в 1362 г. центр своего пребывания из бейлика Гермиянов к османам. Первые османские правители широко практиковали предоставление земель в распоряжение различных, зачастую далеких от суннитской ортодоксии дервишских организаций. Среди них были и те, кто исповедовал воинствующий ислам, т. е. стремились к безусловному обращению христианского населения в мусульманство и превращению церквей в мечети.

Однако подобные взгляды встречали противодействие ортодоксальных исламских теологов, приобретших значительный вес уже при дворе османских султанов в Бурсе. Они требовали не массовой насильственной исламизации местного населения, а лишь подчинения и дани. Несмотря на все эти религиозные расхождения, дервишество, как и кочевничество, сыграло значительную роль в колонизационном движении турок. Дервиши различных сект и направлений, пользуясь полученными от султанов в вакф землями, основывали свои обители (текке), содержали караван-сараи, обслуживая торговые пути, в частности знаменитый константинопольский путь, связывавший Балканы с Центральной Европой. Турецкая колонизация была в этот период уже настолько интенсивной и относительно прочной, что Баязид I сумел в начале XV в., опираясь лишь на свои европейские владения, выставить значительную армию против вторгнувшихся в Малую Азию полчищ среднеазиатского завоевателя Тимура (1370—1405). Тимур поднял против османских султанов недавно покоренные ими анатолийские бейлики. В битве под Анкарой (1402 г.) Баязид I был наголову разбит. Единое османское государство распалось. Однако даже в этот период балканские владения оставались под властью турок, что свидетельствует о том, что там была заложена уже прочная социальная и политическая база османской власти.

Борьба за власть и проблема феодализации османского государства в первом-втором десятилетии XV в. Разгромив армию Баязида I в битве под Анкарой и взяв в плен самого султана, Тимур восстановил самостоятельность анатолийских бейликов, собственно же османские владения разделил между четырьмя сыновьями Баязида. В политическом отношении Анатолия была отброшена на 50 лет назад. Армия Тимура огнем и мечом прошла Малую Азию, опустошив целые районы, разрушив многие города, взяв в плен либо уничтожив тысячи жителей. На западе полуострова Тимур отвоевал у рыцарей Родоса г. Измир, далее же во владения христианских государств не продвигался; не затронуло его нашествие и балканских владений османских султанов.

В марте 1403 г. армия Тимура покинула Малую Азию. Страна вернулась к своим собственным проблемам. Миграционная волна, связанная с нашествием Тимура, была несравненно слабее двух предыдущих (в XI и XIII вв.), наблюдался даже некоторый отток кочевого населения из Малой Азии (так, например, карататары ушли вместе с Тимуром в Среднюю Азию), часть городского населения, в частности ремесленников Измира, армия Тимура насильственно увела в район Самарканда. Многие тюркские племена в это время переселились в Румелию.

Из восстановленных Тимуром анатолийских бейликов наибольшую жизнеспособность проявил бейлик Караманов. Остальные же самостоятельной роли в истории Малой Азии так и не сыграли. На востоке полуострова складывались новые государственные об-

разования кочевых тюркских племен, на первых порах, однако, обращавшие свое внимание не на Анатолию, а на иранские и закавказские территории. Главная борьба за власть развернулась между османскими принцами, сыновьями Баязида. На первых порах выдвинулся Сулейман, получивший от Тимура европейские владения отца. Затем, в 1410 г., его власть была свергнута другим братом — Мусой, продержавшимся на троне в Эдирне три года, и, наконец, в 1413 г. утвердился Мехмед I (1413—1421).

Показательно, что борьба шла за установление господства того или иного претендента прежде всего в европейских районах османского государства. Следовательно, именно эти районы стали главной опорой османской власти. Внутридинастическая борьба была не просто борьбой отдельных личностей. Ее продолжительность и упорство свидетельствуют о том, что в государстве явно обострились социальные противоречия. Претенденты на османский трон, опираясь на те или иные группы османского общества, используя их противоречия, объективно выступали как сторонники того или иного пути феодализации османского общества, что, однако, не мешало им, придя к власти, менять свою социальную опору, отстраняя тех деятелей и их сторонников, на которых опирались вначале.

Суть дела была, разумеется, не в личных симпатиях и антипатиях, а в глубоких социальных противоречиях, которые раздирали османское общество. Так, Сулейман первоначально опирался на крупных пограничных беев, имевших неограниченную власть в европейских владениях, затем, почувствовав свою силу, попытался, используя янычарский корпус и войска христианских вассальных княжеств, избавиться от излишней опеки турецких беев. Однако лишившись их поддержки, и прежде всего поддержки одной из наиболее могущественных бейских семей того времени — Чандарлы, Сулейман не смог устоять перед натиском брата Мусы.

Муса пришел к власти как продолжатель дела гази. Известно, что Сулейман в 1403 г. заключил соглашение с византийским императором, сербским деспотом, Генуей, Венецией и рыцарями Родоса, купив их нейтралитет некоторыми уступками, в частности возвратив порт Салоники. Муса же хотя и выступал под флагом «борьбы с неверными», но тоже искал себе союзников среди христианских государств, поддерживая, например, дружеские контакты с валашским господарем Мирчей Старым (1386—1418). Валахия при Мусе не платила дань османам и расширила свои владения за счет ряда задунайских крепостей. Муса на Балканах опирался прежде всего на акынджи и их беев.

Первой акцией его после утверждения в Эдирне было назначение бейлербеем одного из представителей известной семьи Михал-оглы. В предшествующий период развития османского государства наметилось соперничество между беями границ и центральной администрацией, представителями которой были и прежние бейлербеи. Муса попытался своим назначением Михал-оглы на

административную должность центрального управления смягчить эти разногласия.

Михал-оглы и назначенный Мусой кадиаскер шейх Бедреддин стали жаловать тимары наиболее близким им представителям акынджи, причем эти тимары давались не в пограничных областях, а в более безопасных внутренних районах Румелии. Вокруг Мусы группировались бывшие яя, мюсселемы, акынджи, т. е. все те слои османского племенного воинства, интересы которых затрагивались созданием янычарского корпуса и тимарной кавалерии.

Среди рядовых воинов, вовлеченных в процесс феодализации, шло расслоение. У части их представителей была надежда получить тимары и тем самым войти в разряд сипахи. Однако в то же время усиление сипахийской кавалерии означало для большинства воинов перечисленных выше категорий оттеснение их на задний план и исчезновение надежды войти в состав феодального класса. Отсюда отчаяние и метания вытесняемой с исторической арены прослойки османского общества, темпы феодализации которой не смогли успеть за темпами развития тимарной системы.

Такое парадоксальное явление в развитии османского общества объясняется тем, что, установив свою власть над территориями, где развитие феодального общества имело уже определенную историю, и восприняв сложившуюся до них рентную основу, османы смогли, используя силу государства, ускоренными темпами формировать собственный феодальный класс. Наиболее чистые, спонтанные процессы развития феодальных отношений при переходе от кочевничества к земледелию, носителями которых являлись, в частности, яя и мюсселемы, оказались нарушенными, смятыми государственно-феодальными отношениями, складывавшимися на базе тимарной системы.

Способность османского общества к ускоренным темпам развития феодализма свидетельствовала о том, что в своем развитии оно уже далеко ушло от родо-племенных отношений. В завоеванных областях османы, в отличие, например, от татаро-монголов или таких более ранних тюркских кочевых государственных объединений, как государство Данишмендидов, смогли установить не просто военно-политическое господство, но и господство социально-экономическое. Это означало, что османское общество находилось уже на более развитой по сравнению с упомянутыми выше кочевыми обществами ступени развития. Известно, что кочевое хозяйство, коль скоро оно остается кочевым, способно развиваться в социальном плане лишь до известных пределов. Современные исследователи видят этот предел в военной демократии или стадии раннеклассового общества, причем после распада огромных и сильных в военно-политическом отношении кочевых империй у подвижных скотоводов неизменно возрождается общинно-кочевая организация.

Османы же далеко ушли от этой стадии развития. Об османском государстве XIV в. можно говорить как о смешанной земле-

дельческо-кочевнической державе, где главную роль в хозяйственной жизни и социальной структуре играло уже земледельческое население. Появление таких категорий, как яя и мюсселемы, свидетельствовало об интенсивно идущем в этом обществе процессе внутренней феодализации, связанном с синтезом кочевого и оседлого населения на земледельческой культурно-хозяйственной основе.

В начале XV в., однако, в османском обществе наметился социальный кризис, суть которого в противоречии этой спонтанно развивающейся линии феодализации османского общества и тимарной системы. Тимарная система, становясь одной из главных опор султанской власти, сталкивалась также с интересами фактически независимых от султанов пограничных беев. Поэтому при Мусе наметился союз пограничных беев, интересы которых выражал назначенный бейлербеем Михал-оглы, и рядовых воинов— яя, мюсселемов, акынджи.

В это же время происходит взрыв настроений воинственного исламизма, породивший серию жестоких репрессий против христианского населения Румелии. В 1411 г. Муса попытался даже осадить Константинополь. Император Мануил II обратился за помощью к третьему сыну Баязида, Мехмеду, который охотно откликнулся на эту просьбу и, укрепив до этого свою власть в анатолийских владениях османов, включился в борьбу за трон в Эдирне. Муса был разбит. Мехмед I снова восстановил османское государство, раскинувшееся как в Румелии, так и в Анатолии (Муса и Сулейман действовали лишь в румелийских районах и части прибрежной Анатолии).

Характерно, что силы, на которые опирался Муса, еще не раз использовались и другими лицами в династической борьбе османов. Так, в 1414, 1415, 1421 гг. выступал так называемый Дюзме (Лже)-Мустафа, заявивший о себе как о сыне Баязида (османские хроники сообщают, что сын Баязида Мустафа погиб в битве при Анкаре в 1402 г.). Его поддерживал бей района Измира Джунейд, а несколько позднее и род одного из крупнейших турецких пограничных военачальников — Эвренос-бея. Характерно, что султан Мурад II (1421 г.), действуя против Эвренос-бея, приблизил к себе снова Михал-оглы, сосланного в Анатолию после разгрома Мусы. Таким образом, османские султаны пытались играть на соперничестве могущественных беев.

Что же касается низших прослоек османского воинства — яя, мюсселемов и различных акынджи, то они выступали не только как инструмент династической борьбы, но и в какой-то степени самостоятельно. Их интересы отражал бывший кадиаскер Мусы суфийский шейх Бедреддин. Проповедь Бедреддина, взгляды которого сформировались после нескольких лет странствий по Анатолии, посещения Египта, Тебриза, знакомства с жизнью кочевых племен, румелийских христиан и даже некоторых христианских государств (в частности, о-ва Хиос), включала элементы исламской мистики, шиитских мессианских надежд и некоторых хри-

стианских идей. Попытки сближения ислама с православным христианством были безусловно новыми идеями, которые могли возникнуть лишь в среде смешанного исламско-христианского населения Западной Анатолии и Румелии.

Шейх пользовался большим авторитетом, который внушили его аскетическая жизнь, ореол справедливого государственного деятеля, сложившийся вокруг его фигуры во время пребывания на посту кадиаскера при Мусе, проповеди социальной и религиозной справедливости.

Его ученики (мюриды) Мустафа Бёрклюдже и Кемаль в определенной степени шли дальше своего учителя. Бёрклюдже в своих проповедях высказывал идеи «потребительского коммунизма», что, очевидно, было близко крестьянству и рядовому кочевничеству. Кемаль был торлаком, т. е. дервишем, связанным с туркменскими кочевыми племенами, в его взглядах преобладали шиитские идеи. Шейх Бедреддин и его ученики в 1416 г. подняли восстание. Мустафа Бёрклюдже действовал в районе бывшего бейлика Айдын (на Чешменском полуострове), где к восстанию примкнули и представители греческого населения. Кемаль поднял восстание в районе Манисы. Оба восстания были подавлены.

Сам шейх пытался найти поддержку среди анатолийских беев, в частности у Исфендияр-оглы в Кастомону, но затем, не получив ожидаемой помощи, переправился в Румелию, где в Дели Ормане (Южная Добруджа) попытался собрать своих сторонников. Он объявил себя Махди, сотрудничал с валашским государем Мирчей, привлекал пограничных беев обещанием должностей и тимаров. Разногласия в среде восставших помогли султану подавить и эту вспышку восстания.

Движение шейха Бедреддина и его учеников было довольно широким народным движением, которое вовлекло в выступление против султанских властей широкие массы крестьянства, кочевничества, низшие звенья османского воинства. Оно было утопическим по своей идейной направленности, так как хотело остановить процесс феодализации, идущий в османском обществе, а свои идеи социального равенства во многом черпало в воспоминаниях и идеализации родо-племенного прошлого. Сам шейх Бедреддин, однако, был более умерен в своих преобразовательных стремлениях, чем его ученики. Доказательством этому служит его сотрудничество с представителями феодального класса. Идеи исламо-христианского союза после поражения восстания шейха Бедреддина не получили дальнейшего развития. Для христианского населения османского государства, по мнению Э. Вернера, «исчезла последняя надежда на уравнение его с завоевателями и совместное участие в создании нового по своему характеру государства. Вновь поднимается призрак деспотической теократии».

Возобновление османских завоеваний в Европе. Становление империи. Мехмед I, восстановивший, хотя и в урезанном виде, государство Баязида I, в первые годы своего

правления был занят борьбой с Дюзме-Мустафой и восстаниями шейха Бедреддина и его учеников. В это время он вынужден был опираться на крупные бейские роды (Чандарлы, Эвренос-огуллары и др.), а потому давать им большую самостоятельность. Завоевательная политика на Балканах, приостановившаяся в первые годы его правления, продолжалась лишь силами отдельных крупных беев либо вождей кочевых племен.

Наследнику Мехмеда I Мураду II (1421—1444 и 1446—1451) первые годы также пришлось бороться за свои права на престол. Против него действовали братья и снова выступил Дюзме-Мустафа. Выступление последнего было особенно опасным, так как за ним шли все те же силы, которые потрясали устои османского государства в первые два десятилетия XV в.,— яя, мюсселемы, акынджи и т. п. Это восстание явилось отражением борьбы феодализирующихся масс тюркского общества с османской верхушкой, феодализация которой шла более быстрыми темпами, так как опиралась на сложившуюся ранее рентную основу, т. е. возможность эксплуатировать христианское земледельческое население завоеванных районов. Отставшие в своем социальном развитии категории османского воинства неизбежно должны были быть сломлены новым османским феодальным классом — заимами и тимариотами. Их выступления против султана по своему объективному содержанию были попыткой заинтересованных в этом групп османского общества задержать темпы феодального развития, способствовать его архаизации и даже дефеодализации.

Утвердив власть, Мурад II присоединил к своим владениям ряд небольших анатолийских бейликов, которые были втянуты в династическую борьбу начала XV в. (Ментеше, Айдын, Сурухан, Хамид), а также отвоевал у Византии и Венеции территории, которые им удалось присоединить к своим владениям в период османских междоусобиц. В Анатолии главным соперником османских султанов, как и в XIV в., продолжал оставаться бейлик Караманов, в Европе — византийский император, снова обязавшийся платить дань султану, а основными объектами турецкой экспансии стала Босния, Герцеговина, фактически независимые до того сербские земли, территории Северной Греции и Пелопоннеса. Против османской агрессии наиболее успешно боролись в то время трансильванский воевода, а затем правитель Венгрии Янош Хуньяди (1440—1467) и герой албанского народа Скандербег (Георг Кастриоти), возглавлявший восстание против османского владычества (1443—1468).

Яношу Хуньяди удалось дважды в 1441—1442 гг. разбить османские пограничные силы. Папа Евгений IV выступил после этого инициатором нового крестового похода. В 1439 г. была заключена так называемая Флорентийская уния* об объединении под

---

* В жизнь уния так и не была претворена. В 1472 г. она была официально расторгнута православной церковью.

главенством римского папы православной и католической церквей, на которую византийский император Иоанн VII Палеолог и высшее духовенство православной церкви пошли в надежде ценой подчинения папе в церковном отношении добиться помощи против турок.

Подготавливаемый крестовый поход был как бы развитием идеи, заложенной в унии. Возглавлял его король Венгрии (с 1440 г.) и Польши (с 1434 г.) Владислав III, хотя душой антитурецкой борьбы оставался Янош Хуньяди. В районе Ниша крестоносцы нанесли пограничным силам турок чувствительное поражение. После этого Мурад II, будучи занятым с основными войсками в Анатолии борьбой с бейликом Караманов, пошел в 1444 г. на заключение мирного договора.

Мир этот, однако, вскоре был нарушен венгерской стороной по настоянию папы. Армия крестоносцев двинулась в глубь турецкой территории, рассчитывая с помощью флота Генуи и Венеции блокировать Босфор и Дарданеллы и тем самым помешать основной армии османов переправиться в Румелию. Расчеты на эту помощь не оправдались, Мурад II быстрым маршем двинулся навстречу крестоносцам. Решающее сражение состоялось под Варной (ноябрь 1444 г.). Крестоносцы были полностью разбиты, а их предводитель Владислав III пал на поле брани.

Характерно, что, хотя в это время по Балканам прокатилась волна антитурецких выступлений (восстания в Греции, Албании, Сербии, Болгарии), Хуньяди не удалось, как это было в его прошлых походах, побудить к активному выступлению совместно с крестоносной армией балканские народы. Причина этого заключалась в поведении самих крестоносцев, которые разрушали христианские православные церкви, грабили население. Катастрофа под Варной имела большой резонанс в Европе. Стали распространяться пессимистические настроения о невозможности изгнания турок из Европы. В октябре 1448 г. в битве на Косовом поле (знаменитом по сербскому поражению 1389 г.) Янош Хуньяди потерпел второе поражение, что явно изменило соотношение сил в Юго-Восточной Европе в пользу турок.

В самом османском государстве к этому времени осуществляется ряд мероприятий, укрепивших систему государственного управления и армию и тем способствовавших централизации государства.

При Мураде II был восстановлен и укреплен янычарский корпус, причем принцип его формирования — девширме превратился в более или менее регулярный налог на немусульманское население османского государства. Молодые люди, поступавшие после соответствующего обучения в распоряжение султана, считались его рабами (капыкулу). Из них формировали армию, состоявшую на жалованье у султана. Состав армейских подразделений капыкулу дифференцировался: пехота — ени черы оджагы (янычарский корпус), кавалерия — алты булюк халкы, артиллерия — топчу

оджагы. Отдельных выходцев из капыкулу султан стал назначать на высшие должности государства. Он использовал их в противовес старым беям, державшим себя независимо в отношении султана.

Как отмечает американский исследователь С. Шоу, Мурад II ввел систему соперничества капыкулу и старого нобилитета, ставшую традиционной для османского государства на три последующих столетия. Сам Мурад II балансировал между этими двумя группами, равными по силе. Продолжала совершенствоваться также и система тимаров, которые Мурад II раздавал своим приближенным и наиболее отличившимся воинам. Тогда же, при султанах Мехмеде I и Мураде II, начал создаваться османский флот, без которого достаточно прочного объединения двух частей государства — Анатолии и Румелии — достичь было невозможно.

Все эти мероприятия позволили османскому государству при следующем султане, Мехмеде II Завоевателе (Фатихе), сделать новый рывок в социальном и политическом развитии.

Мехмед II (1444—1446 и 1451—1481) сумел осуществить то мероприятие, которое в мусульманском мире считалось еще со времен арабских завоеваний главной целью «священной войны с неверными» (газават). Был взят Константинополь. Бывшая столица Византии к этому времени оказалась отрезанной от остального христианского мира. Среди ее защитников не было единства. Готовность византийского императора идти на уступки римскому папе в церковных вопросах, чтобы получить помощь католического мира, встречала резкое противодействие местного населения. Широко известно заявление одного из знатных константинопольцев, командующего византийским флотом, Луки Нотары: «Уж лучше видеть в центре города чалму турецкого султана, чем папскую тиару...»

Подготовку к взятию Константинополя Мехмед II начал с сооружения крепости Румелихисар (1451 г.) на европейском берегу самого узкого места Босфора. Этим он полностью взял под контроль снабжение города. Осада Константинополя длилась с 6 апреля по 29 мая 1453 г. Несмотря на предательство отдельных представителей византийской аристократии и генуэзцев Галаты (квартал в Константинополе), население героически отстаивало город. Среди осаждавших раздавались голоса о необходимости снятия осады, о якобы приближавшемся венецианском флоте, который шел на помощь осажденным, и т. п. Однако решительный штурм города принес победу туркам. Константинополь пал и был на три дня отдан армии на разграбление.

С завоеванием Константинополя была предрешена судьба Балканского полуострова. В 1454—1459 гг. была покорена Сербия. Поражение турецких войск под Белградом в 1456 г., нанесенное Яношем Хуньяди, на некоторое время отсрочило ее окончательное порабощение, но не могло остановить османской агрессии. В 1456 г. начала платить дань Молдова, в 1460 г. был завоеван Пелопон-

нес, в 1463 г. подчинена Босния. В 1476 г. Валахия превращена в вассальное государство, в 1478—1479 гг. сломлена Албания. После войны с Венецией (1463—1479) османы захватили острова Эгейского моря. Турецкая угроза становилась реальной для Южной, Центральной и Восточной Европы. Набеги акынджи докатывались до Штирии и Каринтии. В 1480 г. турецкие войска высадились на побережье Италии и захватили г. Отранто, где, однако, не сумели закрепиться. Наряду с главным направлением экспансии, нацеленным на Италию и Центральную Европу, османское государство в то же время покорило греко-лазскую Трапезундскую империю (1461 г.), установило свой сюзеренитет над Крымом (1475 г.). Очередной задачей стало подчинение всей Анатолии.

После завоевания Константинополя возрос международный престиж османских султанов, что признавалось как в мусульманском мире, так и в Европе. Османские султаны, начиная с Мехмеда II, сами стали смотреть на себя как на наследников византийских императоров и тем обосновывали свои претензии на власть над всем христианским миром. Даже в титулатуре османских султанов, которую применяли, они сами и их подданные, появился термин «кайсер-и Рум», т. е. (восточно)-римский император.

Падение Константинополя и последовавшие затем завоевательные успехи турок постепенно заставляли и европейцев изменить тон в отношении османских султанов, признавая их императорское достоинство. После 1453 г., по исторической традиции, мы применяем к османскому государству название Османская империя. В период правления Мехмеда II Завоевателя окончательно оформилась социальная и политическая структура Османской империи, которая в дальнейшем лишь усложнялась и усовершенствовалась, но по сути своей оставалась неизменной вплоть до XVII в.

Глава III

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД СВОЕГО НАИВЫСШЕГО МОГУЩЕСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Этнодемографические последствия османских завоеваний XIV—XV вв. Складывание турецкой народности. Османские завоевания XIV—XV вв. сопровождались турецкой колонизацией завоеванных территорий, ассимиляцией отдельных групп местного населения, обращением части христианского населения в ислам. Степень активности этих процессов была различной в разные периоды и в разных районах.

Переселение значительных масс населения из Анатолии в первые века турецких завоеваний было характерной чертой османской политики. Среди переселенцев было много кочевников. Имен-

но они компактно расселялись в долинах рек Марицы и Вардара и в Причерноморье. Эти кочевые племена составляли своего рода этническое целое, получившее впоследствии общее название «племена юрюков». Юрюков в Румелии, по подсчетам Д. Е. Еремеева, к XVI в. насчитывалось около 250 тыс. Уже на Балканах они включили в свой состав несколько родственных этнических групп, в частности татар-ногайцев, переселившихся из южнорусских степей и Крыма после распада Золотой Орды.

В XV в. отдельные тюркские племена вели полуоседлый образ жизни и занимались земледелием. В новые завоеванные области переселялись не только кочевники, но и оседлое турецкое население. Так, после завоевания Салоник (1430 г.) Мурад II направил туда 1 тыс. турецких семей, поселение которых составило в городе особый квартал. После падения Константинополя в 1453 г. большинство оставшихся в живых горожан-греков было отправлено в Эдирне, Бурсу, Гелиболу, Пловдив. На их место Мехмед II поселил также турок и других мусульман из Малой Азии и Балкан. Эти переселенцы и оседавшие на Балканах различные группы османского военного населения (акынджи, мюсселемы, сипахи) в большинстве районов Балкан оставались все же количественно незначительными среди компактных масс балканских народов. К тому же волна турецкой колонизации исчерпала свои силы уже в XV в. в восточных и центральных частях Балкан. В XVI в. массовых переселений из Малой Азии не происходило.

Усиление османского господства вызвало значительные миграционные процессы и в местном балканском населении. Часть греческого, болгарского, сербского и другого населения Балкан, спасаясь от преследований, истребления, угона в рабство, сопровождавших зачастую турецкое завоевание, уходила в горы и другие труднодоступные районы, переселялась в безопасные города и области, где власть более или менее устоялась, либо туда, куда еще не дошли турецкие завоевания. Поэтому, например, для периода завоевания характерно скачкообразное развитие городов, когда одни из них оставались без населения, другие, наоборот, сначала разрастались, так как временно становились пограничными городами, в которых сосредоточивались войска и вспомогательный персонал, а затем, с перемещением границы, переживали упадок.

Однако при всем этом в стратегически и хозяйственно важных для них районах османские власти умели удержать местное население. Так, болгарский исследователь Н. Тодоров и его югославский коллега О. Зироевич констатируют, что в районе главной транспортной артерии Юго-Восточной Европы—Константинопольского пути, в частности между Белградом и Софией, после кратковременного бегства в момент турецкого завоевания население восстанавливалось. Общее демографическое состояние района существенно не менялось. В то же время для упрочения своей власти в западных районах Балканского полуострова — Сербии, Боснии, Герцеговине и др. — османские власти поощряли мигра-

ции отдельных групп местного населения, в частности влахов-скотоводов, для которых был установлен особый статус.

За выполнение военно-вспомогательных функций в пограничных районах им давались некоторые налоговые льготы. Миграционное движение влахов в западном и северо-западном направлениях — это характерная черта демографического процесса Балкан, связанного с турецким завоеванием. Среди влахов уже в XIV в. были как кочевники, так и оседлые скотоводы. Влахи-кочевники, находившиеся зачастую в состоянии конфронтации с местным оседлым населением, быстрее устанавливали контакты с завоевателями, особенно с юрюками, образ жизни которых был им близок. Часто влахи занимали районы, покинутые оседлым населением в период завоеваний, способствуя распространению скотоводства, иногда в ущерб земледелию.

Влахи, а также ряд других категорий немусульманского населения, таких, как мартолозы и войнуки, используемые османами как военно-вспомогательная сила, или дербенджи, в обязанности которых входила охрана дорог, перевалов, мостов, являлись для османов той опорой в местном населении, которая была им необходима для установления господства. С этой же целью использовалось насильственное переселение значительных групп местного населения. Так, еще в 1393 г., после взятия Тырнова, Баязид I переселил уцелевших жителей города в Малую Азию. При заселении Константинополя греков переселяли из Каффы, Трапезунда, с Пелопоннеса, с островов Эгейского моря, из некоторых малоазиатских и балканских городов, армян — из различных районов Анатолии и Балкан, евреев — более чем из 30 балканских городов.

Осуществлялась и исламизация отдельных групп населения, которая проходила как насильственно, так и добровольно. Помимо принуждения, девширме, работорговли и прямого захвата рабов, особенно женщин и девушек, исламизации способствовали материальные стимулы. Налогообложение мусульман было ниже, и они меньше подвергались прямому насилию. Для части феодального класса балканских народов переход в мусульманство способствовал сохранению ими прежнего социального положения. В первые годы после завоевания прослойки так называемых христиан-сипахи, т. е. местных феодалов, пошедших на службу к завоевателям, но сохранивших старую веру, была довольно значительной, но тимары их были небольшими. В дальнейшем произошло сокращение этой категории феодального класса. Переход в ислам для христиан-сипахи означал надежду на получение тимара большего размера и в какой-то мере гарантировал от произвола властей. Бывшие христианские феодалы, принявшие ислам, находились среди самых крупных османских сановников и военачальников.

Были и другие причины обращения в ислам. Так, в Боснии и ряде других районов исламизация охватила широкие массы, что объяснялось местной религиозной ситуацией. Здесь с XII в. среди крестьянства было распространено учение богомилов. Католиче-

ская церковь вела против этого учения, еретического с ее точки зрения, беспощадную борьбу. Феодалы-католики и рагузинские купцы под предлогом борьбы с еретиками организовали здесь охоту на людей, продавая затем крестьян-еретиков в рабство. В этих условиях народные массы видели в наступающих турках избавителей от религиозных гонений католицизма. В дальнейшем, уже к концу XV в., бóльшая часть бывших богомилов приняла ислам.

По подсчетам Н. Тодорова, даже в начале XVI в., т. е. в период наибольшей концентрации турецких поселенцев на Балканах и все еще сильной разреженности местного населения, что было вызвано турецким нашествием и уходом населения в отдаленные и труднодоступные районы, соотношение между хозяйствами мусульман и неумусульман было примерно 1 : 4. При этом значительную массу мусульман составляли не турки, а представители покоренных народов, принявших ислам незадолго до этого. Мусульманское население концентрировалось в стратегически важных местах — Северо-Восточной Болгарии, Фракии и западных областях Балканского полуострова, в частности в Боснии, Герцеговине, Албании.

Турецкая колонизация и исламизация части балканского населения были процессами взаимосвязанными, так как население, принявшее ислам, часто и ассимилировалось. Однако все же турки оставались для большинства районов Балкан пришлым населением. Этническим центром продолжала оставаться Анатолия. Именно там и на примыкавших территориях Восточной Фракии шел в конце XV — первой половине XVI в. процесс складывания турецкой народности, со своей территорией, языком, определенной экономической и культурной общностью. Конечно, эта общность пока еще была очень относительной. В составе турецкой народности сохранялось много кочевых и полукочевых племенных объединений, разнящихся особенностями хозяйственной жизни, языка, культуры. Однако чувство тюркской общности, связанной происхождением и историческими судьбами, страной обитания, культурой, языковой близостью, характером хозяйствования, было уже достаточно сильным. Складывание народности в условиях победоносных завоеваний, значительных миграций и длительное сосуществование в одной огромной империи с другими народностями, стоявшими на разных уровнях развития, осложняло и задерживало формирование турецкого самосознания.

Для народности не было в течение длительного времени даже единого этнонима, самоназвания. Слово «турок» (тюрк) означало лишь простолюдин. И хотя оно воспринималось всеми турецкими племенами, но оставалось чуждым для горожанина, в самосознании которого на первый план выступала религия — мусульманин. Термин «османлы» (османцы, османы) не стал этнонимом. Он означал лишь подданство либо принадлежность к правящему классу. Как этноним иногда встречался этот термин лишь за пределами страны, так же как и этноним «турок» прежде был вос-

принят за границей и в среде нетурецкого населения Османской империи, а потом уже самой народностью. Османский феодальный класс еще не завершил своего формирования. Он продолжал впитывать в себя представителей нетурецкого исламизированного населения.

Все это в будущем отрицательно, замедливающе скажется на дальнейшем развитии народности и ее превращении в нацию.

Складывание социально-экономической структуры Османской империи. Централизация государственного управления. Развитие государственного законодательства. Формирование турецкой народности, колонизационные и миграционные процессы осуществлялись в непосредственном взаимодействии с формированием социально-экономической структуры османского общества.

К периоду правления Мехмеда II главной опорой султанской власти стала та прослойка османского феодального класса, которая была связана с тимарной системой. Своего наивысшего развития эта система достигла на завоеванных османами землях Западной Анатолии и особенно Румелии. Европейские территории (Румелия) в первые века складывания османского государства (XIV—XV) были наиболее передовыми экономически и определяющими уровень развития социальных отношений. Именно в Румелии османы получили возможность для своего ускоренного феодального развития. В Анатолии сильные позиции кочевничества и ранние феодальные отношения с остатками родо-племенных пережитков являлись тормозом социального развития.

По исламской традиции, все завоеванные территории считались землей султана (эмира), а следовательно, государства — мири. Такие земли султаны могли жаловать своим подданным, но не в собственность (мюльк), а лишь для хозяйственной эксплуатации; их запрещалось продавать, закладывать и т. п. На практике это предписание нарушалось. Султаны жаловали земли, выдавая мюльк-наме, т. е. дарственные грамоты, отдававшие земли в полную собственность, например, румелийским пограничным беям. Однако юридически эти пожалования все-таки не являлись «истинными мюльками», т. е. не отвечали общемусульманским религиозным предписаниям о такой форме землевладения. Поэтому они не были даже формально, юридически, ограждены от султанского произвола. За какую-либо провинность или непокорность султаны могли их изъять у владельца.

Мехмед II довольно широко использовал это право в борьбе с крупными беями, получившими свои земли еще в период завоеваний. Однако султаны, и до Мехмеда II и после него, широко раздавали мюльк-наме своим наиболее отличившимся приближенным. Особенно практиковалось это при сыне Мехмеда II Баязиде II (1481—1512), надеявшемся таким образом привлечь к себе придворную знать в период борьбы за власть со своим братом Джемом.

Подобная же ситуация наблюдалась в конце XVI в. Мюльки так и не стали в Османской империи устойчивой категорией феодального землевладения. Очень часто владельцы их передавали свои земли в вакф, т. е. в распоряжение мусульманских религиозных учреждений. Такая передача, согласно существовавшей практике, гарантировала бывшему владельцу и его наследникам сохранение определенной доли дохода с пожалованных владений. Обычно эта доля составляла 20% ежегодного дохода. К подобным передачам часто прибегали представители старых бейских семей. Имена потомков многих таких бейских родов (например, Эвренос-огуллар, Малкоч-огуллар, Чандарлы и др.) упоминались в числе управителей вакфов на протяжении нескольких веков.

Широкая практика пожалований земель в вакф привела к тому, что к XVII в. вакфное землевладение составляло в империи около трети всех обрабатываемых земель, что, разумеется, ограничивало экономическую мощь государства. Из тех земель, которые оставались в распоряжении султана, выделялся фонд для условных пожалований господствующему классу.

При Мехмеде II более четко, чем это было раньше, османское общество было разделено на две группы — военные (аскери), которые были освобождены от налогов и не принимали непосредственного участия в экономическом производстве, и податное сословие — реайа (араб. мн. ч.; ед. ч. — райат). Аскери представляли собой некую господствующую общность завоевателей, среди которой еще продолжался процесс социального расслоения. В состав аскери включались и отдельные представители господствующего класса местных народов, пошедшие на сотрудничество с завоевателями. В то же время из этой категории постепенно выпадали отдельные представители и группы османского населения, первоначально относившиеся к аскери.

Так происходило, например, с яя и мюсселемами. Их командиры становились тимариотами. Сами же они, составляя определенную общность, называемую в османских источниках племенем, обрабатывали в мирное время свой надел и были свободны от налогов. Постепенно они были переведены на такой режим, что ходили в походы по очереди, а затем и совсем были отстранены от военной службы. Отдельные группы этих бывших военных уже в период Сулеймана I Кануни (Законодателя) * (1520—1566) были записаны как райаты. Однако в социально-психологических представлениях османского общества эти изменения еще долго не укладывались. Так, в социально-дидактических трактатах (даже в XVII в.) яя и мюсселемы все еще числятся воинами (аскери).

Аскери по своим функциям разделялись на «людей меча» и

---

* Сулейман I Кануни (Законодатель), или, как его именовали европейцы, Сулейман Великолепный, в ряде исторических исследований и справочных изданий называется Сулейманом II Кануни, так как Сулейманом I числят иногда сына Баязида I Сулеймана, который, однако, не был султаном всего османского государства, а правил лишь европейскими владениями турок в 1403—1410 гг.

«людей пера» *. К последним относились различные категории улемов и кадиев, а также чиновники финансового ведомства. Хотя по своим служебным функциям эти категории османского общества далеки от военных, они к ним приравнивались и в социальном плане включались в категорию аскери. Подобное деление общества подчеркивало военный характер османского государства и справедливость меткого замечания Д. К. Шлоссера, которое использовал К. Маркс, о том, что Османская империя — это «единственная подлинно военная держава средневековья» **.

Лишь аскери могли получать земельные пожалования от султана. Все виды земельных пожалований в источниках того времени носят название «тимар». Поэтому всю систему феодальных пожалований можно назвать «тимарная система». Однако в узком понятии этого слова тимар — это небольшое земельное пожалование воину-кавалеристу, участнику феодального ополчения (сипахи). За военную службу давались также более крупные пожалования, имевшие самостоятельное название, — зеаметы.

В XIV—XVI вв. наиболее распространенным видом пожалований были именно тимары и зеаметы. Законодательные положения о тимарах вырабатывались и уточнялись с начала XIV в., а окончательно были зафиксированы при Сулеймане I. Они точно фиксировали доход, который мог получить сипахи с пожалованного ему участка. Обязанности же его состояли в том, чтобы жить в санджаке, где находился тимар, и в зависимости от дохода с предоставленного ему тимара выставлять строго определенное число воинов — джебелю и слуг — гулямов, которые вместе с самим сипахи должны были участвовать в военных действиях.

Алайбей (командир отряда конного ополчения) имел в качестве кормления зеамет. Все отряды санджака собирались под командованием санджакбея, а бейлербей был во главе ополчения эялета. Бейлербей был одновременно и гражданским правителем и командиром войск феодального ополчения, т. е. военные и административно-чиновничьи функции на местах не были разделены. Сипахи также, кроме военных, выполняли некоторые хозяйственно-организационные функции: надзор за состоянием земельного фонда, за обработкой земли, за регулярным поступлением налога с каждого крестьянина, за наследованием земли крестьянами и т. п.

Иначе говоря, на местах тимариоты и заимы выступали как чиновники местного государственного аппарата. Это, разумеется, не исключало их из среды феодального класса, поскольку мате-

---

* Такое деление восходило к общемусульманскому делению на четыре сословия: 1) «люди меча», 2) «люди пера», 3) торговцы и ремесленники, 4) земледельцы. В османском обществе сохранилось представление об этом делении, но в более приниженном положении, чем в других мусульманских странах, находились ремесленники и торговцы.

** К. Маркс. Хронологические выписки. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 6. М., 1939, с. 189.

риальной основой их жизни служила рента-налог, собираемая ими с подвластного крестьянства. Рентой сипахи служила часть государственного налога, который он мог собирать в свою пользу. С того же владения определенные налоги продолжали взиматься государственными чиновниками в пользу казны. Правильность взимания этих налогов и их размер определялись кадиями; они же следили за тем, чтобы доля сипахи не превышала определенных законом размеров, и выполняли некоторые хозяйственно-организационные функции, оказывавшиеся не под силу сипахи. Часть доходов с владения сипахи-тимариота шла в пользу санджакбея и бейлербея, которым он был подчинен, т. е. как по военной, так и по налоговой линии наблюдалось определенное соподчинение мелких тимариотов своим военно-административным начальникам, складывалась своеобразная феодальная иерархия.

Государство, даже при условии выполнения тимариотами всех их обязанностей, сохраняло за собой право контроля за владением сипахи. Кроме налоговой сферы это касалось прежде всего наследования тимара. Передавалось сыну не все отцовское владение, а лишь так называемый кылыдж-тимар и кылыдж-зеамет, т. е. минимальный размер владения, который необходим для экипировки и отправления в феодальное ополчение того числа воинов, которое за этим владением записано. В разных эялетах размер кылыджа был неодинаковым. Суть же принципа наследования состояла в том, что земли сверх кылыджа, полученные за какие-либо заслуги либо в результате распашки каких-то новых территорий, составляли ненаследуемую, отделяемую часть. Этим были положены пределы роста земельных владений сипахи, и государство постоянно возвращало себе часть земельного фонда для новых раздач.

Тимары по своему происхождению генетически восходят к сельджукскому икта и византийской пронии. Уже в XV в., переводя на турецкий язык сельджукские тексты, где употреблялся термин «икта», переводчики вставляли термин «тимар». Этот факт побудил ряд исследователей выдвинуть на первый план сельджукские истоки в формировании тимаров. Хотя генетически связь этих институтов бесспорна, все-таки, думается, мы имеем дело с неким новым явлением.

С самого своего возникновения тимар был наследственным. Этим он скорее сближается с византийской проний. К тому же некоторые византийские и сербские прониары, которые пошли на сотрудничество с османами, сохранили свои владения, записанные теперь как тимар. Однако тимар нельзя отождествлять и с проний. Подтверждением этому служат разные пути эволюции этих институтов. Пронія очень быстро эволюционировала в безусловную феодальную собственность. Тимар же, при строгом контроле султанской власти, долго сохранялся на условиях юзуфрукта, т. е. права пользования чужой собственностью (землей, принадлежавшей государству) в оплату за несение военной службы.

Даже предоставив землю в распоряжение господствующего класса, государство не утрачивало связи с крестьянством, райатами. Оно регулярно проводило переписи населения, в которых каждый раз снова фиксировало доходы тимариота. В случае нарушения тимариотом своего статуса и увеличения сбора налогов в свою пользу (а такие случаи бесспорно были) крестьяне могли искать защиты у кадия. Разборы подобных дел в кадийском суде были довольно часты, а правительство в ответ издавало адалетнаме (ферманы справедливости), которые снова возвращали сипахи к той квоте, которая была установлена законом. Подобные действия властей не позволяли тимару переродиться во владение частноправового характера. Хотя тимар по сумме владельческих прав и обязанностей, налагаемых на его владельца, близок к европейскому лену, строгий контроль государства изменил направление эволюции этого земельного владения.

В русской и советской тюркологии принято называть османскую феодальную структуру военно-ленной. Это определение подчеркивало единство военно-административной и земельной систем Османской империи и на определенном этапе изучения османского феодализма имело положительное познавательное значение. Однако по мере углубления наших знаний было установлено определенное своеобразие общественного строя Османской империи, которое не вмещалось в принятое определение, что и естественно, поскольку понятие о военном лене возникло в Европе и включало в себя историческую специфику, характерную для определенного европейского типа феодальных отношений.

Ряд ученых в разных странах отказались уже от широко распространенного и в нашей науке термина «военно-ленная система», заменив его «тимарной системой». Мы разделяем эту точку зрения. Отказ от термина «военно-ленная система» позволяет подходить к изучению османского феодализма не с точки зрения европейских понятий о землевладении, а изнутри, выявляя специфику основного феодального земельного пожалования в Османской империи в период ее наивысшего подъема.

В султанских реестрах и жалованных грамотах размер тимара всегда определялся не размером земельного пожалования, а денежной суммой его дохода (т. е. суммой отчислений от государственных налогов). Проживая в своем тимаре, сипахи мог вести свое собственное хозяйство, но размеры его были ограничены «особым личным чифтликом» сипахи («хасса чифтлик» или просто «хасса»), который не должен был превышать райатского чифтлика. Не была распространена и отработочная рента. Следовательно, были поставлены препоны, препятствовавшие созданию феодального поместья. Однако организация производства через поместье — это как раз редкий случай в истории феодализма. Как отмечал советский историк Б. Ф. Поршнев, для «огромных пластов истории феодального хозяйства» даже в Европе поместная организация была «совершенно нехарактерна».

Для сипахи также нехарактерна «барская запашка». Он был лишь надсмотрщиком и, в определенной степени, организатором хозяйственной эксплуатации земли через хозяйство райата.

В этих условиях особое значение приобретает организация налоговой системы государства. Как отмечала А. С. Тверитинова, «организация османского фиска, как и разработанная им документация на все виды и категории владений и доходов империи, получила столь гибкую и совершенную с точки зрения интересов господствующего класса форму, что найти ей в истории полную аналогию вряд ли возможно». Османы во многом заимствовали сложившуюся до них, в частности, в византийских владениях систему обложения, сохранив определенную специфику для различных районов и придав налогообложению общемусульманскую терминологию и форму.

Для каждого санджака Османской империи составлялось свое канун-наме (свод законов). Наиболее классическим и дающим полную характеристику законов о налогообложении и владении землей считается канун-наме санджака Худавендигяр, составленное в 1487 г. и ставшее источником большинства общих законоположений в общеимперских канун-наме. Существовала практика признания старых налогов, принятых ранее в завоеванных странах, что, по мнению османской администрации, было привычнее для реайи и легче для организации управления новыми территориями. В имперских канун-наме эти отступления от общих правил отмечались формулой: «но в санджаке Караман (или Семендерово) установлено следующее...»

Однако это сохранялось лишь в тех случаях, когда отступления были незначительными и касались главным образом Западной Анатолии и Балкан. В восточных же районах Малой Азии, где первоначально была сохранена практика налогообложения, введенная правителем Ак-Коюнлу Узун Хасаном, в 1540 г. происходит распространение общеосманских законов, что явилось известным облегчением налогового бремени местного населения и было введено по его просьбе. Произошла определенная унификация налогообложения и на территориях бывшего бейлика Караманов. Таким образом, можно констатировать, что делалась попытка подтянуть восточно-анатолийские районы к уровню более развитых западноанатолийских и балканских районов, где, по мнению турецкого историка Х. Иналджика, аграрная налоговая структура была непосредственно моделирована по византийскому образцу. Византийское влияние Х. Иналджик видит в уровне налогообложения, способе, по которому оценивался налог, в объектах налогообложения и даже терминологии.

После завоевания той или иной области османские писцы, многие из которых были недавними ренегатами или даже оставались христианами, составляли описание завоеванных территорий, в котором отмечали местную налоговую практику и разницу в уровне налогообложения. Это описание после утверждения сул-

таном и включалось в вилайетские дефтеры в качестве канун-наме данного района. Тимариоты в этой ситуации выступали как надсмотрщики за завоеванными землями, их функции сводились к поддержанию сложившегося уровня ведения хозяйства и налогообложения.

С юридической точки зрения система налогообложения в Османской империи состояла из налогов двух групп. Первая — так называемые законные налоги (рюсум-и шерие), восходящие к шариату. Это — ушр (ашар) и зекят (налоги с земли и различного имущества, взимаемые с мусульман), харадж и джизье (налоги с земли и урожая и подушная подать, налагаемые на немусульман). На основании этих четырех законных налогов постепенно вырастала целая система всевозможных податей, имевших различное название (всего их насчитывалось до 80). Вторая группа налогов включала так называемые текалиф-и урфие, т. е. налоги, собираемые в соответствии с обычаями и традициями (в разных местах и в разное время их насчитывалось до 97 названий).

По подсчетам болгарской исследовательницы В. П. Мутафчиевой, для балканских районов соотношение денежных и натуральных сборов в XV в. составляло 50,2 : 49,8. В следующем столетии оно увеличилось в пользу денежной ренты — 60 : 40. Отработочная рента, которая с самого начала существования государства была очень незначительной, уже ко второй половине XV в. полностью была заменена денежной рентой. Разумеется, что приведенные выше данные свидетельствуют о значительном распространении в стране товарно-денежных отношений, но эта своеобразная «коммутация» ренты была лишь временным и частным явлением, связанным с такими особенностями османской феодальной системы XV—XVI вв., как частое отсутствие феодала в своих владениях (объясняемое почти непрерывными войнами), отсутствие обособленного личного хозяйства феодала, трудность для рядового представителя господствующего класса использовать в натуре поступления отдельных форм ренты и пр. Для крестьянства денежная форма ренты означала не развитие товаризации хозяйства, а усиление его зависимости от ростовщиков.

На налоговой основе формировалась не только сипахийская прослойка феодального класса, так как тимары и зеаметы не были единственным видом феодальных пожалований. Со второй половины XIV в. везирам и ближайшим султанским родственникам, привлекаемым к государственному управлению, стали предоставляться хассы, а несколько позже чиновникам следующих за везирами рангов — арпалыки. Размеры этих земельных пожалований намного превышали размеры тимаров и зеаметов, но они не передавались по наследству, а были связаны с определенной чиновнической должностью, утрачивались с прекращением службы или переходом на другую должность. Часто в турецких документах того времени, а за ними и во многих исследованиях хассы и арпалыки рассматриваются как пожалования, однотипные с тимарами

и зеаметами, разнящиеся от них лишь размерами, более высоким военно-административным постом владельца и (для арпалыка) гражданским характером службы.

Однако временный, ненаследственный характер владельческих прав на предоставляемое земельное владение способствовал тому, что связи владельцев с предоставляемой в их распоряжение землей и проживавшим на ней крестьянством были иными, чем у тимариотов. Последние выступали не только как рентополучатели, но и как в какой-то степени организаторы производства. Владельцы хассов и арпалыков были исключительно рентополучателями, причем часто для сбора ренты они использовали посредников-откупщиков. В то же время степень налогового иммунитета, предоставляемого им, была значительно выше, чем у рядовых тимариотов. Их владения считались «свободными» тимарами, т. е. право сбора в них так называемых свободных налогов (рюсум-и сербстие) принадлежало лицу, которому дано пожалование, в то время как тимариот-сипахи делил эти налоги с бейлербеем и санджакбеем, которым был подчинен в военном и административном отношениях.

Османские власти, давая определенным категориям должностных лиц большие иммунитетные свободы, в то же время усиливали условность пожалований, делали их ненаследственными, а следовательно, не утрачивали полностью контроля за земельным фондом и при этой категории пожалования. Эксплуатация крестьянства здесь меньше регулировалась государством, чем во владениях сипахи. В тимарах — зеаметах и хассах — арпалыках складывались в этих условиях различные отношения между феодалами-рентополучателями и крестьянством, а следовательно, здесь закладывались основы разных типов хозяйствования, или, иначе говоря, сипахи-тимариоты и высшие чиновники, получавшие хассы и арпалыки, были связаны с разными феодальными укладами, характерными для Османской империи XIV—XVI вв. Их разнотипность делала различной и пути их дальнейшей эволюции и судьбы тех прослоек господствующего класса, которые были с ними связаны. Султанское же правительство, используя их противоречия, балансируя их, могло усиливать свою деспотическую власть.

Постепенно складывалась государственная структура Османской империи. До середины XV в. существовало лишь два бейлербейлика (Анадолу и Румели), а на границах империи находились вассальные государства и независимые бейские владения. Затем вновь захваченные территории султанские власти начали ставить под контроль провинциальной администрации, формируя новые санджаки. Некоторые из них, наиболее важные в стратегическом отношении, а также самостоятельные области в Анатолии выделились в новые бейлербейства. Так были созданы бейлербейства Рум (центры — Амасья и Сивас) в 1413 г., Караман (центр — Конья) в 1468—1512 гг., Диярбакыр в 1515 г. и т. п.

Босния, которая с 1463 г. считалась санджаком бейлербейства Рум, в 1580 г. была выделена в специальный бейлербейлик, цель которого — подготавливать наступление против Австрии. В XVI в. специальными бейлербействами стали Каффа в Крыму (1568 г.) и Чилдыр в Закавказье (1578 г.); как особый военный плацдарм на северо-западе Причерноморья выделился санджак Озю и т. п.

Формирование административной структуры империи шло постепенно. К концу правления Сулеймана I Кануни (1566 г.) в стране насчитывалось 16 бейлербейликов. С 1590 г. их стали называть эялетами. Тимарный режим был введен далеко не во всех областях, а лишь в европейских владениях империи, Малой Азии и части примыкавших к ней арабских и закавказских территорий, частично на Кипре и на островах Эгейского моря. В турецких источниках эти районы называются «эялеты с хассами». Все эти территории в той или иной степени были затронуты турецко-мусульманской колонизацией и связанной с ней перестройкой сложившейся ранее социальной структуры.

Кроме «эялетов с хассами» существовали «эялеты с сальяне», откуда султанское правительство получало дань (сальяне), держало там гарнизоны войск капыкулу (главным образом янычар), посылало туда своих наместников, но не подвергало преобразованию старую, сложившуюся здесь структуру социальных отношений. К этой категории эялетов относились основные арабские территории. Подобный же статус имели Дунайские княжества, которые, оставаясь христианскими и сохраняя внутреннюю самостоятельность, обязаны были платить дань. Назначение господарей княжеств подлежало специальному утверждению Порты. В состав Османской империи входили также хюкюметы ряда беев курдских и арабских племен, полностью независимые в своих владениях, но признававшие османское верховенство, а также зависимые лишь в административном отношении владения шерифов Мекки и крымских ханов.

Разумеется, вхождение в единое государство, а для многих этих областей и уплата значительной дани не могли не оказывать определенное влияние на их развитие и некоторую трансформацию их социальной структуры, однако это уже были побочные процессы османского владычества. Первоначально же их социальная структура слому и преобразованию не подвергалась.

В XVI в., в период наибольшего и бурного территориального роста империи, османские власти даже в «эялетах с хассами» допускали некоторое отступление от классического османского тимарного образца, что знаменовало собой неспособность османского общества «переварить» и преобразовать столь огромные приобретения. Так, в Боснии и Восточной Анатолии появились юрдлуки и оджаклыки. Между этими категориями феодальных владений в разных районах империи были некоторые различия. Общее же состояло в том, что при их создании османское правительство стремилось привлечь на свою сторону представителей

доосманского правящего класса этих земель, а потому сохраняло за ними большие права распоряжаться землей и подвластным крестьянством.

Все юрдлуки и оджаклыки считались родовой собственностью и без каких-либо ограничений передавались по наследству. Эти султанские пожалования меньше, чем какие-либо другие, были подвластны государственному контролю. Проживающее в этих владениях население находилось там в полном распоряжении владельцев. Здесь устанавливались более жесткие условия зависимости, полная власть феодала. Характерно, что расположены эти владения были главным образом в восточных районах, которые в дальнейшем намного отстали в своем развитии от других районов империи. Следовательно, там, где был слабее публичноправовой контроль государства за отношениями между райатами и феодалами, где личная зависимость крестьянства была сильнее, наблюдались более низкие темпы общественного развития.

Вместе с тем важно, что с введением еще одного вида феодальных пожалований начала формироваться еще одна группа османского феодального класса. Произошло усложнение социальной структуры османского общества.

Продолжали формироваться органы центрального управления империей, которые распадались на три независимые, не подчинившиеся друг другу системы: военно-административное управление (от тимариота, через санджакбея, бейлербея к великому везиру), судебно-религиозная система, включавшая судей-кадиев на местах и через кадиаскеров подчиненная шейх-уль-исламу, и, наконец, финансовое управление, подчинявшееся дефтердару. Функции между этими системами управления разделялись. Например, кадий выносил решения, а заставить его выполнить мог лишь бейлербей. Но в то же время они все были самостоятельны в своих сферах деятельности и имели прямые связи с центральным правительством — Портой, что способствовало централизации управления.

Местные же власти были рассредоточены по разным ведомствам. Рассредоточению власти и возведению границ между различными группами османского общества служила и так называемая система миллетов, введенная для различных религиозных групп населения. Глава религиозной общины выступал в Османской империи для своей паствы как вершитель правосудия и посредник в сношениях с высшей имперской администрацией. Обособливая религиозные общины в замкнутые группы, османские власти способствовали консервации уровня развития общества и препятствовали росту национального самосознания отдельных народностей. Начало оформления системы миллетов относится к периоду после взятия Константинополя, когда был выделен первый миллет — миллет православной церкви (рум миллети) и назначен первый патриарх — Геннадий Схоларий, под управлением которого оказались православные народы (славяне, греки и др.).

Представители православной церкви пошли тем самым на сотрудничество с османскими властями. Несколько позднее, в начале XVI в., оформились миллеты армян-григориан (эрмени миллети) и евреев-иудаистов (яхуди миллети). Оформление системы миллетов означало, что османские власти вынуждены были отказаться от политики массовой насильственной исламизации местного населения. Они стремились теперь к упрочению создавшейся ситуации, при которой немусульмане Османской империи несли более высокое, чем мусульмане, налоговое бремя и в правовом отношении находились в более зависимом положении. Мусульманская община также обосабливалась, что, несмотря на ее привилегированное положение, порождало и здесь консервацию этнонациональных процессов, препятствовало росту национального самосознания отдельных мусульманских народов, и прежде всего самих турок.

Описанная выше система государственного управления, социальной структуры общества, аграрно-правовых отношений была зафиксирована в османском законодательстве.

В Османской империи законодательство развивалось по двум самостоятельным линиям. Первая из них была связана с принципами общемусульманского права и соответствовала официально принятому в империи толкованию ханифитской правовой школы, наиболее гибкой из всех мусульманских правовых школ. В соответствии с ее предписаниями решения принимались кадиями, а по каким-либо спорным вопросам издавались фетвы шейх-уль-исламами. Так как шариатское право не кодифицировано, то эти фетвы становились определенными правовыми основаниями для последующих судебных решений.

В мусульманской юридической практике (например, у Ибн Халдуна) высказывалось мнение, что шариат может дать основание для решения любых проблем, а потому не требуется каких-либо законов, издаваемых правительством. В Османской империи, однако, была развита и вторая линия законодательной деятельности: издавались султанские законы — канун-наме, обобщавшие складывавшуюся в империи социальную практику. Наличие канунов и шариата, т. е. двойственная система законодательства, — особенность, отличавшая Османскую империю от других мусульманских государств. Именно благодаря канунам османские власти сумели использовать многое из практики завоеванных стран. Тимарная система также была порождена и регулировалась в своем развитии именно султанскими, а не шариатскими постановлениями.

Законодательная деятельность османских султанов была наиболее активной в XV—XVI вв. Кодификация османского законодательства была связана с периодом наивысшего расцвета империи. Большая заслуга в этом принадлежала, очевидно, двум султанам — Мехмеду II Фатиху и Сулейману I Кануни, причем составленные по их приказам кодексы не представляли какой-либо

ломки прежнего законодательства, а лишь развивали, дополняли, уточняли один и тот же свод законов, в становлении которого многое было сделано и при других султанах.

Были случаи, когда между толкованиями кануна и шариата наблюдались противоречия, которые являлись отражением внутренней борьбы, шедшей в османском обществе. Так было, например, при Мехмеде II, с именем которого связывают три кодекса: первый (издан в 1453—1456 гг.) включал перечень обязанностей и повинностей подданных государства, второй (1477—1478) — описание государственного устройства и статус господствующего класса, третий (в конце правления) — регулировал земельный режим, налоговую систему и прочие экономические отношения.

Претворяя в жизнь изданные законы, Мехмед II подверг пересмотру весь земельный фонд Османской империи, результатом чего были крупные конфискации владений (свыше 20 тыс. деревень), числившихся ранее мюльками или переданных их бывшими владельцами в вакф, но без соблюдения правил, предписанных кануном. Эти конфискации были потом частично отменены Баязидом II (1481—1512), желавшим в борьбе за престол со своим братом Джемом заручиться поддержкой старой землевладельческой аристократии и улемов. В дальнейшем, однако, политику Мехмеда II продолжали Селим I (1512—1520) и Сулейман I, в результате чего к 1528 г. 87% земель снова вернулось в фонд мири. В данном случае султанский закон оказался сильнее шариатских предписаний.

Особенно активно законодательная деятельность развивалась при Сулеймане I. Были утверждены канун-наме для каждого санджака. Копии общего свода законов стали распространяться по всем кадийским судам. Принципиальные изменения, внесенные Сулейманом I в законодательство, заключались в отмене особых привилегий и освобождения от законов, которые распространялись в предшествующий период на довольно многочисленные слои населения (в частности, в это время были окончательно записаны реайей мюсселемы многих санджаков). При Сулеймане I же были отменены ограничения, введенные Селимом I, на торговлю с Ираном и некоторые репрессивные меры и конфискации товаров у купцов, разрешено вернуться на родину ремесленникам и другим горожанам, переселенным в Стамбул из Египта и Ирана.

При Сулеймане I, т. е. в период наивысшего могущества Османской империи, установился тесный контакт между султанской властью и мусульманским духовенством. Была издана фетва шейх-уль-ислама Абуссууда, в которой сделана попытка дать шариатские обоснования главным феодальным институтам империи, иначе говоря, ввести канун в рамки шариата.

С конца XVI в. законодательная деятельность султанов формально прекратилась. Перестали издаваться канун-наме, а появились адалет-наме (ферманы справедливости), цель которых заключалась не во введении новых постановлений, а в стремлении

добиться соблюдения старых законов и тем самым восстановления «справедливости». Как «бидат» (т. е. ересь, религиозное преступление) стали восприниматься любые нововведения.

Большое значение в османском законодательстве придавалось всеобщей регламентации жизни и доходов. Так же как доходы сипахи, регламентировались и доходы торговцев, ремесленников, даже ростовщиков. Осуществлялось это с помощью кадиев, на которых в Османской империи возлагались разнообразные функции. Они не только разрешали гражданские, уголовные, торговые, кредитные споры, но и нотариально фиксировали многие сделки, осуществляли надзор за разверсткой и сбором налогов, контролировали вакфные учреждения, устанавливали цены на основные потребительские товары, организовывали общественные работы, фиксировали жалобы частных лиц, доносили о них центральным властям и на основании полученных директив давали ответы. В своих столь разносторонних действиях кадии опирались не только на шариат, но и на канун-наме, следовательно, как справедливо заметил болгарский исследователь Н. Тодоров, «выступали уже не только как толкователи религиозных норм и судьи, но и как административные представители центральных властей».

Еще при Мехмеде II государством была монополизирована торговля солью, мылом, свечным воском. На остальные товары широкого потребления постановлениями канун-наме (начиная с XIV в.) вводилась строгая регламентация цен. В соответствующих дефтерах фиксировались специальные поставки тех или иных продуктов, льготными налогами ограничивалась сфера торговли (например, за каждые две овцы, доставленные извне, взималось по 1 акче; если же овцы сдавались местному мясоторговцу и шли на убой, то по 1 акче взималось с четырех овец и т. п.). Кадии и их помощники мухтесибы устанавливали цены почти на все продукты питания и товары широкого потребления (нарх). При этом учитывались сезон, транспортные расходы и даже возможная прибыль торговца, которая не должна была превышать 10%. Лишь в «ремесле, которое очень трудно, 10 [акче] пусть станут 12», т. е. разрешалась прибыль до 20%. Подобные нормативы устанавливались на длительные сроки, на десятилетия, а на ряд товаров поддерживались почти столетие.

«Государственная регламентация с ее всеобъемлющим характером, — как считает Н. Тодоров, — один из характерных признаков османского феодализма». Османские власти пытались подвергнуть регламентации все стороны жизни, даже запрещенное шариатом ростовщичество, причем и при ростовщичестве взимаемый процент, официально фиксируемый в кадийских судах, ограничивался теми же принятыми для торговой прибыли рамками — 20%.

Всеобщая регламентация и централизация, особенно усилившиеся при Сулеймане I, сказывались и на эволюции главной опоры султанской власти этого времени — тимарной системы. Если

в XV в. еще многие сипахи владели своими тимарами лишь с санкции санджакбея (что было особенно распространено в пограничных областях), то в XVI в. центральная власть усилила свой контроль за предоставлением тимаров. Были введены обязательное султанское утверждение пожалования и выдача специальных документов — бератов.

Было усилено налогообложение реайи. Податное население в тимарных областях унифицировалось по своему правовому положению. Как уже отмечалось, отдельные категории райатов, имевшие ранее налоговые льготы, их утрачивали. Однако в то же время сохранялись более строгие правовые ограничения для так называемых издольщиков-рабов, со времен Орхана работавших на землях султана и в вакфных владениях. Особенно много их было в окрестностях Бурсы, Эдирне, Стамбула.

В Османской империи начали вводиться «чрезвычайные налоги» — авáризы и принудительные закупки государством сельскохозяйственных продуктов по низким ценам. Все эти мероприятия были связаны с тем огромным напряжением, которого требовали почти беспрерывные войны. Однако по-настоящему серьезными проблемами они стали для империи в следующий период ее исторического развития.

Завоевательная политика и международные связи Османской империи. Лишь завоевав Константинополь и установив свое господство почти над всем Балканским полуостровом, османские султаны приступили к окончательному подчинению Анатолии. Борьба с Караманами, главными противниками османов в Анатолии, длилась свыше 12 лет. Караманских беев поддерживали кочевые феодалы Малой Азии, а следовательно, османо-караманская борьба не только отражала политическое соперничество двух феодальных правителей, но и имела определенное социальное содержание.

Османские султаны опирались прежде всего на турецких феодалов Румелии и Северо-Западной Анатолии, которые вели оседлый образ жизни и видели главный источник своей власти в земле и эксплуатации земледельческого населения. Кочевые феодалы оказались отодвинутыми на задний план. В своем недовольстве османской властью и централизаторской политикой султанов они блокировались с их главными политическими противниками в Малой Азии — Караманами. На той же почве совместной борьбы с османскими султанами установился политический союз Караманов с Ак-Коюнлу* — наиболее значительным государством тюрко-огузских кочевников, созданным в начале XV в.

В период своего наивысшего расцвета, при султане Узун-Хасане (1453—1478), это государство, сложившееся в верховьях Тигра и Евфрата, владело Азербайджаном, Арменией, Ираком Араб-

---

* Ак-Коюнлу — «белобаранные» — от названия объединения тюрко-огузских племен, изображавших на своем знамени белого барана.

ским и Западным Ираном. В своем соперничестве с османскими султанами за власть в Восточной Анатолии Узун-Хасан пытался опереться на союз с итальянскими торговыми республиками. Активные дипломатические отношения были установлены им с Родосом, Кипром, но особенно с Венецией *. При дворе Узун-Хасана собрались многие недовольные Мехмедом II анатолийские беи, которые надеялись с помощью султана Ак-Коюнлу повторить победоносный рейд Тимура.

Однако эти надежды оказались тщетными. В 1470 и 1472 гг. Мехмед II нанес поражение караманским беям, а в 1473 г. разгромил Узун-Хасана. Малоазиатские владения Ак-Коюнлу перешли к османам. В войне с Узун-Хасаном явно сказалось преимущество османов в техническом оснащении армии. Кочевая конница не выдержала огня османской артиллерии. Но Мехмеду II не удалось развить свой успех на Востоке, так как он был отвлечен европейскими делами, прежде всего войной с Венецией (1463—1479). После победоносного для османов окончания войны в Венецию было отправлено турецкое посольство. Это — первый случай отправки османским правительством своего посольства в Европу. Переговоры шли о возможном военном взаимодействии двух государств в районе Средиземного моря. Султан надеялся заручиться помощью венецианского флота.

При султане Баязиде II (1481—1512) по его инициативе впервые были установлены дипломатические контакты с Московским государством. Посредником в них выступал крымский хан. В 1492 г. Баязид II отправил в Москву посольство, которое, однако, не достигло цели, так как не было пропущено через литовские владения. В 1497—1499 гг. в Стамбул впервые приезжали русские послы. Установление дипломатических отношений между Московским государством и Османской империей отвечало интересам обеих сторон. Султан надеялся установлением добрососедских отношений отвлечь внимание московского князя Ивана III от возможного участия в антитурецких коалициях, усиленно планируемых западноевропейскими странами. Иван III, со своей стороны, стремился к союзным отношениям с Турцией и ее вассалом крымским ханом Менгли-Гиреем, рассчитывая использовать в собственных целях вражду крымского хана с Золотой Ордой, Польшей и Литвой.

Оба государства были заинтересованы в развитии торговых отношений. Известно, что русские купцы были частыми гостями на территории Османской империи. Складывались целые династии русских купцов, торговавших с Крымом и даже в Малой Азии. Сведения о русских купцах Алексее, Гаврииле, Степане, посещавших Бурсу в конце XV в., зафиксированы в кадийских книгах

---

* Венецианские послы Катерино Дзено, Иосафат Барбаро, Авросий Контарини, Джованни Анджолелло оставили интересные воспоминания о государстве Ак-Коюнлу и его внешней политике, в том числе и о войнах с Мехмедом II.

этого города. Возможно, что один из трех купцов, дело которых разбиралось кадием, может быть идентифицирован со знаменитым Степаном Васильевым сыном Дмитриевым, который вел торговлю с Каффой, Литвой, Малой Азией, делал большие закупки для княжеского двора, возглавлял целые караваны купцов. Имя его более четверти века не сходило со страниц московской дипломатической переписки. О большом внимании к вопросам торговли, проявляемом османским и московским правительствами, свидетельствуют и документы первых русско-турецких посольских сношений.

Османская империя к концу XV в. полностью контролировала малоазиатский участок важнейших караванных торговых путей, по которым издревле шли азиатские товары в Европу. Это — шелковый путь и пути, по которым везли пряности. Бурса, первая столица османского государства, была важным торговым центром, так как находилась на скрещении этих путей. Выгода от обслуживания торговых путей и сбора таможенных пошлин традиционно считалась азиатскими властями наиболее важной статьей государственных доходов, а потому контроль над торговыми путями во многом определял союзников и противников в политической борьбе. Так, бейлик Караманов, господствуя над проходами в горах Тавр и прилегавшей к ним частью караванных троп, мог оказывать влияние на ход торговли, которая велась по древнему так называемому диагональному пути через Анатолию [Алеппо (Халеб) — Адана — Конья — Акшехир — Карахисар — Кютахья — Бурса и далее к побережью Эгейского моря].

В борьбе с Караманами османские султаны постоянно опирались на союз с мамлюкскими султанами, владевшими истоками диагонального пути и заинтересованными, как и османы, в нормальном проходе караванов с пряностями. В дальнейшем, когда торговле пряностями стали угрожать португальцы, организовавшие после открытия Васко да Гамой морского пути в Индию (1497—1498) морские перевозки этих товаров, османы усилили нажим на мамлюкский султанат, а затем и сокрушили это государство (1516—1517). Они вели военные действия против португальцев в районе Красного моря, а в 1538 г. совершили военную экспедицию в Индию, закончившуюся безрезультатно.

Османы, включившись в посредническую торговлю пряностями и всячески поощряя ее, не внесли, однако, каких-либо новшеств в эту торговлю. Возможности же караванной торговли были ограничены. Поэтому ей было трудно выдержать конкуренцию с морскими перевозками португальцев. Но при возраставших европейских потребностях в привозимых товарах караванная торговля еще долго сосуществовала с морской, и доходы от пряностей, получаемые османскими властями, даже продолжали расти. Так, сбор таможенных пошлин на эти товары в Бурсе с 1487 по 1582 г. возрос в 4 раза (без существенного изменения размеров обложения).

В это время, однако, меняются контрагенты этой торговли. Более активно в области торговли стали действовать представители местных народов, населявших Османскую империю (армяне, евреи, греки, турки и арабы), сменились внешние партнеры, экспортировавшие товары в Европу (сузилась сфера деятельности венецианцев, активизировались флорентийцы и генуэзцы, а затем и их деятельности ставились определенные препоны), изменилась направленность европейской торговли: она сдвинулась на северо-восток, что было вызвано соперничеством Венеции и Португалии, активно торговавших пряностями в Западной Европе.

Поворот торговли делал для османов более значительными связи с Восточной Европой, и в частности с Россией. Большое значение придавалось также торговым путям, которые шли через Молдову на Львов и далее на север и северо-восток. Не случайно, что османы хотя и оставили внутреннюю самостоятельность Молдове, Валахии и Крымскому ханству, сохраняя их на положении вассальных территорий, но оккупировали важнейшие в стратегическом и торговом отношении пункты — Каффу (1475 г.), Килию и Аккерман (1484 г.).

Те же интересы транзитной для Османской империи азиатско-европейской торговли, безопасность путей поступления азиатских товаров диктовали борьбу за Восточное Средиземноморье, захват Родоса (1522 г.), Кипра (1571 г.), многочисленные турецко-венецианские войны.

Значительное влияние на развитие отношений между Османской империей и Ираном имело состояние торговли, шедшей по так называемому Великому шелковому пути, проходившему по этим двум странам, причем и сама эта торговля использовалась как инструмент политического давления. В первые годы XVI в. складывалось сефевидское государство, которое подчинило себе бывшие территории Ак-Коюнлу. В его создании активное участие принимала военно-феодальная знать тюрко-язычных кочевых племен, в том числе и малоазиатских, использовавшая для сплочения своих сторонников шиизм имамитского толка. При этом, как отмечает советский исследователь И. П. Петрушевский, шиизмом в то время интересовались скорее как знаменем политического или социального движения, враждебного прежним (суннитским) правителям, чем как религиозной доктриной.

Правитель нового государства, бывший ардебильский шейх Исмаил принял титул шахин-шаха Ирана. С этим титулом издавна было связано представление о некой «всемирной» монархии, так же как, например, с титулом римского императора, а на Дальнем Востоке — китайского императора. Шиитский фанатизм стал оболочкой войн с суннитскими государствами — Турцией и узбекскими ханствами Средней Азии.

Войны Османской империи и сефевидского государства (просуществовало с 1502 по 1736 г.) со второго десятилетия XVI в. стали для обеих держав постоянным фактором международных

отношений. Религиозная вражда суннитов и шиитов окрасила эти войны в еще более мрачные тона. Главным объектом соперничества Сефевидов и Османов были Закавказье и контроль над традиционными караванными путями европейско-азиатской торговли. Сефевиды пытались использовать в своих внешнеполитических целях распространенность шиизма и антиосманские настроения в недавно подчиненной османами Анатолии, что ужесточало социальные конфликты, происходившие в это время в анатолийском обществе.

Военные действия начались при султане Селиме I, а 25 августа 1514 г. войско Сефевидов было разгромлено в битве на Чалдыранской равнине (к востоку от оз. Урмия). И здесь превосходство османской армии в техническом отношении сыграло свою роль. Османская империя присоединила к своим владениям Юго-Восточную Анатолию и Курдистан. Надежда шиитского шаха на расширение границ государства Сефевидов в сторону Малой Азии была окончательно разбита.

Попытка шаха Исмаила создать антиосманскую коалицию европейских и азиатских держав (по поводу чего шла оживленная дипломатическая переписка) также провалилась. Сношения Исмаила с мамлюкскими правителями Египта и Сирии были использованы Селимом I для начала военных действий против мамлюков. Подлинной же причиной, толкнувшей его на войну, была неспособность мамлюкских властей противостоять португальцам в районе Красного моря и тем обеспечить бесперебойность поставки пряностей и других индийских товаров. Мамлюки были разбиты в районе Алеппо в 1516 г. Османам подчинились Сирия (Ливан и Палестина считались тогда ее частью) и Хиджаз со священными городами мусульман Меккой и Мединой. В 1517 г. был подчинен Египет.

С завоеванием Египта связывается легенда о передаче турецкому султану титула халифа, т. е. наместника, заместителя пророка Мухаммеда на земле, духовного главы всех мусульман-суннитов. Факт подобной передачи не подтверждается источниками и является более поздним измышлением, однако бесспорно, что именно с того времени, когда Османская империя подчинила себе огромные территории с мусульманским населением, теократические притязания османских султанов стали проявляться более активно.

Продолжая восточную политику Селима I, Сулейман I овладел Аденом (1538 г.), Йеменом (1546 г.), Ираком Арабским, западными областями Грузии и Армении (по мирному договору с Ираном в 1555 г.). В Африке под власть османских султанов перешли Алжир (1520 г.), Триполи (1551 г.), Тунис (1574 г.).

Подчинение Крымского ханства Османской империи (1475 г.) создавало реальную опасность соединения всех татарских юртов Восточной Европы, оставшихся после распада Золотой Орды, под эгидой Османской империи. Эта опасность особенно усилилась,

когда к власти в Казани пришли крымские Гиреи. Московское наступление на Казань (1547—1548, 1549—1550, 1552 гг.) завершилось крушением Казанского ханства (1552 г.), а в 1556 г. царские войска овладели Астраханью. Желая противодействовать этому, крымские татары в 1555—1556 гг. сделали попытку прорваться к Москве, разорили Тулу. В ответ на это в 1555—1559 гг. было предпринято несколько набегов русских войск и казаков на Крым, а в 1559 г. на Азов. Военные действия русских войск в этом направлении, однако, дальше не развивались, так как началась Ливонская война (1558 г.).

В 1569 г. султан Селим II предпринял попытку завоевать Нижнее Поволжье. Весной турецкая армия высадилась в Азове. Совместно с крымскими и ногайскими войсками она должна была захватить Астрахань и изгнать русских из Нижнего Поволжья. Для транспортировки галер с тяжелой артиллерией в Волгу предполагалось прорыть специальный канал в районе переволоки между Доном и Волгой. Этого, однако, сделать не удалось. Турецкая армия, оставшись без артиллерии, хотя и достигла Астрахани, но не осмелилась штурмовать Заячий остров, на котором располагалась крепость. При отступлении от Астрахани так называемой «кабардинской дорогой», по безводным степям Северного Кавказа, армия понесла большие потери от недостатка воды и голода.

В 1570 и 1571 гг. крымские татары совершили опустошительные набеги на русские земли. В 1571 г. дотла была сожжена Москва. После этого царь Иван IV уведомил хана, что готов уступить ему Астрахань, если тот согласится на мир и военный союз с Россией. Но в Крыму взяла верх военная партия, уступки царя посчитали недостаточными и предложение о союзе отклонили. Повторный, в 1572 г., набег крымских и ногайских татар на Москву натолкнулся на тщательно организованную русскую защиту. В районе деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы, татары были наголову разбиты. Гибель турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром Крымской орды под Москвой в 1572 г. положили конец турецко-татарской экспансии в Восточной Европе. Царское правительство по-новому организовало оборону русских границ: стали создаваться особые укрепленные линии — «засечные черты» (засеки с частоколом и надолбами, рвы, земляные валы, острожки и крепости, которые защищали ратные люди), первой из которых была Тульская. Далее граница отодвигалась к югу. Были сформированы Войско Донское и Запорожская Сечь.

В середине XV в. главные и наиболее упорные наступательные действия Османская империя вела в районе Венгрии. В 1521 г. Сулейман I взял Белград, ставший главным опорным пунктом османов в борьбе за Венгрию. Начался новый этап османской экспансии в этом районе. Если раньше венгерские земли знали лишь эпизодические вторжения отрядов акынджи, то теперь Сулейман I приступил к территориальным захватам, надеясь в этом районе получить новые земли для пополнения тимарного фонда.

Кроме того, завоевание Венгрии дало бы османам кратчайший и удобный путь в Центральную Европу. В 1526 г. в битве у г. Мохач была разгромлена венгерская армия. Король Венгрии и Чехии Людовик II погиб.

Турки, овладев столицей Венгрии Будой, посадили на венгерский престол своего ставленника — трансильванского магната Яноша Заполья, который признал себя вассалом Османской империи. В то же время часть венгерской знати провозгласила королем австрийского эрцгерцога Фердинанда Габсбурга. Так в борьбу за Венгрию включилась Австрия и стоявшая за ней «Священная Римская империя». В 1529 г. османы впервые осадили Вену. Осада не дала результатов и была снята с наступлением холодов, но борьба за Венгрию продолжалась с явным преимуществом Османской империи. Когда же после смерти Яноша Заполья в Венгрии активизировалась проавстрийская партия, Сулейман I разделил венгерские земли на две части. Трансильвании был предоставлен статус вассального государства. Остальная часть была превращена в эялет Будин под непосредственным управлением османских властей (1541 г.).

В период борьбы за Венгрию Османская империя была вовлечена в орбиту сложных европейских международных отношений. Так как «Священная Римская империя» воевала тогда с Францией, то последняя видела в османах своего возможного союзника и предприняла дипломатические шаги к установлению договорных отношений. В 1534 г. в Стамбул прибыл первый французский посол. С 1535 г. между двумя странами была достигнута договоренность о совместных военных действиях против Габсбургов. Франция, в частности, предоставила турецким пиратам из Алжира Тулонскую гавань. Пираты совершали разбойничьи набеги на испанское побережье (император «Священной Римской империи» Карл V был одновременно и испанским королем Карлосом I). Несколько позднее, в 1553 г., султан обязался предоставить французскому королю свой флот, за что король должен был уплатить султану 300 тыс. золотых ливров. С 1535 г. начались переговоры о торговых привилегиях французских купцов в Османской империи. Такое соглашение, предоставившее льготные условия для торговли (низкие ввозные пошлины, право экстерриториальности, освобождение от налогов), было впервые подписано с Францией в 1569 г.

Впоследствии аналогичные соглашения, получившие название «капитуляции» (главы, статьи), были заключены и с другими европейскими странами. Подобные уступки иностранным торговцам были односторонними. Они рассматривались османскими властями как нечто не столь важное в сравнении с военным взаимодействием с Францией в антигабсбургской войне. Позднее капитуляции сыграли отрицательную роль в судьбах Османской империи, создав благоприятные условия для установления экономической зависимости империи от европейского капитала. На первых

же порах в подобных соглашениях еще не было элементов неравноправия. Они давались как милость султана и были действительны лишь в период его правления. У каждого следующего султана европейские послы должны были снова добиваться согласия на подтверждение капитуляций.

Османская империя XVI в., осознавая свою военную силу, в отношениях с европейскими державами не стремилась приобщиться к принятым в их среде нормам и правилам дипломатии. Она исходила из мусульманских представлений о христианских странах как о «мире войны», в котором лишь покорностью и уплатой хараджа (податей) неверные могут купить мир с мусульманами. Поэтому соглашения о военной помощи и сотрудничестве, типа тех, что были установлены с французскими королями Франциском I и Генрихом II, воспринимались османскими деятелями как изъявление покорности, подобной вассальной зависимости, а получаемые денежные суммы — как дань вассала.

Торговые же привилегии иностранным купцам в этом плане представлялись как льготы (имтиязат) покорным вассалам. К тому же по мусульманским канонам главная забота правителя процветающего государства должна была состоять в обеспечении регулярного и достаточного поступления товаров на рынок, а поэтому поощрять следовало прежде всего ввоз товаров. Каких-либо протекционистских мер в отношении собственного производства в мусульманских экономических представлениях того времени не существовало.

Династийная борьба в Османской империи в конце XV — первой половине XVI в. Восстания в Малой Азии. Развитие Османской империи конца XV — первой половины XVI в., при всей внешней четкости и сбалансированности социальной структуры, которую пытались создать османские султаны, показывает остроту социальных и династических конфликтов, происходивших в это время в османском обществе. Уже смерть Мехмеда II и вступление на престол его сына Баязида II знаменовались борьбой двух братьев — Джема и Баязида. Баязид победил, опираясь на янычарский корпус, после чего значительно увеличил жалованье янычарам и ввел обычай платить им бакшиш (подачка, подарок) при вступлении нового султана на трон. Он попытался отойти от линии отца, восстанавливая мюльки, которые были конфискованы при Мехмеде II. Возможно, этим он хотел выбить почву из-под ног своего брата Джема, бежавшего в Анатолию и там пытавшегося оказать сопротивление правящему султану.

В дальнейшем Джем бежал на о-в Родос и далее в Италию. Он стал игрушкой в руках европейской (особенно папской) дипломатии, пытавшейся использовать его в своих интересах. В конце концов в 1494 г. Джем был убит по приказу папы, получившего за это от Баязида значительную сумму. Мехмед II в 1478 г. издал указ, предписывавший вновь возведенному на престол султану

убивать своих братьев. Однако, очевидно, в случае с Джемом этот беспрецедентный по своей жестокости указ лишь обострил борьбу братьев. В правление Сулеймана I его сыновья Баязид и Мустафа были уничтожены еще при жизни отца, в чем в немалой степени повинна любимая жена султана Роксолана (Харем-султан), расчищавшая путь к власти своему сыну Селиму [будущий султан Селим II (1566—1574)].

Идущий быстрыми темпами процесс феодализации османского общества вовлекал в свою орбиту все новые слои анатолийских турок. Среди них в конце XV— начале XVI в. особенно сильно росло недовольство, выливавшееся часто в антиосманские настроения. Идеологической оболочкой этого недовольства стал шиизм. Известно, что в середине XV в. временно вынужденный бежать ардебильский шейх Джунейд какое-то время скрывался в Северной Сирии, куда к нему стекались добровольцы-гази из воинственных тюркских кочевников Малой Азии. Среди них были и бывшие последователи шейха Бедреддина, возглавлявшего восстание против османов в 1416 г. Часть недовольных кочевников ушла в Иран и Азербайджан и там приняла активное участие в утверждении династии Сефевидов (источники называют семь главных племен — шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, каджар, зулу-кадар, а также племена байат, караманлу, байбуртлу и суфиев Караджа-дага).

Однако даже этот значительный отток недовольных не мог примирить социальные противоречия в Анатолии в это время. В Анатолии (в отличие от Сефевидов, которые приняли умеренный имамитский толк) продолжали действовать шииты крайних шиитских сект. Само название «казылбаши», принятое в Анатолии для шиитов, относилось прежде всего к секте али-илахи (или ахль-и-хакк), которая, придерживаясь принципа такия (т. е. благоразумного сокрытия своей веры), значительное влияние оказала на дервишский орден бекташи, считавшийся покровителем янычар. Крайние шииты выступали с проповедью социального и имущественного равенства. В частности, им близок мюрид шейха Бедреддина Мустафа Бёрклюдже, который, «кроме жен, провозглашал общим все — и пищу, и одежду, и упряжки, и пашни».

Эти взгляды продолжали быть популярными и в начале XVI в. В 1508 г. в районе Токата вспыхнуло восстание под руководством дервиша Нуреддина (Нур Али Халифа), которое продолжалось несколько лет. Характерно, что руководители восстания поддерживали связи с ардебильским шейхом Исмаилом Сефевидом. Отрывочность известий об этом восстании не дает нам права его квалифицировать: являлось ли оно сепаратистским движением, направленным на отделение от Османской империи и подчинение Сефевидам, либо движением народных масс, выдвигавших свои лозунги.

Еще более значительным было восстание 1511—1512 гг. в Анталье и прилегавших районах, которым руководил кочевник из

племени текелю, называвший себя Шах-кулу (раб шара Исмаила). Любопытно, что после подавления восстания уцелевшие повстанцы бежали в Иран к шаху Исмаилу, который, однако, не оказал им какой-либо поддержки. Очевидно, шах и феодализирующаяся кочевая верхушка государства Сефевидов боялись крайнего шиизма, который несли с собой эти повстанцы.

Султан Селим I, готовясь к войне с Исмаилом, в 1513 г. учинил в Анатолии массовую резню шиитов. По некоторым данным, было уничтожено до 40 тыс. человек. Однако в 1519 г. в Токате, Амасье, Турхале вновь вспыхнуло восстание, возглавляемое шейхом Джеляли, провозгласившим себя махди. Это восстание потерпело поражение, как и все предыдущие, однако оставило свой след в истории. В течение последующего столетия все восстания низов в Османской империи хронисты именовали «джеляли».

Отмеченные выше движения имели шиитскую окраску, но по своему социальному составу были довольно пестры. В них участвовали и феодалы, недовольные правительством, и крестьяне, и особенно кочевники. Очевидно, эти движения можно рассматривать как ранние феодальные движения, направленные против самого процесса феодализации, в который вовлекались в этот период значительные массы недавних кочевников Анатолии. Характерно, что в движении, начавшемся несколько позже (в 1526 г.) в санджаке Бозок области Зюлькадыр, отмечаются факты столкновения кочевников с земледельцами, что также свидетельствует в пользу высказанного ранее предположения. В восстании Календера в Киликии (1526—1527) участвовало много потомков крупных беев, разоренных османами, и потерявших свои владения тимариотов. Выдвигался лозунг создания новой династии. Обещанное султаном Сулейманом I возвращение потерянных тимаров вызвало разброд в среде восставших и способствовало разгрому восстания.

Во второй половине XVI в. усиливается антиосманская борьба балканских народов. Наиболее массовой формой ее проявления было гайдучество, т. е. партизанское движение слабо связанных между собой отрядов, имевших широкую поддержку местного населения. По своей социальной сущности гайдучество являлось антитурецкой и антифеодальной борьбой балканского крестьянства.

Происходили и восстания приграничных вассальных княжеств, возглавляемые их господарями, — Молдавии (1572—1574), Валахии (1594—1601), Трансильвании (1594). В 1598 г. вспыхнуло восстание в г. Тырново, выдвинувшее лозунг восстановления болгарского государства. Отдельные выступления происходили и в других районах полуострова. Хотя все эти восстания, как правило, быстро подавлялись войсками империи, они вспыхивали вновь и вновь. Все это свидетельствовало о нарастании внутренних противоречий в османском обществе.

Глава IV

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVI—XVIII в.)

Начало кризиса тимарной системы. В конце XVI в. в жизни Османской империи стали проявляться симптомы крушения сложившейся в предшествующие века социальной структуры. Начала рушиться тимарная система, в рамках которой шла ускоренная феодализация османского общества в XIV—начале XVI в. Частью османского феодального класса эти явления воспринимались как всеобщее разорение и катастрофа. Хронист второй половины XVI в. Мустафа Селяники так и писал: «Мир идет к разрушению». Распространялись многочисленные дидактические трактаты, авторы которых взывали к султану восстановить старые порядки. Время Сулеймана I Кануни стали идеализировать как период процветания и всеобщего благоденствия. Так, в адалет-наме, подписанном султаном Мехмедом III (1595—1603) при его вступлении на престол, отмечалось, что при Сулеймане I «никто не страдал от какой-либо несправедливости или вымогательства, и все дела империи шли идеально». Сейчас же «кодекс законов, гарантирующий справедливое правление, пренебрегаем и забыт, а всевозможные несправедливые новшества введены в административную практику». Эта ностальгия по прошлому и попытки сохранить старый социальный порядок — характерная черта в истории Османской империи следующих двух веков.

Суть же происходивших процессов — дальнейшее развитие османского феодализма, изживание определенных форм феодальной собственности, вытеснение одних феодальных укладов внутри османского общества другими, но тоже феодальными, изменение форм феодальной зависимости крестьянского населения. В то же время сохранялся еще в стране и резерв дофеодальной периферии, в частности, кочевые племена, среди которых султанское правительство, предоставляя им землю и насильственно переводя на оседлость, даже в XVII и XVIII вв. культивировало уже изжившие себя в других слоях общества архаичные формы феодальных отношений.

Кризис тимарной системы касался положения и судеб как крестьянства, так и феодального класса, и прежде всего той его части, которая должна была служить воинам разных чинов в феодальном кавалерийском ополчении (т. е. так называемых сипахи). Государство, заботясь о поступлении в казну налогов с райатов, проживавших в сипахийских владениях, строго фиксировало ту долю налогов, которую мог собирать для себя сипахи, и, следовательно, выступало защитником крестьян-райатов от чрезмерных притязаний сипахи. Однако эта защита проявлялась лишь до тех пор, пока дело касалось фискальных интересов казны.

Уже в законах Мехмеда II содержалось положение, что сипахи не должны занимать землю крестьян, но «если он занял землю райата, то пусть платит... подати, [установленные] в этой области».

Следовательно, возможно было присвоение тимариотом крестьянской земли, что и осуществлялось владельцами наиболее крупных тимаров и зеаметов в XVII—XVIII вв. Создавались так называемые чифтлики. Их появление шло за счет обезземеливания крестьянства, но не изменяло юридического статуса земельных владений. Сохранялись государственный контроль и возможность конфискации земель султанской администрацией за какую-то провинность или невыполнение обязанностей перед государством. Следовательно, сохранялись юридические ограничения, не позволявшие тимару стать частной собственностью.

Государственным контролем во многом был обусловлен и складывавшийся в чифтликах характер отношений владельца земли с непосредственным производителем. По османскому законодательству каждый райат был приписан к определенной податной единице — хане, объединяющей несколько крестьянских хозяйств и несшей коллективную ответственность за уплату налогов государству. Связи райата с хане вследствие строгого финансово-полицейского контроля государства оказывались сильнее, чем связи райата с землей. Даже потеряв свой надел земли, присвоенный тимариотом, фискальной системой государства, крестьянин оставался прикрепленным к хане. Практически это способствовало тому, что он становился издольщиком на той же земле, на которой раньше был свободным райатом. Положение крестьянина-издольщика зависело исключительно от произвола феодала, никак не ограниченного государством. Переписи, проводимые властями в это время, показывают наличие среди сельских жителей значительного числа так называемых джаба, т. е. безземельных, арендовавших землю. Характерно, что в ряде районов страны именно джаба, а не райаты берутся в XVII в. османскими властями как главный объект переписей населения, регулярно проводившихся в империи.

Уже в XVI в., как отмечают турецкие исследователи, площадь обрабатываемых земель в Османской империи достигла тех пределов, которые позволяла технология эпохи. В то же время в стране в XVI в. произошел «демографический взрыв». По подсчетам турецкого историка и экономиста О. Л. Баркана, за 1520—1580 гг. население Анатолии возросло на 55,9%, а численность жителей ряда санджаков Румелии — на 71%. В этих условиях издольщина не могла вместить все столь бурно увеличивавшееся сельское население. В стране появилось значительное число чифтбозанов, как называли крестьян, вынужденных уйти с земли, причем больше всего их было в Анатолии, где помимо прочих причин их появлению способствовало происходившее тогда же сокращение земледельческого хозяйства и расширение скотоводства. Кроме

издольщиков появились еще и деклассированные элементы — чифтбозаны, которые не находили себе применения в экономической жизни ни в городе, ни в деревне. Единственными возможностями устроиться в жизни для них было вступление в войска крупных пашей, которые стали набирать собственные армии-свиты, состоявшие у них на жалованье, либо поступить в текке или медрессе в качестве софта (ученика-послушника). Число софт к XVII в. значительно превышало потребности, и эти полунищие студенты религиозных учреждений становились одним из неспокойных элементов османского общества.

Итак, происходили изменения в отношениях между сипахи и крестьянством и способах организации хозяйства. Изменялось и положение сипахи-тимариотов в господствующем классе империи. Сипахи-тимариоты были наиболее массовой прослойкой турецких феодалов. В первой половине XVII в., как проследил болгарский исследователь С. Димитров, произошло увеличение общего числа раздаваемых султаном тимаров и еще большее увеличение числа воинов, обязанных службой за доходы с этих тимаров. Это свидетельствовало о стремлении центральной власти более интенсивно использовать тимарный фонд, а значит, и о наступлении на доходы сипахи.

Данные двух трактатов, фиксирующих состояние земельного фонда в 1609 и 1653 гг., показывают, что за немногим более чем 40-летний период число тимаров возросло на 5439, а численность войска, поставляемого с этих владений, на 24 850 человек. Любопытные наблюдения по этому поводу высказывает болгарская исследовательница В. Мутафчиева, опубликовавшая материалы смотров-проверок (йоклама) сипахийского войска, проводившихся в 1605—1606 и 1607—1608 гг. Переписи, проводившиеся во время йоклома, показывают, что размеры доходов сипахи явно поляризировались. В ряде случаев за санджакбеем числился доход, почти равный общему доходу всех сипахи санджака (например, в санджаках Чирмен, Нигболу, Дукакин) или даже больший, чем получали все вместе находившиеся под его началом сипахи (Кырк-Килисе и Вазе). Большинство тимариотов в Румелии имели доходы в 3 тыс. акче, в Анатолии — 2 тыс., т. е. они владели минимальными кылыч-тимарами, владельцы которых лично участвовали в походе как конники-кавалеристы (джебелю). Вооруженных за свой счет всадников, которых положено было выводить с каждых 5 тыс. акче дохода, могли содержать лишь санджакбеи. Следовательно, между владельцами зеаметов и рядовыми сипахи, которых иногда сравнивают с полунищими европейскими рыцарями, не осталось среднего звена тимариотов.

Падала военная значимость сипахийского воинства. Во время длительных войн мобилизации сипахийской кавалерии проводились ежегодно, но не во всех районах империи. На европейских театрах военных действий, например, регулярно участвовали в походах сипахи из Боснии и Румелии, другие же эялеты предо-

ставляли свои военные контингенты по очереди. Осенью, когда военные действия, по традиции, прекращались, сипахи из азиатских эялетов отсылались домой. Весной же призывались контингенты других эялетов или санджаков. В 1605—1606 гг., по данным йоклома, были мобилизованы сипахи всего лишь 20 санджаков, т. е. около десятой части всех санджаков Османской империи. Следовательно, сипахи перестали быть главной военной силой империи. Значительно возрастала в Османской армии роль войск капыкулу, получавших денежное жалованье из казны государства.

Султанские власти в это время колебались в своей политике в отношении сипахийской прослойки господствующего класса. То начинали проводить массовые изъятия земель тимариотов, не выполнявших свои обязанности (как было, например, неоднократно во время войны с Австрией в 1593—1606 гг.), то пытались упорядочить тимарную систему усилением контроля и некоторым увеличением доходов сипахи. Однако сама система не отменялась, даже более того, вводилась, например, для офицеров вновь создаваемых новых родов войск. Такая политика порождала ситуацию, при которой разорявшиеся тимариоты дефеодализировались, но не переходили в разряд крестьян.

Вплоть до отмены тимарной системы у них были надежды вновь получить тимар за новые военные заслуги перед государством. Эти бывшие тимариоты также вливались в массу деклассированных элементов, которые пополняли отряды провинциальных пашей или шайки разбойников, атаманов которых султанское правительство не раз привлекало на свою сторону, предоставив ту или иную военно-административную должность и земельное владение.

В XVI—XVII вв. в Османской империи шла ожесточенная борьба за перераспределение земельного фонда между военными (сипахийскими) и чиновническими категориями господствующего класса. Как уже отмечалось, между владениями, предоставляемыми этим прослойкам господствующего класса (тимары — зеаметы и хассы — арпалыки), имелись принципиальные различия по тому типу хозяйствования, который в них складывался. Были различия и в путях формирования этих групп феодалов.

Государственные чиновники Османской империи считались «рабами султана», причем дело здесь не только в терминологии (на Руси, например, бояре также считались «холопами» царя или великого князя), но и в своеобразном пути рекрутирования высшего чиновничества. Многие из них происходили из тех самых девширме, из которых формировались и войска капыкулу (и прежде всего янычары). В их руках в качестве хассов и арпалыков сосредоточивались огромные земельные богатства. Например, по данным начала XVII в., бейлербей Румелии имел годичный доход со своего хасса 1,1 млн. акче, Анатолии — 1,6 млн., янычарский ага — 500 тыс., главный дефтердар — 450 тыс. акче и т. п.

Земельные пожалования, дававшие такой огромный доход, находились в руках их владельцев лишь временно, в период занятия ими соответствующей должности, что, однако, позволяло им скопить в своих руках значительные богатства. Например, хронист Селяники описывает несметные сокровища, конфискованные казной после смерти везира Синан-паши (1595/96 г.). Верхушка чиновничества добивалась от султана и многочисленных пожалований на правах мюльков, выступая затем в качестве учредителей вакфов и т. п.

К концу XVI в. представители капыкулу значительно консолидировались экономически и политически. Многие из них имели личные связи с султанским семейством или сохранившимися, но политически находившимися в тени старыми феодальными родами, прославившимися еще в период завоеваний. Именно эти силы и выдвигали своих ставленников из капыкулу на все высшие государственные должности, вплоть до великого везира. В частности, чрезвычайное распространение получила практика назначения на пост великих везиров султанских зятьев (дамадов). Показательна, например, судьба великого везира Лютфи-паши, автора знаменитого трактата об обязанностях великого везира — «Асаф-наме». Он был взят по девширме во времена султана Баязида II, воспитан при дворе. Службу начал в личной гвардии султана (мютеферрика), затем сменил несколько янычарских должностей, был санджакбеем, отличился во времена венгерского похода Сулеймана I Кануни (1526 г.), был назначен бейлербеем (вначале анатолийским, затем румелийским) и, наконец, стал великим везиром. Несомненную помощь его продвижению по службе оказала женитьба Лютфи-паши на Девлетшах, сестре султана Сулеймана. Разрыв же с ней повлек отставку с поста великого везира.

Практика использования капыкулу позволяла султанам лавировать между разнородными элементами, входившими в османский феодальный класс. Способность господствующего класса принимать в свою среду лиц, происходивших из непривилегированных слоев общества, свидетельствовала об определенной гибкости османской феодальной системы. Причем девширме при всей своей жестокости, очевидно, служила для некоторой части нетурецких феодалов специфическим путем проникновения их представителей в османскую высшую бюрократию. Например, знаменитый великий везир второй половины XVI в. Мехмед Соколлу происходил из известного сербского рода Соколовичей. Процветанию этого рода в XVI—XVII вв. несомненно способствовало то обстоятельство, что его представитель находился в высших слоях султанского окружения.

В некоторых случаях сохранялись и экономические связи отдельных чиновников — капыкулу со средой, откуда они вышли. Так, например, известно, что один из великих везиров Сулеймана I, Кануни Синан-паша, и его потомки имели в качестве мюль-

ка земли в той местности, откуда Синан был взят по девширме.

К концу XVI в. усилились претензии чиновничества на ту часть земельного фонда, которая ранее предназначалась для раздачи воинам сипахийского ополчения. В дидактических трактатах XVI—XVII вв. часты жалобы, что «кылыджи исламского войска были розданы чаушам, письмоводителям, мутеферрикам, слугам вельмож и придворным рабам». Среди представителей сипахийской прослойки феодального класса нарастали недовольство и враждебность к чиновникам государственного аппарата. Выразитель их интересов Кочибей Гемюрджинский писал о засилье иноземных (эджнеби) элементов во всех политических и военных «корпорациях».

Действительно, выходцы из девширме, как правило, были нетурками по происхождению. Суть, однако, здесь не в этнонациональных, а в социальных противоречиях. Для тимариотов и даже их высшей прослойки — заимов путь к высшим должностям в правительственном аппарате был затруднен. Во второй половине XVII в. известны лишь два великих везира, по своему социальному происхождению вышедших из военной среды, да и то своим возвышением они обязаны покровительству видных деятелей, принадлежавших к системе капыкулу, и воспитанию в среде дворцовой бюрократии. Это Кеменкеш Кара Мустафа-паша, назначенный великим везиром в 1638 г., сын албанского заима, привезенный в детском возрасте в Стамбул и записанный в янычары в результате покровительства янычарского аги, и Кара Мустафа-паша Мерзифонлу, великий везир в 1676—1683 гг., сын тимариота, рано оставшийся без отца и воспитанный в семье великих везиров Кёпрюлю.

В конце XVI — начале XVII в. в балансе сил сипахийской и чиновнической прослоек феодального класса наметился явный перевес чиновничества, что порождало бурные социальные конфликты. Сипахи-тимариоты, в массовом порядке терявшие свои владения, и даже высшие слои военно-административного провинциального управления империи — бейлербеи и санджакбеи стали открыто выступать против центральной администрации.

Анатолийские восстания начала XVII в. С 1596 г. Анатолия была охвачена серией крупных восстаний, называемых в турецких источниках «джелялийская смута». Наиболее крупными и опасными для султанских властей были восстания Кара Языджи и Дели Хасана (1599—1603), Календероглу (1592—1608). Кроме них действовало еще множество повстанческих отрядов. Повстанцы неоднократно разбивали султанские войска, которые посылались на подавление восстаний. Руководителями восстаний были представители сипахийской прослойки феодального класса. Поводом к их открытому выступлению против султанской власти послужила проверка сипахийской кавалерии (йоклама), проведенная в 1596 г., после взятия османскими войсками венгерского города Керезтеша (в войне с Австрией 1593—1606 гг.). В результате

этой проверки были обвинены в дезертирстве и лишены своих тимаров 30 тыс. человек, происходивших главным образом из анатолийских провинций империи.

В социальном плане движение не было однородным. В нем приняли участие тимариоты и заимы, у которых было «отнято содержание»; многочисленные чифтбозаны, собиравшиеся в шайки разбойников и действовавшие как в отрядах джелялийцев, так и самостоятельно, а также и в отрядах султанских пашей, направленных на подавление восстания; отдельные бейлербеи и санджакбеи, взбунтовавшиеся против султанского правительства (бывший бейлербей Хабеша Хусейн, действовавший в эялете Караман, беи Амасьи, Чорума, Сиваса, братья крымского хана и др.).

Как справедливо отмечал турецкий исследователь М. Акдаг, силы, действовавшие в отрядах джелялийцев, и противостоявшие им были во многом сходными по своему социальному происхождению. Те же чифтбозаны, т. е. крестьяне, потерявшие землю, вытолкнутые из сферы сельскохозяйственного производства, составляли главную массу участников восстаний и в то же время выступали как наемники (в источниках того времени они носят различные названия— секбаны, сарыджа, левенды, дели и т. п.) в отрядах пашей, оставшихся верными правительству. Паши, бейлербеи и санджакбеи, действовавшие против джелялийцев, оказавшись не в состоянии выполнить какое-либо распоряжение центральных властей, переходили на сторону восставших, а правительство привлекало на свою сторону наиболее популярных руководителей джелялийцев, предоставляя им военно-административные должности и давая зеаметы. Так, звание санджакбея Чорума получил Кара Языджи, а Боснии — Дели Хасан. Правда, подобные пожалования не всегда прекращали восстания и не всегда гарантировали бывшего джеляли от произвола султанских властей. Тем не менее они вносили разлад в ряды восставших.

В результате огромного напряжения сил султанским властям удалось подавить основные очаги восстания. Однако в Анатолии, по выражению М. Акдага, продолжал бушевать секбано-левендский ураган. Справиться с ним могла лишь регулярная армия. Правительство пошло на срочное заключение мира с Австрией (1606 г.), освободив армейские силы для операций против бурлящей Анатолии. Были физически истреблены десятки тысяч повстанцев. К 1608 г. Анатолия была усмирена. Последствия восстания начала XVII в. еще долго сказывались в жизни Анатолии, а отдельные вспышки восстаний неоднократно происходили в течение всей первой половины XVII в.

В социальном плане восстания нельзя рассматривать однозначно. Они были вызваны крупными переменами в османском обществе, в частности отживанием сипахийской формы феодальной собственности. Значительные крестьянские массы, вовлеченные в движение, не выступали еще с самостоятельными лозунгами и не выдвинули собственных вождей. Та часть крестьянства,

которая к началу восстания уже лишилась связи с землей — чифтбозаны, — была наиболее активным участником движения. Однако, как любые деклассированные элементы, чифтбозаны не могли выдвинуть своей положительной программы. В ходе восстаний и опустошительных рейдов султанских войск, направленных на их подавление, были сильно опустошены многие сельские районы Анатолии. Большой ущерб был нанесен даже городам. Например, неоднократно были опустошены предместья и базары, расположенные за городскими стенами, у таких крупных центров как Анкара, Кайсери, Сивас.

В этих условиях значительные массы крестьянства были вынуждены покинуть свои деревни. Начался период так называемого «великого бегства» 1603—1608 гг. В это время многие крестьяне теряли свой официальный статус реайи, их земли прибирали к рукам новые владельцы, многие из которых происходили из бывших джелялийских вождей или местной знати. В условиях значительного обескрестьянивания новые владельцы зачастую отказывались от земледелия и переходили к животноводству.

Таким образом, к 1607—1608 гг., когда Анатолия была снова подчинена султанским властям, в ней в социальном и экономическом отношении начался новый этап развития, знаменовавшийся окончательным вытеснением с исторической арены тимариотской прослойки феодального класса и изменением отношений феодального собственника с непосредственным производителем. Эти отношения начинают строиться теперь не на государственном налоговом обложении, что было свойственно для предшествующего периода, а на издольщине. Восстания первого десятилетия XVII в., следовательно, с особой очевидностью выявили те явления кризиса тимарной системы, которые начали проявляться с конца XVI в.

Социально-экономические и политические проблемы Османской империи XVII в. Как уже отмечалось, тимарная система, при которой все виды земельных владений османского феодального класса рассматривались как султанские пожалования, в той или иной степени контролируемые султанскими властями, по сути своей означала сосуществование нескольких феодальных укладов, сформировавшихся в результате разных путей и темпов феодализации, характерных для различных групп османского общества. Все эти уклады были укладами однофор-мационного феодального характера. Они представляли собой типы хозяйствования, характерные для раннего или более зрелого феодализма, могли включать в себя элементы патриархально-родовых отношений, но не переходили верхних рамок феодального способа производства.

Известно, что «развитие феодального общества выражается прежде всего в изменении соотношения различных укладов», однако в Османской империи между ними наблюдалось некое равновесие сил, что порождало определенную застойность в развитии.

Бурно начавшийся XVII в., хотя и несколько поколебал, но еще не привел к ликвидации сбалансированной многоукладности, которая была характерна для предшествующего периода. Кризис тимарной системы затянулся почти на два с половиной века. Он охватывал все новые и новые слои османского общества и те типы хозяйствования, с которыми они были связаны.

В землях султанского домена и крупных чиновников начала еще более широко применяться откупная система взимания налогов. С конца XVII в. в практике откупов вводится новшество. Это так называемая система маликяне, т. е. система пожизненных откупов, при которой откупщики взамен уплаты государству установленной денежной суммы и определенных ежегодных взносов получали полную свободу в предоставленном в их распоряжение земельном владении. Следовательно, здесь, так же как и при создании чифтликов в землях сипахи, государство утрачивало возможность контроля за положением реайи, отношения откупщика с крестьянством начинают складываться как частно-правовые, хотя право наследования своих меликяне откупщики не имели и юридически их владения не становились частной собственностью. Через откупную систему к эксплуатации земли и крестьянства приобщались торгово-ростовщические круги. Следовательно, и в этом виде феодальных владений при формальном сохранении старой структуры происходило внутреннее перерождение.

В XVII в. при формальном сохранении всех старых видов феодальных владений началось формирование новой, провинциальной прослойки феодального класса, получившей название — аяны. Аяны рекрутировались из верхов различных прослоек феодального класса, а именно: владельцев крупных тимаров и зеаметов; торгово-ростовщических кругов, приобщившихся к хозяйственной эксплуатации земли через откупную систему; представителей старых феодальных родов, сохранивших свои позиции на базе таких земельных владений, как мюльки, вакфы и оджаклыки; командования войск капыкулу, расквартированных в провинциях, и т. д.

Экономически аяны опирались на обрабатывавшиеся издольщиками поместья — чифтлики, которые, однако, не были их собственностью, а находились в их распоряжении на основании традиционных прав на землю той категории господствующего класса, к которой генетически принадлежал тот или иной аян. С конца XVII в. аянство стало требовать своего места в системе государственного управления. Столкнувшись с возрастанием экономического и политического влияния аянов, османское правительство пыталось включить их в прежнюю имперскую социальную структуру, в частности (с 1726 г.) начало из их среды назначать правителей эялетов.

Однако аянство не вписывалось в эту структуру. Оно переросло ее рамки, было типологически иным, представляя собой хотя юридически и не оформленное, но наибольшее в условиях Османской империи приближение к европейскому сеньориально-

вотчинному феодализму. Борьба с аянами конца XVIII — начала XIX в. являлась, по сути дела, борьбой с феодальной раздробленностью европейского типа.

Положение усугублялось острым финансовым кризисом, переживаемым Османской империей с начала XVII в. К этому времени до империи докатилась общеевропейская «революция цен» *. Пик роста цен в империи, по подсчетам О. Л. Баркана, приходился на первое десятилетие XVII в. На протяжении XVII—XVIII вв. в стране путем прямого государственного вмешательства предпринимались меры, чтобы вернуть цены к прежнему уровню, что в определенной степени удавалось в отношении цен на товары первой необходимости в городах.

Однако для развития сельского хозяйства «революция цен» имела чрезвычайно серьезные последствия. Увеличилось налогообложение сельского населения, причем утратили свое значение строго фиксированные шариатские и традиционные налоги, а увеличились так называемые чрезвычайные налоги (текалиф-и дивание или авариз-и и дивание), ставшие регулярными сборами, официально исчисляемыми в 300 акче с одного хане. Повысилась доля натуральных поставок, различных принудительных изъятий продовольственных запасов у крестьян по фиксированным ценам (сюрсат, нюзюль, захиреси, иштира и т. п.).

Началась с XVII в. и прослеживалась в XVIII — начале XIX в. рекоммутация ренты. Результатом являлось все продолжавшееся разорение крестьянства и бегство его в город. Положение несколько стабилизировалось лишь к концу XVII в. Ускорялся и процесс разорения сипахийства, так как размер доходов сипахи был раз и навсегда установлен, а в новых финансово-экономических условиях тимары мелких сипахи не покрывали расходов, необходимых для несения военной службы. Были случаи, когда правительство вынуждено было издавать постановления, чтобы в некоторых местностях два тимара считали за один.

В этих условиях имперский бюджет начали сводить с все более возраставшим дефицитом (реальный дефицит бюджета 1650 г. составлял 154,3 млн. акче, а в 1661—1662 гг. — уже 175,5 млн.). Постоянно менялась стоимость монет, имевших хождение в Османской империи, уменьшалось содержание в них благородного металла. Деньги ухудшенной пробы правительство насильственно навязывало своим подданным (этим было вызвано возмущение жителей Стамбула в 1651 г.).

Финансовые трудности, перестройка внутренней структуры господствующего класса, разорение сипахийского воинства, сведение большей части господствующего класса к бюрократической рентополучающей прослойке и рост снизу новых феодалов —

---

* «Революцией цен» историки условно называют значительное повышение цен в Европе в XVI — первой половине XVII в., одной из причин которого является огромный приток дешевого американского золота и серебра.

владельцев чифтликов — все это нарушало старую сбалансированную социальную структуру, порождало ожесточенную борьбу внутри господствующего класса, выражением чего являлись многочисленные дворцовые перевороты и борьба различных фаворитов при султанском дворе. Выразителями этой борьбы зачастую становились и подразделения различных родов войск капыкулу (янычары, алты булюк и т. п.), выступавшие в данный период как преторианская гвардия, свергавшая и даже убивавшая султанов (например, султана Османа II в 1622 г.), низвергавшая великих везиров и других высокопоставленных чиновников.

В условиях острого политического разброда и экономических трудностей Османская империя хотя и оставалась все еще мощным в военном отношении государством, но стала все чаще и чаще испытывать военные неудачи. Требовавшие огромного напряжения войны не приносили больше значительных территориальных приобретений.

Основными направлениями внешнеполитической активности Османской империи конца XVI—XVII в. оставались те же, что наметились еще при Сулеймане I. Это — почти беспрерывные до 1639 г. войны с Ираном за контроль над торговыми путями, Закавказьем и Ираком; продолжавшаяся борьба за Венгрию с австрийскими Габсбургами и попытки продвинуться в сторону Вены; борьба с Венецией за морское преобладание в Средиземном море, за острова Эгейского и Ионического морей и восточное побережье Адриатики. На стороне Венеции уже в войне 1570—1573 гг. выступали Испания, Мальта, Генуя, Савойя и другие итальянские государства, а также папа римский. В 1571 г. этой коалиции удалось нанести первое сокрушительное поражение Османской империи в морском сражении при Лепанто, где был полностью разгромлен турецкий флот. Хотя это поражение и было лишь эпизодом войны, закончившейся в пользу Османской империи, оно было первым проявлением начинавшегося упадка военного могущества турок.

В XVII в. активизировалось северо-восточное направление европейской османо-турецкой экспансии. Войны с Польшей становились одним из постоянных факторов внешней политики Османской империи, главными объектами борьбы в которых были украинские земли и неоднократно восставшие против османского владычества Дунайские княжества. После воссоединения Украины с Россией (1654 г.) вначале крымский хан, а с 1676 г. и Османская империя начали борьбу с Россией за Украину. По Бахчисарайскому миру 1681 г. империя вынуждена была признать присоединение Левобережной Украины и Киева к России.

Войны с Венецией 1645—1669 гг., с Россией 1676—1681 гг., Австрией 1663—1664 гг. и Польшей 1666—1672 гг. были последними успешными завоевательными войнами Османской империи в Европе. Они были связаны с деятельностью энергичных великих везиров из рода Кёпрюлю, сумевших суровыми полицейско-адми-

нистративными мерами, конфискациями земель и богатств, перерегистрациями сипахийского войска и новыми раздачами тимаров еще раз вдохнуть жизнь в разлагавшуюся тимарную систему. Однако этих мер хватило ненадолго. В 1683 г. османские войска потерпели решающее поражение под Веной в войне, начатой Османской империей якобы в поддержку антиавстрийского восстания Текели в Венгрии. Осажденной турками австрийской столице пришел на помощь польский король Ян Собеский с польскими, саксонскими и украинскими войсками. Разгром под Веной знаменовал остановку османской экспансии в Европе.

Конец XVII в. отмечен еще одним сокрушительным поражением турок, нанесенным коалицией европейских держав — Священной лигой в войне 1684—1698 гг. По Карловицкому миру 1699 г. империя потеряла такие важные для нее территории, как Морея, отошедшая к Венеции, Азов, перешедший в руки России; ряд территориальных приобретений сделали Австрия и Польша. С этого времени, по выражению Ф. Энгельса, «наступательная сила турок была сломлена» *.

Новые явления в жизни османского общества XVIII в. Карловицкий мир 1699 г. знаменовал начало нового этапа во внешнеполитической истории Османской империи, что, в свою очередь, было следствием «состояния разложения», в котором находилась тогда «организация Турецкой империи» **. Во внешней политике Османской империи появляется больше гибкости, попыток играть на противоречиях между великими европейскими державами. Как отмечал находившийся в 1702 г. в Турции первый постоянный российский посол, П. А. Толстой, «война прошлая многие вещи у турок управила и зело политично ныне в договорах с послами содержатся», и далее: ныне «...политику познали и возлюбили», а несколько позднее снова: «...вскоре, чаю, войны не взачнут ни с кем скудости ради денежной и внутренних настроений».

Действительно, в течение первых десяти лет XVIII в. Османская империя явно уклонялась от каких-либо военных конфликтов с соседями, хотя главные ее противники были заняты в таких крупных общеевропейских войнах, как война за испанское наследство (1701—1714) и Северная война (1700—1721), и международная обстановка, казалось бы, благоприятствовала продолжению завоевательной политики османов в Европе. Попытку добиться реванша за поражение конца XVII в. Османская империя смогла предпринять лишь во втором десятилетии XVIII в. (1711 г. — война с Россией, 1714—1718 гг. — с Венецией, 1716—1718 гг. — с Австрией). Были отвоеваны Азов, Морея и ряд островов в Эгей-

---

* Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 17.

** К. Маркс. Реорганизация английского военного ведомства. — Австрийские требования. — Экономическое положение Англии. — Сент-Арно. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 262.

ском море, но потеряны Банат, Северная Сербия с Белградом, часть Хорватии, Боснии, Валахии. Продолжалась борьба с Ираном, против которого еще в 1707—1708 гг. Османская империя предлагала России организовать совместное выступление.

В 1724 г. Российская и Османская империи договорились о разграничении кавказских владений. Под османским владычеством оказались принадлежавшие ранее Ирану районы Грузии, Ширван, Ганджа, Ереван, Карабах и часть Иранского Азербайджана. Однако ирано-турецкая борьба за эти территории продолжалась, и войны Османской империи и Ирана на протяжении первой половины XVIII в. оставались постоянно действующим фактором, оказывавшим значительное влияние на события внутренней и внешней жизни империи.

Итак, казалось бы, что со второго десятилетия XVIII в. наблюдается возобновление Османской империей традиционной для нее активной экспансионистской политики. Однако значение этих войн для страны оказалось знаменательным не в связи с теми или иными территориальными приобретениями или потерями, а совсем в другом аспекте.

Обострение европейских международных отношений в это время связано с развитием капитализма в Европе. Тогдашнее соперничество европейских держав, вылившееся в войны начала XVIII в., К. Маркс считал частью торговой войны европейских наций *. Османская империя в этой войне выступала как сторона, явно сдающая свои былые позиции. Так, по мирному договору с Австрией (1718 г.) последняя получила от Порты капитуляционные льготы, ей было даровано право свободной торговли на всей территории Османской империи, в том числе по Дунаю и в портах Черного моря. Австрийские купцы освобождались от всех местных налогов, сборов и повинностей, а импортные и экспортные пошлины устанавливались в размере 3% заявленной стоимости товаров. До 3% были снижены пошлины и для венецианских купцов, что было даровано им как компенсация за территориальные потери Венеции в венецианско-турецкой войне 1714—1718 гг. Таким образом, даже одерживая победу и имея территориальные приращения, Османская империя зачастую уступала экономические позиции европейскому торговому капиталу.

Еще более разительными были итоги войны Османской империи с Россией и Австрией в 1735—1739 гг. Получив на Белградских мирных переговорах дипломатическую поддержку французского посла маркиза де Вильнева, Османская империя сумела добиться от Австрии возвращения Баната, Северной Сербии с Белградом, Малой Валахии. России, несмотря на ее большие победы в войне, был передан лишь Азов, а Франции за ее дипломатическую помощь при заключении мира в 1740 г. были дарованы но-

---

* К. Маркс. Капитал. Т. 1. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 760.

вые капитуляции. Эти капитуляции с точки зрения экономических выгод, предоставляемых Франции и ее торговцам, не содержали каких-либо новых принципиальных уступок, но дарованные Франции капитуляционные льготы отныне закреплялись за ней навечно. Следовательно, капитуляции утрачивали значение одностороннего добровольного акта султана, временно предоставлявшего торгово-политические льготы гражданам угодной ему державы.

С 1740 г. капитуляции становятся неравноправными международными обязательствами, взятыми на себя османским правительством. Они гарантировали определенные выгоды европейским купцам, но не предусматривали того же для османских подданных. Предоставление Франции таких капитуляций знаменовало начало юридического оформления политико-экономической зависимости Османской империи от европейского капитала.

Дальнейшее развитие этого процесса связано с разгромом Османской империи в двух русско-турецких войнах — 1768—1774 и 1787—1791 гг. (велась совместно с Россией и Австрией). Русско-турецкий Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. помимо значительных территориальных уступок предусматривал распространение капитуляционных привилегий на русских подданных; Черное море и проливы открывались для торгового мореплавания России и других держав; Россия получала право защищать интересы православной церкви и ее служителей на территории Османской империи и делать представления Порте в пользу Дунайских княжеств. Ряд статей договора регулировал положение христианских подданных султана: предусматривалась амнистия участникам антитурецкой борьбы, свобода богослужения, некоторые налоговые льготы, право переселения в другие страны и т. д.

Эти льготы России были подтверждены и Ясским мирным договором 1792 г. Граница между двумя государствами устанавливалась по р. Днестр. Крым присоединялся к России.

Со второй половины XVIII в. в европейских международных отношениях возникает так называемый Восточный вопрос *. Ф. Энгельс определял его как «неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?» **. Известно, что борьба с османской агрессией, попытки организации антиосманских коалиций и крестовых походов были традиционными для европейской политики, начиная с XIV в. Однако возникновение Восточного вопроса как некой особой международной проблемы стало возможным лишь в тот период, когда османское правительство начало утрачивать самостоятельность в решении внутригосударственных проблем и конфликтов. Проявлением этого процесса, как уже отмечалось, было

---

* Термин «Восточный вопрос», как известно, появился значительно позже, лишь в 20-х годах XIX в., но затем ретроспективно был распространен на более ранний период.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 4.

предоставление навечно капитуляционных прав иностранным подданным, в результате чего внешняя торговля Османской империи начала выходить из-под контроля султанского правительства. По Кючук-Кайнарджийскому договору уже не только торговля, но и статус отдельных районов и групп населения Османской империи определялся международным соглашением.

Таким образом, судьбы нетурецких районов Османской империи становятся объектом не только внутренней турецкой, но и международной политики. С этого же времени обостряется борьба между европейскими державами за позиции в Османской империи, что значительно осложняло отношения Османской империи с ее европейскими соседями, делая их не двусторонними, а общеевропейскими проблемами, вовлекая в тот же «неисчерпаемый» Восточный вопрос. С внутриимперских позиций Восточный вопрос являлся, таким образом, вопросом о судьбах нетурецких районов Османской империи, о турецко-османском владычестве, о национально-освободительных движениях в стране и путях развития многонациональной империи средневековья в новых исторических условиях. Соперничество европейских капиталистических держав в их стремлении к экономическому и политическому порабощению Османской империи усложняло процессы развития страны, усиливало те кризисные явления, которые наметились еще в предшествующий период развития.

На рубеже XVII—XVIII вв. экономическое, политическое, научно-техническое и особенно военное отставание Османской империи от вставших на капиталистический путь развития стран Европы начинает осознаваться даже частью османского правящего класса. В османском обществе, которое, по определению турецкого исследователя М. Б. Тюнджеля, было «традиционалистским по своей внутренней жизни, герметически закрытым от связей с Западом... считавшим себя более высоким, чем христианское общество», появляются новые веяния.

Уже в первой половине XVIII в. наряду с традиционными для Османской империи дидактическими трактатами, призывавшими султана и его окружение восстановить в стране былой порядок, появлялись памфлеты, где отмечались преимущества государственной и военной организации европейских стран. Одно из таких сочинений было подано в 1718 г. султану Ахмеду III (1703—1730). Оно представляло собой описание разговора христианина и мусульманина о причинах военных неудач Османской империи. Турецкий историк Н. Беркес и ряд других исследователей считают, что «этот документ содержал в зародышевой форме дебаты всего XVIII века о реформах» и был первым проектом реформ, положившим начало периоду, называемому в турецкой, американской и западноевропейской историографии периодом вестернизации и модернизации.

Первые проекты подобных преобразований составлялись, как правило, иностранцами, состоявшими на службе у османского

правительства, либо лицами, близкими к этим иностранным специалистам. Известно, что со своими проектами реформ выступали де Рошфор, представитель французов-гугенотов, предполагавших основать свою колонию на территории Османской империи, граф А.-К. Боневаль, принявший ислам и служивший с 30-х годов XVII в. в османской армии под именем Хумбараджи Ахмед-паши, окружение венгерского князя Ф. Ракоци, после неудачного антигабсбургского восстания нашедшего политическое убежище в Османской империи, турецкий первопечатник Ибрагим Мутеферрика и многие другие.

Конкретные результаты этих предложений были, однако, очень незначительными, что позволило английскому историку П. Колю утверждать, что проекты реформ, выдвигавшиеся в XVIII в. в Османской империи, «были мертворожденными». Однако эти проекты и дискуссии, разгоравшиеся вокруг них, создавали новый социально-психологический настрой в османском обществе. Рос интерес к общественному устройству и научно-техническим достижениям европейских стран. Знаменательным этапом в этом отношении явилось отправленное в 1720 г. во Францию турецкое посольство Мехмеда Челеби Йермисекиза. После пребывания во Франции посольством был составлен подробный отчет, который, по определению турецкого историка Э. З. Карала, «явился для османов первым окном, открывшимся на Запад».

Делались попытки узнать и использовать некоторые научно-технические достижения европейцев. Для этой цели была учреждена так называемая «комиссия переводов», осуществившая перевод на турецкий язык ряда естественнонаучных трудов как восточных, так и западных авторов. В 1727 г. в Стамбуле была открыта типография, начавшая книгопечатание на турецком языке. Создавались казенные мануфактуры, продукция которых предназначалась для удовлетворения нужд двора, государственного аппарата и армии (суконные — в Салониках, Эдирне, Стамбуле, шелковые — в Бурсе и Стамбуле, бумажная — в Ялово и др.).

В 1718—1730 гг., когда у власти находился великий везир Дамад Ибрагим-паша Невшехирли, в придворных кругах стали увлекаться европейской модой и роскошью, по европейским образцам строились дворцы, разбивались парки и цветники. В то же время продолжались так называемые «традиционные реформы» (термин введен американским историком С. Шоу), т. е. попытки организационными мерами добиться упорядочения положения в армии, административном управлении, финансах. Для этого освобождали от налогов одни категории податного населения и облагали другие (например, принудительно переводили в разряд реайи некоторые кочевые племена, усиливали налогообложение ремесленников), проводили жесткие проверки тимаров и зеаметов, несколько изменяли ставки налоговых квот, шедших их владельцам, сокращалась численность войск капыкулу, упорядочивали порядок выплаты им жалованья, создавали некоторые новые армейские подраз-

деления, особенно на флоте и в артиллерии (для их обучения привлекались иностранные инструкторы) и т. п.

Наиболее активными в проведении таких мероприятий были великие везиры Амджа-заде Хусейн-паша (1697—1702), Дамад Али-паша (1713—1716), Дамад Ибрагим-паша (1718—1730), Топал Осман-паша (1731—1732), Коджа Мехмед Рагиб-паша (1756—1763). Эти везиры-реформаторы не были последовательными в своей политике, и ряд их мероприятий явно противоречил друг другу, например была отменена, а затем вновь восстановлена практика маликяне, конфискованы, а затем вновь розданы тимары.

Реформы, проводимые для успокоения недовольных и стабилизации экономической жизни в стране, не достигали своей цели. Продолжало нарастать недовольство османским владычеством в нетурецких районах империи. Янычарские восстания, поддержанные торгово-ремесленными кругами Стамбула, в первой половине XVIII в. дважды (1703 и 1730 гг.) приводили к свержению султанов. Волновались и другие подразделения войск капыкулу, расквартированные в провинции. Росло влияние местной знати — аянов, подымавших мятежи против центрального правительства. Все это способствовало усилению внутренней нестабильности в стране.

Однако вплоть до конца XVIII столетия османское общество еще не находило в себе сил для радикальных перемен. Кризисные явления этого времени вписывались в рамки господствующего в стране феодального способа производства, еще не исчерпавшего всех возможностей своего развития. Османское общество все еще оставалось по своей сути средневековым. Влияние мирового капитализма и логика внутреннего развития феодальных отношений в стране лишь к концу века начали решительно требовать радикальных преобразований, призванных расчистить путь для новых социальных отношений.

РАЗДЕЛ II

НОВОЕ ВРЕМЯ (КОНЕЦ XVIII в.— 1917 г.)

Глава V

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ. ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИМПЕРИИ С ПОМОЩЬЮ РЕФОРМ

На рубеже эпохи нового времени Османская империя находилась в состоянии глубочайшего социально-экономического и политического кризиса. Ее положение стало столь критическим, что искать выхода из создавшейся ситуации начали самые высшие представители феодально-бюрократической элиты империи. Известно, что уже во второй половине XVIII в. делались попытки проведения военной реформы, в частности организации армии и флота по европейским образцам. Однако они не дали никаких результатов, натолкнувшись на решительное сопротивление высших феодально-клерикальных кругов и янычарской вольницы.

Противоборством старого и нового во всех областях социальной и политической жизни страны было отмечено царствование султана Селима III (1789—1807), которому тем не менее удалось сделать первый важный шаг на пути проведения необходимых стране реформ. Мысль о реформах он вынашивал еще до вступления на престол, проявляя весьма живой интерес, в частности, к военной науке и военному делу в Европе. Примечательно и другое. В условиях поражения Турции в войне с Россией (1789—1792) Селим III повелел группе высокопоставленных сановников государства сразу же после окончания войны подготовить свои записки (ляиха) о мерах, осуществление которых могло бы улучшить положение государственных дел. Хотя поданные султану записки не оказали сколько-нибудь ощутимого воздействия на его реформаторские побуждения и не содержали значительных предложений по реформе армии или государственного управления, они все же свидетельствовали, что даже высшие сановники Османской империи сознавали, что государственные дела находятся в расстройстве и нуждаются в улучшении. Заметное влияние на реформатор-

ские планы Селима III имело широко известное чрезвычайное турецкое посольство в Вену. Его глава Ратиб-эфенди в записке, поданной султану, впервые в своей стране прямо говорил о том, что многие беды и недостатки Османской империи проистекают от того, что европейские державы имеют превосходство над турками в военной и государственной организации.

Селим III, приступая к проведению в жизнь своего реформаторского замысла, главное внимание уделил военным реформам. Они, как, впрочем, и вся серия осуществленных им реформ, получили широко известное ныне в истории Турции название «низам-и джедид» («новый порядок»). Прежде всего султан и его непосредственное окружение сделали попытку укрепить и упорядочить традиционные подразделения османской армии — феодальное конное ополчение, которое формировалось из сипахи, и янычарское пехотное войско. В конце 1792 г. Селим III издал специальный указ, который определял строгую необходимость соблюдения всех правил, касавшихся участия сипахи в войнах государства. В указе в самых решительных выражениях напоминалось о военных обязанностях тимариотов и заимов, устанавливалась смертная казнь для тех, кто нарушал порядок распределения тимаров и обязанности сипахи.

Селим III не ограничился лишь декларативным актом издания указа. По его приказу с целью пополнения государственной казны конфисковались в ряде случаев свободные тимары и тимары тех, кто нарушал положения изданного указа. Некоторые меры Селима III и его администрации способствовали и другому весьма важному фактору социального и экономического развития страны. Правительство разрешило передавать тимары в маликяне — вид частной собственности — после уплаты государственной казне соответствующей суммы. В результате немалое число сипахи, став фактическими хозяевами своих земель, полностью избавлялись от военной повинности, а самое главное — усиливали ту социальную прослойку, которая была заинтересована в полной ликвидации тимарной системы.

Наряду с феодальным ополчением важнейшим элементом османской военной системы был янычарский корпус, который ко времени реформ Селима III был очевидной причиной военной слабости турецкой армии, опорой феодальной и клерикальной реакции и неоднократно инструментом организации дворцовых интриг и переворотов. Все попытки предшественников Селима III сколько-нибудь значительно реорганизовать средневековую регламентацию жизни корпуса и укрепить его былую военную мощь не приносили никаких успехов. И в окружении Селима III нашлись люди, которые рекомендовали султану осуществить военную реформу, добившись организационного укрепления и боеспособности янычарского корпуса. Селим III поддержал ту группу сановников, которая предлагала создать новое, по-европейски организованное войско. Авторы этой идеи выступили с принципиально важным предложением —

пригласить для создания нового войска 50—100 европейских офицеров, а также направить группу молодых турок на обучение в армиях стран Европы для получения военных знаний и навыков.

В первой половине 1793 г. Селим III, опираясь на изложенные выше доводы и соображения, издал ряд указов относительно новой военной организации, прежде всего указ о создании нового пехотного корпуса, сформированного и обученного по европейскому образцу. Были также изданы указы об учреждении специальной военной кассы, через которую должны были идти все средства на финансирование вновь создаваемой военной организации, об упорядочении и улучшении устройства в корпусах бомбардиров, минеров и оружейников. Был также и указ о необходимости повышения дисциплины в рядах феодального ополчения. Ему все еще отводилась своя роль в военной организации Османской империи.

Поскольку было очевидно, что сразу невозможно заменить всю старую военную организацию, реформаторы уделили определенное внимание улучшению положения традиционных военных формирований. Вновь были предприняты меры по повышению боеспособности янычарского корпуса, где были, например, налажены несколько раз в неделю специальные занятия по различным видам военного дела. Надо заметить, что меры по наведению порядка в янычарском корпусе проводились в жизнь с большими трудностями. С. Шоу пишет, что, когда агенты султана пытались проверить, кто из янычар действительно проходит службу в рядах корпуса, их попросту убивали. Говоря о янычарском корпусе и его оппозиции реформам, С. Шоу образно замечает, что корпус в той же мере был непригоден для войн, в какой все еще мог навязывать султану свою волю.

Главным инструментом реформы было, бесспорно, по идее ее инициаторов, создание нового войска. Его численность была окончательно определена в 12 тыс. человек. При этом предполагалось 1600 солдат и офицеров разместить в столице, а остальных (в пределах от 800 до 1500 человек) — в ряде городов Османской империи.

Новый корпус создавался, несмотря на личное внимание и усилия султана, довольно медленно. К 1798 г. в его составе было не более 3—4 тыс. солдат, а к 1804 г. — 12 тыс.

Между тем новые методы воинского обучения, новое вооружение и строгая дисциплина дали некоторые результаты. Уже во время осады Акки Бонапартом (1799 г.) и во время военной кампании в Египте новые военные формирования показали неплохие боевые качества. Подразделения войск «низам-и джедид» участвовали также в военной кампании в Румелии в 1804 г., когда правительство усмиряло кырджалиев.

В ряду других военных реформ Селима III — мероприятия по усилению боеспособности и технической оснащенности турецкой артиллерии, которая во всем значительно уступала этому роду

войск в европейских странах. Султан издал специальный указ о проведении необходимых мер для улучшения дела в артиллерийских частях. Их обеспечили пушками нового образца. В артиллерийский арсенал Топхане были приглашены европейские инженеры, мастера и инструкторы, по большей части французы. Созданный Селимом III новый артиллерийский корпус вскоре насчитывал 800 человек.

Больших успехов удалось достичь султану-реформатору в улучшении положения военно-морского флота, создав за сравнительно короткий срок значительный по силам флот. К концу царствования Селима III военно-морские силы Османской империи насчитывали свыше 100 судов, в том числе более 40 линейных кораблей и фрегатов. Среди капитанов кораблей было к этому времени немало молодых людей, имевших специальное образование и подготовку. Современники считали созданный при Селиме III военно-морской флот одним из лучших в Европе.

Военные реформы Селима III вышли далеко за рамки борьбы за повышение боеспособности армии. Их осуществление так или иначе влекло за собой контакт с европейской наукой и культурой. Это, в свою очередь, постепенно давало себя знать и в других областях жизни страны, в частности в дальнейшем развитии светского образования через военные учебные заведения. Еще в 1792 г. Селим III распорядился открыть ряд новых отделений в созданном еще в 70-х годах XVIII в. Морском инженерном училище — здесь было организовано артиллерийское отделение. В 1793 г. Селим III открыл новое специальное военное учебное заведение для подготовки армейских инженеров и артиллеристов — Сухопутное инженерное училище. В этом училище под руководством педагогов — французов или турок, получивших европейское образование, прошли военную и общеобразовательную подготовку по европейскому образцу сотни турецких юношей.

Военные реформы и связанные с ними мероприятия сказывались и в ряде областей промышленности и культуры. В связи с возрождением флота начались разработки на медных рудниках и угольных копях; для нужд совершенствовавшихся пороховых заводов увеличили добычу селитры, построили новые мануфактуры и оружейный завод с целью обмундирования новых воинских подразделений и их перевооружения. Стремление улучшить подготовку военных специалистов, в частности инженеров для армии и флота, естественно, привело к переводу на турецкий язык ряда европейских, в особенности французских, трудов по военному делу, математике, по некоторым другим наукам. Эти новые книги надо было печатать. В результате произошел важный сдвиг в культурной жизни: в 1792 г. возобновила свою деятельность не работавшая десятилетия первая типография, а в 1795 г. была открыта еще одна типография при Сухопутном инженерном училище.

Конечно, военные реформы были важнейшей целью Селима III и его ближайшего окружения, ибо над всем превалировало стрем-

ление восстановить былую военную мощь Османской империи. Постепенно в правящих кругах созревало ощущение того, что одни военные реформы не поправят находившихся в сильном расстройстве дел государства. Отсюда возникало стремление к улучшению экономики и торговли, упорядочению системы налогообложения, проведению мер по укреплению центральной власти.

Среди этих не очень эффективных мер можно назвать мероприятия по экономии средств, попытки поощрить развитие местного производства тканей, в особенности текстильных фабрик Анкары и Стамбула. Султан осуществил важную для городской жизни Стамбула экономическую меру. Он изъял у торговцев и передал в руки государства все вопросы продовольственного обеспечения столицы. С этой целью было создано даже специальное правительственное ведомство, занимавшееся хлебными вопросами. Очевидно, что эти отдельные, разрозненные и далеко не первостепенные мероприятия Селима III в экономических делах никак не могли существенно повлиять на состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли страны. Вместе с тем они свидетельствовали о том, что в правящих кругах империи постепенно зрело понимание важности решения экономических проблем.

Была, правда, одна область, в которой султан и его советники проявили немалую энергию. Реформы стоили больших денег, в особенности создание новой армии. Средств не хватало, их начали искать путем обложения народных масс новыми налогами. Все новые налоговые поступления и ряд других специально определенных видов доходов поступали в «казну новых доходов». Из ее средств финансировались все военные реформы, она же накапливала денежный фонд на случай войны. Новые налоги были введены на ряд продуктов сельского хозяйства — шелк, хлопок, табак и др. Сами суммы налогов были значительны, а их бремя для населения усиливалось традиционными злоупотреблениями сборщиков налогов. В результате новые налоги вызвали сильное недовольство населения, выливавшееся иногда в восстания против правительства. Эти налоги, хотя и принесли определенный доход казне, настроили крестьянство и массы горожан против реформ и их инициаторов. Это недовольство разжигали фанатичное духовенство и недовольные усилением центральной власти феодальные сепаратисты в провинциях Османской империи.

Между тем Селим III и его правительство стремились укрепить авторитет центральной власти, сделать ее влияние в провинциях реальным. Султан издал специальный указ, определявший порядок организации провинций — илов, назначения и обязанности губернаторов провинций — вали. Этот закон особо подчеркивал, что данные чиновники назначались центральными властями и были подотчетны султану и великому везиру. Правительство предусмотрело также соблюдение административного порядка во всех областях деятельности провинциального аппарата.

Реформы, однако, не смогли дать никакого реального результата. В частности, в самый разгар военных реформ Селима III ареной бесчинств банд кырджалиев стала вся Румелия. Их поддерживали и заодно с ними действовали некоторые феодалы-сепаратисты, в частности широко известный видинский аян Осман Пазванд-оглу.

Много хлопот приносили правительству и анатолийские феодалы-сепаратисты. Аяны Анáтолии не поддерживали мероприятия правительства по осуществлению реформы «низам-и джедид», феодальная междоусобица не прекращалась и здесь.

В ряду событий, усложнивших положение реформаторов и общее положение Османской империи, была франко-турецкая война 1798—1802 гг. В числе важнейших задач французов была военная экспедиция в Египет под командованием Наполеона Бонапарта. В июле 1798 г. французы захватили Каир.

В 1802 г. Турция заключила мирный договор с Францией, по которому Османской империи были возвращены все земли, захваченные французами в Египте. Правда, взамен Франция получила в Египте те возможные льготы, которые могли быть дарованы другим государствам. Наконец, французы приобрели в Османской империи все прежние льготы и привилегии, в частности в торговле, которыми французские подданные обладали раньше. Франция была признана мирным договором наиболее благоприятствуемой нацией. Ей были предоставлены те торговые и таможенные льготы, которых были лишены союзники Турции по закончившейся войне — Англия и Россия, а также другие государства.

После франко-турецкой войны внешнеполитическое положение Османской империи некоторое время оставалось стабильным, но резко пошло на подъем крайне опасное для империи национально-освободительное движение в балканских провинциях. Усилилась освободительная партизанская борьба против турецкого владычества в Греции. Карательные меры султанского правительства не приносили ощутимых результатов. Активизировались антитурецкие настроения и вооруженные выступления в Болгарии и Черногории. Черногорцам удалось столь успешно противостоять турецким войскам, что Селим III вынужден был признать Черногорию независимой. Но наиболее трудным оказалось положение турецких властей в Сербии, где в феврале 1804 г. вспыхнуло продолжавшееся более десяти лет антитурецкое восстание. Взрыв был вызван нарушением традиционных автономных прав сербов в вопросах внутреннего самоуправления, усилением угнетения крестьян крупными турецкими землевладельцами, грубым произволом турецкой администрации, в особенности бесчинствами янычар. Восстание быстро распространилось по всей Сербии, возглавил его знаменитый вожак гайдуков Кара Георгий.

Тяжелое внутриполитическое положение Османской империи, его обострение, выразившееся в антитурецких движениях, ослож-

нение международной обстановки — все эти факторы вызвали новый подъем реформаторского духа у правящей верхушки. Селим III и его ближайшие сподвижники попытались в первую очередь увеличить численность новых воинских формирований, и повысить их боеспособность. При этом султан пошел на неожиданное новшество — принудительный набор солдат для войск «низам-и джедид», что вызвало резкий отпор населения. Властям пришлось отказаться от этого мероприятия. Правда, султан начал готовить военные силы, чтобы подавить возникшее в Румелии сопротивление и добиться реализации своего указа о наборе рекрутов для новых войсковых контингентов.

В свою очередь, противники реформ организовали выступления против властей, в частности бунт янычар в Адрианополе (Эдирне). Султан пошел на уступки реакционерам и отозвал в столицу из Румелии контингент войск «низам-и джедид». Проявленную султаном слабость использовали противники реформ. Улемы стали открыто проповедовать идеи о том, что проводимые реформы идут вразрез с установлениями Корана и шариата. Наконец, позиции султана и его сторонников резко ослабила начавшаяся русско-турецкая война. С ее началом на фронт отбыл по традиции великий везир Хильми Ибрагим-паша. Заменивший его на посту великого везира Кёсе Муса-паша был тайным врагом султана и его преобразований. Он составил вместе с группой реакционно настроенных сановников заговор против Селима III. Заговорщики, опиравшиеся на ямаков, подняли 25 мая 1807 г. восстание против султана. 29 мая Селим III отрекся от престола, на трон был возведен султан Мустафа IV (1807—1808), вполне устраивавший реакционеров как своей безвольностью, так и предельной консервативностью взглядов.

Между тем те сторонники идей и реформ низложенного султана, которым удалось уцелеть во время бунта ямаков, не потеряли надежды восстановить утраченные позиции и вернуть трон Селиму III. Эту группу сановников возглавил крупный государственный деятель, человек, оставивший заметный след в истории османского государства, русенский аян Мустафа-паша Байрактар. Уже будучи аяном в Русе, он проявил незаурядные государственные способности, немало способствовав наведению административного порядка и улучшению экономического положения края. Вскоре он стал сераскаром (командующим) дунайской армией на театре военных действий русско-турецкой войны. Именно здесь, в условиях военного времени, Байрактар особенно остро ощутил потребность в военных реформах, полную непригодность янычар для защиты государства.

После совершившегося в Стамбуле переворота Байрактар выступил против попытки янычар расправиться со сторонниками реформ в Силистре. Вскоре ставка Байрактара в Русе стала центром всех сохранившихся сторонников Селима III. Группа видных сановников в составе пяти человек создала центр по подготовке

нового государственного переворота с целью восстановления Селима на троне. Эта тайная группа известна в турецкой историографии как кружок «рушукских друзей». Его участники действовали очень осторожно, опасаясь, что, если Мустафа IV, его сановники и янычары узнают об их намерениях раньше времени, они прежде всего расправятся с самим Селимом.

Заговорщикам благоприятствовали обстоятельства на русско-турецком фронте, где летом 1807 г. наступило длительное затишье. К июлю 1808 г. им во главе с Байрактаром удалось, объединив самые разные политические группировки в правительстве из числа сторонников Селима, подготовить военный поход на Стамбул. Большая армия, собранная «рушукскими друзьями», 18 июля подошла к столице и встала лагерем около города. 21 июля войска Байрактара появились на улицах столицы. Султану Мустафе IV пришлось сместить ряд неугодных повстанцам реакционных сановников. Наконец, 28 июля 15-тысячное войско Байрактара вступило в Стамбул. В тот же день Байрактар сместил великого везира Челеби Мустафа-пашу. Байрактар двинулся ко дворцу султана, намереваясь восстановить Селима III на троне.

Однако Мустафе IV и его приближенным удалось убить Селима — он был задушен. Мустафа IV отдал приказ убить также последнего отпрыска династии, своего брата Махмуда, но последнему удалось спастись. Когда войска Байрактара ворвались во дворец, им оставалось только одно — возвести на престол Махмуда. Султану Махмуду II (1808—1839) со временем суждено было не только продолжить дело Селима III, но и войти в историю своей страны в качестве ее крупного преобразователя.

И все же казавшемуся в этот момент могущественным Байрактару была уготована недолгая судьба. Силы феодальной фанатичной реакции были очень значительны, они довольно быстро оправились от поражения и начали готовить расправу с «рушукскими друзьями». Своим врагам помог сам Байрактар, будучи крайне жесток не только с сановниками, но и с простым народом, не соблюдая скромности в личном поведении, окружая себя большой роскошью.

События развивались довольно бурно, уже в ночь с 14 на 15 ноября 1808 г. в столице вспыхнул бунт янычар против Байрактара и его сторонников. Байрактар оказался совершенно не подготовленным к отражению бунта. Он не сумел и не успел организовать сопротивление, проявив лишь личное мужество при осаде янычарами его дома. Более 12 часов Байрактар героически сопротивлялся янычарам, забаррикадировавшись в каменной башне, которую он сам взорвал выстрелом в пороховую бочку, когда сопротивление стало бессмысленным. Утром 16 ноября янычарские орды и фанатичные толпы горожан двинулись ко дворцу султана, желая восстановить на престоле Мустафу IV. Лишь решительность Махмуда II, оставшегося в живых члена группы «рушукских друзей» Рамиз-паши и верного Махмуду II сановни-

ка Абдуррахман-паши спасли положение. Махмуд II приказал немедленно казнить Мустафу, что сделало его единственным представителем династии и сохранило ему трон в этой опасной для него обстановке.

Султан Махмуд II и его приближенные проявили и далее решительность в борьбе с восставшими янычарами. Против них были двинуты части новых войск. И хотя численность последних была значительно меньше войска бунтовщиков, они смогли нанести им несколько столь внушительных ударов, что накал наступавших угас и возникла возможность для переговоров с ними. Тем не менее через день бунт вспыхнул с новой силой, янычары предъявили султану перечень подлежавших немедленной казни лиц (в нем были, разумеется, Рамиз-паша и Абдуррахман-паша), сожгли казармы «нового войска» в Левенде и Ускюдаре. Султану пришлось идти на уступки, он лишь осмелился помочь бежать ненавистным янычарам сановникам.

Поражение и гибель Байрактара и «рушукских друзей» завершили тот период в истории Османской империи, который характеризуется первыми попытками реформ в различных областях государственной жизни на основе европейского опыта, первыми попытками синтеза традиционных средневековых мусульманских и современных европейских государственных и культурных институтов. Как видно, эти попытки потерпели в конечном счете поражение.

Реформы султана Селима III оказались безуспешными. Селим III и его соратники потерпели поражение прежде всего в результате предельной узости социальной базы реформаторов, которым постоянно противостоял мощный блок феодальной реакции и клерикальных фанатичных сил. Реформы не получили поддержки масс. Все народы Османской империи испытывали недовольство растущим налоговым бременем, а у нетурецких народов все больше укреплялось недовольство Селимом III и его правительством, жестоко подавлявшим любое проявление национальных освободительных устремлений. И все же значение этого опыта крайне велико, ибо он закладывал первые камни в фундамент последующих реформ государственного устройства и быта, содействовал зарождению молодой бюрократической интеллигенции, способной стать опорой новых реформ.

Н. Беркес пишет, оценивая попытки реформ в период правления Селима III: «Силы, направленные на осуществление перемен и реформ, незначительными не были, что можно видеть в следующем: после падения Селима все то, что было задумано в плане проведения реформ, было осуществлено вначале Мухаммедом Али в Египте в первой четверти XIX в., а позже Махмудом II в Турции, проведено, по крайней мере первоначально, с помощью тех людей и тех идей, которые явились продуктом времени Селима и которые спаслись от страшного шторма реакции и разрушения».

Оценивая общее состояние страны в этот период, необходимо принять во внимание, что международное положение Османской империи в начале XIX в. было сложным. Одним из крупнейших и значительных событий явилась для Турции русско-турецкая война 1806—1812 гг. Эта война возникла как результат ряда факторов русско-турецких и международных отношений. В их числе были такие важные обстоятельства, как превращение Франции в одну из крупнейших военных держав и усиление опасности войны в Западной Европе, опасение России за завоеванные в бассейне Средиземноморья позиции. Непосредственным поводом к началу военных действий послужили нарушения Османской империей ряда русско-турецких договоров и соглашений 1802—1805 гг.

Весьма большое влияние на развитие событий в этот момент оказали дипломатические интриги Франции против России в Османской империи, а также стремление султанского правительства добиться восстановления власти султана над Крымом. Это стремление Порты в своих интересах поддерживал и подогревал Наполеон. В сентябре 1806 г. Россия предъявила Османской империи ультиматум, в котором содержалось требование отменить те распоряжения султана, которые противоречили положениям русско-турецких договоров 1802—1805 гг. (речь шла, в частности, о нарушении права пропуска русских судов через Черноморские проливы). Русский ультиматум остался без ответа, чему немало способствовали Франция и ее победы в Европе, оказавшие немалое влияние на султана и его правительство. В ответ на это русские войска заняли Дунайские княжества — Молдову и Валахию, статус которых несколько раз был предметом русско-турецких переговоров и соглашений.

На дальнейший ход русско-турецкой войны существенное влияние имели эрфуртские и тильзитские встречи и соглашения Наполеона I и Александра I. Резко изменив свою позицию по отношению к Османской империи, Наполеон обещал поддержать присоединение Дунайских княжеств к России. Однако в дальнейшем стало очевидно, что французский император на переговорах преследовал свои цели. Более того, он по дипломатическим каналам всячески пытался укрепить готовность султана противостоять России. Вместе с тем французским дипломатам в Стамбуле было нелегко вести дела с султаном и Портой после того, как последним стало известно, что Наполеон обсуждал в Тильзите с Александром I вопрос о разделе ряда земель Османской империи (Египта, Молдовы и Валахии, Северной Болгарии). В результате стали возможными русско-турецкие переговоры о перемирии. Такое перемирие было подписано в августе 1807 г. Оно сохраняло свою силу до начала апреля 1809 г., пока обе стороны пытались определить условия мирного соглашения. Поскольку достигнуть соглашения они не смогли, военные действия возобновились.

Военная кампания 1809—1811 гг. принесла крупные успехи русской армии, которая под командованием фельдмаршала

М. И. Кутузова летом и осенью 1811 г. нанесла значительные удары по турецким войскам на Дунайском фронте. Положение Османской империи осложнилось и тем, что сербские повстанцы нанесли туркам также ряд поражений, в частности в октябре 1811 г. в сражении при Нише.

Все эти обстоятельства, дополнявшиеся постоянной угрозой антитурецкого выступления в Болгарии, вынудили султана и Порту пойти на мирные переговоры с Россией, которые завершились 28 мая 1812 г. Бухарестским мирным договором. Мир был заключен на следующих условиях. Россия получила лишь Бессарабию; в этом районе русско-турецкая граница проходила отныне по р. Прут. Договор восстановил власть турецкого султана в Молдове и Валахии. Однако княжествам было предоставлено право автономии на основе привилегий, которые содержались в Ясском мирном трактате 1792 г. Сербия получила по договору 1812 г. определенную автономию в вопросах внутреннего управления. При этом за Россией было закреплено право контроля исполнения Османской империей тех положений договора, которые касались Сербии. Бухарестский мир объективно стал важным шагом на пути к национальному освобождению сербского народа. Сербские повстанцы стремились к полному освобождению от турецкого господства.

Бухарестский мирный договор 1812 г. содержал и ряд других существенных положений. Он закрепил за Россией все области Закавказья до р. Арпа-чай, Аджарских гор и Черного моря. Наконец, договор имел совершенно особое значение для нее в условиях надвигавшейся войны с Францией. Он обеспечил России нейтралитет Османской империи в войне с Наполеоном. Что касается Порты, то, заключив договор о мире с Россией, она получила возможность заняться внутренними делами, в центре которых были проблемы национально-освободительных движений балканских народов.

Балканская проблема, как составная часть Восточного вопроса, имела огромное значение для внутриполитического и международного положения Османской империи в эпоху нового времени. В рассматриваемый период ее значение определялось исключительной значимостью стратегического положения Балкан, а также все более возраставшим антитурецким национально-освободительным движением славянских народов Балканского полуострова. Огонь этой борьбы тлел постоянно, но на сей раз пламя разгорелось с большей силой после того, как правящие круги Османской империи стали нарушать положения Бухарестского мирного договора, которые касались статуса Сербии. В частности, османское правительство потребовало от Кара Георгия сдачи занятой повстанцами в 1806 г. Белградской крепости.

Когда Сербия проявила твердость в противодействии нажиму Порты, султан приказал подготовить военное наступление против сербов. Летом 1813 г. турецкие войска вторглись в Сербию и на-

несли сербам ряд тяжелых ударов. Вскоре туркам удалось захватить и подчинить своей власти все сербские земли. Страшные страдания выпали в эти дни на долю сербского народа. Турецкие войска грабили и убивали мирных жителей, жгли села и уводили людей в рабство. В ноябре 1814 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в нескольких округах Центральной Сербии, однако турецким властям удалось его подавить. В апреле 1815 г. восстание вновь охватило Сербию. По своим масштабам оно было шире и значительнее, чем выступления 1814 г. По некоторым данным, восставших насчитывалось 40 тыс. Решающим фактором явилась поддержка восставших сербов Россией, потребовавшей от Порты выполнения соответствующих положений Бухарестского мирного договора 1812 г.

После длительных переговоров между руководителями сербского повстанческого движения и турецкими властями в 1816 г. было достигнуто соглашение, подтверждавшее право сербов на некоторую внутреннюю автономию. Турецкие воинские гарнизоны, однако, оставались в сербских крепостях. Но достигнутое соглашение, не оформленное указом султана, вскоре вновь стало нарушаться турецкими властями. Дальнейшее решение сербского вопроса оказалось возможным лишь после русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Восстание сербов и их борьба за независимость были важным звеном в цепи антитурецких освободительных движений народов Балканского полуострова. Одним из ярких проявлений этого процесса стало и мощное антитурецкое восстание в Молдове и Валахии, которое произошло в 1821 г. Началом восстания послужило резкое недовольство широких крестьянских масс Валахии, давно изнывавших под двойным гнетом — турецких властей и местных бояр. Идейным вдохновителем и вождем восставших крестьян стал Тудор Владимиреску — валашский патриот, выходец из состоятельной крестьянской семьи, участник тайного греческого патриотического общества «Филики Этерия».

В середине мая 1821 г. турецкие воинские соединения вступили на территорию Валахии и Молдовы. В нарушение положений Бухарестского мирного договора 1812 г. Порта фактически пошла на оккупацию княжеств, разместила там свои воинские гарнизоны, сместила неугодных ей господарей. Этот поход турецких войск в Молдову и Валахию стал новым звеном в цепи попыток султана и Порты подавить национально-освободительное движение народов Балкан. Между тем правящим кругам Османской империи уже в тот момент предстояло столкнуться с особенно мощным по силе и значительным по последствиям выступлением на Балканах.

В 1821 г. против турецкого владычества восстали греки, чье выступление в течение ряда лет играло определяющую роль во внутриполитическом и международном положении османского государства. Турецкое господство было просто несовместимо с уров-

нем социального и культурного развития Греции тех лет. Ф. Энгельс писал о греках в связи с их антитурецким выступлением: «Это был торговый народ, а купцы больше всего страдали от притеснений турецких пашей... греческая торговля... не могла уже больше переносить и самого турецкого господства. В самом деле, турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности. Неудивительно поэтому, что греки, которые с 1774 г. предприняли уже две попытки восстания, восстали теперь еще раз» *.

В самой Греции антитурецкое восстание началось весной 1821 г. под руководством тайной революционной организации «Филики Этерия». Первоначально ареной восстания стала Морея, но в короткий срок оно распространилось на всю континентальную Грецию и острова Эгейского и Адриатического морей.

Султан и Порта, узнав о восстании греков, ответили на него жестокими репрессиями. В столице была учинена страшная резня греческого населения, во время которой погибло 10 тыс. человек. По многим городам Османской империи прокатилась волна греческих погромов, сопровождавшихся грабежами и убийствами. Гонениям и убийствам подверглись в эти дни и другие христианские народы империи.

Однако, несмотря на репрессии, восстанием были охвачены все новые районы Греции. В октябре 1821 г., после пятимесячной осады, греческие повстанцы захватили административный турецкий центр в Морее — г. Триполис. К началу 1822 г. они овладели почти всей Мореей, значительной территорией в Центральной Греции и рядом греческих островов. Султанские власти оказались бессильны перед восставшими греками.

В январе 1822 г. повстанцы законодательно оформили свою борьбу за независимость. В г. Эпидавре было созвано Национальное собрание Греции, которое приняло греческую конституцию, провозгласившую независимость страны.

В июле 1822 г. султан Махмуд II попытался с помощью крупных военных соединений подавить главный очаг восстания и базу повстанцев — Морею. Но турецкая армия в Морее была наголову разгромлена. Султан и Порта оказались буквально в критической ситуации, ибо ожесточенные бои с греческими повстанцами обескровили султанскую армию и флот, опустошили государственную казну. Положение усложнялось войной между Османской империей и Ираном (1821—1823), которая не привела к серьезным территориальным потерям, но еще более затруднила для Порты борьбу с греческими повстанцами.

---

* Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 32—33.

Греческое восстание не только резко обострило внутриполитическое положение Османской империи, но вновь включило Восточный вопрос в повестку дня европейской политики. Разногласия великих держав в отношении к греческому восстанию привели к фактическому распаду Священного союза. Под напором русской общественности, стремившейся к поддержке борьбы греков, первой нарушила принципы Священного союза Россия. Весной 1823 г. английское правительство тоже отступило от основной доктрины Священного союза о незыблемости прав «законных монархов». Англия объявила, что она признает греков воюющей стороной. Осенью 1823 г. Россия начала переговоры об урегулировании русско-турецких отношений и одновременно предложила представителям держав провести в Петербурге конференцию по греческому вопросу.

Султан Махмуд II придавал столь большое значение подавлению греческих повстанцев, что счел возможным обратиться за военной помощью к своему вассалу, правителю Египта Мухаммеду Али. Согласившись предоставить турецкому султану для борьбы с греческими повстанцами армию и флот, Мухаммед Али обусловил эту военную помощь передачей Мореи в управление своему сыну Ибрагим-паше. Последний был назначен командующим египетскими вооруженными силами, направленными в Грецию.

Начало действий экспедиции Ибрагим-паши почти совпало с созывом конференции великих держав в Петербурге по греческим делам. Эта конференция заседала с перерывами с июня 1824 по апрель 1825 г. Ей так и не удалось выработать согласованной позиции. Дело не пошло дальше призыва к правительству Османской империи о помиловании невиновных в восстании и принятии посредничества держав в решении греческого вопроса. Последнее предложение Порта решительно отвергла, тем более что с прибытием в Грецию и началом там действий войск Ибрагим-паши военная ситуация стала меняться в пользу турецких властей. Несмотря на героическое сопротивление греческих повстанцев, в ноябре 1824 г. войска Ибрагим-паши разгромили их на Крите, а в феврале 1825 г. захватили Наварин. В летние месяцы того же года войскам Ибрагим-паши удалось подавить сопротивление повстанцев в большей части Мореи и овладеть г. Триполисом.

Пока шли бои в Греции и продолжались словесные баталии на международных встречах, в столице Османской империи назревало событие, которому суждено было стать исторической вехой в социально-политической и культурной жизни страны. Махмуд II, готовясь провести новую военную реформу, решился на ликвидацию одного из основных бастионов феодально-клерикальной реакции — корпуса янычар. В памяти Махмуда II были свежи те события, приведшие к неудаче военных реформ Селима III, против которых взбунтовались янычары. Между тем Махмуд II и его ближайшее окружение сознавали необходимость проведения ряда военно-административных реформ, способных укрепить

Османскую империю перед натиском освободительных движений нетурецких народов и постоянной угрозой вмешательства великих держав во внутренние дела империи.

Военные действия в Греции продемонстрировали крайне низкие боевые качества турецких войск на фоне современной, по-европейски обученной армии египтян. Махмуд II решил ускорить проведение военной реформы, опасаясь, не без оснований, роста самостоятельности и военного могущества своего достаточно независимо державшегося вассала Мухаммеда Али. Во всяком случае, весной 1826 г. султан и Порта стали обсуждать проект создания новых пехотных частей. Эти части, названные «корпусом ишкенджи» (до 8 тыс. солдат), должны были быть организованы и обучены по европейской системе. Проект был обсужден, одобрен положенной в таких случаях фетвой шейх-уль-ислама, оформлен указом султана. Султанский указ содержал даже положение о том, что каждая из частей янычарского корпуса обязана выделить для новых воинских формирований по 150 солдат. В короткий срок в корпус было зачислено около 5 тыс. новобранцев.

Эти действия султана-реформатора рано или поздно должны были вызвать противодействие янычар, увидевших в новом войске посягательство на свои традиционные привилегии. Бунт янычар начался 15 июня 1826 г., через две недели после издания указа султана о создании нового войска. Бунтовщики, число которых постепенно достигло 10 тыс. (по другим данным — 20 тыс.), напали на дома тех высших сановников, которых считали инициаторами проведения военной реформы. Янычары по традиции грабили и жгли дома ненавистных им лиц, призывая население Стамбула присоединиться к ним. Но на этот раз горожане не поддержали янычар, в которых видели источник смуты и последних военных поражений в Греции. Никого из крупных сановников бунтовщикам обнаружить дома не удалось, ибо все они находились в летних загородных резиденциях. Махмуд II и его окружение проявили большую решительность и организованность в отпоре бунтовщикам. Около 14 тыс. солдат из новых военных формирований и верных султану артиллерийских частей было брошено для подавления бунта янычар.

Часть горожан получила оружие и встала на сторону верных Махмуду II войск. Вскоре стамбульская площадь Этмейдан, на которой собрались бунтовщики, была окружена султанскими войсками. Бунтовщики отказались сложить оружие и повиниться. Тогда заговорили пушки. Они буквально в упор расстреливали непокорных янычар, которые гибли тысячами здесь на площади, а также в казармах, где они попытались укрыться. Эти казармы по приказу султана были преданы огню вместе с оставшимися там непокорными янычарами. После расстрела янычар на площади Этмейдан по всему Стамбулу шла охота за бунтовщиками. Всего погибло во время бунта или было казнено по решению спе-

циальных судов не менее 6—7 тыс. янычар, а около 15—20 тыс. было выслано из столицы. Символы корпуса янычар были преданы публичному осквернению. Наконец, 17 июня 1826 г. собрание высших сановников приняло историческое для Османской империи решение об упразднении янычарского корпуса и предании анафеме этого традиционного государственного института, о чем был издан специальный указ султана. Во всех провинциях империи предавали казни янычар, выражавших непокорность; там их было уничтожено десятки тысяч.

Историческое значение ликвидации янычарского корпуса состояло в том, что отныне не только в военно-административной, но и в общественно-политической и культурной жизни страны складывались более благоприятные условия для осуществления прогрессивных преобразований.

Уничтожив янычарский корпус, Махмуд II не остановился перед ликвидацией и других традиционных османских военных формирований, сохранение которых могло быть постоянной угрозой любым реформам, в том числе военным. Султан упразднил подразделения ямаков и регулярную сипахийскую конницу. Оба эти формирования, подобно корпусу янычар, были постоянным источником смут и недисциплинированности. Ямаки и сипахи не сделали даже попытки противиться султанскому указу, слишком свежа была у всех в памяти трагическая судьба янычар, выступивших против Махмуда II.

Ликвидация янычар позволила султану-реформатору начать действенную реорганизацию не только армии. Махмуд II решился уничтожить и могущественный мусульманский дервишский орден бекташи, с которым янычарский корпус был связан вековыми узами. Решение это было принято высшими светскими и духовными сановниками империи во главе с шейх-уль-исламом. В июле — августе 1826 г. руководители ордена бекташи были публично казнены, дервишские обители разрушены, имущество ордена конфисковано властями.

Уничтожив, таким образом, основные военные и социально-религиозные институты, бывшие препятствием на пути военной реформы, Махмуд II приступил к делу, начатому его предшественником Селимом III. Сразу же после издания указа, оформившего ликвидацию корпуса янычар, султан издал указ о создании новых пехотных соединений, которые надлежало организовать, вооружить и обучить по европейскому образцу. Махмуд II распорядился сформировать восемь полков нового войска. В короткий срок их численность дошла до 12 тыс. человек. Примечательно, что для обучения нового войска использовались иностранные военные инструкторы, в особенности французские офицеры. Понимая важность подготовки собственных кадров военных специалистов, Махмуд II направил большую группу турецкой молодежи для обучения в военных инженерных и медицинских учебных заведениях Франции. Несмотря на первые успехи военной реформы Махму-

да II, в столице и в провинциях империи комплектование нового войска и рекрутирование солдат оказалось делом весьма нелегким. С момента создания первых воинских частей нового образца прошло почти 30 лет, пока Османская империя смогла располагать сравнительно современной армией.

Махмуд II проводил организацию нового войска в условиях продолжавшихся боев с повстанцами в Греции и нарастания кризиса в русско-турецких отношениях. Войска Ибрагим-паши продолжали свирепствовать в греческих городах и селах, а в июне 1827 г. они овладели Афинами, которые были символом и оплотом повстанцев. Вскоре же великие державы по инициативе России потребовали от султана предоставления Греции автономии. Османская империя отклонила этот ультиматум, полагая, что известные Порте расхождения великих держав в греческом вопросе помогут ей противостоять их нажиму. В результате назрел военный конфликт, который вылился в знаменитое Наваринское морское сражение.

20 октября 1827 г. эскадра из турецких и египетских судов была наголову разгромлена значительно меньшей по численности флотилией англо-франко-русских судов. После этого поражения на море войска Ибрагим-паши были эвакуированы из Греции, а на берегах Мореи появились французские войска. Все эти события до предела накалили русско-турецкие отношения, тем более что султан и Порта видели в России главного виновника гибели своего флота и неудач в Греции. В конце декабря 1827 г. Махмуд II издал указ об объявлении войны России. В апреле 1828 г. русское правительство, в свою очередь, ответило объявлением войны Османской империи.

Русско-турецкая война была и на этот раз крупным событием и в истории народов Балкан, и в международных отношениях. Россия смогла предпринять крупные и решительные военные акции против Османской империи и поддержать освободительные движения народов Балкан после заключения Туркманчайского мирного договора, завершившего русско-иранскую войну 1826—1828 гг. После издания царского манифеста о войне с Османской империей 150-тысячная русская армия форсировала р. Прут и заняла территорию Дунайских княжеств.

В мае 1829 г. на фронте активизировались действия русских войск как на балканском, так и на кавказском театре военных действий. Русский главнокомандующий на Балканах генерал И. И. Дибич сумел, несмотря на значительный численный перевес противника, нанести туркам ряд сокрушительных ударов. 20 августа русская армия овладела Адрианополем и перед ней была открыта дорога на Стамбул. Положение султана и Порты стало критическим, тем более что и на Кавказском фронте русские войска одержали ряд важных побед, заняв такие крупные города, как Эрзурум, Байбурт и Муш. И все же русские войска не двинулись к турецкой столице, ибо русское правительство сознавало,

что этот шаг чреват вооруженным столкновением с коалицией европейских держав, имевших в Османской империи свои интересы. Со своей стороны, Махмуд II и Порта в условиях очевидного военного поражения и недовольства населения столицы неудачной войной и ее тяготами стали стремиться к быстрому мирному соглашению с Россией.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе между Россией и Турцией был подписан мирный договор. По этому договору к России был присоединен ряд грузинских и армянских земель, освобожденных русскими войсками. Договор обязывал Османскую империю предоставить Греции и Сербии автономию, а также предусматривал вывод турецких войск из Дунайских княжеств. При этом автономные права Молдовы и Валахии были подтверждены и существенно расширены: туркам было запрещено здесь жить и владеть недвижимым имуществом. Наконец, Адрианопольский мирный договор определил обязанность Османской империи не нарушать свободу торгового судоходства в Черном море и проливах, а русским торговым представителям в Стамбуле было дано право следить за действиями турецких властей в этом вопросе. Мирный договор также обязывал Турцию выплатить России большую контрибуцию.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и завершивший ее Адрианопольский мирный договор сыграли историческую роль в судьбах балканских народов. «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? — писал Ф. Энгельс.— Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы» *.

Действительно, именно русско-турецкая война окончательно решила судьбу Греции. В феврале 1830 г. было достигнуто русско-англо-французское соглашение о полной независимости Греции. Правда, это соглашение не отвечало всем задачам греческого антитурецкого движения, ибо будущее независимое греческое государство было определено не в тех границах, за которые боролись повстанцы. И все же был сделан важнейший шаг на пути к созданию независимой Греции. Султан и Порта согласились с этим требованием только под усиленным дипломатическим нажимом держав. 24 апреля 1830 г. указом султана была объявлена независимость Греции.

Русско-турецкая война и ее последствия сыграли немалую роль и в исторических судьбах Сербии. В результате работы смешанной русско-турецкой комиссии были наконец официально установлены границы Сербии, а 26 августа 1830 г. Махмуд II был вынужден специальным указом предоставить Сербии статус автоном-

---

* Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 32.

ного княжества. Все эти события в истории греческого и сербского народов объективно сыграли положительную роль для Болгарии: хотя Адрианопольский мир и последовавшие международные соглашения не изменили ее статуса, однако они укрепили в Болгарии дух антитурецкой борьбы и серьезно усилили ее надежду на национальное освобождение.

Османская империя вышла из войны с Россией крайне ослабленной как в военном, так и в политическом отношении. Это вскоре со всей очевидностью проявилось, когда возник острый конфликт между Махмудом II и его формальным вассалом, наместником Египта Мухаммедом Али, который еще недавно спасал султана и его правительство от неминуемого поражения в Греции. Конфликт этот перерос рамки внутренней проблемы Османской империи и стал острым международным вопросом.

Поводом для открытого столкновения между Махмудом II и Мухаммедом Али послужило требование султана о выплате денег в счет египетской дани. Могущественный вассал не только отверг это требование, но, в свою очередь, стал претендовать на управление Сирией. В результате осенью 1831 г. армия Мухаммеда Али начала военные действия против Махмуда II. Войска египетского наместника заняли всю Сирию и Киликию, затем вторглись в Анатолию, где в декабре 1832 г. произошло сражение с турецкими войсками у Коньи. Султанская армия была разбита наголову. Реальной стала угроза движения египетских войск на Стамбул и гибели династии османских султанов.

Тогда Николай I предложил султану Махмуду II военную поддержку, которая могла бы защитить его и Стамбул от войск Ибрагим-паши. В феврале 1833 г. в Босфор вошли русские военные корабли, а в течение февраля — апреля того же года около 10 тыс. солдат русских десантных частей встали лагерем в долине Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора. Таким образом, русские войска преградили египетской армии возможный марш на Стамбул. После такой акции России Англии и Франции пришлось пойти на то, чтобы склонить Мухаммеда Али к переговорам с Портой. Эти переговоры состоялись в Кютахье и завершились в мае 1833 г. турецко-египетским соглашением, которое предусматривало сохранение за Мухаммедом Али власти над Египтом, Сирией и Палестиной, Киликией. Со своей стороны, египетский наместник согласился по-прежнему признавать верховную власть султана. Политические позиции России были серьезно укреплены подписанием 8 июля 1833 г. русско-турецкого союзного договора, известного в истории под названием Ункяр-Искелесийского. После этого соглашения русские войска покинули территорию Османской империи.

В турецко-египетском конфликте после Ункяр-Искелесийского договора наступила передышка. Что касается Мухаммеда Али, то, как показали дальнейшие события, он только под воздействием внешних факторов временно прекратил борьбу против султана

и ждал удобного повода для ее возобновления. Махмуд II не мог простить своевольных действий непокорного вассала и хотел вернуть под свое полное управление земли, подпавшие под власть Мухаммеда Али после соглашения 1833 г. в Кютахье. Повод для столкновения сторон возник в 1838 г., когда египетский паша отказался признать отмену государственной монополии на закупки пшеницы и шерсти, а также в очередной раз в резкой форме потребовал придать своей власти на всех находившихся в его управлении территориях наследственный характер и вновь перестал платить дань султану.

Весной 1839 г. турецкие войска начали непосредственную подготовку к войне против Мухаммеда Али. 24 июня под Низибом (Северная Сирия) произошла битва между войсками султана и армией египтян под командованием Ибрагим-паши. В этом сражении турецкая армия была наголову разгромлена. Турки потерпели полное поражение и на море; флот султана в результате измены командующего перешел на сторону египтян. Султан Махмуд II не успел даже получить известие о тяжелом поражении его войск под Низибом, так как он умер спустя шесть дней после этой битвы. Трон занял султан Абдул Меджид I, которому предстояло продолжить реформаторские мероприятия своего предшественника.

В июле 1839 г. в конфликт вмешались великие державы. Длительные дипломатические баталии привели к решению о военных санкциях держав против египетского паши. Летом 1840 г. началась военная интервенция Англии и Австрии в Сирии. Войска Мухаммеда Али потерпели ряд поражений. В декабре он капитулировал, а в мае 1841 г. в Лондоне было подписано соглашение союзных держав и Турции, зафиксировавшее покорность египетского паши султану.

Реформаторская деятельность Махмуда II, начавшаяся с ликвидации янычарского корпуса, оставила заметный след в различных областях социальной, политической и культурной жизни Османской империи. Еще после завершения первой фазы турецко-египетского конфликта Махмуд II решил воспользоваться возникшей военной и дипломатической передышкой, чтобы продолжить начатые ликвидацией янычар военные реформы. Вся атмосфера и военные операции в период столкновения с Мухаммедом Али буквально диктовали неотложные реформы османской военной системы и организации.

Новые регулярные воинские части, части султанской гвардии, редифные подразделения (вид территориальной милиции) составили новый контингент сухопутных войск Османской империи. В середине 30-х годов постепенно стала формироваться и регулярная конница. В 1836 г. общая численность турецкой регулярной армии достигла 60—70 тыс. человек. Махмуд II предпринимал также меры по созданию нового флота после Наваринского сражения, но эти меры не дали больших результатов.

Оценивая в целом военные реформы Махмуда II, следует прежде всего отметить, что они стали вехой в процессе ломки старых социальных устоев государства, ослабили те силы, которые боролись за консервацию всех средневековых феодальных институтов страны, сохранение ее феодальной раздробленности. Вместе с тем эти реформы носили верхушечный характер. Они оказались малоэффективными даже в вопросе создания новой, современной армии. Причина такого положения была в том, что основные социальные и государственные институты Османской империи продолжали функционировать. Прусский инструктор турецкой армии, известный впоследствии военачальник Г. Мольтке писал, что «нынешняя турецкая армия — это новое здание, возведенное на старом, совершенно расшатанном фундаменте».

Вместе с тем некоторые реформаторские мероприятия Махмуда II создавали определенные предпосылки для строительства нового фундамента государственной и социальной жизни Османской империи. Речь идет о таком важном деле, как ликвидация тимарной системы, которая в конце XVIII — начале XIX в. находилась в состоянии полного упадка и была одним из существенных тормозов прогрессивного развития страны. Тимарная система землевладения была ликвидирована постепенно, в течение нескольких лет. По указу султана реформу системы землевладения, лишившую феодалов их наделов — тимаров и зеаметов, начали осуществлять в 1831 г. Она была проведена в несколько этапов и в основном завершена в конце 30-х годов XIX в. Во всех провинциях Османской империи были изъяты у прежних владельцев около 2 500 ленных наделов. Право на управление бывшими ленами и на сбор налогов в этих владениях по откупной системе перешло в руки государства.

Проводя в жизнь мероприятия по ликвидации тимарной системы, Махмуд II осуществил ряд преобразований в административном управлении как в столице Османской империи, так и в ее провинциях. Он провел с этой целью в 1834 г. специальную реформу, которая установила административное деление империи. Были созданы новые провинциальные административные единицы, несколько упорядочены взаимоотношения центральных и провинциальных властей.

Махмуд II обращал внимание и на такие проблемы, как улучшение системы взимания податей и налогов, имея в виду ликвидацию злоупотреблений при их сборе. В 1834 г. был даже издан специальный указ, требовавший, чтобы чиновники — сборщики налогов и другие должностные лица оберегали население империи от притеснений и произвола. Однако необходимо отметить, что многие из названных мероприятий остались на бумаге, в частности Махмуду II не удалось ликвидировать произвол провинциальных властей, изжить ставшую традиционной практику покупки государственных должностей.

Стремясь укрепить управление страной, Махмуд II провел ряд

реформ органов центральной власти, которые к этому времени были в хаотическом состоянии. В 1834—1839 гг. в стране был проведен ряд мероприятий, направленных на создание новой, более близкой к европейской структуры органов центральной государственной власти. Впервые были созданы министерства — внутренних и иностранных дел, финансов; наряду с независимым от правительства военным ведомством (сераскератом) при сераскере был организован военный совет. Наконец, в 1837 г. Махмуд II создал совет министров. Существенной деталью реформ стало переименование в 1838 г. поста садразама в пост башвекиля (премьер-министра).

Для подготовки дальнейших реформ на основе изучения нужд страны и европейского опыта султан создал специальный орган — Высший совет юридических решений. Многое было сделано для упорядочения и лучшей регламентации формы и содержания деятельности чиновников государственного аппарата. Таким образом, традиционная, закосневшая система османских органов государственной власти была значительно видоизменена на европейской основе, в чем проявилось прогрессивное значение реформаторской деятельности Махмуда II.

Оценивая деятельность Махмуда II в целом, нельзя не упомянуть о реформах в области культуры и быта. Они были заметны прежде всего в развитии образования и просвещения. Новые веяния проявились в создании с помощью европейских специалистов ряда новых военных учебных заведений по европейскому образцу. Важными были и попытки Махмуда II создать новую систему светских общеобразовательных школ, однако в условиях сильного сопротивления духовенства они не дали реальных результатов. При Махмуде II стали издаваться первые турецкие правительственные газеты, вначале на французском, а затем и на турецком языке. Идеи европеизации проявились также в некоторых чертах быта городов страны, в частности в появлении первых больниц европейского типа, почтовой службы.

Хотя реформы в области культуры и быта носили ограниченный и поверхностный характер, не затрагивая основную массу населения, нельзя не признать, что в условиях страны, жившей по канонам средневековья, они были важными предвестниками будущих, более глубоких культурных сдвигов.

20—30-е годы XIX в. стали важной вехой в историческом прогрессе Турции, отправной точкой реформаторских движений эпохи нового времени. Прямым продолжением реформ Махмуда II явились танзиматские реформы, ставшие значительным этапом на пути «европеизации» страны, ее экономического и культурного развития.

ТАНЗИМАТСКИЕ РЕФОРМЫ 40—50-х ГОДОВ XIX в. КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отправной точкой танзиматских реформ 40—50-х годов стал знаменитый Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. С его подготовкой и провозглашением связано имя крупнейшего турецкого государственного деятеля эпохи реформ Мустафы Решид-паши, чья жизнь и деятельность весьма характерны для той новой прослойки османской бюрократии, которая все более осознавала, что проведение ряда реформ — путь к спасению и упрочению Османской империи.

В 1838 г. Мустафа Решид-паша возглавил по поручению Махмуда II Совет общеполезных работ для выработки проекта новых реформ. В результате борьбы между сторонниками и противниками реформ Решид-паше пришлось на некоторое время покинуть столицу и уехать в Лондон для переговоров с английским правительством. Вернулся он уже после кончины Махмуда II и по поручению его преемника Абдул Меджида I (1839—1861) стал готовить документ, который должен был стать программой реформ в ряде важнейших областей жизни государства.

Несмотря на сильное сопротивление противников реформ, в числе которых были такие влиятельные лица, как министр внутренних дел Акыф-паша, великий везир (после смерти Махмуда II) Хусрев-паша, Решид-паше и его сторонникам удалось добиться согласия султана на провозглашение хатта (указа) о реформах.

Гюльханейский хатт-и шериф был провозглашен 3 ноября 1839 г. (Гюльхане — султанский дворец.) Этот документ положил начало целой серии реформ, вошедших в историю под названием танзиматских (от турецкого слова «танзимат» — «реформы»). Основные положения Гюльханейского хатт-и шерифа провозглашали гарантии безопасности жизни, чести и имущества всем подданным Османской империи, обеспечение справедливого образа взимания податей и налогов, ликвидацию откупной системы, наведение должного порядка в наборе солдат в армию и сокращение срока их службы. Не менее важны были другие положения указа, касавшиеся судопроизводства, гласности судебных процессов, прекращения практики конфискации имущества осужденных. Наконец, указ торжественно объявил о равенстве всех подданных империи в их правах и обязанностях, без всякого различия вероисповедания. Став началом танзиматских реформ, Гюльханейский хатт-и шериф вместе с тем подвел определенный итог важному этапу реформ, связанных с деятельностью Селима III и Махмуда II.

Вскоре же после провозглашения хатта Мустафа Решид-паша и его сторонники принялись за проведение провозглашенных реформ. В 1840 г. был принят новый уголовный кодекс с целью укрепления гарантии прав личности, обеспечения законности и

ликвидации административного и судебного произвола. С целью ограничить самоуправство провинциальных властей в центрах вилайетов и санджаков были созданы совещательные советы с участием немусульман. Затем реформаторы объявили об отмене откупной системы взимания налогов и провели в жизнь ряд других мер, вызвавших бешеное сопротивление реакционных сил, прежде всего мусульманского духовенства. Борьба между сторонниками и противниками реформ была очень острой, дело дошло даже до отставки Решид-паши в условиях спровоцированного консерваторами финансового кризиса (весна 1841 г.). После отставки Решид-паши правительство стало отменять один за другим все акты реформаторов. Четыре года были полностью потеряны для реформаторов и их идеологов.

Внешнеполитические факторы заставили султана и его окружение вновь опереться на Решид-пашу и его сподвижников. Англия и Франция продемонстрировали султану свое желание видеть продолженной политику Гюльханейского хатт-и шерифа. В октябре 1845 г. Решид-паша вновь стал министром иностранных дел, а в сентябре 1846 г. впервые занял пост великого везира. В 1845—1849 гг. был издан ряд законов, регулировавших вопросы землевладения: в 1846 г. — закон об обязанностях и правах государственных чиновников, который, по мысли его авторов, должен был обеспечить борьбу с коррупцией в бюрократической среде. В том же году был издан очень важный для культурного развития страны закон о создании светских школ. Были предприняты важные шаги в сфере судопроизводства. В 1847 г. создан уголовный суд, действовавший на основе нового уголовного законодательства. В 1848 г. реформаторы создали сеть коммерческих судов, а в 1850 г. был принят коммерческий кодекс, подготовленный на основе аналогичного французского кодекса. В 1854 г. по указу правительства начали работать смешанные суды для разбора уголовных дел между мусульманами и немусульманами. Наконец, был принят ряд мер для улучшения экономики страны, поощрения развития местной промышленности и сельского хозяйства.

Осуществление всех этих реформ было делом крайне сложным, ибо реформаторы постоянно наталкивались на ожесточенное сопротивление феодально-клерикальной реакции. В 1848 г. Решид-паше опять пришлось на несколько месяцев покинуть пост великого везира, который он, однако, занял вновь до февраля 1852 г. Все эти годы его пребывания у власти были отмечены стремлением реформаторов из числа прогрессивно настроенной османской бюрократии обеспечить укрепление военного и политического могущества Османской империи, а также «европеизировать», с учетом норм и традиций ислама, общественно-политическую и культурную жизнь страны.

И все же реальный результат реформ этого периода оказался весьма ограниченным. Практика показала, что меджлисы, созданные при местных правителях с целью ограничения их самоуправ-

ства, не смогли стать действенным органом такого рода. Официальные меры, направленные против лихоимства и коррупции чиновничьего аппарата, также не принесли ожидаемых результатов. Особенно сильной была коррупция в среде столичной бюрократии. Как было сказано, реформаторы затронули важнейшую проблему — систему откупа при сборе налогов (ильтизам). После отставки Решид-паша консерваторы вновь ее восстановили. И после возврата Решид-паши к власти реформаторы не решились вернуться к своей радикальной идее, а лишь приняли ряд постановлений, которые могли бы обеспечить ликвидацию произвола местной администрации при сборе налогов. Уступка реакционным кругам в вопросе об ильтизаме свидетельствует, насколько слабы были позиции реформаторов и их политические силы.

Меры Мустафы Решид-паши и его сторонников в экономической области — ряд аграрных законов, которые касались прав владения и наследования, создание комиссий по развитию сельского хозяйства и министерства земледелия, предоставление правительственных кредитов нуждающимся земледельцам—способствовали на какое-то время некоторому подъему сельского хозяйства. Примечательно, что реформаторы даже поощряли организацию крупных хозяйств, которыми управляли европейские специалисты. Принимались и меры по развитию промышленности. В частности, было расширено и модернизировано на основе европейской техники несколько предприятий Стамбула, Измита, Измира, Бурсы. Однако эти меры существенно не изменили общего низкого уровня турецкого промышленного производства периода танзимата.

Еще одной мерой Решид-паши и его помощников в их стремлении европеизировать хозяйство страны было намерение создать государственный банк по европейскому типу и добиться стабилизации денежной единицы Османской империи — куруша. В 1848 г. был создан Имперский банк в Стамбуле, однако он оказался крайне недолговечным. Правда, вскоре на его основе был создан Оттоманский банк, многие годы игравший роль государственного банка Османской империи, но служивший более всего интересам галатских банкиров-ростовщиков и выгоде парижских и лондонских банков, с которыми они были связаны традиционно.

Существенное значение имели меры реформаторов в сфере народного образования и просвещения. Однако именно в этой сфере, где традиционно безраздельно господствовало мусульманское духовенство, реформаторам пришлось преодолевать сопротивление реакции. В 1846 г. был принят закон о начальном и среднем светском образовании, а также решение о создании университета. Реформа была важной, но ее практическое осуществление было очень сложным — не было кадров учителей светской школы, необходимых учебников. И все же дело двигалось. Постепенно изменился облик мектебов — начальных школ, изъятых из ведения

духовенства, были открыты первые десятки средних школ I ступени — рюштие, сыгравших большую роль в появлении по-новому образованных людей, в свою очередь пополнявших ряды сторонников реформ. Расширились специальные учебные заведения, в частности военно-инженерное и военно-медицинское училища. В 1850 г. было открыто специальное училище для подготовки гражданских чиновников.

Говоря о серии реформ, проведенных Решид-пашой и его окружением, нельзя не коснуться их политики в важнейшем для судеб Османской империи национальном вопросе. Достойно удивления, что реформаторы ничего не сделали для облегчения национального и социального гнета в областях с нетурецким населением. Правда, в 1850 г. был принят закон о допуске немусульман в армию, но он не был осуществлен. Между тем провинциальный аппарат Порты и турецкие помещики-феодалы своим произволом доводили нетурецкое население провинций до взрывов справедливого недовольства. В годы реформ этого периода значительные антитурецкие восстания произошли в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Албании. Реформаторские правительства жестоко подавляли эти восстания. Тем самым реформаторы сами лишали себя поддержки многомиллионной массы нетурецких народов империи в своей борьбе за экономическое и культурное развитие страны.

Решид-паше пришлось оставить свой пост в 1852 г., после очередной вспышки борьбы между реформаторами и консерваторами. Вскоре его назначили министром иностранных дел, ибо его опыт дипломата оказался важен для переговоров с Россией. Заметим в этой связи, что внешнеполитическое положение Турции в тот период складывалось так, что реформаторы во многом были связаны сложными международными проблемами.

Лондонская конвенция 1841 г., главным образом формально касавшаяся результатов турецко-египетского конфликта, по сути дела, стала конвенцией о режиме Черноморских проливов. Она нарушала независимость Османской империи, ограничив ее права в проливах и практически установив над ней опеку пяти подписавших конвенцию европейских держав. Османское правительство не могло вести переговоры с отдельными державами по вопросам конвенции, ибо было обязано соблюдать коллективно достигнутые соглашения. Так еще более возросла политическая зависимость Османской империи от европейских держав.

Положение ее осложнялось также в результате все возраставшей борьбы держав за экономические позиции и политическое влияние в Османской империи, в чем особенно преуспела Англия, сумевшая сделать это за счет русских интересов. Правда, события в Дунайских княжествах в 1848 г. привели к временному совпадению интересов султанского абсолютизма и царского самодержавия. Мощное революционное движение в Молдове и Валахии было подавлено объединенными усилиями турецкой реакции и царизма. В Валахию, где движение было особенно сильным, были

направлены русские войска, а в мае 1849 г. на летней вилле Решид-паши было подписано русско-турецкое соглашение — Балта-Лиманская конвенция о статусе княжеств, которая сделала положение Дунайских княжеств значительно худшим в отношении их прав административной автономии.

Вместе с тем революционные события в Дунайских княжествах, а также в Венгрии и Польше привели к разногласиям между Турцией и Россией. В пределах Османской империи скопилось множество эмигрантов — венгров и поляков, выдачи которых требовали Россия и Австрия, тогда как Порта в лице Решид-паши, опираясь на поддержку Англии и Франции, эти требования отклоняла.

Внутриполитическое положение Османской империи характеризовалось резким усилением вмешательства европейских держав в ее внутренние дела. События в балканских провинциях наглядно показали все возраставшую политическую зависимость Порты от позиции правительств европейских держав. Та же ситуация повторилась в период обострения борьбы между католиками-маронитами и мусульманами-друзами в Ливане. Англия и Франция постоянно вмешивались в решение ливанского вопроса. Такие факторы облегчали создание предпосылок для превращения Османской империи в полуколонию европейских великих держав.

Хотя танзиматские реформы нисколько не улучшили жизнь трудового населения Османской империи, они вместе с тем дали толчок развитию буржуазии, которая в конкретных условиях многонациональной империи была в значительной степени и нетурецкой по происхождению. Одновременно танзиматские реформы создавали некоторые благоприятные условия для укрепления позиций иностранного капитала в Османской империи. Постепенное и неуклонное расширение ввоза иностранных промышленных изделий вело к сокращению местного промышленного производства. Османская империя становилась аграрно-сырьевым придатком капиталистических государств Запада. В частности, в 30—40-х годах XIX в. во много раз возрос экспорт товаров турецкого сельского хозяйства. Османская империя все больше попадала в зависимость от иностранного капитала.

Танзиматские реформы 40—50-х годов стали важнейшим фактором международного и внутриполитического положения Османской империи рассматриваемого периода. При их оценке важно высказывание В. И. Ленина: «Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, „этап“ к лучшему» *.

Реформы 40—50-х годов, которые историки Турции обычно оценивают в качестве первого этапа танзимата, стали действительно немаловажным этапом на пути экономического, полити-

---

* В. И. Ленин. Как не следует писать резолюций. — Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 107.

ческого и культурного развития Османской империи. Были провозглашены принципы гарантии жизни, имущества и чести граждан империи независимо от вероисповедания, а на основе этих принципов были выработаны и введены в действие несколько законов, обеспечивавших их реализацию.

Правда, реформаторам не удалось не только сколько-нибудь ограничить феодально-султанский абсолютизм, но даже устранить постоянное вмешательство дворцовой камарильи в государственные дела. И все же некоторые реальные результаты реформ были налицо. Самые различные очевидцы отмечали, что в эти годы жизнь и имущество подданных Османской империи уже гораздо меньше зависели от произвола властей. Реформаторам было, естественно, далеко до всестороннего обеспечения законных прав подданных султана. Правовые новшества не затронули широкие массы, их преимуществами сумели воспользоваться в основном представители зажиточных слоев города и деревни.

Реформы коснулись и экономической жизни Османской империи. Они гарантировали некоторый прогресс в обеспечении прав земельной собственности; власти расширили права арендаторов государственных земель. Реформаторы всячески стремились стимулировать промышленное предпринимательство. Конечно, в условиях господства в экономике полуфеодальных и местами даже феодальных производственных отношений все эти сдвиги в экономической жизни были крайне незначительными, но и они закладывали основы для будущего экономического развития.

Оценивая реформы танзимата того периода, следует отметить, что они стали важным этапом в процессе «европеизации» страны. Рассмотренные выше реформы государственных и правовых институтов в определенной мере «европеизировали» государственную и политическую жизнь. Заметными стали сдвиги в сфере просвещения. Европейское влияние стало давать себя чувствовать и в быту крупных городов. Вместе с тем следует помнить, что реформы не носили повсеместного характера. Подавляющая масса мусульманского населения Османской империи, находившаяся под традиционным влиянием духовенства, всячески противилась западным нововведениям.

При оценке реформ тех лет необходимо также принять во внимание такое существенное обстоятельство, как их влияние на решение острейшей внутриполитической проблемы страны — национального вопроса. Реформы декларировали равноправие христиан и мусульман. Тем не менее реальная жизнь показала, что это равноправие осталось в основном на бумаге. Да и сами реформаторы, декларируя равенство в правах всех подданных Османской империи, стремились во что бы то ни стало сохранить империю и власть турок над покоренными народами. Во всяком случае, Решид-паша и его соратники жестоко подавляли всякое проявление освободительной борьбы нетурецких народов. Танзиматские реформы существенно не изменили положения нетурецких народов

империи и политику турецких правящих кругов по отношению к освободительной борьбе этих народов.

И все же при обобщенной оценке социально-политической значимости танзиматских реформ 40—50-х годов следует охарактеризовать их положительно. Их комплекс стал важным, принципиально новым явлением в социально-политической и общественной жизни страны. Эти реформы, будучи прерваны рядом обстоятельств, в том числе внешнеполитических, подготовили почву для дальнейшей борьбы за реформирование социальных, государственно-правовых и культурных институтов страны.

В числе факторов, приостановивших развитие реформаторского движения, была Крымская война 1853—1856 гг., сыгравшая большую роль не только в международных отношениях, но и в исторических судьбах Османской империи. В 40—50-х годах в международном положении империи возникли значительные осложнения, вызванные обострением Восточного вопроса. В основе этого были многие факторы — столкновение интересов Англии и России на Ближнем Востоке в связи с борьбой за преобладающее влияние в османских владениях; франко-русское соперничество в Османской империи, которое накануне Крымской войны вылилось в острый спор о так называемых «святых местах».

Ставший (чисто формально, ибо истинные причины конфликта были гораздо серьезнее) отправной точкой политического, а затем и военного конфликта великих держав на Ближнем Востоке, вопрос о «святых местах» был спровоцирован правящими кругами Франции и имел антирусскую направленность. Еще в мае 1850 г. Франция потребовала от Порты признания ее права на управление «святыми местами». В результате возник затяжной спор между Францией и Россией о приоритете в «святых местах» христианской церкви в Иерусалиме и Вифлееме. Николай I, в свою очередь, потребовал от султана и Порты предоставить приоритет в управлении «святыми местами» не католической церкви, за которой стояла Франция, а православной.

Султанское правительство, пытаясь найти выход из сложного для Османской империи положения, предложило предоставить католикам и православным совместное право распоряжаться «святыми местами». Но предложение Порты было отвергнуто как Францией, так и Россией. В январе 1852 г. царскому правительству удалось добиться султанского фермана, признававшего преимущественное право православной церкви в «святых местах». Франция вскоре добилась признания в «святых местах» прав католической церкви в ущерб православной.

Западные державы проводили в этот период так называемую политику статус-кво — политику сохранения целостности Османской империи. Для них это был инструмент обеспечения своих экономических и политических интересов в регионе. Характеризуя такую политику, Ф. Энгельс писал в апреле 1853 г., что она означает для христианских подданных Порты «просто увекове-

чение их угнетения Турцией», а в результате «девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору... своего мессию»*. Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс всячески вскрывали в своих статьях агрессивность политики Николая I в отношении Османской империи. Во всяком случае, очевидно, что в момент обсуждения планов раздела Османской империи обе стороны — Россия и западные державы — стремились обеспечить свои интересы.

Когда Николаю I стало ясно, что ему не получить поддержки Англии, он решил усилить непосредственное давление на султана и его правительство. В Стамбул была направлена русская чрезвычайная миссия во главе с князем А. С. Меншиковым. Важнейшей задачей этой миссии было не только ультимативное требование обеспечить безусловное преимущественное право православной церкви в «святых местах», но и, что было значительно важнее, признание за царским правительством права оказывать покровительство всем православным подданным султана. Принятие последнего требования практически означало установление протектората царского правительства над этой многомиллионной частью подданных султана. Султан и Порта, опираясь на дипломатическую поддержку Англии и Франции, отклонили требования Николая I. 21 мая 1853 г. миссия А. С. Меншикова, а вместе с ней и весь состав русского посольства покинули турецкую столицу. Возникла очевидная угроза военного конфликта.

Уже 31 мая турецкому министру иностранных дел была вручена нота России, уведомлявшая Порту, что в ближайшие недели русские войска вступят в пределы владений султана с целью обеспечения исполнения требований правительства Николая I. Но и этот дипломатический акт не повлиял на позицию Порты, которую поддерживали не только англо-французская дипломатия, но и военно-морские эскадры Франции и Англии, вставшие у входа в Дарданеллы. Порта отклонила русскую ноту. В ответ Николай I, ошибочно полагавший, что Англия и Франция открыто не вмешаются в русско-турецкий военный конфликт, принял решение начать войну с Турцией. После соответствующего манифеста Николая I русские войска 2 июля форсировали р. Прут и вступили на территорию Молдовы. Вскоре они заняли всю территорию Дунайских княжеств без боевых действий, так как там не было турецких войск.

До середины осени на будущем Дунайском театре военных действий шло лишь сосредоточение турецких и русских войск на берегах Дуная. Турецкая армия насчитывала около 130 тыс. солдат и офицеров, русская — 87 тыс. Русские войска были плохо организованы и недостаточно подготовлены к серьезным боевым операциям. В какой-то степени это объяснялось тем, что цар-

---

* Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 31—32.

ское правительство рассматривало свою акцию как демонстрацию силы и не учитывало, что Порта имела серьезные основания надеяться на военную и дипломатическую поддержку Англии и Франции.

В течение некоторого времени сохранялась надежда на мирное решение конфликта. Собравшаяся в сентябре 1853 г. в Вене конференция с участием Англии, Франции, Австрии и Пруссии выработала так называемую Венскую ноту — предложения о мирном урегулировании русско-турецкого конфликта. Поскольку в этом документе были ссылки на обязательства султана по Кайнарджийскому и Адрианопольскому договорам о покровительстве христианскому вероисповеданию, Россия согласилась принять проект «ноты согласия» для обсуждения, однако султан и Порта отказались, считая, что положения Венской ноты ведут к нарушению суверенитета Османской империи. Позиция Порты вновь была подкреплена военно-морской демонстрацией Англии и Франции. Когда русские войска, продолжая свое продвижение по территории Дунайских княжеств, полностью их оккупировали, несколько кораблей из состава англо-французской эскадры, стоявшей в Безикской бухте, демонстративно встали на якорь у самого входа в Дарданеллы. Опираясь на явную поддержку западных держав, турецкое правительство стало действовать энергичнее, предъявив требование о выводе русских войск из Дунайских княжеств. В конце сентября Порта приняла решение начать войну против России, которая и была официально объявлена 1 октября. Командующий турецкими войсками в Румелии генерал Омер-паша передал русскому командующему генералу М. Д. Горчакову ультимативное требование вывести свои войска с территории княжеств. Русское командование отклонило любые попытки переговоров. Военные действия начались.

Для Османской империи сложившаяся военно-политическая ситуация была весьма неблагоприятной. Страна не была готова к войне, еще слишком свежи были следы военных и материальных потерь в результате восстания в Греции, русско-турецкой войны 1828—1829 гг., войн с непокорным вассалом султана Мухаммедом Али. Что касается танзиматских реформ, то они, дав толчок определенному развитию страны, конечно, не дали еще весьма ощутимого результата, в частности, в экономической и военной областях. Несмотря на то что военные реформы предшествовавших десятилетий весьма изменили облик турецких вооруженных сил, в целом уровень квалификации офицерского состава и технической оснащенности войск был все еще далек от современного эпохе уровня военного дела. Ф. Энгельс, оценивая положение турецкой армии к началу Крымской войны, считал ее «непригодной для какой-либо наступательной кампании» *. Тем не менее сул-

---

* Ф. Энгельс. Армии Европы. Статья третья. I. Турецкая армия. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 11, с. 491.

тан и его правительство вступили в войну с Россией, полагаясь главным образом на поддержку Англии и Франции.

Военные действия развернулись вначале на Дунае и Кавказском фронте. Ареной морских сражений стало и Черное море. Крупные бои произошли в Малой Валахии, на левом берегу Дуная. Самым кровопролитным было сражение у с. Четате, в 15 км северо-восточнее Калафата, в январе 1854 г. Однако это сражение, как и другие бои в Валахии, не принесли ощутимых военных результатов ни одной из воюющих сторон.

Значительно больше удалось в этот период достичь русскому флоту. Его действия резко активизировались после того, как в Петербурге стало известно, что англо-французские морские силы провели демонстрацию поддержки турок — их соединенная эскадра встала на якорь в Мраморном море. 30 ноября 1853 г. у Синопа произошло сражение между русской и турецкой эскадрами. Русская эскадра под командованием адмирала П. С. Нахимова разгромила турецкие корабли. Турецкий флот в этом бою потерял пятую часть своего общего состава. Велико было и морально-политическое значение синопского сражения, показавшего туркам и их западным потенциальным союзникам боевую мощь русского флота. Известие о поражении у Синопа вызвало у султана и его окружения панику. Абдул Меджид I стал настойчиво добиваться помощи западных держав и их вмешательства в ход событий.

Между тем правящим кругам Османской империи очень скоро предстояло пережить горечь еще одного крупного поражения. Потерпев ряд военных неудач на Кавказском фронте, турецкая армия была наголову разгромлена в сражении у с. Башкадыклар (между Карсом и Александрополем) 1 декабря 1853 г., которое закончилось беспорядочным бегством турецких войск. Разгром в этом сражении Карсского корпуса анатолийской части султанской армии стал не меньшей военной потерей для Османской империи, чем гибель значительной части флота в Синопской бухте.

Главным политическим результатом успехов русского оружия на море и на суше стала реальная угроза вмешательства Англии и Франции в военные действия между Россией и Турцией. Западные державы, опасаясь потерять свои позиции на Ближнем Востоке, решили открыто вмешаться в конфликт. Вскоре после синопской битвы Англия и Франция ввели свои эскадры в Черное море. В феврале 1854 г. дипломатические отношения Англии и Франции с Россией были прерваны, в марте эти державы заключили союзный договор с Османской империей, а 27 марта они объявили о вступлении в войну против России.

Союзники начали военные действия в середине апреля 1854 г., оккупировав Пирей с целью воспрепятствовать освободительному движению греческих повстанцев. Вскоре англо-французские вооруженные силы начали перебрасываться на Дунайский фронт, где к этому времени русские войска вели затяжные бои с турецкими

частями. Весной и летом 1854 г. на Дунайском фронте главным местом боев и важным для воюющих сторон стратегическим пунктом стала крепость Силистрия, расположенная на правом берегу Дуная. Турецкий гарнизон более месяца отражал настойчивые попытки русских войск овладеть крепостью. Правда, осада была снята не столько по военным, сколько по дипломатическим причинам, ибо на Россию в этот момент был оказан весьма сильный нажим со стороны Франции, Англии и Пруссии. Державы пытались склонить Россию к миру на своих условиях. В марте — июне 1854 г. в Вене работала специальная конференция, обсуждавшая возможные условия мирного соглашения. Но участники этой конференции так и не смогли достичь договоренности. Военные действия были продолжены, основными театрами военных действий стали Крым и Закавказье.

Крымская кампания стала широко известна всему миру и вошла в историю благодаря героической обороне Севастополя, который был осажден 120-тысячной англо-франко-турецкой армией. Почти год самоотверженно сражались с врагом не только русские войска под командованием П. С. Нахимова и В. А. Корнилова, но и все население города. Противник осаждал город и с суши, и с моря. Город удалось все же взять в сентябре 1855 г., но невероятно дорогой ценой — противник потерял более 70 тыс. солдат и офицеров. Осада Севастополя весьма основательно измотала силы союзников. Что касается турецких войск, то в операциях в Крыму они принимали весьма незначительное участие.

Падение Севастополя не снизило боевого духа русских войск, которые еще летом 1855 г. провели ряд успешных операций на Кавказском фронте. Наконец, в ноябре 1855 г. русские войска овладели стратегически особо важным пунктом — крепостью Карс. Полной военной неудачей турок окончилась и операция по вторжению в Мегрелию (Мингрелию). Здесь турецкие части были разгромлены русскими войсками, действовавшими совместно с грузинскими ополченцами. Весь ход военных действий на Кавказском фронте в 1855 г. привел к тому, что Османская империя почти полностью лишилась анатолийской армии.

В целом ход войны неумолимо диктовал необходимость заключения мира как для обессиленной Османской империи, так и для России, военные и материальные ресурсы которой также были основательно истощены. Когда Австрия в конце 1855 г. предложила русскому правительству проект условий мирного соглашения (он был выработан ею совместно с Англией и Францией), Россия дала предварительное согласие. Мирный конгресс держав начал свою работу в Париже 25 февраля 1856 г.

Поскольку было очевидно, что вопрос о положении православного населения в Турции будет выдвинут Россией на обсуждение участников конгресса, Франция и Англия оказали давление на султана и Порту с целью издания специального султанского указа о равноправии подданных Османской империи — мусульман и

немусульман. 18 февраля 1856 г., за неделю до начала работы мирного конгресса, был издан хатт-и хумаюн (высочайший указ) султана, который вошел в историю Турции как важный документ, открывший новый этап в истории танзиматских реформ. Этот документ подтверждал все положения Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. Указ султана содержал обещание сохранить все льготы и привилегии немусульманских общин; декларировал допуск всех подданных империи (без различия вероисповедания) к занятию должностей на государственной службе, а также право поступления в гражданские и военные школы; гарантировал равноправие подданных при рассмотрении дел в судах и равенство в правах всех налогоплательщиков; устанавливал, что немусульмане также будут допускаться на военную службу, наконец, обещал провести ряд экономических реформ, в частности уничтожить злоупотребления при сборе налогов и т. д.

Хатт-и хумаюн 1856 г. сыграл важную роль в истории танзиматских реформ, о чем речь будет идти ниже. Что же касается внешнеполитического значения этого документа, то именно он позволил противникам России уйти от острой дискуссии о положении христиан в Османской империи. Вместе с тем указ позволил Османской империи войти в концерт европейских держав в качестве страны, вставшей на путь «европеизации».

На Парижском конгрессе, в котором участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Турция и Сардиния, 30 марта 1856 г. был подписан мирный договор. По условиям этого договора Россия теряла Южную Бессарабию, а вместе с ней контроль над устьем Дуная. Еще более ощутимым для России было сильное ограничение русского военно-морского флота в Черном море, запрет сооружать на Черноморском побережье арсеналы и верфи. Формально это ограничение было установлено и для Османской империи, но на деле оно мало ее задевало, ибо базы турецкого военно-морского флота находились вне черноморских вод. Договор 1856 г. сохранял сюзеренитет султана над Сербией, Молдовой и Валахией. Приложением к мирному договору стала конвенция о проливах, которая подтвердила их закрытие для военных судов всех стран. Эта конвенция была подписана 15 апреля 1856 г.

Англия, Франция и Австрия подписали соглашение, которое содержало обязательство указанных держав обеспечить гарантии независимости и целостности Османской империи в рамках положения Парижского мирного договора. Эти державы заявили в этом документе, что будут рассматривать нарушение Парижского трактата как повод к войне. Если этот документ, внешне имевший форму дополнительных гарантий для Османской империи, был явно создан с целью оказать дипломатический нажим на Россию, то совсем другой характер имело включение в текст договора упоминания о хатт-и хумаюне 1856 г. Таким образом, султанский указ приобрел характер международного обязательства Османской империи, а державы получили постоянный повод для

вмешательства во внутренние дела этой страны под предлогом защиты немусульманских подданных Порты.

Общие итоги Крымской кампании 1853—1856 гг. для Османской империи были крайне неутешительны: она потеряла практически всю свою армию, стране был нанесен огромный экономический ущерб — упало сельскохозяйственное производство, сократилось поступление налогов в государственную казну, в большом расстройстве оказались финансы. В 1854 г. Порта сделала первый заем у Англии и Франции. Его хватило ненадолго: уже в августе 1855 г. банкирский дом Ротшильда предоставил Османской империи новый заем, условия которого были крайне невыгодны. Финансовое закабаление Османской империи стало со временем наиболее действенным средством превращения этой страны в полуколонию иностранного капитала.

Одним из важных результатов войны для экономической и внутриполитической жизни Османской империи было то, что процесс осуществления танзиматских реформ оказался приостановленным. Хотя в годы войны и были приняты несколько указов о реформах, почти все они касались положения христиан в империи, ибо эта тема была предметом обсуждения в европейских дипломатических кругах. Между тем в годы войны господствующие круги Османской империи усилили угнетение нетурецких народов, а последние, в свою очередь, стали еще более решительно вести борьбу против турецкого господства, за национальное освобождение.

Несмотря на все отрицательные последствия Крымской войны, в Османской империи все же сохранились общественно-политические силы, которые стремились продолжить и развить дело, начатое танзиматскими реформами 1839—1853 гг. Передовые представители бюрократической элиты и нарождающейся турецкой интеллигенции видели в этих реформах путь к экономическому, политическому и культурному прогрессу страны.

Глава VII

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 60—70-Х ГОДАХ XIX в.: ОТ РЕФОРМ К ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ

На рубеже эпохи империализма в мировой истории Османская империя находилась в состоянии затяжного социального и политического кризиса. Танзиматские реформы 40—50-х годов не смогли остановить разложение основ турецкого феодального государства и политический распад империи.

Экономическое положение страны в рассматриваемый период было тяжелым. Османская империя представляла собой крайне отсталую сельскохозяйственную страну с необычайно низким уровнем развития производительных сил в сельскохозяйственном

производстве. Крупные землевладельцы имели бóльшую и лучшую часть земли, сдавая ее в аренду крестьянам, как правило, на основе издольной аренды. Эта система оказывала сильное сдерживающее влияние на развитие сельского хозяйства. Ее суть состояла в том, что помещик, будучи хозяином земли, после уплаты налогов правительству делил урожай с крестьянином-арендатором, который сам, своими средствами обрабатывал землю.

При дележе урожая помещик буквально грабил зависевшего от него арендатора-издольщика. В. И. Ленин, анализируя сущность издольщины, писал, что в ней помещик выступает не как предприниматель-капиталист, а в «качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева»*. В отдельных районах Османской империи, особенно в восточных, наряду с издольщиной сохранялись еще и такие способы феодальной эксплуатации крестьянства, как барщина и оброк.

Прогрессу сельского хозяйства страны серьезно мешала налоговая система. Основным сельскохозяйственным налогом был ашар (десятина). Этот натуральный налог, как правило, взимался правительством с помощью откупной системы. Произвол откупщиков, превращавших ашар в четвертую или даже третью часть урожая, разорял крестьян и вел к уменьшению производства продуктов сельского хозяйства. Безудержный произвол и беззаконие царили не только при сборе ашара. Их чинили и правительственные чиновники, взимавшие поземельный налог, налог на скот и др. Налоговый гнет усиливался процветавшим в стране ростовщичеством. Были и другие серьезные причины, мешавшие развитию сельского хозяйства, — недостаточное развитие путей сообщения, внутренние таможенные барьеры, сохранение натурального характера хозяйства в глубинных районах Анатолии.

Промышленность находилась на очень низком уровне. Османская империя закупала в Европе почти все предметы потребления, за исключением сельскохозяйственных продуктов. В жалком состоянии были немногочисленные предприятия добывающей промышленности. В полный упадок пришли и такие некогда развитые отрасли, как производство тканей. Несмотря на то что в период танзиматских реформ указами султана неоднократно гарантировалась безопасность жизни и имущества подданных империи, в действительности именно отсутствие подлинных гарантий было важнейшей причиной, препятствовавшей промышленному развитию страны, развитию капиталистических отношений в ее экономике. В числе других причин промышленной отсталости Османской империи в рассматриваемый период можно отметить и такие факторы, как сохранение цехов с присущей им феодальной организацией производства, налоговая политика правительства и бес-

---

* В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 73.

конечные административные проволочки и препоны, стоявшие на пути создания нового промышленного предприятия.

Наряду с внутренними причинами были и серьезные внешние факторы, которые мешали прогрессивному развитию экономики страны. Это в первую очередь засилье иностранного капитала, стремившегося превратить Османскую империю в рынок сбыта товаров своей промышленности и источник дешевого сельскохозяйственного сырья. Именно в результате конкуренции иностранных товаров пришли в упадок основные центры производства шелковых и шерстяных тканей. Начав завоевание внутреннего рынка страны с прибрежных, главным образом западных районов в начале XIX в., иностранный капитал с середины века постепенно начал подчинять себе и внутренние районы. Этому процессу способствовал исторически сложившийся режим капитуляций, на основе которого иностранные товары облагались весьма низкими ввозными пошлинами и были совершенно свободны от внутренних пошлин. В торговых договорах Османской империи с европейскими державами, заключенных в 1861—1862 гг., были вновь подтверждены капитуляционные права иностранцев, а также их право ввозить и вывозить любые товары, кроме являвшихся государственной монополией, с импортными пошлинами всего в 8%. Естественно, что подобные условия торговых договоров делали местное промышленное производство беззащитным перед иностранной конкуренцией.

В 60—70-х годах XIX в. проникновение иностранного капитала в экономику Османской империи ощутимо усилилось. Именно в этот период были заложены основы для превращения страны в полуколонию иностранного капитала. После первых внешних займов, заключенных в годы Крымской войны, последовала целая серия столь же невыгодных для Османской империи займов. С их помощью с середины 50-х годов Порта постоянно погашала дефицит в государственном бюджете, который возрастал ежегодно. К 1876 г. Османская империя заключила 14 внешних займов и имела внешний долг в 277 млн. лир (более 6 млрд. фр.). Обычно выплата погашений и процентов обеспечивалась передачей иностранным банкам некоторых статей государственного дохода. В результате такой финансовой политики Порта постепенно теряла контроль над финансами страны. Этот процесс свидетельствовал о росте финансовой зависимости от иностранного капитала.

Наряду с финансами важнейшим орудием подчинения Османской империи иностранному контролю стали концессии и банки. В 50—60-х годах англо-французский капитал получил первые концессии на строительство железных дорог, условия которых были крайне невыгодны для империи и лишь усиливали ее финансовую зависимость от иностранцев. В 60—70-х годах иностранные предприниматели получили ряд других концессий — разработку природных ископаемых, создание банков. Среди банков важнейшим был Оттоманский банк (учрежден англо-французским капита-

лом в 1856 г.). В 1863 г. он получил права государственного банка Османской империи. Постепенно иностранные банки установили контроль над финансами страны. Рост экономической зависимости от иностранного капитала наблюдался и во внешней торговле страны, в которой с 50-х годов постоянным стал значительный дефицит внешнеторгового баланса. К 60-м годам Османская империя практически превратилась в рынок сбыта и источник сырья для иностранного капитала. Наконец, в 50—60-х годах иностранные предприниматели стали вкладывать средства в промышленное производство. По мере развития сети железных дорог иностранный капитал подчинил себе всю местную промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья.

Тяжелое экономическое и финансовое положение страны усугублялось расточительством государственных средств на содержание двора султана, строительство новых дворцов, закупки за границей вооружения для армии и флота. Правда, в конце 60-х—начале 70-х годов Порта предпринимала некоторые шаги для улучшения экономического положения, в частности по ограничению ростовщичества, улучшению работы цехов, организации ремесленных училищ. Но эти меры не принесли заметных перемен в экономической жизни страны, ибо главными препятствиями на пути экономического развития были феодально-клерикальный султанский режим и иностранный капитал.

Внутриполитическое положение страны в 60—70-х годах было весьма напряженным. Снижение ценности денег и рост дороговизны резко ухудшили положение различных слоев городского населения. Усиление налоговой эксплуатации, как одно из следствий финансового закабаления страны, еще более ухудшало положение крестьянских масс. Недовольство правительством проявлялось в эти годы и в городе, и в деревне. Даже вспышки подогреваемого турецкими правящими кругами мусульманского фанатизма не могли серьезно ослабить и заглушить недовольство турецкой части населения.

В 1859 г. в Стамбуле был раскрыт заговор, вошедший в историю Турции под названием «Кулелийского инцидента» (Кулели — казармы, где содержались и были допрошены арестованные заговорщики). Среди участников заговора были учащиеся медресе, мелкие чиновники, солдаты и офицеры, представители мусульманского духовенства. Хотя о программе и целях заговорщиков нет определенных сведений, очевидно, что этот заговор не только ставил целью свержение Абдул Меджида, но и выражал недовольство политикой султана и его правительства. Заговор не имел серьезной опоры в массах, а потому правительству без труда удалось его ликвидировать. Все заговорщики были сосланы на каторгу. Стихийное народное недовольство правительством в 60-х годах в Стамбуле проявлялось неоднократно.

В 60—70-х годах усилилась и освободительная борьба нетурецких народов Османской империи. В 1861 г. восстали крестья-

не Боснии и Герцеговины, в 1866 г. — греки на Крите. Несколько раз на борьбу против турецкого господства поднимался народ Болгарии. Греческие и болгарские восстания, во главе которых стояла молодая национальная буржуазия, имели уже характер национально-освободительных движений. В эти годы усилилась освободительная борьба армянского народа; наиболее ярким ее проявлением было восстание армян-горцев в Зейтуне в 1862 г. Все антитурецкие восстания Порта ликвидировала с большим трудом, проявляя при этом крайнюю жестокость. Борьба нетурецких народов за свое освобождение серьезно расшатывала и без того слабое государственное здание Османской империи.

Внешнеполитическое положение Османской империи было также весьма неблагоприятным. После Крымской войны страна все более теряла самостоятельность в решении вопросов внешней политики. Под различными предлогами европейские державы вмешивались и во внутренние дела империи, которая не стала в этот период колонией и не была разделена между колониальными державами Запада лишь потому, что их соперничество постоянно мешало прямому захвату территорий Османской империи.

Таким образом, социальное развитие народов Османской империи происходило в этот период в крайне сложных экономических и политических условиях. И все же, несмотря на огромные трудности, в стране постепенно шло формирование капиталистических отношений, прежде всего в городах. Неуклонно развивались товарно-денежные отношения, что приводило к появлению капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности. В некоторой мере этому процессу способствовали и танзиматские реформы, в частности в области административной системы, судопроизводства, землевладения.

Другим весьма существенным фактором стало втягивание Османской империи в мировой товарооборот, что вело к росту товарности ряда областей сельского хозяйства, которые были связаны с внешним рынком. Этот процесс из-за отсутствия железных дорог распространился главным образом в западных, прибрежных районах страны. В результате формирования товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве появлялись первые ростки капиталистических форм хозяйствования и эксплуатации крестьянства. В западных районах Анатолии в 60-х годах возникли отдельные крупные помещичьи хозяйства, в которых начали применять сельскохозяйственные машины и наемный труд. Некоторое развитие капиталистические отношения получили и в промышленности. Наряду с распространенным мелкотоварным производством появлялись и развивались мануфактуры и отдельные предприятия фабрично-заводского типа, с которыми были связаны торговцы — поставщики сырья, заинтересованные в промышленном развитии.

Вместе с процессом развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности страны происходило об-

разование единого внутреннего рынка. Этот процесс тормозился крайним недостатком путей сообщения и системой внутренних таможенных пошлин. Говоря о процессах развития капиталистических отношений в Османской империи, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период они значительно успешнее и быстрее происходили в балканских провинциях империи, в частности в Болгарии, где в этот период сложились экономические предпосылки образования нации. Но развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности вело к появлению и развитию буржуазии и в Малой Азии. В силу исторически сложившихся обстоятельств здесь преобладала нетурецкая буржуазия, в основном греческая и армянская. Постепенно зарождалась и росла также турецкая торговая и промышленная буржуазия.

В таких социально-экономических и политических условиях происходил процесс дальнейшего осуществления танзиматских реформ, практически прерванных в годы Крымской войны и получивших новый импульс в результате провозглашения султанского рескрипта — хатт-и хумаюна 1856 г. Этот документ, охарактеризованный выше в связи с внешнеполитическими факторами, имел важное значение для решения внутренних проблем страны. На его основе была подготовлена и проведена целая серия реформ, затронувшая сельское хозяйство и аграрные отношения, все разделы законодательства и систему судопроизводства, административную систему, а также просвещение и культуру.

Танзиматские реформы этого периода осуществлялись главным образом под руководством двух видных представителей новой бюрократии эпохи танзимата — Али-паши и Фуад-паши. Эти деятели были в начале своей карьеры сподвижниками Решид-паши, а после его кончины неоднократно занимали посты великого везира и министра иностранных дел. Несмотря на некоторое различие во взглядах, Али-паша и Фуад-паша были сторонниками умеренных реформ администрации, юстиции и просвещения. Реформы они рассматривали как средство сохранения и укрепления Османской империи и господствующего положения турок в этом государстве, а также ослабления национально-освободительных движений и ликвидации иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

В числе важнейших танзиматских мероприятий этого периода была разработка нового аграрного законодательства. «Закон о земле», принятый в 1858 г., внес ряд существенных изменений в систему владения землями мирие — государственной собственностью. Особенно важно, что он подчеркнул право государства на эти земли, что содействовало окончательной ликвидации ранее упраздненной тимарной системы землевладения. Правда, закон 1858 г. не распространил действие светского аграрного законодательства на те земли, порядок пользования которыми оп-

ределялся традиционными нормами шариата (это были различные мюльковые земли, т. е. владения, представлявшие собой полную собственность).

«Закон о земле» 1858 г. вообще во многом следовал не современным европейским, а традиционным османско-мусульманским правовым нормам. Новый закон сохранил много черт феодальной системы землевладения и землепользования в аграрном законодательстве страны. Тем не менее его принятие было шагом вперед в этой сфере, ибо закон по сути дела, законодательно оформил новые, сложившиеся в процессе разложения и ликвидации тимарной системы земельные отношения. Наконец, уже после принятия закона правительство постепенно пошло на расширение прав наследования земель мирие и вакфных владений (соответствующие законы были приняты в 1867 г.). Эти мероприятия оказывали положительное влияние на дальнейшее разложение феодальных норм и укрепление буржуазных порядков в системе землевладения и землепользования.

Важным событием явилось предоставление в 1867 г. права иностранным подданным владеть недвижимостью в пределах Османской империи. Это решение султана и Порты существенно расширяло возможности иностранного капитала в экономике страны. Иностранные капиталисты, не способствуя развитию сельского хозяйства Османской империи, стремились к покупке тех земельных массивов, которые были богаты природными ископаемыми.

Характеризуя изменения в аграрном законодательстве и в сельском хозяйстве, необходимо отметить новое явление в землевладении и землепользовании — чифтлики. Эта форма земельной собственности, бывшая переходной в период разложения феодальных форм в сельском хозяйстве, носила в какой-то степени черты капитализма. В этих хозяйствах уже применялся наемный труд. Они стали важным фактором развития сельского хозяйства.

В системе реформаторских мероприятий 60-х — начала 70-х годов важное место заняло обещанное хатт-и хумаюном 1856 г. упорядочение налогообложения. В 1871 г. был, в частности, издан указ о новом порядке сдачи ашара (десятины) с торгов. Было установлено, что не сданная на откуп часть ашара взималась непосредственно сборщиками из государственного аппарата. Но этот указ не внес существенных перемен в положение крестьян-налогоплательщиков.

Крайне ограниченные мероприятия по улучшению системы землевладения и налогообложения, осуществленные в середине 50-х — начале 70-х годов, никак не обеспечивали потребности развития сельского хозяйства, не стимулировали действенный прогресс этой области экономики страны. «Закон о земле» 1858 г. и связанные с ним меры не решили ни экономических, ни социальных проблем деревни, а потому дальнейшие реформы в сель-

ском хозяйстве на протяжении длительного периода после танзиматских реформ оставались предметом борьбы прогрессивных сил.

Реформы этого периода серьезно затронули сферу законодательства. 3 августа 1858 г. вступил в действие новый уголовный кодекс, в основу которого легли принципы французского уголовного права. И хотя новый кодекс сохранял ряд положений мусульманского права, а его основное содержание было подчинено идее укрепления в Османской империи абсолютистского режима, этот свод законоположений обеспечивал объективно более благоприятные условия для гарантии безопасности личности и имущества подданных империи, создавая тем самым лучшие условия для развития экономики страны. Последнему способствовали также и реформы в области коммерческого законодательства. 3 августа 1861 г. стал действовать первый в истории Османской империи коммерческий процессуальный кодекс. Продолжал действовать и дополняться коммерческий кодекс 1850 г., созданный в основном на основе соответствующего раздела французского законодательства. В 1860 г. было объявлено о создании в Стамбуле и в некоторых провинциальных центрах специальных коммерческих судов, которые учреждались вне юрисдикции мусульманского духовенства. Одновременно судебных функций были лишены цехи — эснафы. В целом эти мероприятия правительства содействовали определенному развитию ремесла и торговли.

Вместе с тем в этот же период Порта осуществила ряд мероприятий, отнюдь не способствовавших развитию турецкой промышленности. Речь идет о торговых договорах с рядом европейских держав, которые были подписаны в 1861—1862 гг. и предусматривали право свободного ввоза и вывоза товаров европейскими партнерами Османской империи, подтверждали все их капитуляционные привилегии и устанавливали такие низкие таможенные пошлины, которые делали турецкую промышленность совершенно беззащитной перед лицом жестокой конкуренции европейских товаров.

Из других мер в области законодательства заслуживает упоминания издание (частями, начиная с 1869 г.) обширного гражданского кодекса. Заметим, что если борьба между сторонниками реформ и консерваторами давала себя знать во всех областях, то с особенным упорством реакция отстаивала свои позиции в сфере гражданского права, стремясь сохранить господство шариатских норм в этой сфере общественной жизни. На этот раз консерваторам удалось одержать верх: новый гражданский кодекс целиком покоился на нормах мусульманского права и почти не имел следов влияния западного гражданского права.

Наконец, в рассматриваемый период Порта провела ряд реформ в сфере судопроизводства и организации судов. В частности, по «Закону о вилайетах» (ноябрь 1864 г.) судебная власть была отделена от административной, а также предусмотрено уве-

личение числа светских судов. Постепенно после Крымской войны росло и число смешанных коммерческих судов, рассматривавших коммерческие споры мусульман и немусульман на основе положений французского гражданского кодекса. Все эти мероприятия дали определенный положительный результат, который выразился в некотором снижении роли духовенства, в особенности мусульманского, в сфере судебной организации. Вместе с тем сохранение преобладающего положения шариатских судов в сфере османского судопроизводства не только показало недостаточность усилий реформаторов на пути «европеизации» Османской империи, но и продемонстрировало отсутствие у лидеров проведения реформ искреннего стремления к обеспечению равноправия всех народов — подданных Османской империи, в том числе немусульманских.

Реформы танзимата проявились также в ряде административных мероприятий, направленных в основном на централизацию власти. В их числе достоин особого внимания упомянутый выше «Закон о вилайетах». Этот закон и ряд последующих мер были направлены на строгое обеспечение принципа централизации власти, выполнение норм бюрократической иерархии, неуклонное соблюдение полного контроля Порты за деятельностью вилайетских властей. Реформы этого периода вновь ввели в практику административной жизни вилайетов совещательные административные органы при руководителях соответствующих территориальных единиц — меджлисы, в состав которых входили не только официальные должностные лица, но и выборные представители мусульманского и немусульманского населения. Наконец, в 60—70-х годах в городах страны появились муниципалитеты.

В этот же период османское правительство ввело в действие указом султана специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин. Были утверждены регламенты греко-православной, армяно-григорианской и еврейско-эспаньольской общин. Главным в их содержании было то, что устанавливался принцип руководства всеми светскими делами каждой из общин гражданскими советами при главах общин. Сами советы оказались под контролем султанской администрации, которая стремилась сделать эти органы своим орудием в борьбе за подавление всех тенденций к национально-освободительной борьбе.

Оценивая танзиматские реформы этого периода, следует иметь в виду, что их результативность практически зависела от реального исполнения новых законов. Между тем дело с этим обстояло далеко не благополучно. Несмотря на известное укрепление прерогатив центральной власти и расширение ее функций по контролю за вилайетским чиновничеством всех рангов, именно оно всячески тормозило применение новых законов, будучи наиболее консервативной частью османской бюрократии, чуждой идеям «европеизации». Именно вилайетский административный аппарат, для

которого по-прежнему были характерны все виды злоупотребления властью, коррупция и взяточничество, был важнейшей преградой на пути танзиматских реформ. Постепенное проникновение в среду вилайетского чиновничества, в том числе и высшего ранга, образованных и компетентных работников, готовых поддерживать новые веяния и идеи, все еще было исключением из правила.

Танзиматские преобразования затронули в этот период и центральные органы власти. В мае 1868 г. был создан Государственный совет, на который была возложена подготовка государственных законов и важнейших правительственных постановлений. Совету было поручено также наблюдать за исполнением различных законоположений, не допуская при этом вмешательства в функции исполнительных властей. В состав совета были включены и немусульманские подданные империи. Через этот совет прошел ряд прогрессивных законопроектов, касавшихся административной и судебной системы страны. В 60-х годах был преобразован ряд министерств, а также созданы новые министерства — юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакфов. Наконец, после Крымской войны начались реформы в армии, завершившиеся принятием закона 1869 г., который реорганизовал турецкую армию по французскому образцу. Немало в эти годы было сделано и для оснащения флота страны.

Танзиматские реформы 50-х — начала 70-х годов весьма существенно затронули и сферу просвещения и культуры. Особое место в их ряду занимает «Органический закон о всеобщем образовании» (сентябрь 1869 г.). В нем отразились существенные сдвиги в развитии светской школы всех ступеней, выразившиеся в росте числа средних светских школ — рюштие, открытии ряда гражданских специальных средних учебных заведений — медицинских, педагогических, по подготовке переводчиков и чиновников для государственных ведомств, мореходного, создании нескольких профессиональных училищ, наконец, в организации первого в стране лицея (Галатасарайский), который начал функционировать осенью 1868 г.

Но полная реализация положений «Органического закона о всеобщем образовании» наталкивалась на ряд препон, в первую очередь незначительность средств, выделявшихся государством на нужды народного образования, а также крайний недостаток учительских кадров и отсутствие нужных учебников учебных пособий. Вместе с тем сфера просвещения наряду со сферой законодательства (особенно гражданского) была ареной ожесточенного сопротивления реформам со стороны феодально-клерикальной реакции. Именно резкое противодействие реакционного мусульманского духовенства привело к быстрому закрытию (в 1871 г.) созданного осенью 1869 г. первого в стране университета. Правда, это учебное заведение частично возобновило свою деятельность в 1874 г. Во всяком случае, реформаторы не достигли больших успехов в развитии образования в этот период, оставив на бумаге

многие законоположения, в том числе многие важные установления «Органического закона о всеобщем образовании» 1869 г.

Наконец, реформы танзимата затронули и некоторые стороны культурной жизни страны. Не все мероприятия в этой области были успешными, в частности довольно мало результатов дало существование первого в стране научного центра, созданного под названием «Энджюмен-и даныш» в 1861 г. по образцу французской Академии наук. К 1862 г. первая турецкая академия перестала существовать. Несколько более результативной оказалась деятельность Османского научного общества, созданного в 1861 г. крупным турецким просветителем Мюниф-эфенди. Общество издавало свой журнал. Вскоре возникли и другие научные общества, в частности любителей изящной словесности (1861 г.) и медицинское (1865 г.), также издававшие свои журналы. В 60—70-х годах резко возросло издание книг.

Особенно большую роль в культурной жизни сыграли первые органы турецкой частной прессы — газеты «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), основанная в октябре 1860 г.; «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей»), основанная в июле 1862 г.,— которые особенно содействовали распространению в образованной части турецкого общества идей борьбы за политический, экономический и культурный прогресс Османской империи. Эти газеты способствовали также распространению просветительских и западнических идей. В их издании принимали участие крупные литераторы и просветители своего времени, в частности Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль.

В январе 1867 г. началось издание газеты «Мухбир» («Корреспондент»), которая отличалась резкой критикой политики Порты. Критические оценки деятельности правительства на страницах «Тасвир-и эфкляр» и «Мухбир» были важным значительным явлением в общественно-политической и культурной жизни страны. Важным сдвигам в публицистике сопутствовало появление новых жанров в художественной литературе — романов, рассказов и драм. Новой турецкой литературе были присущи в целом просветительские черты. 60—70-е годы XIX в. известны в истории турецкой культуры и как период становления турецкого профессионального театра. Наиболее значительным событием в этой области стало создание труппой армянина Акопа Вартовьяна турецкого театра в Стамбуле, в квартале Гедик-паша, давшем название самому театру.

Таким образом, реформы танзимата конца 50-х — начала 70-х годов, продолжая линию реформ предшествовавшего периода, привели к некоторым положительным сдвигам в политико-административной, экономической и культурной жизни страны. И все же достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного государства. Это несоответствие привело к постепенному нарастанию недовольства в различных социальных слоях. Выразителем этого недовольства и пропагандистом новых

политических идей и концепций стала молодая турецкая интеллигенция — феодально-бюрократическая по происхождению, но уже буржуазная по умонастроениям. Именно среди интеллигенции впервые появились и были сформулированы идеи превращения Османской империи в конституционную монархию в качестве инструмента социально-политического и культурного прогресса страны.

Конституционное движение зародилось в середине 60-х годов XIX в. и играло важную роль в общественно-политической и культурной жизни Османской империи достаточно длительный период — до разгона первого турецкого парламента.

Отправной точкой конституционного движения стал июнь 1865 г., когда в Стамбуле было создано тайное общество, которое стало известно в истории Турции как «Общество новых османов». Это была конспиративная организация, насчитывавшая в своих рядах около 250 членов, разбитых на небольшие (по семь человек) группы. Руководители и идеологи общества были крупными представителями молодой турецкой интеллигенции. В их числе были выдающийся писатель и публицист Намык Кемаль, известные литераторы и публицисты Зия-бей и Али Суави. Среди членов общества было также немало выходцев из богатых семей феодальной бюрократии, получивших светское, а порой и европейское образование. В общество вошли многие крупные гражданские и военные чиновники. С ним был тайно связан и один из наиболее крупных турецких сановников того времени — Ахмед Мидхат-паша. «Новые османы» начали вербовать сторонников среди образованной части офицеров армии и флота, учителей новой светской школы, чиновников, литераторов и художников. Характеризуя социальный состав общества и его приверженцев в целом, можно сказать, что их большинство составляла молодая турецкая интеллигенция, в основном феодально-бюрократическая по происхождению.

Вначале «Общество новых османов» не имело определенной политической программы и его членов объединяло стремление найти нужные средства для обеспечения экономического прогресса страны. Они выражали острое недовольство политикой Порты под руководством великого везира Али-паши. Весной 1867 г. группа членов общества, в том числе наиболее значительные его идеологи, эмигрировали в Европу. Решение об эмиграции было принято в ответ на репрессивные меры против оппозиционной правительству прессы, с которой были близко связаны руководители тайного общества. В это же время группа членов общества предприняла безуспешную попытку заговора против правительства Али-паши. Многие заговорщики были арестованы. Эмигрировавшие в Европу «новые османы» при материальной поддержке египетского принца Мустафы Фазыл-паши, жившего в Париже и занимавшего оппозиционную позицию по отношению к Порте и ее политике, вскоре начали издавать свои газеты, в которых пропа-

гандировались цели и задачи «Общества новых османов». В пропагандистской деятельности «новых османов» за рубежом большую роль сыграли газета «Мухбир», издававшаяся Али Суави в Лондоне в 1867—1868 гг., и газета «Хюрриет» («Свобода»), которую издавали Намык Кемаль и Зия-бей в 1869—1870 гг. в Лондоне, а затем Зия-бей — в Женеве. «Хюрриет» стала в полном смысле слова органом «Общества новых османов», самым значительным из изданий турецкой вольной прессы 60-х годов XIX в. Именно на страницах этой газеты были сформулированы такие важнейшие политические требования и цели «новых османов», как превращение Османской империи в конституционную монархию и созыв палаты депутатов.

«Хюрриет» критиковала Порту за неудачи танзиматских реформ, выступала за ограничение прав султана и ответственность Порты перед законом, формулировала идею необходимости разделения законодательной и исполнительной власти, выдвигала принцип выборности таких высших органов власти, как палата депутатов, стремилась к теоретическому обоснованию принципа совместимости идей конституционализма с нормами Корана и шариата. Все эти крайне важные для либерально-конституционного движения идеи нашли отражение и в ряде других публицистических работ лидеров и идеологов «новых османов».

Эмиграция сыграла весьма значительную роль в формировании идейных и политических воззрений «новых османов». Здесь они смогли близко познакомиться с прогрессивной литературой Франции, в частности с произведениями Руссо и Вольтера, Монтескьё и Гюго, Мольера и Ламартина. Ряд произведений этих выдающихся мыслителей и писателей Франции был переведен Намыком Кемалем и Зия-беем на турецкий язык, что несомненно сыграло важную роль в общественно-политической жизни турецкого общества той поры. В частности, большое значение имело изучение представителями турецкой интеллигенции и новой бюрократии трудов Руссо и Монтескьё, в которых содержалась острая критика абсолютизма и пропагандировались идеи конституционной монархии.

В начале 70-х годов Порта попыталась ликвидировать деятельность «новых османов», дав возможность их лидерам вернуться на родину. В 1871—1872 гг. некоторые деятели эмиграции возвратились в Стамбул. В июне 1872 г. Намык Кемаль начал издавать здесь газету «Ибрет» («Наставление»), которая вскоре стала практически рупором «новых османов», распространителем идей конституционализма. В марте 1873 г. правительство запретило издание «Ибрет», а ее редактор был сослан на о-в Кипр. Одновременно из столицы был выслан ряд других журналистов и публицистов из числа сторонников «новых османов». Тем не менее распространение их идей среди турецкой интеллигенции остановить было уже невозможно. Это подготовило почву для политической борьбы за конституционную реформу.

Весной 1876 г. сложились благоприятные условия для борьбы за первую турецкую конституцию. Они возникли как результат резкого обострения экономического и политического кризиса Османской империи в 1875 — начале 1876 г., когда наблюдалось резкое ухудшение экономического положения страны, одним из проявлений которого стало официальное заявление Порты осенью 1875 г. о своем частичном финансовом банкротстве. Вновь поднялась волна антитурецких крестьянских восстаний, охвативших в 1875 г. Боснию и Герцеговину. Наконец, осенью 1875 г. в очередной раз поднялся на борьбу болгарский народ, мощное восстание вспыхнуло в Старой Загоре. Обострение Восточного вопроса привело к возникновению реальной угрозы вмешательства европейских держав во внутренние дела Османской империи.

В таких условиях активизировались сторонники конституционных реформ, во главе которых встал крупный государственный деятель Мидхат-паша, занимавший посты вали (губернатора) крупных вилайетов, председателя Государственного совета и великого везира. Сторонники конституции начали борьбу с правительством в блоке с частью феодально-клерикальных кругов, по-своему выражавших недовольство политикой султана и Порты. Выступлению заговорщиков против султана и Порты предшествовали массовые антиправительственные манифестации учащихся стамбульских медресе — софт, к которым присоединились представители различных слоев населения столицы. 9—11 мая 1876 г. демонстрации были настолько сильны и многочисленны, что султан пошел на замену великого везира и некоторых министров Порты. Но опасность массовых волнений сохранялась. Стремясь избежать этого, а также назревавшего вмешательства держав, группа крупных военных и гражданских сановников в ночь с 29 на 30 мая 1876 г. низложила султана Абдул Азиза. Принявшие участие в заговоре сторонники «новых османов» и их лидер Мидхат-паша рассчитывали, что они смогут добиться от нового султана, Мурада V, провозглашения конституции. Однако этого не произошло, султан ограничился амнистией сосланных «новых османов». Намык Кемаль и другие видные конституционалисты смогли возвратиться в столицу и включиться в оживившуюся после переворота общественно-политическую деятельность.

Борьба за провозглашение конституции шла довольно ожесточенно летом и осенью 1876 г. Вновь заняв пост председателя Государственного совета, Мидхат-паша уже в июне разработал проект конституции. Этот проект обсуждался в еще более сложной обстановке, связанной с войной Сербии и Черногории против Турции в поддержку босно-герцеговинских повстанцев, а также со сменой султана — вместо заболевшего Мурада V трон занял в конце августа 1876 г. Абдул Хамид II, не поддержавший конституционалистов.

И все же именно Абдул Хамид II был вынужден, перед лицом все возраставшей угрозы вмешательства держав, согласиться

на публичное обсуждение проекта конституции. В сентябре этот проект был рассмотрен Портой на большом чрезвычайном совете высших сановников и представителей всех религиозных общин и передан султану. В октябре указом султана была назначена комиссия по разработке проекта конституции, в состав которой вошли и идеологи «новых османов» Намык Кемаль и Зия-бей. В комиссии и в правительственных кругах в этот момент шла борьба по вопросу о правах султана, которые феодально-клерикальные реакционные круги стремились сохранить в полной неприкосновенности. В ноябре комиссия закончила работу, и проект был вновь передан султану. Этот проект предусматривал созыв двухпалатного парламента, но вводил пост премьер-министра, который получал право самостоятельно формировать правительство.

Султан Абдул Хамид II и его окружение сочли, что конституция недостаточно обеспечивает «права суверена». Под этим предлогом султан стал настаивать на пересмотре проекта. После повторного рассмотрения проекта в Порте султан вновь начал оттягивать решение вопроса о конституции. И лишь когда стало ясно, что на открывающейся конференции держав в Стамбуле турецким уполномоченным предстоит иметь дело с согласованным державами проектом автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии, Абдул Хамид II — ловкий и хитрый политик — дал согласие на провозглашение конституции и даже назначил 19 декабря 1876 г. Мидхат-пашу великим везиром. Правда, пользуясь крайней напряженностью момента и стремлением Мидхат-паши любой ценой обеспечить провозглашение конституции, султан смог настоять на включении в ее текст печально известного добавления к ст. 113, которое давало султану неограниченное право личным решением высылать за пределы империи любое неугодное ему лицо.

23 декабря 1876 г. конституция была наконец принята. Первая в истории Турции конституция стала важным политическим документов государства. В конституции был провозглашен принцип личной свободы и равенства всех подданных империи без различия вероисповедания, безопасности собственности и неприкосновенности жилища, пропорционального взимания налогов, запрещения барщины, конфискации и штрафов. Конституция провозгласила свободу печати и обязательное начальное образование. Было установлено, что в стране будет действовать двухпалатный парламент — сенат, члены которого пожизненно назначаются султаном, и палата депутатов, избираемая мужским населением. В конституции были, наконец, определены права и обязанности министров и чиновников Османской империи, а также принцип гласности и независимости судов. Важной чертой первой турецкой конституции было объявление Османской империи единым целым, которое ни под каким предлогом не подлежит расчленению. Очевидно, что этот пункт прямо был направлен против освободительной борьбы нетурецких народов.

Конституция 1876 г. весьма мало ограничила власть султана, но сам факт торжественного провозглашения буржуазных свобод и установления парламентарного режима был, бесспорно, важным прогрессивным явлением в истории страны, в которой безраздельно царил крайне реакционный феодально-султанский режим. Однако новый конституционный режим не имел прочной классовой опоры, творцы первой турецкой конституции добились ее провозглашения, используя благоприятно сложившиеся для них политические факторы, не опирались в своей борьбе с феодально-клерикальной реакцией на народные массы города и деревни. Примечательно, что население вилайетов, как турецкое, так и нетурецкое, встретило новую конституцию без всякого энтузиазма, будучи плохо информировано и не имея ясного представления о ее роли в будущем страны.

Именно отсутствие у конституционалистов прочной социальной базы позволило султану Абдул Хамиду II вскоре же нанести им удар. Когда стало ясно, что конференцию держав удалось сорвать с помощью утверждений турецких делегатов о том, что все задачи реформ решает новая конституция, султан начал готовить расправу над Мидхат-пашой. В начале февраля 1877 г. его арестовали и выслали за пределы империи. Тем не менее конституция формально продолжала еще действовать, и на ее основе в 1877—1878 гг. состоялись, в условиях начавшейся русско-турецкой войны, две сессии первого турецкого парламента.

Несмотря на то что палата депутатов в целом оказалась послушной султану и Порте, при обсуждении ряда законопроектов — об административном управлении вилайетами и об организации муниципалитетов, о бюджете и печати — многие депутаты позволили себе резко критиковать порядки в администрации и судопроизводстве, злоупотребления чиновников центральных вилайетских ведомств. В мае 1877 г. палата даже осмелилась потребовать у Порты объяснений в связи с тяжелыми поражениями турецкой армии на фронтах русско-турецкой войны. Еще более обострился тон выступлений оппозиционно настроенных депутатов во время работы сессии палаты второго созыва. Дело дошло до того, что палата начала ставить вопросы о недоверии великому везиру и ряду министров, смогла, наконец, добиться от султана смены кабинета министров и замены поста великого везира должностью премьер-министра.

Когда катастрофическое поражение турецких войск в войне с Россией стало очевидным и перед русской армией была практически открыта дорога на Стамбул, Абдул Хамид II в середине февраля 1878 г. досрочно прервал работу сессии, распустив палату депутатов на неопределенный срок. Хотя конституция формально не была упразднена, мрачным парадоксом истории стал тот факт, что именно после ее провозглашения Абдул Хамиду II удалось превратить страну в арену наиболее кровавых злодеяний феодально-абсолютистского режима.

Поражение конституционного движения имело весьма существенные последствия для дальнейшей истории Турции, позволило реакционным силам и иностранному капиталу еще на несколько десятилетий законсервировать реакционные феодальные социальные и культурные институты. Вместе с тем годы борьбы за первую конституцию стали для нарождавшейся турецкой буржуазии первой серьезной пробой сил в борьбе за свои права и прогресс своей страны. Именно в этот период начали складываться те социальные и политические силы, которые стали основой младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. Это движение смогло опереться на опыт первых конституционалистов, потерпевших поражение из-за узости и слабости их социальной базы.

Конституционное движение и связанные с ним общественно-политические события происходили в условиях, когда одним из наиболее важных внутриполитических процессов в Османской империи были национально-освободительные движения балканских народов. Они во многом определяли как внутриполитическую жизнь страны, так и характер ее внешнеполитических связей в 60—70-е годы XIX в. В балканских провинциях Османской империи, где преобладало христианское население, в этот период, в результате значительно более быстрого по сравнению с большинством других провинций социального и экономического прогресса, уже сформировался экономически и политически весьма активный слой буржуазии. В результате длительная антитурецкая борьба народов Балкан с конца 50-х годов стала значительно шире по масштабам и радикальнее по задачам, стала борьбой за полный выход из империи и возрождение своих собственных национальных государств.

Борьба балканских народов против турецкого ига принесла в этот период весьма ощутимые результаты. В 1861 г. на территории Дунайских княжеств было провозглашено единое независимое румынское государство, создание которого нанесло Османской империи значительный ущерб как территориальный, так и, еще более, политический и экономический. В 1860—1862 гг. антитурецкое и антифеодальное восстание крестьян полыхало в Боснии и Герцеговине. В 1862 г. против турецкого владычества вновь поднялся сербский народ, а в 1867 г. турецкие войска навсегда покинули территорию Сербии. В 1868—1869 гг. тяжелую и кровопролитную борьбу против турецких властей вело население Крита, стремившееся присоединить этот остров к Греции. Порта жестоко расправилась с критскими повстанцами. В 60—70-х годах усилилась и антитурецкая борьба болгарского народа. Национально-освободительную борьбу болгар возглавили такие выдающиеся деятели болгарской революционной демократии как Христо Ботев, Георгий Раковский, Васил Левский, Любен Каравелов. В начале 70-х годов Порта обрушила жесточайшие репрессии на болгарских борцов за освобождение. Но дух сопротивления в Болгарии сломить не удалось.

Когда в условиях обострения политического и экономического кризиса Османской империи в 1875—1876 гг. начало национально-освободительную борьбу население Боснии и Герцеговины (восстание началось в мае 1875 г. в Герцеговине, а вскоре и в Боснии), вслед за ним поднялся на борьбу и народ Болгарии. Апрельское восстание 1876 г. стало одной из самых славных страниц в истории болгарского национально-освободительного движения. И хотя турецкие войска жесточайшим образом подавили это восстание, оно сыграло немалую роль в антитурецкой борьбе народов Балкан. Дальнейшая судьба Боснии и Герцеговины, а также Болгарии оказалась связана с международными отношениями Османской империи, в первую очередь с результатами русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Когда стамбульская конференция держав окончилась провалом, Россия попыталась другими средствами обеспечить решение проблем балканских народов Османской империи. По ее инициативе в марте 1877 г. в Лондоне была созвана конференция шести великих держав, на которой был подписан протокол, требовавший от Порты решительно улучшить положение христианских подданных султана. В противном случае державы заявляли о своем намерении непосредственно заняться решением этой острой проблемы. Но турецкое правительство отклонило предложение держав, в очередной раз полагаясь на расхождения в их позициях. Это решение Порты вызвало резкую реакцию в Петербурге. 4 апреля 1877 г. Россия объявила Османской империи войну, которой суждено было стать важнейшим событием в истории борьбы народов Балкан против турецкого ига.

Военные действия одновременно развернулись на Балканском и Кавказском фронтах, причем центральные события происходили на Балканском театре военных действий. Русские войска с боями форсировали Дунай и начали военные действия на территории Болгарии. В июне 1877 г. они захватили Шипку — важнейший укрепленный перевал. После ее захвата на этом участке фронта долго шли затяжные бои. Летом того же года развернулись упорные бои за Плевну — стратегический узел дорог. Русские войска несколько раз штурмовали Плевну; в начале декабря 1877 г. турецкий гарнизон сдался. Эта победа русских войск имела большое значение, повлияв на весь ход военных действий на Балканах. Столь же успешными оказались действия русских войск на Кавказском фронте. В мае 1877 г. они овладели Ардаганом, в августе вошли в Сухум (Сухуми), а в ноябре 1877 г. после ночного штурма пала одна из самых значительных турецких крепостей в Малой Азии — Карс.

Продолжая военные действия на Балканах, русские войска, поддержанные болгарами и сербами, в январе 1878 г. захватили Софию. Вскоре турецкие поработители были изгнаны из Болгарии. Русские начали наступление на Адрианополь и 20 января 1878 г. овладели им, открыв тем самым дорогу на Стамбул.

Военные поражения и резкое ухудшение экономического положения вынудили султана и Порту начать переговоры о перемирии, которое было подписано воюющими сторонами 31 января 1878 г. Европейские державы, обеспокоенные такими успехами России, пытались повлиять на ход русско-турецких переговоров и перенести рассмотрение проблем балканских народов на общеевропейскую конференцию. Англия даже провела военно-морскую демонстрацию в Мраморном море, ответом на которую было продвижение русских войск и занятие ими местечка Сан-Стефано (в 12 км от Стамбула). Здесь 3 марта 1878 г. и был подписан Сан-Стефанский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Он определил независимость Сербии, Черногории и Румынии и значительно расширил их границы. По этому договору Болгария стала автономным княжеством. Договор предписывал Порте предоставление Боснии и Герцеговине автономии и проведение там ряда реформ. К России отходили Южная Бессарабия, отторгнутая от нее по условиям Парижского договора 1856 г., а также Ардаган, Баязид, Батум (Батуми) и Карс. Таким образом, русско-турецкая война 1877—1878 гг. спасла народы Балкан от многовекового чужеземного ига и открыла возможности для их экономического, социального и национального развития.

Все эти военные и дипломатические успехи России вызвали противодействие европейских держав, боявшихся усиления ее влияния на Балканах и на Ближнем Востоке. Особенно активны были в этом отношении Англия и Австро-Венгрия. В результате Россия согласилась на проведение в Берлине международного конгресса для обсуждения вопросов, связанных со Сан-Стефанским мирным договором, что она вынуждена была сделать в связи с осложнившимся в результате войны международным и внутренним положением страны. Готовясь к Берлинскому конгрессу, Англия заключила тайный договор с Османской империей, направленный против России.

Берлинский конгресс открылся 13 июня 1878 г. Западные державы стремились на этом международном совещании свести на нет успехи России в закончившейся войне, а также не допустить укрепления независимых молодых балканских государств. Русская делегация оказалась на конгрессе в фактической изоляции и была вынуждена во многом уступить коллективному нажиму своих партнеров по переговорам. 13 июля 1878 г. был подписан Берлинский трактат, который изменил — в ущерб России и славянским народам Балкан — положения Сан-Стефанского договора. Хотя Берлинский трактат подтвердил независимость Румынии, Сербии и Черногории, границы Черногории оказались урезанными. Австро-Венгрия приобрела право оккупировать Боснию и Герцеговину. Болгария была разделена — Северная Болгария была признана автономным государством, с правом избирать себе князя, а Южная, получившая название Восточной Румелии,

вновь была поставлена под власть султана, при условии управления генерал-губернатором из христиан. Таким образом, было ликвидировано важнейшее достижение Сан-Стефанского договора и резко ослаблено влияние России на Балканах. Из азиатских приобретений России за ней остались Батум, Ардаган и Карс. Порта обязалась провести реформы в областях страны, населенных армянами.

В целом Берлинский конгресс 1878 г. был победой противников России. Особенно укрепила свои позиции Англия, которая, захватив Кипр, поставила под свой контроль азиатские средиземноморские владения султана. И хотя после Берлинского конгресса преобладающее влияние в Османской империи и на Балканах получили Англия и Австро-Венгрия, западным державам не удалось ликвидировать важные для балканских народов результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В молодых балканских государствах возникли благоприятные условия для социального и национального прогресса.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. оказалась ярчайшей демонстрацией социальной и политической отсталости Османской империи, гнилости феодально-султанской власти. Реакционные силы империи воспользовались войной, чтобы в зародыше ликвидировать либерально-конституционное движение и установить в стране жесточайший режим феодально-абсолютистской власти. Социальное и политическое развитие страны в 80—90-х годах XIX в. заметно затормозилось.

Глава VIII

ПРЕВРАЩЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛУКОЛОНИЮ И РЕЖИМ «ЗУЛЮМА». МЛАДОТУРЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В последней четверти XIX в. завершился длительный процесс превращения Османской империи в полуколонию европейских империалистических держав. Произошло это в эпоху империализма, когда между великими державами разгорелась острейшая борьба за господство над миром, за передел колоний. В. И. Ленин отмечал, характеризуя этот процесс: «К многочисленным „старым“ мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за „сферы влияния“ — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.— наконец за хозяйственную территорию вообще» *.

Известно, что ряд отсталых стран Востока в эпоху империа-

---

* В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 421—422.

лизма превратился в полуколонии — страны, лишь формально сохранившие государственную независимость, а практически во всем подчиненные империалистическим державам. В. И. Ленин отмечал, что эпоха империализма создает «целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» *. Именно такой страной стала к концу прошлого века Османская империя.

В этот период наиболее характерными чертами положения Османской империи были превращение этой страны в «хозяйственную территорию» империалистических держав и многолетнее господство режима «зулюма» султана Абдул Хамида II (1876—1909), представлявшего собой крайнее проявление феодально-абсолютистской деспотии [«зулюм» (тур. zülüm) — деспотизм, тирания, гнет]. Османская империя была одной из наиболее отсталых аграрных стран. Европейских путешественников она поражала на редкость примитивными способами земледелия. Основная причина такого положения — сам характер производственных отношений, присущих сельскому хозяйству страны в этот период. Фактически ничего здесь не изменилось в сравнении с 60—70-ми годами. В сельском хозяйстве остались те же налоги, те же формы эксплуатации крестьянства.

На рубеже столетий сельское хозяйство Османской империи уже в большой мере находилось в зависимости от иностранного капитала. От иностранной конкуренции особенно страдало производство зерновых, в частности пшеницы. Дело дошло до того, что столица Османской империи и ряд ее прибрежных городов получали зерно и муку из-за рубежа. А в некоторых отраслях сельского хозяйства иностранный капитал уже приобрел позиции непосредственного организатора и хозяина производства. Так произошло к концу века с производством табака, полностью оказавшимся в руках иностранных предпринимателей. В 1883 г. ими была даже создана специальная организация, получившая от Порты монополию на производство и экспорт турецкого табака. Вскоре она раскинула сеть своих отделений по всей стране и стала полновластным хозяином в табаководческих районах. Деятельность этой организации — наглядное свидетельство экономического закабаления Османской империи иностранным капиталом, который стал к этому времени новым (наряду с внутренними) внешним фактором сдерживания развития сельского хозяйства, ибо он был заинтересован в дешевом сельскохозяйственном сырье, а следовательно, и в сохранении обеспечивавших эту дешевизну полуфеодальных и феодальных методов эксплуатации турецкого крестьянина.

---

* Там же, с. 383.

В рассматриваемый период наблюдалось (в связи с ростом железнодорожной сети и все большим вовлечением Османской империи в мировой товарооборот) развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, постепенное, хотя и крайне медленное развитие капиталистических отношений. Но поскольку этот процесс происходил главным образом под воздействием иностранного капитала, а не в результате развития внутреннего рынка, он вел ко все большему усилению зависимости сельского хозяйства Османской империи от иностранного капитала.

В эти годы не в лучшем положении находилась и промышленность Османской империи. Хотя она обладала большими природными богатствами, добывающая промышленность влачила поистине жалкое существование. К концу столетия эту область уже «освоили» иностранные, главным образом английские и французские, компании, завладевшие многими концессиями на разработку полезных ископаемых. И здесь наблюдалась та же картина, что и в сельском хозяйстве: иностранные концессионеры совершенно не проявляли заботы о развитии самого производства.

В конце XIX в. насчитывалось всего несколько десятков небольших заводов и фабрик, в основном хлопчатобумажных, шерстопрядильных, ковровых и суконных, ряд предприятий мукомольной промышленности, а также военные заводы Стамбула. Эти предприятия были сосредоточены в Стамбуле, Измире и ряде крупных городов Европейской и прибрежной части Азиатской Турции. Остальные районы Османской империи промышленности в современном смысле слова не имели вообще.

В рассматриваемый период в промышленном производстве наблюдался вместе с тем процесс дальнейшего развития капиталистических отношений. Наряду с формами капиталистической домашней промышленности действовали мелкие и крупные мануфактуры, на ряде предприятий использовалась машинная техника. Но наиболее характерной чертой промышленности в этот период было то, что почти все значительные предприятия находились в руках иностранного капитала или его агентуры внутри страны. Таким образом, феодально-абсолютистский режим и иностранное засилье были основными препятствиями на пути прогресса сельского хозяйства и промышленности страны и развития местной буржуазии.

В 90-х годах XIX в. произошло событие, особенно наглядно свидетельствовавшее о полном превращении Османской империи в полуколонию иностранного капитала. 20 декабря 1881 г. был опубликован указ султана (так называемый «Мухарремский декрет»), который объявил о создании Администрации оттоманского публичного долга. Эта организация получила право с помощью собственного аппарата собирать в различных районах Османской империи ряд государственных налогов и пошлин, переданных Портой в ее распоряжение с целью обеспечения выплаты по внешнему долгу страны. Уже с 1882 г. в распоряжение администрации

были переданы доходы от табачной и соляной монополий, гербовый сбор и сбор от спирта, право сбора десятины в ряде крупных городов и провинций. В дальнейшем список перешедших в ведение администрации государственных доходов империи продолжал быстро расти. Администрация оттоманского публичного долга стала мощным инструментом установления иностранного контроля над экономикой и финансами страны.

Как отмечалось выше, иностранные займы после Крымской войны стали одним из главных рычагов экономического закабаления Османской империи. Пагубную политику пополнения казны за счет кабальных по условиям внешних займов Порта продолжала и в царствование Абдул Хамида II. С 1886 по 1908 г. было заключено 11 займов на сумму более 800 млн. фр. Практика этих лет свидетельствует, что заключение займов все более сопровождалось согласием Порты выполнить те или иные экономические требования держав — предоставление новых концессий, получение выгодных для европейских промышленников заказов, а иногда и признание каких-либо территориальных претензий. Словом, займы стали поистине орудием экономического и политического воздействия держав на Порту.

В финансово-экономическом закабалении Османской империи все большую роль играли иностранные банки с их разветвленной сетью в вилайетах. Один только Оттоманский банк, сохранявший статус государственного банка империи, имел к 1909 г. 55 отделений по всей стране. Банкиры крупнейших европейских держав финансировали в рассматриваемый период более десяти банков в Османской империи. В стране был только один турецкий банк — Сельскохозяйственный (основан в 1888 г.). О доходах акционеров иностранных банков в Османской империи можно судить по баснословным дивидендам — 12% годовых, которые Оттоманский банк выплачивал своим акционерам в Англии и Франции.

Структура внешней торговли и ее баланс были еще одним важным свидетельством полуколониального положения Османской империи, которая все более превращалась в рынок сбыта и источник дешевого сырья для иностранного капитала. Дефицит внешнеторгового баланса неуклонно возрастал год от года и к 1906 г. составил огромную сумму — 12 млн. лир. Все попытки Порты добиться пересмотра невыгодных для Османской империи торговых соглашений с державами не дали ощутимых результатов. Великие державы не склонны были облегчать финансово-экономическое положение страны, ставшей их хозяйственной вотчиной.

Пожалуй, наиболее ярко проявлялось полуколониальное положение Османской империи в делах, связанных с дальнейшим строительством железных дорог. Сбор ненавистного народу налога ашар более чем на третьей части территории страны уходил на оплату пресловутых «километрических гарантий». При этом иностранный капитал строил обычно только выгодные ему (эконо-

мически и стратегически) линии. Одним из наиболее ярких примеров экономической экспансии империализма стала концессия на строительство Багдадской железной дороги. В процессе ее сооружения акционеры — германские монополисты — получили огромные прибыли, значительную часть которых дала эмиссия акций и облигаций новой концессии еще до начала самого строительства.

Для правильной оценки экономического развития Османской империи в этот период следует также иметь в виду следующие обстоятельства. При абсолютной тенденции иностранного капитала к сдерживанию экономического прогресса страны в ее развитии возникали новые процессы. Так, превращение ее в аграрно-сырьевой придаток иностранных монополий сопровождалось ростом производства ряда технических культур. Процессы разделения труда и развития капиталистических отношений в деревне вели к усилению классовой дифференциации крестьянства и появлению помещиков-капиталистов. Новые явления затронули и города, где появились фабрики и заводы, построенные иностранными капиталистами. В районах строительства железных дорог не только возникали связанные с их нуждами предприятия и мастерские, но и возрастала товарность сельскохозяйственного производства, росла добыча некоторых природных ископаемых, в частности угля.

В целом рост торговли и некоторое развитие промышленного производства сказались на социальных процессах. Стала крепнуть торговая буржуазия, зарождалась промышленная буржуазия, постепенно формировался городской пролетариат. Историческое развитие буржуазии в Османской империи было характерно особенно сильными позициями компрадорской буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом и состоявшей преимущественно из представителей нетурецких народов. Но, конечно, хозяевами положения в экономической жизни страны были иностранные монополисты, в руках которых к концу XIX в. оказались ключевые позиции в экономике.

Во всех сферах экономики и финансов Османской империи шла все более ожесточавшаяся борьба различных империалистических группировок за преобладающее положение и влияние. На рубеже столетий в эту борьбу особенно активно включились германские монополисты, в короткий срок вложившие в экономику страны около 1 млрд. марок и немало потеснившие традиционных хозяев положения — англо-французских финансистов и предпринимателей.

Иностранные монополисты всегда умели опереться на султанов и их окружение, пробиваясь к выгодным концессиям и заказам. Но в годы правления Абдул Хамида II, когда абсолютистский режим был подлинным жандармом для всех народов империи, феодально-клерикальные реакционные круги стали верным союзником иностранного капитала. Примечательно, что завершение

процесса превращения Османской империи в полуколонию иностранного капитала совпало по времени со страшным периодом феодально-абсолютистского правления — эпохой «зулюма».

Парадоксом истории стал тот факт, что Абдул Хамид II — первый турецкий конституционный монарх — стал кровавым палачом народов Османской империи и с полным основанием был назван «Кровавым». Его режим был выражением господства самых реакционных слоев турецкого общества конца XIX в., отражал интересы крупных феодалов, высшего мусульманского духовенства и высшей бюрократии империи. В годы правления Абдул Хамида II, после разгрома конституционалистов, Османская империя была вновь отброшена к тем средневековым условиям жизни, которые в середине столетия с трудом стали уступать место буржуазным правопорядкам нового времени.

При Абдул Хамиде II страна вновь утратила всякое представление о каких-либо гарантиях жизни и имущества подданных султана. Нормами повседневной жизни стали ничем не ограниченный произвол чиновников, страшная коррупция всего бюрократического аппарата, засилье дворцовой камарильи. Одержимый манией преследования, султан и его окружение, которое составляли самые реакционные представители мусульманского духовенства, а также ряд арабских, курдских и черкесских феодалов, держали в своих руках все нити управления государством. Порта сделалась игрушкой в руках снискавшего себе мрачную славу султанского дворца Йылдыз.

Страшным злом стали огульные аресты и ссылки по доносам людей, заподозренных в политической неблагонадежности. По словам одного из турецких историков, шпионаж был духом деспотического режима. Сами слова «шпион» и «донос» сеяли ужас. Никто не был огражден от шпионов и доносчиков. Следили за всеми сановниками, донося султану даже об их гастрономических или театральных вкусах. Периодически подозрения падали даже на великого везира, шейх-уль-ислама или министров. Далеко не всегда подозреваемым удавалось оправдаться. Болезненная подозрительность Абдул Хамида II создавала атмосферу недоверия и враждебности даже внутри дворцовой камарильи, в кругу самых приближенных к султану лиц.

Атмосфера произвола, естественно, распространилась на жизнь провинций. Высшие чины провинциального аппарата менялись столь же часто, как и чиновники столичных ведомств. Везде царили административный произвол, казнокрадство и взяточничество. Крайне низок был культурный уровень чиновничества. Примечательно, что в 1898 г. среди министров, которые возглавляли основные ведомства Порты, не было ни одного человека с высшим образованием. Можно себе представить, что являло собой в этом отношении провинциальное чиновничество. Более того, в годы «зулюма» образованность чиновника могла стать лишь признаком политической неблагонадежности.

Режим Абдул Хамида II серьезно затормозил начавшийся в годы танзимата процесс развития просвещения. Султан поставил все учебные заведения под жесточайший контроль цензуры, лично вмешивался в дела школьного ведомства. Всякое проявление свободомыслия, все «пробуждающие мысль» предметы немедленно изымались из программ. На всех ступенях турецкой школы этой поры резко возросло религиозное влияние. И хотя в конце века произошло некоторое развитие среднего специального и высшего образования, в целом этот процесс проходил очень нелегко. Во всяком случае, открытый вновь в 1900 г. Стамбульский университет влачил жалкое существование.

Эпоха «зулюма» стала и худшей порой для турецкой культуры. Журналистика, достигшая в годы танзимата и конституционного движения значительных успехов, была сведена на нет усилиями султанских цензоров. Резко уменьшилось число газет, а несколько сохранившихся изданий печатали только угодные султану и Порте статьи. Слова «свобода», «равенство», «право», «конституция», «революция», «тирания», «деспотизм» и т. п. были запрещены. Дикий произвол невежественных цензоров привел к тому, что под запретом оказались книги Руссо и Вольтера, Шиллера и Шекспира, Расина и Корнеля, Гюго и Золя, Толстого и Байрона. Цензура запретила многие произведения европейской драматургической классики. Естественно, что в этих условиях под особо строгим запретом оказались произведения Намыка Кемаля, Зия-бея и ряда других прогрессивных литераторов.

Османская империя в эпоху нового времени постоянно была ареной борьбы нетурецких народов за свое освобождение. Абдул Хамид II и его окружение по-своему решили проблемы многонациональной страны. Они превратили ее в тюрьму для всех народов, обеспечивая свое господство с помощью разжигания религиозной и национальной вражды. Султан использовал для провоцирования столкновений между разными народами весь огромный аппарат сыска, жандармерию и полицию. В эти годы во многих районах страны наводила ужас полурегулярная кавалерия «хамидие», организованная султаном с помощью преданных ему вождей курдских племен. Особенно пострадали от безудержного террора районы с армянским населением. Именно Абдул Хамид II и его ближайшее окружение несут ответственность за организацию в 1894—1896 гг. страшной резни армян, потрясшей весь мир. Уже в 80-х годах султан начал проводить политику физического истребления армян, но в 1894 г. она приобрела угрожающие размеры после страшной резни в Сасуне в августе — сентябре 1894 г. Через год избиения армян начались по всей стране. За два года были уничтожены десятки тысяч человек, сотни городов и сел Западной Армении были разрушены султанскими войсками и конницей «хамидие».

Султан взял на вооружение реакционную идейно-политическую доктрину панисламизма, всячески способствуя и поощряя дея-

тельность панисламистов. Абдул Хамиду II особенно выгодны были те стороны панисламизма, которые укрепляли позиции турецкого султана в качестве халифа всех мусульман. Таким образом, во всех областях экономической и внутриполитической жизни страны режим Абдул Хамида II проявил себя в качестве жестокой феодально-султанской деспотии, при которой правящие круги удерживали свою страну на крайне низком уровне социально-экономического, политического и культурного развития.

Всему этому соответствовало и внешнеполитическое положение страны, которое в рассматриваемый период определялось ее превращением в полуколонию. Османская империя была ареной постоянной борьбы великих держав за преобладающее политическое или экономическое влияние. Разменной монетой в дипломатической игре держав были различные перипетии национального вопроса империи — армянский вопрос, междоусобная борьба в Македонии, восстание критских греков и т. п. Все эти события использовались державами для укрепления своих позиций в стране, усиления влияния на султана и Порту. Вообще, позиция Османской империи в международных вопросах определялась в европейских столицах, а Абдул Хамид II — ловкий и коварный политик — вел лишь одну игру, целью которой были не интересы страны, а укрепление его личных позиций.

На рубеже столетий, когда политико-экономическое влияние Германии в Османской империи резко возросло, султан и Порта во внешнеполитических делах стали откровенно ориентироваться на Германию. Вскоре немецкое влияние стало определяющим и в военной сфере. Турецкая армия была поставлена под контроль немецких инструкторов. А затем и многие гражданские ведомства империи оказались под наблюдением немецких советников.

Таким образом, в начале XX в. Османская империя полностью потеряла экономическую и, в определенной мере, политическую независимость, а на пути исторического прогресса этой страны стояли феодально-султанский деспотический режим и иностранный капитал со всеми его экономическими и политическими позициями внутри страны. Такое положение должно было объективно способствовать неизбежному возникновению протеста тех социальных и политических сил турецкого общества, которые несколько десятилетий шли путем реформ и составили социальную базу конституционного движения 60—70-х годов XIX в. Наиболее значительным проявлением этого общественно-политического процесса стало младотурецкое движение конца XIX — начала XX в.

Террор и репрессии эпохи «зулюма» не сломили полностью те социальные силы, которые были опорой конституционного движения. И чем яростнее душили абдулхамидовские палачи любое проявление свободомыслия, тем отчетливее вырисовывались первые контуры оппозиционных режиму сил. Они формировались по-прежнему в среде турецкой разночинной интеллигенции, образо-

ванного офицерства армии и флота, учащихся военных и специальных гражданских школ.

Первая организованная попытка начать борьбу против Абдул Хамида II относится к 1889 г., когда группа учащихся военно-медицинского училища создала тайную группу, которая ставила целью ликвидацию деспотического режима. Инициатором создания подпольной группы был Ибрагим Темо, албанец по происхождению. Вместе с тремя своими товарищами по училищу он создал тайную организацию, построенную по принципу деятельности карбонариев. С первых же шагов тайного общества, поставившего целью спасение родины от деспотизма и тирании, в его деятельности приняли участие курсанты военно-медицинского училища, отдельные преподаватели, журналисты и чиновники.

Первая ячейка младотурок в стенах военно-медицинского училища насчитывала 20—25 членов. Руководители организации начали устанавливать контакты с другими учебными заведениями с целью создания в них ячеек общества.

Примерно в это же время стал складываться первый зарубежный центр оппозиционной деятельности младотурок. Его возглавил один из видных лидеров и идеологов младотурецкого движения — Ахмед Риза-бей — сын видного турецкого чиновника, получивший хорошее европейское образование. В 1889 г. Риза-бей эмигрировал во Францию. Как и многие другие турецкие буржуазные реформаторы, он начал с представления докладных записок султану, в которых призывал к установлению конституционного управления. Вокруг Ахмеда Риза-бея постепенно сложилась небольшая группа эмигрантов, большинство которых покинули Турцию в знак протеста против кровавого режима Абдул Хамида II.

Тайное общество, созданное учащимися военно-медицинского училища, довольно быстро организовало свои ячейки в других учебных заведениях столицы. То обстоятельство, что первые группы младотурок возникали именно в военных и специальных гражданских учебных заведениях, не было случайным явлением. Они были в этот период наиболее важными центрами формирования турецкой интеллигенции.

Примерно в 1892 г. султанскому правительству стало известно о существовании тайного общества. Ряд членов общества был арестован, но после нескольких месяцев заключения все они были помилованы султаном. Абдул Хамид II явно предпочел не накалять атмосферу в военных училищах репрессиями.

В 1894 г. группа учащихся военно-медицинского училища отпечатала и распространила в Стамбуле первую листовку от имени Османского общества «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»). Она содержала призыв к совместной борьбе всех народов Османской империи с деспотическим режимом. Вновь начались аресты подозреваемых в свободомыслии. В 1894—1895 гг. из Турции бежали, спасаясь от арестов, многие участники младо-

турецких ячеек в учебных заведениях столицы. Большинство из них обосновались в Париже. Центром притяжения для них стала газета Ахмеда Риза-бея «Мешверет» («Обсуждение»), первый номер которой вышел 3 декабря 1895 г. В нем была опубликована программная статья общества «Единение и прогресс», отражавшая сравнительно общие для того периода взгляды младотурок — неделимость империи, невмешательство иностранных держав в ее дела, реформы с целью прогресса страны и равенство всех ее подданных без различия религии и национальности.

После арестов и ссылок 1894—1895 гг. стамбульская организация младотурок не прекратила своего существования. Был даже создан первый центральный комитет общества под председательством видного чиновника Хаджи Ахмеда-эфенди. В этот период тайная организация уже имела свой устав, в котором говорилось, что целью общества «Единение и прогресс» было обеспечение «справедливости, равенства и свободы», прогресса страны и освобождение ее от иностранной кабалы. Ст. 3 устава формулировала в качестве важнейшей задачи общества борьбу за восстановление конституционного режима.

Деятели младотурецкого движения в этот период уделяли главное внимание организации антиправительственной пропаганды через печать. Этой цели служили газеты младотурок, в которых подробно обсуждались проблемы, связанные с внутренним и международным положением Османской империи, излагались и аргументировались программные взгляды лидеров младотурок. Наряду с изданием газет огромную роль в пропагандистской деятельности младотурецких организаций играло издание брошюр и листовок, тайно распространявшихся в пределах Османской империи.

Центральной идеей во всей младотурецкой пропаганде была мысль о необходимости восстановления конституционного строя и созыва парламента. Другим наиболее часто повторявшимся тезисом было утверждение, что конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить распад и раздел Османской империи великими державами. Эта идея выдвигалась еще «новыми османами». Но в пропаганде младотурок она звучала значительно острее, как призыв положить конец засилью иностранных держав в Турции.

Идейные разногласия и споры раздирали младотурецкую эмиграцию. Всех младотурок объединяло лишь общее стремление положить конец деспотизму Абдул Хамида II. Разногласия Ахмеда Ризы и другого лидера младотурок, Мурада, раскололи их на два лагеря, внутри каждого из которых было немало групп с различными позициями.

Летом 1896 г. стамбульская группа младотурок попыталась произвести государственный переворот. Она заручилась поддержкой командира 1-й армейской дивизии в Стамбуле. Заговорщики были немедленно арестованы и сосланы, однако многим из них удалось бежать в Париж.

Вскоре султан нанес еще один сильный удар по движению младотурок внутри страны. Были арестованы члены вновь начавших действовать ячеек младотурок в ряде учебных заведений Стамбула. В июне 1897 г. военный трибунал приговорил к ссылке большую группу арестованных.

Несмотря на понесенные серьезные потери, движение продолжалось. После тяжелых событий лета 1897 г. действовали несколько зарубежных центров младотурок в Париже, Женеве и Каире. Существовали также группы младотурок в Румынии, Болгарии и Албании. Первая попытка объединить деятельность различных эмигрантских кружков и групп была предпринята каирской группой младотурок в 1899 г. Было выдвинуто предложение о созыве конгресса младотурецких организаций. Эта идея стала широко обсуждаться в различных изданиях младотурок. Однако в этот период не удалось достигнуть соглашения о созыве конгресса.

Первый конгресс младотурок состоялся в Париже 4—9 февраля 1902 г. В нем участвовали 60—70 (по другим сведениям — 47) человек. Среди его делегатов были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды, евреи. Дискуссия на заседаниях конгресса была острой, в ее центре оказались два вопроса: о привлечении армии к участию в движении и о возможности использования вмешательства иностранных держав для обеспечения конституционных реформ в Турции.

Против любого вмешательства иностранных держав выступали Ахмед Риза и его сторонники. Другая группа делегатов, возглавлявшаяся принцем Мехмедом Сабахеддином, пыталась доказать возможность бескорыстной помощи держав делу реформ в Османской империи. Объективно эта позиция означала готовность поставить дело революционного преобразования феодально-абсолютистского строя под опеку великих держав. Однако позиция Сабахеддина была поддержана как делегатами-нетурками, так и рядом делегатов-турок, не веривших в способность младотурок самостоятельно обеспечить успешную борьбу за восстановление конституции. В принятой большинством резолюции отразились главным образом взгляды Сабахеддина и его единомышленников, считавших целесообразным и возможным значительную децентрализацию административного управления и предоставление широких полномочий местным властям. Таким образом, первый конгресс младотурок не смог обеспечить единства в движении. После этого конгресса группа Ахмеда Ризы организационно оформилась как «Общество прогресса и единения». Сабахеддин и его сторонники создали «Общество личной инициативы и децентрализации».

После конгресса 1902 г. эти две основные политические организации младотурок действовали самостоятельно, имели свои политические программы и органы печати. Органами «Общества прогресса и единения», которое идейно и организационно было

продолжателем деятельности общества «Единение и прогресс», были газеты «Мешверет» и «Шура-и уммет» («Совет общины»), первый номер которой вышел в свет 10 апреля 1902 г. «Общество прогресса и единения» так формулировало свою программу: защита политической независимости и целостности Османской империи, сохранение царствующей династии, восстановление конституции 1876 г., единение всех подданных империи.

«Общество личной инициативы и децентрализации», организационно оформившееся в феврале 1902 г., имело свой центр в Париже. Оно постепенно создало ряд отделений как внутри Османской империи (тайные комитеты в Измире, Эрзуруме, Трабзоне и Дамаске), так и за ее пределами (Каир).

Младотурецкие организации сложились в результате политической активности по преимуществу молодой турецкой военно-чиновничьей интеллигенции, отражавшей экономические и политические интересы буржуазии и либеральных помещиков. В условиях разгула феодально-клерикальной реакции к движению примкнуло значительное число недовольных султаном представителей феодальной бюрократии. В результате социальный состав младотурецких организаций был весьма разнородным. Это обстоятельство определило постоянные идейные разногласия в движении.

В рассматриваемый период движение отличалось крайней организационной слабостью и разобщенностью, которую не смог преодолеть ввиду идейных разногласий и первый конгресс младотурецких организаций. После конгресса 1902 г. их политическая активность заметно снизилась. Дальнейшая активизация младотурецкого движения была связана с общим подъемом революционного движения в Османской империи под влиянием русской революции 1905 г.

Революционные события 1905 г. в России оказали огромное влияние на развитие буржуазно-национальных антиимпериалистических и демократических движений во всей Азии. В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» *.

Хотя султанская цензура делала все возможное, чтобы не допустить проникновения в Турцию сообщений о революционных боях в России, сведения о них попадали через иностранные газеты, о них писали и в распространявшихся в стране изданиях младотурок. В частности, младотурецкая газета «Ферьяд» («Призыв») сообщала, что революционные события в России страшно напугали султана Абдул Хамида II, боявшегося, что его подданные последуют этому примеру.

Революционные выступления моряков русского флота нашли

---

* В. И. Ленин. Пробуждение Азии. — Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 146.

самый живой отклик среди турецкого офицерства. В 1906—1907 гг. в турецкой армии и флоте произошли открытые выступления солдат и матросов против военного начальства. Ареной довольно значительных по характеру и масштабам антиправительственных выступлений стала Анатолия. Молодая анатолийская буржуазия возглавила антиправительственные выступления в ряде городов.

В конце 1907 г. правительству удалось с помощью репрессий подавить антиправительственные выступления в Эрзуруме и других городах Восточной Анатолии. По некоторым сведениям, в народных выступлениях в Эрзуруме принимали участие деятели зарубежных эмигрантских комитетов младотурок. Однако нельзя говорить об организованном участии младотурецких комитетов в этом движении.

Восстания населения в городах Восточной Анатолии, участившиеся случаи неповиновения властям, волнения в армии и флоте, дальнейший рост национально-освободительных антифеодальных движений нетурецких народов империи, в частности в Македонии, — все это свидетельствует о том, что в 1905—1907 гг. в Османской империи наблюдался революционный подъем, важнейшим толчком которому послужили события русской буржуазно-демократической революции 1905 г. Нарастание революционной ситуации в стране привело к активизации деятельности младотурецких организаций как за рубежом Османской империи, так и внутри нее.

В 1906 г. «Общество прогресса и единения» распространило в Турции специальное воззвание, в котором содержался призыв к борьбе за восстановление конституции 1876 г. и к совместным действиям всех подданных Османской империи в борьбе с деспотическим режимом султана Абдул Хамида II. В этот период «Общество прогресса и единения» вело обширную переписку со своими единомышленниками в Турции, призывая их к созданию ячеек общества внутри страны.

В 1906—1907 гг. активизировало свою деятельность и «Общество личной инициативы и децентрализации». Ряд членов общества был направлен в Анатолию для создания отделений внутри страны. В 1906 г. принц Сабахеддин начал издавать в качестве органа общества газету «Теракки» («Прогресс»). Была опубликована программа общества. Ее основные положения сводились к значительной децентрализации управления.

В программных установках «Общества прогресса и единения» и «Общества личной инициативы и децентрализации» были коренные различия, касавшиеся важнейших проблем государственного устройства. Если Ахмед Риза-бей и его единомышленники боролись за конституцию, имея в виду конституционную монархию на основе строго централизованного управления страной, то Мехмед Сабахеддин и его группа, выступая под тем же лозунгом восстановления конституции 1876 г., предлагали план федерализации государственного устройства.

В 1906 г. началась новая полоса активной деятельности младотурок внутри страны. Она была связана прежде всего с организацией в Салониках в июле 1906 г. новой тайной организации — «Османское общество свободы», которое ставило целью борьбу с деспотическим режимом и иностранным вмешательством. Вскоре после своей организации общество начало вербовку сторонников, обращая особое внимание на работу в армии. В конце 1906 г. возникла еще одна ячейка младотурецкого движения — в Дамаске.

Важнейшим событием в активизации деятельности младотурок внутри страны стало состоявшееся осенью 1907 г. объединение «Общества прогресса и единения» и «Османского общества свободы», которое к этому времени приобрело значительное число сторонников, преимущественно среди армейских офицеров. 27 сентября был подписан документ об организационном объединении обществ. Объединенное общество приняло название «Османское общество прогресса и единения», определило своей основной целью «обеспечение восстановления и применения конституции Мидхат-паши», установило структуру общества с двумя общими центрами — зарубежным в Париже и внутренним в Салониках.

После подписания этого соглашения салоникский комитет младотурок усиленно продолжал вербовку новых членов и расширял свою пропаганду в армейских частях, расквартированных в Европейской Турции. В то же время парижский комитет общества вел подготовку к проведению объединительного конгресса всех партий и групп, боровшихся против режима Абдул Хамида II.

В этот период наметилось сближение младотурецких организаций с революционными партиями и группами нетурецких народов Османской империи. Были установлены контакты между младотурецкими комитетами и армянскими буржуазно-национальными партиями и руководителями македонского освободительного движения. Армянские буржуазно-национальные организации проявили инициативу в созыве конгресса для обсуждения вопроса о совместных действиях всех политических партий и групп, боровшихся с деспотическим режимом.

Второй конгресс младотурок состоялся в Париже 27—29 декабря 1907 г. Конгресс принял изложенную в «Декларации» программу совместных действий всех партий и групп, выступавших против феодально-абсолютистского режима. В «Декларации» было несколько особо примечательных обстоятельств. Во-первых, весь документ построен на том, что вопросы будущего государственного устройства Османской империи в нем сознательно обойдены. Посвящая половину довольно пространного документа гневному бичеванию самого Абдул Хамида II, его авторы сочли возможным ограничиться, характеризуя будущее государственное устройство Турции, лишь словами о восстановлении конституции и созыве парламента. Все разногласия по принципиальным во-

просам будущего государственного и политического строя не были ликвидированы на этом конгрессе младотурок, а временно сняты с обсуждения. Другой особенностью документа было сведение пороков феодально-абсолютистского режима к личным недостаткам царствующего монарха. В основном документе конгресса 1907 г. не было анализа социальной и политической жизни страны. И все же «Декларация» свидетельствует о том, что ко времени созыва конгресса завершился процесс превращения младотурецкого движения из буржуазно-либерального в буржуазно-революционное. «Декларация» призывала к всеобщему восстанию против существующего в стране режима. Парижский конгресс 1907 г. сыграл немалую роль в консолидации политических сил сопротивления деспотическому режиму. После конгресса с особой активностью начали действовать организации младотурок внутри страны. Еще более усилилась пропаганда младотурок в армии.

Таким образом, под воздействием революционного подъема в Османской империи, вызванного влиянием русской революции 1905 г., в младотурецком движении произошли значительные качественные изменения его стратегии и тактики. Младотурки пошли на объединение с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов Османской империи и вступили на путь революционной борьбы с феодально-абсолютистским режимом. Турция стояла на пороге первой в ее истории буржуазной революции.

Глава IX

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908 г. ПРАВЛЕНИЕ МЛАДОТУРОК И КРУШЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Первая в истории Турции буржуазная революция, ликвидировавшая деспотический феодально-абсолютистский режим «зулюма» и восстановившая в правах конституцию 1876 г., вошла в историю этой страны под названием младотурецкой революции. Она происходила в условиях пробуждения Азии, которая под влиянием русской революции 1905—1907 гг. стала ареной многих революционных битв.

Младотурецкая революция была подготовлена самим ходом социального и общественно-политического развития Османской империи на рубеже столетий. Нелегальная деятельность младотурок оказала определяющее политическое влияние на развитие революционных событий и их направленность. Непосредственным толчком к революционному взрыву послужили события в Македонии.

В первой половине 1908 г. Македония стала тем районом Османской империи, где социальные и национальные противоречия,

типичные для всей империи, проявлялись с особой остротой и силой. В июне 1908 г. вновь возникла реальная угроза иностранного вмешательства в события в Македонии, угроза отторжения ее от Османской империи. Острота македонского вопроса и неспособность султанского правительства решать внутренние и международные проблемы усугублялись все более ухудшавшимся финансово-экономическим положением страны.

В этот период патриотически настроенные деятели младотурецкого движения решили перейти к немедленной подготовке антиправительственного выступления армии, силой добиться восстановления конституции и воспрепятствовать иностранному вмешательству в дела империи. В феврале—марте 1908 г. парижский центр младотурок в циркулярных письмах, направляемых своим единомышленникам в Турции, настоятельно рекомендовал расширить вербовку сторонников общества в армии, среди молодежи, создавать из новых сторонников тайные группы. Примечательно, что в этот период уже существовал специальный устав, определявший принципы и правила деятельности организаций общества внутри страны. Среди положений этого устава выделяются статьи об организации групп федаев (жертвующих собой), сама идея организации которых была, скорее всего, подсказана младотуркам опытом иранской революции. Младотурки готовили свои организации внутри страны к активным действиям.

Основным центром деятельности младотурок в этот период стали Салоники. Действовавший здесь внутренний центр «Общества прогресса и единения» усилил в армии пропаганду, которая имела успех среди солдат, младших и средних офицеров турецких войск, расквартированных в Македонии, среди гражданского населения. Следует отметить, что в пропаганде младотурок в 1908 г., и особенно накануне революции, произошел определенный сдвиг. Если до этого идеи конституционной реформы нередко заслонялись в пропагандистских материалах младотурок критикой личности султана, то накануне революции на первый план выдвинулась идея борьбы с абсолютизмом как системой.

В конце мая 1908 г. младотурки направили консулам держав меморандум, в котором содержался протест против иностранного вмешательства во внутренние дела Македонии. Сразу же после ревельского свидания английского короля Эдуарда VIII и российского императора Николая II в июне 1908 г., на котором обсуждался вопрос о положении в Македонии, младотурецкие комитеты направили иностранным консулам в различных городах Македонии резкие ноты протеста против решений, принятых на этой встрече.

Деятельность младотурецких комитетов в Македонии вызывала серьезное беспокойство султана и правительства. Было сделано несколько попыток пресечь революционное брожение в армии с помощью репрессий. Результатом их явилось, однако, еще большее усиление антиправительственных настроений в армейских

частях. В такой обстановке в июле 1908 г. началось вооруженное восстание, которое возглавили офицеры-младотурки. Первым шагом стало выступление военного отряда, созданного офицером ресненского гарнизона Ахмедом Ниязи-беем, которого поддержал монастырский центр младотурок.

Одним из наиболее существенных факторов, определивших быстрый и почти бескровный ход событий, которые привели к восстановлению конституции, было присоединение к восставшим младотурецким офицерам и солдатам нетурецкого населения Македонии. Руководители македонской «левицы» поддержали восставших младотурок весьма активно. Такую же поддержку младотурецкие комитеты получили со стороны албанских национальных организаций.

Когда стало ясно, что выступление офицеров-младотурок, организовавших повстанческие отряды, перешло во всеобщее восстание против султана и правительства, салоникский комитет младотурок разослал консулам держав специальное письмо, в котором говорилось, что цель движения — восстановление конституции 1876 г.

Все попытки султана и правительства ликвидировать очаги восстания окончились неудачей. Армейские части стали одна за другой открыто присоединяться к повстанцам. 23 июля 1908 г. повстанческие отряды и присоединившиеся к ним воинские подразделения начали брать в свои руки власть в административных центрах Македонии — Салониках, Монастыре, Ускюбе и других крупных городах. Повсеместно на митингах выдвигалось требование немедленно восстановить конституцию. Монастырский комитет младотурок направил султану телеграмму с требованием издать указ о восстановлении конституции и созыве палаты депутатов. Во многих городах Македонии захватившие власть младотурецкие комитеты стали сами провозглашать восстановление конституции. Султан и правительство были вынуждены принять требования младотурок, опиравшихся на восставшую армию, 24 июля был опубликован султанский указ о восстановлении действия конституции 1876 г. и предстоящем созыве палаты депутатов. Во многих городах страны в эти дни проходили массовые митинги в поддержку конституции, на которых братались представители различных национальностей и вероисповеданий.

Руководители младотурок в первые же дни после восстановления конституции показали свое стремление не допустить дальнейшего развертывания революционной борьбы против монархии. Определяющим моментом политики младотурок в этот период была их готовность удовлетвориться первым достигнутым успехом, готовность к компромиссу с капитулировавшей феодально-абсолютистской властью. Руководители младотурецкого движения восприняли султанский указ о восстановлении конституции как полную победу революции. Умеренная буржуазная революционность младотурок была вполне удовлетворена этим успехом, от-

крывавшим турецкой буржуазии и либеральным помещикам путь к участию в политической жизни страны. В. И. Ленин писал в июле 1908 г.: «В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию» *.

В первые же недели после революции младотурки показали, что их вполне устраивает такая полупобеда. На смену революционным лозунгам пришли призывы к порядку и спокойствию. Уже в июле — августе 1908 г. младотурецкие комитеты начали применять силу для подавления выступлений крестьянства и рабочего класса страны. Предельно точно охарактеризовал политику младотурок после июльского революционного взрыва В. И. Ленин, который писал в октябре 1908 г.: «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов...» **.

Характерной чертой политической ситуации после победы июльского восстания войск под руководством младотурецких комитетов было то, что, хотя реальная политическая власть была, бесспорно, в руках младотурок, комитет «Единение и прогресс» предпочел не брать бразды правления страной в свои руки. Младотурки сохранили султанское правительство и весь центральный и провинциальный аппарат власти без серьезных изменений. Они настояли лишь на удалении из правительства особо скомпрометировавших себя администраторов абдулхамидовского режима. Между тем самого султана, личность которого для эмигрантов-младотурок была олицетворением всех зол и бед страны, победившие младотурки стали представлять жертвой коварных интриг придворных. Но лидеры младотурок, опираясь на армию, не доверяли султану. Не случайно они сохранили Салоники в качестве резиденции младотурецкого комитета «Единение и прогресс», ибо Стамбул — место дислокации войск, сохранявших в какой-то мере преданность султану и его правительству, — казался младотуркам ненадежным. Обстоятельства со временем подтвердили справедливость этих опасений.

В этот период младотурки весьма энергично укрепляли организационную основу своего влияния на все стороны жизни в стране. В столице и во многих городах Османской империи были созданы филиалы партии младотурок, сеть которых вскоре стала весьма разветвленной. Стремясь подчинить себе общественное

---

* В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. — Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 177.

**В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. — Там же, с. 223.

мнение, младотурки быстро наладили издание своих печатных органов. Они использовали свое реальное влияние на политическую жизнь страны с тем, чтобы ликвидировать последствия «зулюма». Был издан указ об амнистии участников революционного движения, правительство издало циркуляр об упразднении султанской тайной полиции, была распущена запятнавшая себя кровью многих тысяч людей 30-тысячная армия доносчиков. Многие видные сановники, в особенности представители дворцовой камарильи, были смещены или арестованы. Все это было первым серьезным ударом младотурок по деспотической султанской власти.

В этих условиях состоялись выборы в палату депутатов, первое заседание которой открылось 15 ноября 1908 г. Младотурки были на этих выборах практически единственной организованной политической силой. Оппозиционная младотуркам политическая группировка — партия «Ахрар» («Либералы») возникла лишь в середине 1908 г. и еще не успела организационно и политически окрепнуть. В результате младотуркам удалось провести в палату всех выдвинутых ими кандидатов. Из 230 депутатских мест младотурки заняли 150. Председателем палаты стал возвратившийся из эмиграции Ахмед Риза-бей.

Между тем Абдул Хамид II и его окружение не теряли надежду взять реванш. Позиции в армии еще не были ими потеряны полностью. Гвардейская пехотная дивизия (20 тыс. человек), практически личная гвардия султана, в отличие от других армейских частей даже не была приведена к присяге на верность конституции.

Борьба между младотурками и реакционными силами нарастала постепенно в течение зимы 1908/09 г. Ареной политических схваток в связи с рассмотрением вопросов о доверии кабинету министров не раз становилась палата депутатов. Между тем социальная база и политическое влияние комитета «Единение и прогресс» за эти месяцы отнюдь не расширились. Напротив, не ставя перед собой задачу проведения значительных социальных преобразований, выступая против социальных устремлений народных масс, младотурки быстро растеряли свою популярность, приобретенную в дни июльского восстания. Столь же быстро утратили они поддержку нетурецких народов Османской империи, показав на практике, что все национальные проблемы страны они намерены решить только на основе великодержавной доктрины «османизма».

Все эти обстоятельства, сочетавшиеся с непоследовательностью, а порой и с беспринципностью действий комитета «Единение и прогресс», облегчили желанное для ультраправой реакции выступление против младотурок. Нужен был только предлог. И он был найден. В Стамбуле, на митинге протеста против нового закона о прессе, неизвестный, одетый в офицерскую форму, выстрелом из пистолета убил журналиста Хасана Фехми-бея. Вопрос о причинах и мотивах убийства до сих пор не решен историками,

но в тот день в Стамбуле распространился слух, что журналист убит по указке младотурок. Во всяком случае, 10 апреля 1909 г., когда хоронили Фехми-бея, стало днем демонстрации стамбульцев против младотурок.

Страсти накалялись быстро, тем более что многие части гарнизона давно были готовы к выступлению против младотурок. Мятеж начался 13 апреля. Ранним утром 30 тыс. солдат под водительством верных султану офицеров собрались перед мечетью Айя-Софья. Офицеры-младотурки были частично арестованы либо перебиты восставшими. Некоторым из них удалось скрыться. К мятежникам вскоре присоединилось значительное число люмпен-пролетариев Стамбула. Мятежники, которых стало более 100 тыс., потребовали, чтобы султан упразднил парламент, сменил правительство, восстановил действие шариата и власть султана, отстранил от участия в политической жизни ряд видных младотурецких деятелей.

Младотурецкие лидеры, многие депутаты-младотурки предпочли в этот момент спасаться бегством. Абдул Хамид II, естественно, поспешил удовлетворить требования восставших. Более того, когда мятежники вернулись в казармы, они узнали, что «амнистированы», а недавних бунтовщиков султан считает «своими детьми». Казалось, мятеж принес султану восстановление его былой неограниченной власти. Новый кабинет министров был составлен почти целиком из реакционных политических деятелей, полностью покорных Абдул Хамиду II. Два дня мятежники, одержав победу, занимались в столице грабежом. По сути дела, события 13 апреля были хорошо подготовленным контрреволюционным мятежом, осуществленным союзом ультраправых монархистов, реакционного мусульманского духовенства и оппозиционной младотуркам партии «Ахрар», которая отстаивала интересы турецких крупных феодалов и инонациональных компрадоров.

Укрывшись в своем опорном пункте — Салониках, лидеры младотурок немедленно начали готовить ответный удар по силам реакции. Салоникский и Адрианопольский корпуса составили 100-тысячную «армию действия», верную младотуркам. 16 апреля 1909 г. армия младотурок начала движение на Стамбул. Она остановилась у стен города, а 22 апреля в Сан-Стефано было собрано национальное собрание — тайное заседание бежавших из Стамбула депутатов и сенаторов. 23 апреля «армия действия» четырьмя колоннами двинулась на столицу. 24 апреля началось генеральное сражение, которое длилось несколько часов. Сопротивление мятежников было весьма упорным, но 26 апреля Стамбул полностью перешел под контроль «армии действия». В назидание реакционерам на площадях города были повешены многие мятежники. В столице введено военное положение.

27 апреля на совместном заседании палаты депутатов и сената была зачитана традиционная фетва шейх-уль-ислама, содержавшая обоснование низложения султана Абдул Хамида II и лише-

ния его сана халифа. Так закончился контрреволюционный мятеж. После этого наступил принципиально новый период в истории правления младотурок. Они начали постепенно брать в свои руки бразды правления страной. Позиции феодально-клерикальной реакции после низложения Абдул Хамида II значительно ослабли. На престол был возведен безвольный Мехмед V Решад (1909—1918), не игравший никакой роли в управлении государством.

Взяв власть в свои руки, младотурки осуществили ряд реформ внутренней политики. Они реорганизовали турецкую армию, внедрив в нее германскую военную систему. Военная реформа была проведена по рекомендациям германского генерала фон дер Гольца, а новейшее оружие начали поставлять германские фирмы. Одновременно с военной реформой младотурки провели реорганизацию жандармерии и полиции. Примечательно, что в условиях, когда в стране было такое множество нерешенных острых социальных и национальных проблем, младотурки предпочли укреплять свой оплот — армию, а также репрессивные органы.

Когда младотурки боролись против абдулхамидовского режима, они даже обещали улучшить положение крестьянских масс, ликвидировать ашар и откупную систему, от которых так страдало крестьянство Османской империи. Но после победы младотурецкой революции они не выполнили свои обещания, полностью сохранив крупное феодально-помещичье землевладение и жестокую эксплуатацию крестьянских масс. Правда, младотурки провели частичные реформы, призванные обеспечить некоторое развитие капитализма в сельском хозяйстве страны. Так, в 1913—1914 гг. был принят ряд законов по аграрному вопросу — о переписи земельных участков, о владении недвижимым имуществом, об упорядочении владения государственными и вакфными землями. Все эти законы были направлены не только на укрепление юридического статута различных видов собственности, но и на развитие капитализма в земледелии путем капиталистической концентрации земельных владений. Эти реформы сохраняли вместе с тем основы феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, огромные массы безземельных и малоземельных крестьян. Впрочем, реформы 1913—1914 г. также остались на бумаге, ибо их реализация была остановлена начавшейся мировой войной.

С рабочим вопросом, с забастовками рабочих Стамбула и Салоник руководителям младотурок пришлось столкнуться вскоре после прихода к власти. Принятие 9 августа 1909 г. «Закона о забастовках», практически их запрещавшего, показало, как младотурки намерены относиться к рабочему движению. Вскоре они подтвердили свой курс, санкционировав издание «Закона об обществах», лишившего рабочих права создавать свои профсоюзы. Тем не менее в годы правления младотурок рабочее движение не прекратилось. В начале 1911 г. крупные забастовки произошли в Стамбуле и Салониках. И хотя они были подавлены, эти забастовки сыграли заметную роль в истории рабочего движения в

Османской империи. В эти годы в стране зародилось социалистическое движение. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была основана Османская социалистическая партия, которая выступала с рядом прогрессивных экономических и политических требований и издавала газету и журнал. В декабре того же года партия подверглась репрессиям; некоторые ее руководители были сосланы, другие — эмигрировали за границу. Но рабочее и социалистическое движение не прекратилось. В 1912 г. в Стамбуле возникло несколько профсоюзов и был организован рабочий клуб. Дальнейшее развитие рабочего движения оказалось заторможенным в результате балканских и мировой войн.

Острейшей проблемой Османской империи продолжал оставаться национальный вопрос. «Весна» младотурецкой революции принесла нетурецким народам империи некоторые надежды на решение их национальных проблем. Однако младотурки, начав с призывов к «единению» и «братству» всех народов империи, скоро скатились на позиции жестокого подавления национально-освободительных движений. В идеологии младотурок место доктрины «османизма» постепенно заняли крайне реакционные концепции пантюркизма и панисламизма. Пантюркизм в качестве доктрины так называемого единства всех тюркоязычных народов под верховным главенством турок-османов использовался младотурками для насаждения среди турок националистических чувств и настроений. Доктрина панисламизма, призывавшая к объединению всех мусульман под властью турецкого султана в качестве халифа, была в значительной степени, как и пантюркизм, направлена против России, но использовалась младотурками и во внутриполитических делах, в частности как идеологическое оружие в борьбе с арабским национально-освободительным движением.

Все эти тенденции младотурок в национальном вопросе конкретно проявили себя в их открытой борьбе против арабских общественных и политических организаций, сопровождавшейся арестами, закрытием оппозиционных газет и журналов. В борьбе с курдским освободительным движением младотурки не раз прибегали к силе оружия. Так же они вели себя и в Албании. Что касается армянского вопроса, то можно определенно сказать, что вся политика младотурок после революции сводилась к тому, чтобы не допустить проведения реформ, направленных на урегулирование административных, экономических и культурных проблем проживавших в Османской империи армян. Младотурецкие правители, продолжая политику Абдул Хамида II, обостряли в Восточной Анатолии межнациональные отношения, в особенности разжигая вражду между курдами и армянами. Во всяком случае, в эти годы многое было подготовлено младотурками к тому трагическому избиению армян, которое произошло вскоре после начала первой мировой войны.

До своего вступления в первую мировую войну Османская империя испытала серьезное потрясение в результате триполитан-

ской и балканских войн. Их возникновение в немалой степени было предопределено политической нестабильностью внутри самой империи. Достаточно отметить, что за десятилетний период правления младотурок (1909—1918) в стране сменилось 14 правительств. Политическая ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в стане младотурок. В результате страна оказалась совершенно не подготовленной к войне, возникшей в результате итальянской агрессии против Триполитании осенью 1911 г.

Итальянские империалисты провели тщательную военную и дипломатическую подготовку по захвату Триполитании и Киренаики — двух африканских провинций Османской империи. Италию поддержали державы Антанты. Превосходящие силы итальянской армии нанесли турецким гарнизонам мощные удары. Стремясь принудить противника пойти на заключение мира, Италия подвергла морской бомбардировке ряд портов Османской империи.

Военными неудачами младотурок воспользовались их противники во главе с созданной в ноябре 1911 г. партией «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итиляф»), в которую вошли многие оппозиционные партии (в том числе «Ахрар») и группы. Партию «Свобода и согласие» поддерживали представители большинства национальных меньшинств, которым она обещала провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. Итиляфисты (члены партии «Свобода и согласие») начали широкую кампанию против младотурок в армии, в которой к этому моменту уже созрело недовольство младотурецкой политикой. В июле 1912 г. итиляфисты добились отставки контролируемого младотурками правительства. Новый кабинет министров находился под очевидным контролем итиляфистов. Вскоре они добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало младотуркам. Затем была объявлена амнистия, распространявшаяся и на реакционные элементы, совершившие преступления при режиме «зулюма». Младотурки, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. В августе 1912 г. они провели очередной съезд партии в Стамбуле, а затем руководство младотурок вновь перебралось в Салоники.

Между тем итало-турецкая война продолжалась без успеха для турецкого оружия. 18 октября 1912 г. был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии. Италия добилась для себя также некоторых экономических привилегий в Османской империи.

В день заключения итало-турецкого мира началась первая балканская война между Османской империей, с одной стороны, и коалицией балканских государств — Болгарии, Греции, Сербии и Черногории — с другой. Поводом к этой войне послужил отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии. Таким образом, независимо от целей государств бал-

канской коалиции эта война была борьбой за освобождение балканских народов, остававшихся под турецким владычеством. Итиляфисты воспользовались военной ситуацией, чтобы применить репрессии к своим политическим противникам. Были арестованы многие активные деятели младотурок. Одновременно была сделана попытка заручиться поддержкой держав, но на этот раз она оказалась безрезультатной. Турки потерпели ряд крупных поражений в сражениях с войсками союзников, которые продвигались на Стамбул. Болгарские части были остановлены только у Чаталджи.

Султанское правительство в начале ноября 1912 г. запросило державы о посредничестве при заключении мира. В начале декабря было заключено перемирие. Переговоры длились долго и для турок были очень трудными. Державы и страны-победители требовали ряд уступок, в частности предоставления автономии Албании и ликвидации турецкого владычества на островах в Эгейском море. Эти предложения турецкая делегация на мирной конференции в Лондоне отклонила, но 22 января 1913 г. правительство Кямиль-паши под нажимом держав согласилось уступить Болгарии Адрианополь. Это вызвало протесты в столице и провинциях, что было использовано комитетом «Единение и прогресс» для нового государственного переворота. 23 января 1913 г. около 200 офицеров во главе с лидерами младотурок Энвер-беем и Талаат-беем окружили здание Высокой Порты, ворвались на заседание правительства, убили военного министра и его адъютантов, арестовали великого везира Кямиль-пашу и несколько министров. Новое правительство было сформировано под полным контролем комитета «Единение и прогресс» во главе с его ставленником Махмудом Шевкет-пашой и состояло целиком из младотурок.

Захватив власть, младотурки решили продолжить военные действия против Болгарии, но добиться военного перевеса в свою пользу не смогли и вынуждены были пойти на подписание в конце мая 1913 г. Лондонского мирного договора, по которому почти все европейские территории Османской империи оказались разделенными между странами-победителями. Самостоятельным княжеством стала Албания, гарантией ее суверенитета, однако, был международный контроль. После подписания Лондонского мирного договора на Балканах не наступил мир, ибо страны-союзники начали вторую балканскую войну, стремясь переделить возвращенные в войне с Османской империей земли. Младотурки воспользовались этим и захватили, в нарушение Лондонского мирного договора, Адрианополь у болгар.

Внутри страны младотурки после январского переворота 1913 г. столкнулись с серьезным сопротивлением оппозиции. Дело дошло до организованного итиляфистами в июне 1913 г. убийства великого везира Махмуда Шевкет-паши, что позволило младотуркам начать кампанию кровавого террора против своих политических противников. Они объявили вне закона все политические партии.

Около 300 деятелей оппозиционных партий и групп было сослано в Синопскую крепость. С этого момента и до поражения Османской империи в первой мировой войне комитет «Единение и прогресс» оставался единственной легальной политической партией страны. С конца 1913 г. вся полнота власти оказалась сконцентрированной в руках трех младотурецких лидеров: Энвер-паши, ставшего военным министром, Талаат-паши — министра внутренних дел и председателя ЦК «Единение и прогресс», а также Джемаль-паши — морского министра и военного губернатора столицы.

Диктатура этого «триумвирата» ухудшила экономическое положение в стране, привязала Османскую империю к военно-политическим планам кайзеровской Германии, рьяными сторонниками которой были Энвер-паша и Талаат-паша. Став главнокомандующим турецкой армией, Энвер-паша поставил ее практически под контроль германской военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. В этот период младотурецкого правления (1913—1918) резко возросла экономическая зависимость страны от империалистических держав. Османская империя заключила внешние займы на сумму около 50 млн. лир, что превышало сумму аналогичных займов почти за 20 лет, предшествовавших революции 1908 г. Страна продолжала сохранять огромный дефицит государственного бюджета и баланса внешней торговли.

Младотурки не сумели, да и не хотели всерьез заняться экономическими проблемами страны. Несколько новых законов — о поощрении промышленности и о правилах регулирования процессов купли-продажи государственных и вакфных земель (1913 г.) — не внесли принципиальных изменений в экономическую жизнь страны. Здесь, как и раньше, безраздельно господствовали иностранный капитал и феодальные пережитки в системе землевладения и землепользования.

Таким образом, накануне первой мировой войны Османская империя по-прежнему представляла собой отсталую сельскохозяйственную страну с низким уровнем земледелия и очень слабо развитой промышленностью. Верхушечная младотурецкая революция не разрешила острые социальные и национальные проблемы, а внутриполитическая борьба привела к установлению режима жесточайшей диктатуры младотурецкого «триумвирата». Руководители страны сделали ее к моменту начала войны неизбежным потенциальным военным союзником кайзеровской Германии.

После начала мировой войны правительство султана объявило о нейтралитете Османской империи, однако на деле младотурки с первого дня войны выступали на стороне Германии, с которой уже 2 августа 1914 г. был заключен секретный военный союз. Пока вопрос о военном участии Османской империи в войне оставался открытым, младотурки решили укрепить свои политические позиции внутри страны путем ликвидации капитуляционного режима. В сентябре — октябре 1914 г. был проведен ряд подготовительных дипломатических акций, за которыми в середине октяб-

ря последовали указы султана о ликвидации капитуляционных привилегий иностранцев и консульских судов. Это решение Порты вызвало не только противодействие держав Антанты, но и недовольство Германии и Австро-Венгрии. Последние две державы, однако, вскоре признали решение Порты о ликвидации режима капитуляций, опасаясь ослабления своего экономического и военно-политического влияния в Османской империи.

В связи с отменой капитуляций возникли трудные переговоры с державами Антанты, которые завершились безрезультатно. В связи с начавшейся войной дело ограничилось протестом держав, но практического результата это внешне важное мероприятие младотурок не дало. В ноябре 1916 г. султанское правительство заявило о ликвидации всех договоров, заключенных на основе капитуляций. Но даже союзная младотуркам к этому времени Германия пыталась против этого возражать. Вскоре, правда, она вновь отказалась от возражений, учитывая свои военно-политические интересы в Османской империи. Серия мер по ликвидации режима капитуляций не имела в условиях войны реального значения. Что же касается их пропагандистского значения, то его возможный эффект был полностью ликвидирован последствиями военно-политического союза с кайзеровской Германией, которая, ловко используя экспансионистские настроения лидеров младотурок, настойчиво втягивала Османскую империю в войну.

Через несколько недель после начала войны Германия добилась того, чтобы турецкий военный флот был поставлен практически под контроль германской военно-морской миссии во главе с адмиралом Сушоном. В проливах появились крупные германские военные суда, фиктивно проданные Порте. Последняя получила в Германии военные займы. Под нажимом Германии Порта начала мобилизацию. Германский нажим усилился, когда стали очевидны первые неудачи германской армии на Восточном и Западном театрах военных действий в Европе. Для ускорения событий 29 октября 1914 г. было спровоцировано нападение вошедших в Черное море с согласия турецкого военного министра Энвер-паши немецких военных судов на русские черноморские порты. Это грубейшее нарушение Османской империей нейтралитета вызвало, естественно, резкую реакцию России, которая объявила ей войну. 11 ноября 1914 г. Османская империя объявила войну державам Антанты.

Война принесла Османской империи, шедшей к своему неизбежному краху, неисчислимые экономические и военные бедствия. Она держала на фронтах 1,5 млн. солдат и офицеров, за годы войны потеряла убитыми около 600 тыс., ранеными — более 2 млн. человек, причем около 900 тыс. из них стали инвалидами. Большие людские потери, а также огромная мобилизация неизбежно сказались на экономике страны, в первую очередь на сельском хозяйстве, потерявшем сотни тысяч рабочих рук. Более чем в 2 раза сократились засеваемые площади, поголовье скота уменьшилось почти вдвое. В стране возник острый недостаток продовольствия,

особенно ощутимый на фоне роста налогов и цен на товары. Во многих районах население страдало от голода и разрухи. Огромные массы крестьян разорялись. Вместе с тем в условиях усиленного войной классового расслоения крестьянства значительно усилилось обогащение помещиков и кулаков, позиции которых подкрепило рядом мер младотурецкое правительство (снабжение семенами и машинами, сельскохозяйственные кредиты). В годы войны сократилось производство во многих отраслях промышленности страны. Добыча угля, например, уменьшилась более чем в 2—3 раза.

Война сказалась и на внешней торговле, которая почти прекратилась. Резко ухудшилось финансовое положение, дефицит государственного бюджета постоянно рос, увеличившись за годы войны с 2 млн. до 29 млн. лир. Османская империя по-прежнему искала выход из этого тяжелого положения с помощью внешних займов.

Война принесла народным массам страны страшный по его последствиям голод. Цены на продукты питания возросли катастрофически: хлеб подорожал в 37 раз, кофе — в 70, рис — в 30, картофель — в 27 раз. Больше всего страдали от недостатка продовольствия жители Анатолии и арабских вилайетов империи. На этом фоне особенно возмутительными были гигантские спекулятивные аферы младотурецких правителей, наживавшихся, в частности, на спекуляциях продуктами питания.

В условиях войны и экономической разрухи резко обострились внутриполитические проблемы. В политической и административной жизни царил безудержный произвол младотурецкой верхушки. Более того, ситуация явно напоминала военную диктатуру, поскольку как в ЦК «Единение и прогресс», так и в ее парламентской группе в меджлисе руководящая роль принадлежала военным. Сам парламент был лишь законным прикрытием произвола младотурецких лидеров. Даже постановление о вступлении в войну на стороне Германии младотурецкое правительство приняло без парламента; который только проштамповал уже действовавшее решение. Столь же печальной была картина жизни государственного аппарата, в котором вновь насаждались произвол, взяточничество, протекция. С началом войны чиновники обрели еще один способ незаконного обогащения, буквально обирая население в ходе «кампании реквизиций», призванных обеспечивать нужды армии и фронта. Фактический глава младотурецкого «триумвирата» Энвер-паша и его приспешники беззастенчиво грабили государственную казну. Сам Энвер-паша обзавелся несколькими дворцами и загородной виллой, сооруженными на средства государства. Джемаль-паша крупно спекулировал и разбазаривал средства казны на свои поездки и развлечения. В столице и особенно в вилайетах империи царил административно-полицейский произвол, само понятие «неприкосновенности личности и имущества» исчезло из повседневной общественно-политической жизни страны.

В годы войны остро стояли национальные проблемы, отношение к которым со стороны лидеров младотурок выявило подлинную сущность их политики в национальном вопросе. Особенно наглядно проявилась она в страшном избиении армян, организованном младотурецким руководством в 1915—1916 гг. Младотурецкое правительство, приступая к организованному уничтожению армян, состряпало версию о том, что армянское население «депортируется» из районов постоянного проживания в глубинные области страны из «военных соображений». На деле же «триумвират», ставший палачом армянского народа, задумал и осуществил акцию массового геноцида армян. Во многих городах и селах население самоотверженно сопротивлялось карателям, но силы были слишком неравными. 1,5 млн. армян было убито, около 800 тыс. армян-беженцев нашли себе приют в других странах. Оценивая происходившие события, французский публицист Ренэ Пинон писал, что «депортация армян — женщин, детей и стариков — была лишь коварно замаскированным смертным приговором».

После того как Греция присоединилась к державам Антанты, младотурецкие правители распространили действие закона о «депортациях» на греческое население. И хотя греков не постигла столь страшная участь, как армян, высылка греческого населения тоже сопровождалась произволом администрации и военных властей, вакханалией грабежа и насилия. Число греков-беженцев достигло 600 тыс., большинство которых эмигрировало в страны Ближнего и Среднего Востока и в США.

В арабских вилайетах Османской империи младотурецкая администрация в годы войны всячески подавляла всякое проявление национально-освободительных чувств и настроений. В конце 1914—1916 гг. в ряде арабских городов прошли судебные процессы над арабскими патриотами-националистами. Сотни людей были казнены, многие видные деятели арабского национально-освободительного движения заключены в тюрьмы или сосланы. Около 10 тыс. «подозрительных» было выслано только из районов Сирии, Ливана и Палестины. Положение арабского населения стало еще невыносимее, когда отступавшая в ходе войны из арабских вилайетов турецкая армия занялась массовым грабежом.

Политика младотурецкого правительства в национальном вопросе обнаружила крайнюю степень великодержавного шовинизма, а также явное стремление разжигать национальную рознь с целью отвлечения народных масс Османской империи, в том числе турецких, от тех острых социальных проблем, которые не могли и не хотели решать политически обанкротившиеся лидеры младотурок. Эта политика особенно продемонстрировала свою реакционную сущность в условиях военного времени, когда все виды социальной несправедливости стали для народа невыносимыми.

Война предельно обострила внутренние противоречия в стане младотурецких правителей. Внутри партии «Единение и прогресс»

в этот период обнаружились серьезные противоречия. Между ЦК партии и ее парламентской фракцией возникли острые противоречия по вопросам характера организации партии и ее функций и вмешательства военных в политическую жизнь. Вопросы внешнеполитической ориентации страны также были предметом острых дискуссий в младотурецком руководстве. Социальная основа противоречий в лагере младотурок состояла в том, что младотурецкое руководство, придя к власти, больше заботилось о собственной карьере и обогащении, чем о массе рядовых членов партии, интересы которых оно не только не защищало, но и предавало своей антинациональной политикой.

В годы войны внутри партии «Единение и прогресс» усилились оппозиционные настроения. Подавляя эти тенденции, младотурецкий «триумвират» прибегал к любым средствам. Политических противников высылали за пределы столицы или империи, их убивали тайные агенты младотурецких репрессивных органов. По инициативе ЦК «Единение и прогресс» совместно с военным ведомством была создана тайная «особая организация», которая осуществляла широкие полицейские и шпионские функции. Ее отряды, в частности, занимались проведением в жизнь позорного закона о «депортациях». Печальную известность в эти годы приобрела и созданная Джемаль-пашой тайная полиция, которая имела обширную агентурную сеть во многих городах Османской империи.

В годы войны политическая жизнь страны была полностью подчинена интересам кайзеровской Германии. Армия оказалась целиком в руках немецких генералов и офицеров, занявших в частях и соединениях должности начальников штабов. Генеральный штаб также возглавил немецкий генерал. Более того, даже командование армиями, которые дислоцировались в районе столицы и проливов, было поручено немцам. В таких условиях немецкие политики не считали нужным даже внешне считаться с султанским правительством. Для них правителями страны были члены «триумвирата», в первую очередь Энвер-паша. Под контроль немецких специалистов была поставлена военная цензура, даже султанские указы и фетвы шейх-уль-ислама нуждались в немецкой визе. Немецкие советники буквально заполнили все сколько-нибудь значительные государственные ведомства. Заняв ключевые позиции в экономических органах Османской империи, немцы планомерно начали перекачивать в Германию продовольствие и сырье. Важнейшие отрасли экономики и финансов империи перешли под полный контроль Германии.

Между тем военное поражение Османской империи становилось неизбежным. На Кавказском фронте турецкая армия потерпела ряд поражений, особенно тяжелое от русской армии в сражении у Сарыкамыша в конце 1914 — начале 1915 г.: 90-тысячная армия турок была полностью разгромлена — она потеряла убитыми и ранеными 70 тыс. человек. В дальнейшем на Кавказском

фронте русская армия имела постоянное военное преимущество. Не лучше обстояло дело у турок и на Синайском фронте. Попытка турецких войск в 1915 г. захватить Суэцкий канал с целью ослабления связей Англии с ее колониями закончилась неудачей.

Турецким войскам, правда, удалось сорвать англо-французскую операцию по захвату Стамбула и проливов летом 1915 г. Это была крупная военная операция, в которой державы Антанты потеряли 270 тыс. человек, а турки — 250 тыс. В 1915—1916 гг. турецкие войска нанесли серьезное поражение английской армии на Месопотамском фронте. На Кавказском фронте между тем турецкая армия продолжала терпеть поражения. Русские войска в 1915 г. захватили Эрзурум и Трабзон. В целом положение турецкой армии к середине 1916 г. было тяжелым, сказывались огромные людские и материальные потери. К этому моменту турецкие вооруженные силы потеряли (убитыми, ранеными и дезертировавшими) около 500 тыс. человек. Восполнить эту цифру было практически невозможно, поскольку ежегодный дополнительный призыв резервистов составлял не более 90 тыс. человек.

Весной 1917 г. английские войска сумели наконец провести успешную наступательную операцию, захватив Багдад и начав движение в Палестине. Русские войска на Кавказском фронте продолжали закреплять свои военные успехи, сохраняя очевидное преимущество. В этих условиях некоторые младотурецкие лидеры стали даже склоняться к секретным мирным переговорам с державами Антанты, однако эта идея не была воплощена в жизнь из-за разногласий в среде руководства «Единение и прогресс».

В этот период на развитие событий во всем мире стали оказывать влияние революционные бури в России. Уже Февральская революция 1917 г. оказала воздействие на народные массы Османской империи, усилив антивоенные настроения в армии. Под влиянием победы Великого Октября в Османской империи получили распространение лозунги прекращения войны, борьбы за мир, хлеб и свободу. В крупных городах Османской империи появились революционные воззвания и другие издания, в которых пропагандировались мир и свобода. В феврале 1918 г. Мустафа Субхи (один из основателей Коммунистической партии Турции в 1920 г.) начал издавать газету «Ени дюнья» («Новый мир»), которая нелегально распространялась на территории Османской империи. Большую роль в пропаганде идей мира и свободы сыграли турецкие военнопленные в России, которым Советское правительство разрешило возвратиться на родину.

Победа социалистической революции в России практически ликвидировала Кавказский фронт для турецкой армии, ибо десятки тысяч русских солдат покинули свои позиции. У младотурецких правителей была явная возможность мирной инициативы, но вместо этого они затеяли новую авантюру, рассчитанную на захват Закавказья. И это произошло в тот момент, когда Османская империя, потеряв в боях 600 тыс. человек, лишилась огромных вла-

дений — Хиджаза, Южной Палестины, большой части территории Ирака. Оставив буквально на произвол судьбы свои позиции на аравийских участках фронта, турецкие правящие круги весной 1918 г. двинули свои войска на Кавказском фронте.

Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. устанавливал мир между Османской империей и Советской Россией, но младотурецкие правители грубо его нарушили интервенцией в Закавказье. В конце апреля 1918 г. турецкие войска заняли Карс и Батум (Батуми), 15 мая — Александрополь (ныне Ленинакан), а затем началось наступление на Баку, который 15 сентября был взят и разграблен турецкими войсками. Оккупанты устроили в Баку подлинную резню населения. Державы Антанты покровительственно отнеслись к этой захватнической акции младотурок, полагая, что турецкая интервенция задушит революционное движение в Закавказье и резко ослабит турецкие вооруженные силы в Месопотамии.

Закавказская авантюра Энвер-паши и его приспешников облегчила военные действия англичан. В сентябре — октябре 1918 г. английские войска захватили Дамаск и Алеппо (Халеб), подошли к Мосулу. В сентябре армия союзников начала наступление на Салоникском фронте, добилась капитуляции Болгарии и отрезала Османскую империю от ее союзников. Все это происходило в обстановке постепенного прекращения связей Турции с ее союзниками, уже искавшими мира с державами Антанты. Политический кризис внутри страны, назревавший давно, вылился в этих условиях в отставку младотурецкого кабинета министров. Новое правительство, в которое вошли еще и некоторые видные младотурки, начало искать пути к мирным переговорам с державами Антанты. Турция стояла на пороге совершенно новой страницы своей истории.

РАЗДЕЛ III

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (1918—1980)

Глава X

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ТУРЦИИ РЕСПУБЛИКОЙ (1918—1923)

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма. Она оказала могучее воздействие на весь ход развития мировой истории новейшего времени. Великий Октябрь дал мощный толчок революционному движению рабочего класса капиталистического мира, а также национально-освободительной борьбе в колониальных и зависимых странах. Мощное антиимпериалистическое движение развернулось на Ближнем Востоке, ставшем в ходе первой мировой войны ареной военных действий.

Османская империя, вступившая в первую мировую войну на стороне германского блока, потерпела поражение. 30 октября 1918 г. она подписала в порту Мудрос (о-в Лемнос в Эгейском море) на борту английского крейсера «Агамемнон» условия перемирия, согласно которому султанское правительство обязывалось сдать свои военные корабли, демобилизовать армию, вывести войска со всех арабских территорий, передать под контроль союзников железные дороги, почту, телеграф. Государства Антанты оставляли за собой право оккупировать форты проливов, армянские вилайеты «в случае беспорядков в одном из них», а также любой стратегический пункт, «если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников».

Османская империя фактически прекратила свое существование. Младотурецкая партия «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»), стоявшая у власти, самоликвидировалась, прекратив свое политическое существование. Ее руководители Энвер-паша, Талаат-паша, Бахаэтдин Шакир-бей, Джемаль-паша и другие бежали за границу *.

* Талаат-паша и Бахаэтдин Шакир-бей были убиты армянскими националистами в Берлине соответственно в марте и июне 1921 г., Джемаль-паша — в Тифлисе в июле 1922 г., а Энвер-паша — в августе 1922 г. в Бухаре, где он поднял восстание против Советской власти.

В начале 1919 г. к власти пришла партия «Свобода и согласие» («Хюрриет ве итиляф»), придерживавшаяся английской ориентации. Великим везиром был назначен зять султана Ферит-паша. Парламент был распущен «до заключения мира».

Военный флот Антанты вошел в проливы. Англичане оккупировали районы Мосула и Искендеруна (впоследствии оккупацию Искендеруна, а также Киликии стали осуществлять французы), французы — широкую полосу к северу от Сирии, итальянцы — Юго-Западную Анатолию и соседние районы вплоть до Коньи. Кроме того, 15 мая 1919 г. греческие войска с согласия держав Антанты захватили Измир.

Таким образом, державы Антанты открыто проводили политику раздела Турции и уничтожения турецкой государственности. В этих условиях в Анатолии возникло антиимпериалистическое движение, которое в последующие годы привело к национальному возрождению Турции.

После заключения султанским правительством Мудросского перемирия в различных районах Анатолии стали возникать буржуазно-патриотические общества защиты прав, выступавшие против расчленения страны, за сохранение турецкой государственности, а также начали стихийно действовать партизанские отряды (преимущественно из крестьян), выступавшие против иностранных захватчиков.

Объективные потребности анатолийского движения, принимавшего антиимпериалистический характер, требовали соединения буржуазно-патриотических организаций со стихийной борьбой крестьянских масс. Вначале освободительное движение развивалось под лозунгом самозащиты отдельных вилайетов страны от агрессии держав Антанты, затем оно стало принимать общенациональный характер.

«Революционное настроение, охватившее, начиная с 1919 г., широкие слои трудящихся масс Анатолии, — говорил М. В. Фрунзе, — быстро создало почву для организации революционных вооруженных сил. Почти во всех районах Анатолии возникали, преимущественно по местной инициативе, вооруженные отряды, носившие партизанский характер и ведшие с оккупантами партизанскую войну... Совокупность всех этих отрядов составляла вооруженную силу, ставшую известной под названием „Кува-и миллие“ („национальные силы“)... По своему классовому характеру „национальные силы“ представляли главным образом трудовой элемент, анатолийское крестьянство» *.

Следовательно, основной движущей силой освободительной борьбы стало крестьянство, составлявшее девять десятых населения страны. Крестьяне в течение многих веков страдали от феодальной эксплуатации, насилия и произвола султанской вла-

---

* М. В. Фрунзе. Поездка в Ангору. — Собрание сочинений. Т. 1. М.—Л., 1929, с. 387, 388.

сти. Вместе с тем они испытывали тяжелый гнет капиталистической эксплуатации. Для турецкого крестьянства борьба с иноземными захватчиками была в то же время борьбой за землю, за ликвидацию феодальной эксплуатации. Поэтому антиимпериалистическое крестьянское движение одновременно имело и аграрный характер. Однако в результате соглашательской политики национальной буржуазии оно не превратилось в аграрную революцию. Это было вызвано в основном малочисленностью и организационной слабостью пролетариата, который не мог возглавить крестьянское движение.

Немногочисленный рабочий класс (примерно 150 тыс. человек) был сосредоточен главным образом в трех основных промышленных центрах страны — Стамбуле, Измире и Адане, которые были оккупированы иностранными войсками. Незначительная часть пролетариата была рассеяна на мелких предприятиях Анатолии. Вместе с тем турецкий рабочий класс не имел в то время политического опыта, своей партии (Коммунистическая партия Турции оформилась в сентябре 1920 г.). Все эти обстоятельства не позволяли пролетариату установить тесной связи со стихийным антиимпериалистическим движением крестьян и возглавить его. Тем не менее рабочие принимали активное участие в национально-освободительной борьбе.

В связи с организационной слабостью пролетариата освободительное движение в Анатолии возглавила турецкая национальная буржуазия, которая в годы первой мировой войны значительно укрепила свои экономические и политические позиции и выступила за сохранение независимости и территориальной целостности турецкого государства. Идейным вдохновителем национальной буржуазии выступали патриотические силы интеллигенции, из среды которой вышел лидер антиимпериалистической борьбы Мустафа Кемаль-паша (впоследствии принявший фамилию Ататюрк).

Мустафа Кемаль-паша прибыл в Анатолию 19 мая 1919 г., когда там уже развернулась партизанская борьба, а также действовали различные общества защиты прав. Среди них были Османское общество защиты Восточной Фракии, Общество защиты прав Восточной Анатолии, Османское общество защиты прав Измира, Общество национального конгресса в Стамбуле, созданные в 1918 г. Важную роль в консолидации национальных сил сыграли конгрессы обществ защиты прав.

В Анатолии Мустафа Кемаль-паша энергично принялся за организацию руководящего центра борьбы против оккупантов. 20 июня 1919 г. в Амасье под его руководством состоялось тайное совещание некоторых командиров армейских соединений. Совещание приняло секретный циркуляр, который был направлен представителям военных и гражданских властей. В этом циркуляре отмечалось, что: 1) целостность страны в опасности; 2) стамбульское правительство не выполняет своих обязанностей; 3) независимость нации обеспечит сама нация; 4) необходимо создать

национальное правительство, которое оповестит мир о требованиях турецкого народа; 5) следует созвать в Сивасе национальный конгресс.

23 июля — 7 августа 1919 г. в Эрзуруме состоялся конгресс Общества защиты прав восточных вилайетов, в котором приняли участие 54 делегата из вилайетов Битлис, Эрзурум, Сивас и Трабзон. Председателем конгресса был избран Мустафа Кемаль-паша. Конгресс принял резолюцию и манифест, который гласил, что турецкий народ не допустит расчленения и закабаления Восточной Анатолии, избрал Представительный комитет из девяти человек во главе с Мустафой Кемаль-пашой. Этот комитет, по существу, заложил основу новой власти в Анатолии, однако он в первом составе ни разу не собирался, так как Мустафа Кемаль-паша не доверял его курдским представителям. И все же Эрзурумский конгресс подготовил почву для организации центра по руководству освободительным движением на Сивасском конгрессе.

4—12 сентября 1919 г. в Сивасе состоялся всетурецкий конгресс обществ защиты прав Анатолии и Румелии. В нем приняли участие 33 делегата из Эрзурума, Самсуна, Чорума, Йозгата, Эскишехира, Афьон-Карахисара, Денизли, Бурсы, Кастамону, Нигде, Ускюдара, Кайсери. Другие вилайеты не направили или не смогли направить своих делегатов на конгресс. На Сивасском конгрессе, как и на Эрзурумском, присутствовали главным образом представители имущих социальных слоев: помещики, купцы, муллы, офицеры, чиновники, юристы и другие представители турецкой интеллигенции. Среди делегатов конгресса были Мустафа Кемаль-паша, Рауф-бей, Бекир Сами-бей, Хюсрев Сами-бей, Неджип Али-бей, Исмаил Фазыл-паша и др.

Хотя в Сивасском конгрессе приняло участие меньше делегатов, чем в Эрзурумском, его решения имели более важное значение для выработки основ программы национального освобождения. Сивасский конгресс подтвердил решения Эрзурумского конгресса, высказался за распространение их на всю Турцию. Он избрал новый Представительный комитет (16 человек) также во главе с Мустафой Кемаль-пашой, который сосредоточил в своих руках фактически всю власть в стране, за исключением Стамбула и оккупированных иностранцами территорий.

Во время Сивасского конгресса султанское правительство попыталось использовать недовольство курдов в Малатье и направить его против нового движения. Однако эта попытка потерпела неудачу.

Сивасский конгресс, так же как и Эрзурумский, прошел под лозунгом спасения страны от угрозы расчленения. Конгресс разработал основные принципы борьбы за независимость и утвердил развернутую программу. Он принял решение, в котором указывалось, что территории, находившиеся в пределах границ, определенных Мудросским перемирием, составляют единое, неделимое целое, ни одна часть которого не может быть отчуждена ни под

каким предлогом от османского государства. Сивасский конгресс декларировал решимость бороться против всякой интервенции и всякой оккупации какой бы то ни было части турецкой территории.

Решения Сивасского конгресса в целом имели умеренный характер. Они не ставили перед собой задачу немедленного создания революционного правительства, способного возглавить борьбу народа против оккупантов и внутренней реакции. Более того, конгресс выказал преданность султанскому трону и обратился к представителям великих держав в Стамбуле с письмом, в котором старался доказать миролюбивый характер национального движения в Анатолии. Конгресс ограничился требованием отставки правительства Дамада Ферид-паши и замены его новым.

2 октября 1919 г. султан был вынужден заменить кабинет Дамада Ферид-паши правительством во главе с сенатором Али Риза-пашой. По замыслу султана и его окружения, Али Риза-паша должен был добиться ликвидации национального движения, провести выборы в палату депутатов и подписать с союзниками мирный договор.

Под давлением анатолийского движения султанское правительство согласилось на созыв османского парламента. При этом союзные державы рассчитывали с помощью парламента задушить освободительное движение в зародыше. 12 января 1920 г. открылся османский парламент в Стамбуле. 28 января он принял «Национальный обет», провозгласивший право Турции на независимость и целостность в границах, существовавших к моменту подписания Мудросского перемирия, согласие Турции подписать с другими заинтересованными государствами соглашения о проливах в интересах развития мировой торговли, признание прав национальных меньшинств в стране, а также требовавший устранения всех препятствий политического, юридического и финансового характера на пути национального и экономического развития и некоторые другие меры.

Обеспокоенная этим актом парламента, внутренняя и внешняя реакция решила прибегнуть к репрессиям. С согласия султана Мехмеда VI (Вахидеддина) 16 марта 1920 г. в Стамбуле высадились английские войска, и город был официально объявлен оккупированным. В Стамбуле и его окрестностях союзники располагали двумя греческими полками, одной французской и тремя английскими дивизиями. Вместе с американскими и итальянскими отрядами численность оккупационных войск в Стамбуле достигла 60 тыс. человек.

Союзники ввели в Стамбуле и его окрестностях военное положение, разогнали палату депутатов, арестовали и сослали на о-в Мальту многих депутатов и видных политических деятелей, поддерживавших освободительное движение. Принадлежность к революционным организациям каралась смертной казнью. Правительственные учреждения, типографии, газеты, журналы стави-

лись под строгий контроль оккупационных властей, а «порядок и спокойствие» поддерживались союзной полицией и жандармерией. Султан раболепствовал перед оккупантами. По требованию союзников султанское правительство в Стамбуле вновь возглавил Дамад Ферид-паша. Оно активно выступило против анатолийского движения. Шейх-уль-ислам (глава мусульманского духовенства) объявил анатолийское движение мятежным, а Мустафу Кемаль-пашу — преступником. Через некоторое время военный суд в Стамбуле заочно приговорил Мустафу Кемаля к смертной казни.

Все это вызвало взрыв народного негодования. По всей стране прошли митинги и демонстрации под лозунгами: «Долой оккупантов!», «Смерть оккупантам!». Представительный комитет, взяв на себя функции временного правительства, обратился с воззваниями к населению страны и мусульманам всего мира, в которых призывал оказывать помощь национальной борьбе турок против оккупантов. В марте 1920 г. комитет принял постановление о созыве в Анкаре нового меджлиса (парламента), получившего название Великого национального собрания Турции (ВНСТ).

23 апреля 1920 г. в Анкаре собрался меджлис, который состоял из одной палаты и избирался тайным голосованием. В меджлис первого созыва (23 апреля 1920 г. — 23 апреля 1923 г.) были избраны или делегированы 233 депутата и 105 депутатов прибыли в Анкару из Стамбула после разгона там палаты депутатов. Среди депутатов были помещики, купцы, торговцы, кулаки, а также представители духовенства, офицерства, чиновничества и интеллигенции. Национальные меньшинства были представлены главным образом депутатами из числа курдов, лазов и черкесов. Председателем ВНСТ был избран Мустафа Кемаль-паша (за — 110 голосов, против — 10).

Великое национальное собрание провозгласило себя единственной законной властью в Турции. Все распоряжения султана и его правительства, изданные после оккупации Стамбула (16 марта 1920 г.), были объявлены недействительными. В ВНСТ была сосредоточена и законодательная, и исполнительная власть. 3 мая 1920 г. ВНСТ избрало во главе с Мустафой Кемаль-пашой правительство в составе 11 человек, которое стало осуществлять исполнительную власть от имени меджлиса.

Ввиду своей политической и экономической слабости национальная буржуазия выступила в тесном союзе с помещиками. Этот союз определил буржуазно-помещичью сущность новой государственной власти в Турции. Защищая свои классовые интересы, буржуазия и помещики не допустили трудящиеся массы к управлению государством. Между тем отсутствие представителей рабочих и крестьян в верховном органе революционной Турции принципиально повлияло как на политику нового правительства, проявлявшего непоследовательность и колебания в отношениях с империалистическими державами и султанскими кругами, так и на принципы устройства новой власти, не вышедшие за рамки

буржуазно-помещичьих требований, хотя и имевшие большое положительное значение для возрождения Турции.

Развитие национально-освободительного движения в Анатолии усилило беспокойство султана и империалистов. С целью подавления этого движения султанские власти послали в Анатолию «халифатскую армию». Кроме того, они спровоцировали в различных местах несколько восстаний против правительства ВНСТ. Однако «халифатская армия» была разгромлена анатолийскими партизанскими отрядами; восстания также были подавлены.

Тогда державы Антанты, опасавшиеся за свои интересы в Турции, решили использовать для борьбы с анкарским правительством Грецию, которой были обещаны значительные территориальные приобретения. В июне 1920 г. греческая армия выступила из Измира. Сломив сопротивление турецких партизан, она уже в июле заняла Балыкесир, Бурсу и некоторые другие города и начала продвигаться в глубь Анатолии. В том же месяце греческая армия вступила в Восточную Фракию и заняла Эдирне.

Свои временные успехи державы Антанты стремились закрепить в юридической форме. 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа) был подписан мирный договор между державами, победившими в войне 1914—1918 гг., и султанским правительством. По условиям этого договора Восточная Фракия и Эдирне, а также Измир должны были отойти к Греции, Мосул — к Англии, Искендерун и широкая полоса вдоль сирийской границы — к Франции; зона проливов выделялась в особый район под международным управлением; Стамбул оставался за Турцией условно — под обязательство «лояльного» выполнения договора; на востоке Анатолии предусматривалось определение границы между Турцией и дашнакской Арменией и отделение Курдистана, границы которого должны быть определены специальной комиссией; значительная часть остальной Анатолии разделялась на «сферы влияния» держав Антанты.

Фактически за турками сохранялась небольшая территория между Анкарой и Черным морем, лишенная удобных путей сообщения и возможностей экономического развития. Турция признавала мандатными государствами Сирию, Ирак, Палестину, «независимое» королевство Хиджаз, английский протекторат над Египтом, англо-египетский кондоминиум над Суданом, французский протекторат над Марокко и Тунисом, а также отказывалась от Ливии. Грабительский характер имели те части договора, в которых трактовались экономические, финансовые и военные вопросы. Подтверждался режим капитуляций. Вводился полный финансовый контроль держав Антанты. Турецкая армия подлежала разоружению. Таким образом, по условиям Севрского договора Турция практически лишалась прав суверенного государства.

Унизительный характер Севрского договора вызвал новый подъем освободительного движения в стране. Возмущение и негодование охватили почти все слои населения. На многочисленных

собраниях и митингах турецкие патриоты выступали против колонизаторской политики союзников. ВНСТ официально отказалось признать этот договор и объявило султанское правительство, предавшее интересы народа и родины, свергнутым. В этих условиях султан не осмелился ратифицировать Севрский договор.

В ходе антиимпериалистической борьбы возникли революционные организации трудящихся масс. В 1919—1920 гг. в крупных городах были созданы коммунистические группы, в сентябре 1920 г. в Баку состоялся I съезд Коммунистической партии Турции (КПТ). Съезд принял программу, устав и избрал ЦК партии. Председателем ЦК КПТ был избран Мустафа Субхи, а генеральным секретарем — Эдхем Неджат.

КПТ выступила с программой борьбы рабочего класса Турции за политические и социально-демократические права. Основные ее требования были: свержение султана и уничтожение халифата; установление всеобщего и равного избирательного права; передача всех административных функций лицам, избранным народом; неприкосновенность личности и свобода профессиональных союзов, собраний, забастовок и печати; изменение налоговой политики, наделение землей и сельскохозяйственным инвентарем безземельных и малоземельных крестьян; восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы рабочим; заключение коллективных договоров с предпринимателями; создание комиссий рабочего контроля; введение социального страхования рабочих и т. д. В целом КПТ боролась за создание широкого антиимпериалистического фронта.

В мае 1920 г. была создана политическая организация «Зеленая армия», выдвинувшая лозунги борьбы против империализма и феодализма. Однако она была распущена анкарскими властями. После роспуска «Зеленой армии» левые члены этой организации в ноябре 1920 г. во главе с Салихом Хаджиоглу основали Народно-коммунистическую партию, которая работала в тесном контакте с КПТ.

На борьбу за независимость турецкий народ воодушевляла ленинская внешняя политика Советской России, решительно отстаивавшая принципы равноправия, уважения суверенитета, свободы и независимости всех народов. Поэтому еще 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль отправил Советскому правительству письмо, в котором предлагал установить дипломатические отношения и просил оказать помощь новой власти в ее борьбе за независимость Турции. В ответ на это обращение Советское правительство первым в мире признало правительство ВНСТ и заявило о своей готовности установить с Турцией дружественные дипломатические отношения.

11 мая 1920 г. депутаты ВНСТ бурными аплодисментами встретили обращение Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и приняли решение об отправке в Москву миссии для установления дружественных отношений

между правительствами Советской России и Турции. Турецкая делегация прибыла в Москву в июле. Она передала В. И. Ленину поздравления турецкого народа и выразила надежду и уверенность в том, что Советская Россия окажет помощь новой Турции в ее борьбе за независимость.

В результате переговоров, проходивших в Москве в июле—августе 1920 г., был выработан проект советско-турецкого договора о дружбе, а также достигнуто соглашение об оказании Советской Россией помощи Турции оружием, боеприпасами и золотом. Уже летом 1920 г. первая партия оружия была доставлена в Трабзон. Однако подписание советско-турецкого договора затянулось еще на полгода. Затяжка переговоров в значительной мере была вызвана негативной ролью руководителя турецкой делегации, министра иностранных дел Бекира Сами-бея — противника сближения Турции с Советской Россией, антисоветской позицией феодально-клерикальных депутатов, стоявших за соглашение с союзниками, а также агрессивной политикой кемалистов в отношении народов Закавказья.

Необходимо отметить, что для кемалистского движения с первых дней его возникновения была характерна двойственность, противоречивость. С одной стороны, оно имело антиимпериалистическую, национально-освободительную направленность, с другой — вынашивало захватнические планы в отношении народов Закавказья. Об этом свидетельствовала агрессия турецких националистов осенью 1920 г. в Закавказье, приведшая к захвату ими Западной Армении. Такая политика кемалистов вытекала из их классовой сущности.

На VIII съезде Советов в декабре 1920 г. В. И. Ленин, характеризуя классовую сущность правительства новой Турции, отмечал: «Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте» *.

Только благодаря укреплению Советской власти в республиках Закавказья, последовательной, активной политике правительства Советской России был положен конец дальнейшим захватническим устремлениям турецких реакционных кругов в отношении Закавказья.

Наряду с военными мерами кемалисты продолжали осуществлять мероприятия в области государственного строительства, которые служили главным образом интересам укрепления политических, правовых и экономических позиций турецкой буржуазии. Новая власть, установленная в ходе антиимпериалистической борьбы, была закреплена конституционным законом, принятым ВНСТ 20 января 1921 г., который провозгласил основной принцип капитализма — частную собственность на орудия и средства производства и неприкосновенность личности и капитала граждан

---

* В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.— Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 125.

как священный закон новой Турции. Он отстаивал принцип национального суверенитета и единства власти. По этому конституционному закону единственным представителем нации являлось Великое национальное собрание, состоящее из депутатов, избираемых по двухстепенной системе, и осуществляющее как законодательную, так и исполнительную власть. Установление национального суверенитета означало не осуществление суверенитета всей нации, а господство буржуазно-помещичьего блока, который не допускал трудящиеся массы к управлению государством. Поэтому провозглашенные конституционным законом 1921 г. «свобода личности, свобода печати, слова и собраний», а также широко употребляемые в нем слова «народ», «нация» служили ширмой для прикрытия буржуазно-помещичьей диктатуры.

Хотя закон 1921 г. не определил форму правления страны, он сыграл важную роль в становлении буржуазно-национальной власти новой Турции. Закрепив законодательно свое господство, кемалисты стали принимать меры по подавлению левого движения в стране. Этому способствовало и то, что среди депутатов ВНСТ было немало реакционных элементов, боявшихся развития революционной борьбы народных масс. Под их влиянием анкарские власти в начале 1921 г. нанесли удар по коммунистическому движению, усилившему свои позиции в стране. В ночь на 29 января 1921 г. в Трабзоне агенты турецкой реакции при попустительстве властей учинили зверскую расправу над руководителями КПТ во главе с Мустафой Субхи. Решением правительства компартия была запрещена, а многие коммунисты были осуждены. В январе 1921 г. кемалисты ликвидировали также партизанские отряды, не вошедшие в регулярную армию.

Все эти факты свидетельствовали о том, что буржуазно-помещичий блок, пришедший к власти в результате антиимпериалистической борьбы турецкого народа, по мере укрепления своих позиций в государственном аппарате стал подавлять наиболее революционные силы. Вместе с тем объективные интересы движения в Анатолии требовали от кемалистов проведения ими более дальновидной политики, которая бы отвечала интересам укрепления новой Турции.

В этих условиях в результате усилий Советской России советско-турецкие отношения стали укрепляться. Зимой 1920/21 г. в Москве начались переговоры о заключении советско-турецкого договора. 18 февраля 1921 г. турецкая делегация прибыла в Москву, вместе с ней приехал посол ВНСТ Али Фауд-паша. 19 февраля в Анкару прибыл исполняющий обязанности полпреда РСФСР Б. Мдивани (с начала октября 1920 г. в Анкаре находился секретарь полпредства). Обмен послами явился новым шагом в укреплении советско-турецких отношений.

26 февраля 1921 г. в Москве официально открылась советско-турецкая конференция. Некоторые вопросы, обсуждавшиеся на ней, представляли большую трудность, в особенности урегулиро-

вание территориальных вопросов. Дело в том, что турецкие войска, занявшие часть армянской и грузинской территорий, не желали покинуть их. Стремясь к прочному урегулированию отношений с анкарским правительством, советская делегация согласилась на переход к Турции районов Карса, Ардагана и Артвина *. Вместе с тем согласованная линия границы оставляла Батум (Батуми), Ахалкалаки и Ахалцых (Ахалцихе) за Грузией, Александрополь (ныне Ленинакан) — за Арменией. Урегулирование территориального вопроса имело большое значение. Срывались планы Антанты, пытавшейся использовать спорные вопросы о границе для обострения советско-турецких отношений и провоцирования войны на Кавказе.

В результате переговоров 16 марта 1921 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. 13 октября 1921 г. в Карсе был подписан Договор о дружбе между закавказскими советскими республиками и Турцией, а 2 января 1922 г. в Анкаре — Договор о дружбе и братстве между Украинской ССР и Турцией. Эти договоры сыграли важную роль в нормализации и укреплении отношений между советскими республиками и Турцией.

Некоторые успехи кемалистов внутри страны, укрепление положения анкарского правительства, наметившееся сближение новой Турции с Советской Россией стали серьезно беспокоить державы Антанты. В феврале 1921 г. державы созвали в Лондоне конференцию с участием представителей обоих турецких правительств: султанского (стамбульского) и кемалистского (анкарского). На конференции Англия еще надеялась добиться от Турции признания хотя бы основных положений Севрского договора, а Франция и Италия попытались получить от кемалистов в компенсацию за свою поддержку подтверждение капитуляционного режима и новые концессии. Вместе с тем путем смягчения условий Севрского договора державы Антанты пытались вовлечь Турцию в антисоветскую коалицию. Однако Лондонская конференция закончилась безрезультатно. Несмотря на это, она имела для кемалистов положительное значение, поскольку державы Антанты признали де-факто анкарское правительство.

После провала Лондонской конференции Греция при поддержке Англии начала новое наступление в Анатолии. 31 марта 1921 г. произошло второе сражение у селения Инёню ** (турецкими войсками по-прежнему командовал Исмет-паша). Греческие войска потерпели поражение. Однако летом 1921 г. они возобновили свое наступление; численное и материальное превосходство позволило греческой армии продвинуться на значительное расстояние. В начале августа 1921 г. фронт приблизился к Анкаре. В этой обста-

---

* Карс был занят турецкими войсками 30 октября 1920 г., Ардаган и Артвин — 23 февраля 1921 г.

** Первое сражение у селения Инёню произошло 10 января 1921 г.

новке Великое национальное собрание Турции назначило Мустафу Кемаля верховным главнокомандующим с неограниченными полномочиями. 23 августа 1921 г. на р. Сакарья началось решительное сражение, которое продолжалось 22 дня и закончилось победой турок. За эту победу ВНСТ присвоило Мустафе Кемалю чин маршала и титул «Гази» («Победитель»).

В связи с победами кемалистов и укреплением советско-турецких отношений усилились и противоречия в лагере держав Антанты. Так, Франция и Италия стали выступать за пересмотр Севрского договора. 20 октября 1921 г. Франция подписала сепаратный договор, по которому признавала правительство ВНСТ и отказывалась от дальнейшей вооруженной борьбы с ним. Французские войска покинули Киликию и районы к северу от сирийской границы. Оставили Анатолию и итальянские войска.

Опираясь на дружбу и военную помощь Советского государства, Турция почти в течение года готовилась к нанесению решающего удара по греческим войскам. Летом 1922 г. турецкие силы закончили подготовку и 26 августа перешли в наступление. Главный удар они нанесли в районе Афьон-Карахисара 30 августа 1922 г. У Думлупынара состоялось решающее сражение, в результате которого турецкие войска наголову разбили противника. Главный греческий штаб сдался в плен. 9 сентября турецкая армия вступила в Измир. Разрозненные греческие отряды спешно эвакуировались из прибрежных анатолийских городов. К 18 сентября 1922 г. Анатолия была полностью очищена от греческой армии.

11 октября 1922 г. представители держав Антанты в г. Муданья (на берегу Мраморного моря) подписали с анкарским правительством перемирие. Муданийское перемирие фактически было компромиссным соглашением между Антантой и новой Турцией: последняя добилась освобождения Восточной Фракии без военных действий, а державы Антанты получили право держать свои войска в Стамбуле и зоне проливов до заключения мирного договора. В то же время пребывание союзных войск на территории Турции оказало отрицательное влияние на ход мирных переговоров в Лозанне.

После окончания военных действий предстоял созыв мирной конференции. Приглашение на нее державы Антанты прислали не только в Анкару, но и в Стамбул. Султанское правительство стало добиваться своего участия в конференции. Однако кемалисты решили, что настало время покончить с султанской властью.

1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон о том, что с 16 марта 1920 г. (дата оккупации Стамбула Антантой) «султан навеки принадлежит истории». Таким образом, был ликвидирован султанат. Последний султан, Мехмед VI (Вахидеддин), поспешно бежал на борту английского крейсера на о-в Мальту, а его правительство прекратило свое существование.

Ликвидация султаната была тяжелым ударом по реакционерам. Однако влияние феодально-клерикальных кругов было еще настолько сильным, что кемалисты в тот период не решились отменить халифат. «Халифом всех мусульман» ВНСТ избрало представителя османской династии Абдул Меджида II.

Результаты военных побед анкарское правительство стремилось закрепить в мирном договоре. 20 ноября 1922 г. в Лозанне (Швейцария) открылась мирная конференция. В ней участвовали представители Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Югославии, Румынии и Турции, а также США (в качестве наблюдателя). Кроме того, в обсуждении вопроса о режиме черноморских проливов участвовали РСФСР, Украинская ССР и Грузинская ССР (представленные единой делегацией) и Болгария.

В целом турецкая делегация упорно отстаивала свои позиции. Однако она не поддержала советское предложение по вопросу о проливах, которое предусматривало право Турции укреплять проливы, а также запрещать в интересах мира проход в Черное море через Дарданеллы и Босфор иностранных военных кораблей. Тем самым турецкая делегация надеялась на уступки держав Антанты по другим вопросам.

В итоге длительных переговоров 24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор и ряд приложенных к нему конвенций.

В вопросе о проливах Англия сумела провести свой проект. Конвенция о проливах предусматривала свободный проход в мирное и военное время торговых и военных кораблей всех стран. Эти положения, а также демилитаризация Босфора и Дарданелл создали серьезную угрозу национальной безопасности Турции и других приморских государств. Статус проливов, установленный Лозаннской конференцией, был направлен против интересов Советского Союза. Он создал серьезную угрозу для советских черноморских портов. Вследствие этого Советское правительство отказалось ратифицировать конвенцию.

Согласно договору Турция обязалась уплатить старый османский долг, сохранить в течение пяти лет низкие таможенные пошлины на товары, импортируемые из западных стран; оставался открытым вопрос о принадлежности Мосульского района. Несмотря на ряд уступок и компромиссных решений, Лозаннский договор явился крупной победой турецкого народа, в результате которого державы Антанты были вынуждены юридически признать суверенитет турецкого государства, его территориальную целостность и независимость. Эта победа была одержана в значительной мере благодаря дипломатической поддержке СССР.

С завершением национально-освободительной борьбы начался новый период в жизни турецкого народа. Турция отстояла свою независимость, государственность, однако внутреннее положение страны оставалось напряженным. Практически феодально-теократические институты не были ликвидированы, промышленность и

сельское хозяйство находились в крайне тяжелом положении. Усилилась борьба между анатолийской буржуазией и стамбульскими компрадорами, между сторонниками буржуазных реформ и феодально-клерикальными элементами.

В этих условиях кемалисты стали принимать меры по консолидации своих сил. В феврале — марте 1923 г. в Измире состоялся экономический конгресс, который наметил ближайшие задачи в области развития экономики. Конгресс принял решение: перейти от простой мануфактуры и мелкого производства к крупным фабрикам и заводам; быстрейшим образом создать те отрасли промышленности, для которых в стране имеется сырье, в частности текстильную и пищевую; поднять конкурентоспособность национальной промышленности по отношению к западному капиталу, для чего широко прибегать к протекционизму государства; основать государственный банк.

Конгресс принял так называемый «Экономический обет», который, по замыслу его авторов, был призван устранить преграды на пути расширения внутреннего рынка и завоевания его национальным капиталом, создания необходимых предпосылок для развития деловой активности местной буржуазии и укрепления ее позиций в экономике страны, ограничения деятельности империалистических монополий, развития торговли.

Решения, принятые на экономическом конгрессе в Измире, отвечали главным образом интересам национальной буржуазии и практически не касались положения крестьянства и рабочего класса Турции.

Вместе с тем после окончания войны за независимость началась борьба за упрочение государственного строя. К этому времени антиимпериалистический фронт практически распался. Внутри меджлиса обострилась борьба по вопросу о путях развития страны и о форме правления государством. После ликвидации султаната форма правления в Турции юридически не была установлена. ВНСТ, ликвидировав светскую власть султана, не решилось лишить его духовной власти и уничтожить халифат. Половинчатое решение ВНСТ было уступкой феодально-клерикальной реакции, которая имела еще сильные позиции в стране. Осенью 1922 г. в ВНСТ оформилась клерикально-феодальная фракция, которая в отличие от кемалистской «группы защиты прав» назвала себя «второй группой защиты прав». Ее поддерживала так называемая «генеральская оппозиция» во главе с бывшим морским министром младотурецкого правительства Рауф-беем. В Стамбуле возобновила свою деятельность организация «Единение и прогресс». Реакционные стамбульские газеты, которыми руководили младотурки, вели активную пропаганду в пользу халифа и за предоставление широких льгот западноевропейским монополиям.

Для упрочения своего положения в меджлисе и потеснения реакции кемалисты решили создать политическую партию и провести выборы в ВНСТ. 8 апреля 1923 г. была опубликована декла-

рация об организации Народной партии*. Она была создана 9 сентября 1923 г. на базе кемалистской «группы защиты прав» в меджлисе. Еще весной Мустафа Кемаль провозгласил девять принципов, направленных на защиту и укрепление государства, завоевание экономической самостоятельности, а также на борьбу против опасности реставрации султаната. Эти принципы предусматривали:

1) сосредоточение всей полноты власти в руках нации;

2) безраздельное осуществление верховной власти в стране Великим национальным собранием Турции;

3) охрану безопасности страны как самую важную задачу нации;

4) реорганизацию судопроизводства;

5) всяческое содействие развитию национальной экономики;

6) сокращение срока действительной военной службы;

7) материальное обеспечение инвалидов войны и их семей;

8) реорганизацию и упорядочение работы правительственных учреждений;

9) поощрение вложений в экономику средств общественных организаций и частных лиц.

Эти принципы одновременно служили программной установкой на выборах в меджлис второго созыва, проведенных в июне—июле 1923 г. На выборах сторонники Мустафы Кемаля одержали полную победу над оппозицией, выступившей против буржуазных преобразований в стране.

Обеспечив подавляющее большинство в меджлисе, буржуазно-помещичий блок ревниво оберегал свое господство от посягательств со стороны клерикально-феодальной и компрадорской оппозиции, окопавшейся в Стамбуле. Желая лишить эту оппозицию традиционного центра, каким был Стамбул, а также руководствуясь военно-политическими интересами, 13 октября 1923 г. ВНСТ официально объявило столицей Турции Анкару — центр национально-освободительного движения. Продолжая буржуазные мероприятия в области государственного строительства, 29 октября 1923 г. ВНСТ провозгласило Турцию республикой. Первым президентом Турецкой Республики был избран Мустафа Кемаль-паша.

Таким образом, в результате героической борьбы турецкого народа в 1918—1923 гг. против империалистических захватчиков на развалинах Османской империи возникло новое, суверенное государство — Турецкая Республика.

---

* После провозглашения Турции республикой Народная партия стала называться Народно-республиканской партией (НРП).

Глава XI

ТУРЦИЯ В ГОДЫ УПРОЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ (1923—1933)

После провозглашения Турции республикой кемалисты провели некоторые реформы и другие мероприятия, сыгравшие значительную роль в ликвидации средневековой отсталости, в становлении буржуазного строя в стране.

30 октября 1923 г. Исмет-паша, назначенный премьер-министром, зачитал программу первого республиканского правительства. В ней говорилось, что правительство внутри страны будет проводить меры по обеспечению спокойствия и безопасности, а также прогресса и развития. Во внешней политике оно будет уделять внимание защите и целостности Турецкой Республики. Правительство будет продолжать развивать отношения с соседними странами, а также приложит все усилия с целью установления дружественных отношений с другими государствами.

Каких-либо других обещаний правительство не давало. Однако на пути установления спокойствия в стране стояли реакционные силы, деятельность которых поощрялась халифатом. В этих условиях 3 марта 1924 г. ВНСТ приняло закон (№ 431) о ликвидации халифата и высылке халифа и всех членов османской династии за пределы Турции. Все они были лишены турецкого гражданства, а их имущество конфисковано.

Упразднение халифата содействовало принятию ряда реформ, имевших целью отделение церкви от государства, школы — от церкви. В тот же день меджлис принял закон (№ 430), по которому все школы, в том числе и религиозные, были подчинены министерству национального просвещения, а также закон (№ 429), согласно которому упразднялось министерство по делам шариата.

В марте 1924 г. по решению меджлиса было введено новое административное устройство, по которому прежнее деление на области (вилайеты) упразднялось, а округа (санджаки), переименованные в вилайеты, были непосредственно подчинены центральной власти. В том же месяце ВНСТ высказалось против предоставления президенту права распускать меджлис.

Реформы 1923—1924 гг. в известной мере легли в основу конституции Турецкой Республики (закон № 491 «Об основных установлениях») *, принятой ВНСТ 20 апреля 1924 г. Конституция провозгласила безусловность суверенитета нации и неприкосновенность республиканской формы правления. Однако в ней имелось положение, что «ислам — государственная религия Турции». По конституции высшим органом государственной власти в Турции являлся однопалатный парламент — Великое национальное

* В дальнейшем (вплоть до принятия конституции 1961 г.) в конституцию были внесены поправки, направленные главным образом на укрепление завоеваний турецкой буржуазии.

собрание Турции (меджлис), избиравшееся на четыре года. ВНСТ осуществляло законодательную и исполнительную власть, последнюю — через президента республики и совет министров.

Депутаты ВНСТ не могли занимать никаких должностей на государственной службе, за исключением поста министра. Главой государства был президент, который избирался ВНСТ из числа депутатов на четыре года и мог быть переизбран неограниченное число раз. Президент назначал из депутатов меджлиса премьер-министра и поручал ему формирование правительства. По представлению премьер-министра он утверждал министров и все изменения в составе правительства. Президент являлся главнокомандующим вооруженными силами республики.

Правительство являлось исполнительным и распорядительным органом власти. Оно могло вводить чрезвычайное положение при «угрозе общественной безопасности». При этом приостанавливалось действие статей конституции, гарантировавших права турецких граждан.

Выборы в ВНСТ были двухстепенные. Правом выбирать пользовались мужчины, достигшие 22-летнего возраста. Женщины были лишены избирательного права. Итоги голосования подводились по мажоритарной системе, при которой все места по данному избирательному округу отдавались кандидатам списка, получившего большинство голосов. Различные цензовые ограничения, отстранявшие от выборов значительную часть населения, запрещение трудящимся создавать классовые организации, сосредоточение в руках господствующих классов всевозможных средств пропаганды, ограничение свободы печати и собраний, вмешательство в избирательную кампанию со стороны органов «охраны общественного порядка», а также мажоритарная система фактически исключали возможность избрания в ВНСТ представителей рабочих и трудящихся крестьян.

В целом конституция представляла по сравнению с законами султанского времени определенный шаг вперед. Однако она не имела демократического характера — трудящихся она наделила лишь формальными правами. «Права», «свободы», декларированные конституцией, были лишь громкими словами, обычными для буржуазных государств, не имевшими для трудящихся Турции никакого реального значения.

Вместе с тем первая конституция Турецкой Республики была пронизана националистическим духом. Она не признавала национальных прав за нетурецкими народами, законодательно закрепляла реакционную политику турецких правящих кругов в национальном вопросе.

Конституция, новые административные реформы, имевшие целью полнее подчинить местные учреждения центральным органам власти, подавить всякую оппозиционную деятельность в стране, вызвали недовольство со стороны либеральной оппозиции. В ноябре 1924 г. оппозиционеры создали Прогрессивно-республикан-

скую партию (ПРП), в которую вошли члены бывшей «второй группы защиты прав», а также отколовшиеся от Народно-республиканской партии оппозиционные генералы и сановники, в том числе Кязым Карабекир, Рауф Орбай, Али Фуад-паша и др., которые в период антиимпериалистического движения выступали вместе с Мустафой Кемаль-пашой. Руководители ПРП заявили, что в своей программе они признают демократические принципы. Однако вокруг этой партии стали объединяться клерикально-феодальные и компрадорские элементы, выступавшие против левого крыла кемалистов. В ноябре 1924 г. под давлением ПРП ушло в отставку правительство Исмет-паши. Премьер-министром стал Али Фетхи-бей, который придерживался умеренных взглядов и, таким образом, устраивал «прогрессистов». Приход к власти нового правительства в известной мере вызвал активизацию деятельности оппозиционных элементов. Особенно усилилось недовольство на востоке страны.

В середине февраля 1925 г. в восточных вилайетах вспыхнуло восстание курдов под руководством шейха Саида. За короткое время оно охватило 14 вилайетов. Численность повстанцев достигала примерно 40 тыс. Повстанцы намеревались создать независимое курдское государство со столицей в Диярбакыре. Однако они не имели четкой программы действий. Восстание шейха Саида послужило поводом для смены правительства Али Фетхи-бея. Крайние националисты из НРП обвинили его в нерешительности при подавлении курдского восстания.

3 марта 1925 г. турецкое правительство вновь возглавил Исмет-паша. Оно разработало административные и политические мероприятия по подавлению восстания шейха Саида. После продолжительной и острой дискуссии между крайними националистами и либеральной оппозицией 4 марта ВНСТ приняло закон (№ 578) об охране порядка, который предоставлял властям исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями, с любой оппозиционной деятельностью в стране.

В соответствии с этим законом были созданы два «суда независимости» с центрами в Анкаре и Диярбакыре. Однако для подавления восстания главный упор делался на военные силы. По официальному признанию Мустафы Кемаля, турецкое правительство для этого было вынуждено держать на военном положении восемь-девять дивизий регулярных войск. Численное и техническое превосходство турецких войск, отсутствие единства среди курдских вождей, отсутствие зрелой политической организации, которая имела бы четкую программу действий, и ряд других объективных и субъективных причин предопределили поражение курдского восстания. К середине апреля 1925 г. главные силы повстанцев были окружены и разбиты в Генджской котловине. Шейх Саид и другие руководители восстания были захвачены на мосту через р. Мурад-чай. К концу июня все они по приговору «суда независимости» в Диярбакыре были повешены.

Подавив восстание шейха Саида (оно обошлось турецкой казне около 50 млн. лир, или более 25% расходной части годового бюджета страны), руководство НРП стало принимать меры по запрещению всякой оппозиционной деятельности. Еще в марте правительство постановило запретить почти все оппозиционные органы печати. Несмотря на верноподданнические заявления руководителей ПРП, правительственное большинство, обвинив членов ПРП в связях с повстанцами, решило расправиться с «прогрессистами», разгромить их организацию, число членов которой все возрастало и к середине февраля 1925 г. составляло уже 10 тыс.

В мае 1925 г. «суды независимости» в Анкаре и Диярбакыре, произведя аресты среди членов ПРП в Стамбуле, Трабзоне, Урфе и других городах, в специальных письмах обратили внимание правительства на то, что они якобы используют религию в политических целях. Правительство Исмет-паши обвинило руководство ПРП в том, что «прогрессисты» намеревались пробудить религиозный фанатизм нации и возбудить ее против республики, прогресса и реформ. 3 июня 1925 г. совет министров, основываясь на «Законе об охране порядка», постановил запретить деятельность ПРП. Создатели этой партии были арестованы. Против них было возбуждено судебное дело, однако суд признал их невиновными и освободил.

После запрещения оппозиционной деятельности в Турции на долгие годы установилась практически однопартийная диктатура господствующих классов.

Укрепив свое положение, кемалисты продолжали проводить реформы, направленные на преодоление средневековых установлений в области быта и развитие буржуазных порядков в стране. В 1925 г. совет министров постановил закрыть текке (дервишские обители) и тюрбе (усыпальницы), а также запретить ношение фески и других средневековых головных уборов и одежды и ввести европейские головные уборы и одежду. В 1926 г. меджлис принял гражданский кодекс (№ 743), согласно которому акт бракосочетания регистрировался государством. В марте того же года он принял закон об упразднении шариатских (религиозных) судов и ввел светское судопроизводство, а также утвердил уголовный кодекс (разработанный на основе итальянского), статьи 141 и 142 которого запрещали коммунистическую деятельность в стране.

В 1928 г. меджлис исключил из конституции некоторые статьи, противоречившие требованиям лаицизма, в том числе фразу, что государственной религией Турции является ислам. В том же году он принял «Закон о турецком гражданстве» (вступил в силу с 1 января 1929 г.), который положил конец остаткам капитуляционных норм в турецком законодательстве, а также закон о переходе с арабского алфавита на латинизированный, что облегчало распространение грамотности среди населения.

В начале апреля 1930 г. был принят «Закон о муниципалитетах» (№ 1580), по которому женщины получили право избирать

и быть избранными в местные органы власти. Турецким женщинам было предоставлено право наравне с мужчинами участвовать в общественной, культурной и политической жизни страны.

Буржуазные преобразования, проводившиеся в тот период, имели ограниченный характер и потому не привели к глубоким изменениям в социально-экономической жизни. Они не обеспечивали демократических свобод и прав народных масс, не решали аграрного, рабочего и национального вопросов, особенно обострившихся в период экономического кризиса.

К концу 20-х годов седловина между Большим и Малым Араратом стала главным очагом и базой нового курдского повстанческого движения. Это движение было подготовлено военно-политическим комитетом «Хойбун» («Независимость»), созданным в августе 1927 г. на съезде курдских организаций. Араратское движение возглавил видный курдский патриот Ихсан Нури-паша, который сумел реорганизовать силы вождя племени джеляли Ибрагима Хаски (Хасике), известного под именем Ибрагим-паши, а также создать основу курдского государства. Была сформирована гражданская администрация, которую возглавил Ибрагим-паша. Повстанцы издавали курдскую газету «Агры». В январе 1930 г. Ихсан Нури-паша опубликовал в ней статью, в которой призвал всех курдов оказывать повстанцам помощь оружием и продовольствием.

К началу 1930 г. все северо-восточные вилайеты Турции находились под властью курдов. В этих условиях турецкое правительство мобилизовало значительные военные и материальные силы для подавления восстания (была направлена почти третья часть всех войск и израсходовано несколько десятков миллионов лир). Правительственным войскам при поддержке авиации удалось в июне 1930 г. оттеснить курдов в горные ущелья на ирано-турецкой границе. Операции по подавлению восстания продолжались месяц и были завершены к концу июля. В результате восстание у Арарата, продолжавшееся практически пять лет (1927—1931), было подавлено.

С целью разрядить напряженную обстановку, направить недовольство в стране в русло официальной оппозиции, в августе 1930 г. турецкие власти разрешили создание Свободно-республиканской партии (СРП — Сербест джумхуриет фыркасы) *. Эта партия была создана при поддержке Мустафы Кемаля Фетхи-беем. Еще 9 августа 1930 г. Фетхи-бей направил президенту письмо, в котором критиковал экономическую и финансовую политику правительства, указывал на отсутствие свободной критики в меджлисе и предлагал создать в качестве оппозиции новую партию, на что получил согласие Мустафы Кемаля. Программа СРП обещала более широкие свободы, уменьшение налогов и другие меры. Вмес-

* Эта партия в нашу востоковедную литературу вошла под названием «Либерально-республиканская партия».

те с тем СРП требовала уступок иностранному капиталу. Появление новой партии с такой программой можно объяснить не только маневрами турецких правящих кругов и сдвигами в господствовавшем буржуазно-помещичьем блоке, но и усилением в нем социального слоя, стремившегося к сближению с западными державами.

Образование СРП привело к нежелательным для властей последствиям. Вокруг нее стали сплачиваться все оппозиционные элементы, недовольные политикой правительства. 15 ноября 1930 г. Фетхи-бей выступил в меджлисе с критикой правительства, обвинив его в «злоупотреблениях во время выборов». А спустя два дня, 17 ноября, он направил в министерство внутренних дел письмо, в котором сообщил о роспуске Свободно-республиканской партии, заявив, что «невозможно вести борьбу против Гази», т. е. Мустафы Кемаля.

26 сентября 1930 г. в Адане была создана Народная республиканская партия (Ахали джумхуриет фыркасы) во главе с Абдул Кадыром Кемали (Огютчю), а 21 декабря деятельность ее была запрещена. 29 сентября 1930 г. была сделана попытка создать в Эдирне Турецкую республиканскую рабоче-крестьянскую партию, однако власти запретили деятельность и этой партии. После этих мер Народно-республиканская партия снова стала единственной легальной партией в стране.

Резкое недовольство населения проявилось в выступлении, которое произошло в декабре 1930 г. в небольшом городке Менемене (Западная Турция). Менеменское выступление прошло под религиозными лозунгами. Поэтому оно вошло в туркологическую литературу как реакционное, спровоцированное дервишами. Однако надо полагать, что главной причиной его было тяжелое положение крестьянских масс, которые к тому же находились под влиянием религиозных предрассудков. Менеменское восстание было жестоко подавлено правительственными войсками.

В апреле 1931 г. состоялись очередные выборы в Великое национальное собрание Турции (IV созыва). На выборах в качестве единственной партии выступила НРП, получившая абсолютное большинство мест в меджлисе. С целью смягчить политическую напряженность, успокоить общественное мнение в стране правящие круги провели в меджлис 20 депутатов — «представителей» рабочих, крестьян и ремесленников, на самом же деле — мелких хозяйчиков, приказчиков и кулаков. И это понятно, ибо опубликованный накануне выборов список кандидатов от НРП показал, что 97% кандидатов в депутаты были представителями буржуазии и помещиков.

5 мая того же года меджлис третий раз избрал Мустафу Кемаль-пашу президентом Турецкой Республики. Премьер-министром был вновь назначен Исмет-паша.

10 мая 1931 г., спустя несколько дней после закрытия сессии меджлиса, открылся III съезд Народно-республиканской партии.

Съезд впервые принял программу и устав партии..В основу программы были положены шесть принципов, провозглашенных Мустафой Кемаль-пашой еще до открытия съезда. Этими принципами были республиканизм, национализм, этатизм, народность, лаицизм и революционность. Включение в программу партии этатизма означало намерение усилить непосредственное влияние государства в промышленном строительстве, что должно было содействовать укреплению независимости страны. В программу было включено положение об отсутствии в Турции классов и классовой борьбы. Несмотря на внешнюю привлекательность этих принципов в целом, принятие нового устава НРП практически сводило на нет многие буржуазно-демократические установления в Турции. Так, новый устав предусматривал объединение партийного аппарата с государственным. По этому уставу пожизненный председатель партии становился одновременно президентом республики, его заместитель — премьер-министром. Эти изменения отражали сдвиги, происшедшие внутри эксплуататорских классов, среди которых возросло влияние крупной буржуазии.

С целью расширения пропаганды политики правительства и партии среди населения, особенно молодежи, съезд решил создать с февраля 1932 г. «народные дома», которые должны были заменить так называемые «турецкие очаги». На «народные дома» возлагались задачи развития культуры, а также пропаганды шести принципов НРП, т. е. идеологической обработки трудящихся масс города и деревни на базе буржуазно-националистических принципов. В 1933 г. число «народных домов» достигло 55. Вслед за «народными домами» по решению руководства НРП были созданы «учительские объединения». За короткое время в различных городах страны было создано 360 таких объединений. В марте 1931 г. был принят закон, по которому дети турецких граждан для получения начального образования должны были поступать только в турецкие школы.

В июле 1931 г. был принят «Закон о печати», ставший важной мерой, направленной на ограждение правительства от публичной критики. По этому закону турецкие власти получили широкие полномочия в ограничении деятельности органов печати, включая право закрывать газеты и журналы. Спустя два года при министерстве внутренних дел было создано главное управление печати, которое ведало делами не только печати, но и кино и радио. Это управление стало важным средством идеологического воздействия на турецкую молодежь в духе турецкого буржуазного национализма.

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдались некоторые сдвиги в социально-политической жизни, в развитии капитализма и формировании буржуазно-правовых норм.

Буржуазно-помещичий блок, пришедший к власти после победы национально-освободительной борьбы, несмотря на некоторые меры по развитию хозяйства страны, не был в состоянии

последовательно ликвидировать зависимость ее экономики от империализма. Важнейшими показателями экономической зависимости были:

1) огромный иностранный долг (наследие султанского времени), признанный правительством кемалистов;

2) сохранение в руках иностранного капитала на прежних колониальных условиях концессий на железные дороги, портовые сооружения, промышленные предприятия, банки и предприятия коммунального хозяйства;

3) сохранение зависимости от империалистических держав во внешней торговле, заграничных морских перевозок и пр.;

4) полная зависимость турецкой промышленности от поставок иностранного оборудования.

Иностранный капитал и его агентура — компрадорская буржуазия — в значительной мере утратили свои позиции по сравнению с довоенным временем в области внутренней торговли, в которой со времени первой мировой войны и национально-освободительной борьбы стал преобладать турецкий торгово-ростовщический капитал.

В целом Турция в экономическом отношении продолжала оставаться зависимой от империалистических государств и сферой приложения иностранного капитала. К моменту окончания освободительной борьбы иностранные инвестиции в Турции составляли 63,4 млн. ф. ст., из коих в промышленность (включая горное дело) было вложено лишь 5,6 млн. ф. ст., т. е. 8,5% всех иностранных капиталовложений.

К началу 20-х годов резко снизилась продукция весьма слабо развитой промышленности, значительная часть которой была разрушена. Даже такая сравнительно развитая промышленность, как хлопчатобумажная, покрывала в 1925 г. менее пятой части внутреннего потребления.

Железные дороги (протяженность — около 4 тыс. км) находились в полуразрушенном состоянии и не обеспечивали необходимых перевозок. Более того, обширные районы Анатолии вообще были лишены железных дорог. Отсутствие необходимого числа торговых судов привело к резкому сокращению морских перевозок.

В результате транспортных трудностей и отсутствия достаточного количества товаров в состоянии застоя находилась внутренняя торговля. Вместе с тем большие трудности Турция испытывала с экспортом некоторых своих товаров. Так, в 1923 г. не были распроданы значительные количества хлопка, остался наполовину не вывезенным урожай инжира и изюма, тогда как импорт все возрастал, что привело к дефициту торгового баланса. В 1923 г. ввоз составил 144,8 млн. лир, а вывоз — лишь 84,6 млн. Дефицит внешней торговли в размере 60,2 млн. лир, в свою очередь, сказывался на пассивности платежного баланса и тем самым содействовал общему ухудшению и без того тяжелого финансового положения страны.

Тяжелым было и положение в сельском хозяйстве. По некоторым данным, в борьбе с интервентами участвовало около 500 тыс. крестьян; многие из них погибли или же вернулись домой инвалидами. В турецкой деревне продолжали сохранять свою силу феодальные отношения. Бóльшая часть земли оставалась собственностью буржуазно-помещичьего государства или же помещиков.

Несмотря на демагогические заявления кемалистов насчет «заботы о крестьянстве», в годы войны за независимость возросли помещичья и кулацкая эксплуатация, ростовщическая кабала и налоговый гнет. В деревне продолжали господствовать помещик и ростовщик. Полуголодное население гибло от эпидемий, с которыми практически не велось никакой борьбы.

Земледельческая продукция по сравнению с довоенным временем сократилась до 40—50%; численность поголовья скота упала до 30%.

Таким образом, ко времени Лозаннского мира экономика Турции переживала глубокий кризис. Завоевав политическую независимость, молодая турецкая буржуазия стремилась обрести и экономическую независимость. Вначале турецкое правительство рассчитывало разрешить проблему экономического восстановления путем привлечения в страну иностранного капитала. Поэтому в соответствии с положениями Лозаннского договора новые турецкие власти сохранили за иностранными капиталистами их концессии: железные дороги, рудники и шахты, портовые сооружения, коммунальные предприятия и др. В 1924 г. в Турции действовали 94 иностранные компании, в том числе 7 железнодорожных, 23 банковских, 35 коммерческих, 12 промышленных и горнорудных компаний. Пользуясь низкими таможенными тарифами, установленными по Лозаннскому договору, иностранные капиталисты стали выбрасывать на турецкий рынок свои товары и скупать по сравнительно дешевым ценам местное сельскохозяйственное сырье.

Турецкое правительство в 1925—1928 гг. заключило ряд соглашений с различными иностранными компаниями о постройке железных дорог и эксплуатации воздушных линий. Оно предоставило компании Форда концессию на постройку и эксплуатацию крупного автосборочного завода в Стамбуле на особо льготных условиях (с установлением для завода специальной «экстерриториальной» зоны). Однако стремление турецкого руководства обеспечить более широкий приток иностранного капитала в страну успеха не имело. Дело в том, что иностранные монополии не хотели мириться с отнятыми привилегиями капитуляционного режима, не желали вкладывать свои капиталы в решающие турецкие отрасли на условиях кемалистов, а главное, они были против развития турецкой национальной промышленности, что могло привести к потере Турции в качестве рынка сбыта своих товаров.

В этих условиях правящие круги стали проявлять большой интерес к увеличению национальных капиталовложений в хозяйст-

во страны. В целях концентрации капиталов для финансирования строительства правительство учредило ряд банков с участием государственного и частного капитала. В августе 1924 г. по инициативе Мустафы Кемаля был основан Деловой банк (Иш банкасы) с первоначальным капиталом 1 млн. лир. В это же время были открыты и некоторые мелкие банки. Все же концентрация капиталов оставалась слабой; в 1926 г. капиталы во всех 36 турецких банках составляли всего 40 млн. лир.

Вместе с тем турецкие власти с целью строительства железных дорог и промышленных предприятий стали привлекать на особо льготных условиях частный капитал. 28 мая 1927 г. ВНСТ приняло «Закон о поощрении промышленности» (№ 1055). Однако турецкие капиталисты были слабы, они неохотно вкладывали свои средства в эту отрасль экономики и предпочитали сферу торговли, ростовщические и банковские операции, где капитал при сравнительно быстром обороте приносил более значительные прибыли.

В этих условиях правительство наряду с поощрением частного капитала взяло курс на развитие экономики страны на основе политики этатизма — строительство и эксплуатация предприятий государством. Этатизм того времени был одной из форм государственного капитализма, развивавшегося в условиях экономической отсталости Турции. Он был вызван, с одной стороны, слабостью частного капитала в стране, с другой — нежеланием западных монополий производить новые инвестиции на условиях, предложенных турецким правительством.

Проводя политику этатизма, турецкая буржуазия стремилась упрочить свое положение путем привлечения государственных средств, основу которых составляли доходы, полученные за счет усиления эксплуатации трудящихся масс. Правительство запроектировало строительство нескольких новых железнодорожных магистралей. Одновременно оно наметило меры к восстановлению и улучшению технического состояния существующих дорог и портовых сооружений у иностранных концессионеров. Правительство решило также построить предприятия сахарной, текстильной и деревообрабатывающей промышленности, шоссейные дороги, увеличить добычу угля и пр.

В отсталой, аграрной Турции развитию промышленности могли бы содействовать меры по оживлению в сельском хозяйстве, по радикальному увеличению производства продовольствия и сырья. Этого можно было бы добиться при условии уничтожения полуфеодальных методов эксплуатации в деревне и проведения радикальной аграрной реформы, наделения крестьян землей. Однако буржуазно-помещичий блок был враждебен ко всякой аграрной реформе, которая соответствовала бы интересам широких слоев крестьянства. Трудящиеся крестьяне, вынесшие на своих плечах войну, завоевавшие независимость страны, практически не получили ни клочка земли. Наиболее значительным мероприятием турецкого правительства в области сельского хозяйства явилась

отмена 17 февраля 1925 г. ашара (десятины). Ашар был заменен земельным налогом, а также налогом на продукты земледелия, поступавшие в продажу. Земельный налог был увеличен в 8 раз, а сельскохозяйственные продукты, вывозимые на рынок, облагались в размере 8% их стоимости. Одновременно были значительно повышены другие виды налогообложения, такие, как налог на скот, на строения, местные налоги.

Несмотря на рост денежных налогов, отмена ашара была прогрессивным мероприятием. Она повысила заинтересованность крестьян в результатах своего труда и способствовала развитию товарно-денежных отношений.

В остальном турецкие власти в области сельского хозяйства проводили лишь некоторые агрикультурные мероприятия, которые не только не решали проблему подъема сельскохозяйственной продукции и сырья, но и усиливали классовые противоречия в турецкой деревне.

В 1923—1925 гг. в сельском хозяйстве наблюдался небольшой подъем, за которым уже в 1926 г. последовал упадок. Снова сократилась площадь, занятая зерновыми культурами и табаком. По данным первой сельскохозяйственной переписи 1927 г., посевная площадь составляла около 4 млн. га, или примерно 5% всей площади страны.

Отсталость сельского хозяйства тормозила, в свою очередь, развитие других отраслей экономики страны. За пятилетие после Лозанны из крупных предприятий было построено лишь два сахарных завода, производивших вместе 8 тыс. т сахара (1929 г.). Сравнительно быстрее развивалась мелкая и средняя промышленность. Если в 1923 г. насчитывалось 341 предприятие среднего типа, то в 1927 г. — уже 820 *, т. е. число таких предприятий увеличилось в 2,4 раза. По существу же промышленность страны во второй половине 20-х годов состояла из мелких, кустарного типа, предприятий (более 62 тыс.). Лишь около 3 тыс. небольших и средних предприятий имели механические двигатели.

Более значительные результаты были достигнуты в железнодорожном строительстве. В 1929 г. железнодорожная сеть составила около 5 тыс. км, т. е. выросла за пятилетие почти на 25%.

Однако другие отрасли экономики развивались медленно. Особенно отрицательно сказался на экономике Турции мировой кризис, охвативший промышленность, сельское хозяйство, торговлю и финансы почти всех капиталистических стран. Под влиянием кризиса на мировом рынке значительно сократился спрос на сельскохозяйственные товары, часть которых составляли традиционные статьи турецкого экспорта. Это привело к резкому падению цен на некоторые сельскохозяйственные товары турецкого экспорта. Так, в 1932 г. цена на хлопок упала по сравнению с 1929 г. почти в 2,5 раза, а цена на изюм — ниже себестоимости. Уменьшение

---

* Предприятия, пользовавшиеся льготами на основании закона о поощрении.

спроса и падение цен привело к заметному сокращению производства земледельческих культур в стране, шедших на экспорт. Наряду с земледелием сильный упадок переживало также скотоводство. К 1934 г. поголовье скота уменьшилось по сравнению с 1927 г. на 2 млн. голов.

Пострадала в годы кризиса и слаборазвитая промышленность. Уменьшение спроса на внутреннем рынке, вызванное ухудшением положения трудящихся, стало причиной разорения владельцев мелких предприятий, ограничения деятельности средних и крупных предприятий. Кризисные явления в основных отраслях экономики страны привели к сокращению объема торговли. Значительно сократились морские и железнодорожные перевозки. Серьезно ухудшилось финансовое положение, в результате которого в ноябре 1930 г. турецкое правительство было вынуждено прекратить платежи по Оттоманскому долгу и выступить с требованием пересмотра соглашения по нему, заключенного в 1928 г. Для покрытия текущих расчетов оно прибегло к новым займам, что привело к увеличению государственного долга (внутреннего и внешнего), достигшего к 1933 г. 443 млн. лир.

Господствующие классы стремились переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся масс. С целью сбалансирования бюджета были введены новые налоги — «кризисный» (1931 г.) и «равновесия» (1932 г.), по которым с рабочих и служащих взималось от 16 до 31% заработной платы.

Несмотря на тяжелое финансовое положение, предприниматели получали от государства крупные кредиты и дотации за счет налогообложения трудящихся.

Вместе с тем в целях защиты экономики страны правительство провело ряд протекционистских мероприятий, которые практически коснулись всех отраслей хозяйства. Так, в 1929 г. оно ввело автономный таможенный тариф, который намного увеличивал ставки на некоторые импортные товары, что должно было содействовать их производству внутри страны. Однако в связи с малоэффективностью этой меры в 1931 г. правительство перешло к системе ограничения видов и количества ввозившихся товаров. Наконец, в 1933 г. оно повысило пошлины на ряд импортных товаров, в частности на хлопчатобумажные изделия.

В результате сокращения импорта правительству удалось в 1930 г. добиться небольшого повышения стоимости экспорта над импортом, что содействовало стабилизации лиры. В 1931 г. был основан Центральный банк Турецкой Республики, получивший право эмиссии.

Несмотря на финансовые трудности, в годы кризиса правительство продолжало вкладывать сравнительно крупные средства в строительство железных дорог. Железнодорожная сеть страны с 1929 по конец 1933 г. увеличилась на 1 тыс. км, достигнув 6025 км. Новые железные дороги связали прямым сообщением Черное море с Мраморным, Эгейским и Средиземным морями, что содейство-

вало развитию внутреннего рынка. Вместе с тем правительство продолжало выкупать железнодорожные магистрали у иностранных концессионеров. Если в 1924 г. в руках государства находились 1734 км железных дорог, а у иностранцев — 2352 км, то в 1933—1934 гг. (в результате выкупа у иностранного капитала и строительства новых железнодорожных путей) государство эксплуатировало около 4 тыс. км.

Значительные капиталы вкладывались в строительство промышленных предприятий. В целом политика правительства способствовала некоторому развитию легкой, военной и горнодобывающей промышленности, а также транспорта. Однако отсутствие тяжелой промышленности, и особенно машиностроения, мешало достижению экономической независимости Турции, которая продолжала оставаться отсталой, аграрной страной, зависимой от капиталистических государств. В 1933 г. иностранные инвестиции в Турции все еще составляли внушительную сумму — 200 млн. лир, внешний долг капиталистическим государствам — 215 млн. лир. За годы кризиса национальный доход страны уменьшился на 26%, причем больше всего пострадало сельское хозяйство.

Таким образом, несмотря на усилия правительства, влияние экономического кризиса на Турцию было значительным. Хотя не наблюдалось быстрого развития экономики, имущие слои, усиливая эксплуатацию трудящихся масс, быстро укрепляли свои экономические позиции. В результате всяческого поощрения «национального» предпринимательства росли капиталы турецких торговых фирм, владельцев промышленных предприятий и т. д. За счет государственных хозяйственных предприятий богатела правившая верхушка — министры, депутаты меджлиса и чиновники, тесно связанные с подрядчиками и поставщиками.

Наряду с обогащением господствующих классов Турции наблюдалось обнищание основной массы турецкого общества — рабочих и крестьян. Особенно тяжелым было положение турецкого пролетариата. В стране не было какого-либо ограждения прав рабочих, никакого трудового законодательства, хотя бы в минимальной степени защищавшего интересы рабочих. Рабочий день не был нормирован, он достигал 12—15 часов. Выходных дней и оплачиваемых отпусков не существовало. Весьма неудовлетворительными были санитарно-гигиенические и социально-бытовые условия рабочих. Не предпринималось практически никаких мер по технике безопасности. В стране росла дороговизна. Так, к 1923 г. по сравнению с 1914 г. цены увеличились более чем в 12 раз, а к 1927 г. — более чем в 14 раз. В то же время плата рабочим повысилась не намного, что означало значительное уменьшение их реального дохода.

Коммунистическая партия Турции по-прежнему оставалась под запретом, ее деятельность протекала в тяжелых условиях подполья. Более заметной была деятельность КПТ в таких крупных городах, как Стамбул, Измир, Бурса, Эскишехир и Адана. В круп-

ных центрах КПТ стремилась использовать легальные возможности, оказывая влияние на деятельность рабочих организаций, издавая периодически, в связи со знаменательными политическими событиями, листовки и прокламации, в которых разъяснялись задачи, стоявшие перед рабочим классом.

В апреле 1923 г. в Стамбуле на легальную арену вышла Рабоче-крестьянская социалистическая партия Турции (РКСПТ). Будучи революционной партией, РКСПТ выдвигала требования восьмичасового рабочего дня, предоставления рабочим права организации классовых профессиональных союзов и проведения демонстраций и забастовок, отмены ашара, введения прямого избирательного права, равноправия женщин и пр. По инициативе партии на многих крупных предприятиях Стамбула, Измира и других городов были созданы профсоюзы.

Усиление эксплуатации со стороны предпринимателей вызвало резкое недовольство рабочих. Так, во второй половине 1923 г. в Турции вспыхнул ряд забастовок, в которых рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня, введения еженедельного дня отдыха, увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Наиболее крупными из них были забастовки шахтеров Эрегли-Зонгулдакского каменноугольного бассейна и железнодорожников Измиро-Айдынской, а также Восточной железной дороги (Европейская Турция), принадлежавшей французам.

Подъем забастовочного движения наблюдался в стране и в 1924 г. Требования рабочих имели экономический характер. В ряде случаев они добивались удовлетворения своих прав. Во многом под давлением рабочих ВНСТ в январе 1924 г. приняло закон (№ 394) о еженедельном дне отдыха, который вступил в силу 15 февраля того же года *. Однако в декабре 1926 г. была принята поправка, которая фактически отменила этот куцый закон о еженедельном дне отдыха. Весной 1925 г. турецкие власти на основе закона об охране порядка перешли в наступление против рабочего движения. В мае того же года они арестовали 40 представителей левого движения по обвинению в коммунистической деятельности. По решению анкарского «суда независимости» подавляющее большинство их было приговорено к 7—15 годам тюремного заключения.

Несмотря на репрессивные меры, власти не смогли полностью подавить рабочее движение. В 1925 г. в Турции произошло 10 забастовок, в которых участвовали 32 тыс. рабочих. В августе 1927 г. состоялась крупная забастовка рабочих Багдадской железнодорожной магистрали (участка Енидже — Нусайбин), которые наряду с экономическими требованиями выдвигали также политические. Забастовка была подавлена при помощи войск. На забас-

* По этому закону предприниматели были обязаны в пятницу предоставлять рабочим день отдыха, но закон распространялся лишь на города с населением более 10 тыс. жителей и не применялся к сезонным рабочим, печатникам, трамвайщикам и занятым в лечебных учреждениях.

товочное движение турецкие власти отвечали усилением террора. По ложному обвинению в организации «заговоров против республики» постоянно производились судебные процессы над участниками рабочего движения. Так, в июне 1929 г. около 30 человек были приговорены к долголетнему тюремному заключению.

Наряду с репрессиями турецкие власти вели в печати и через «желтые» профсоюзы пропаганду классового мира, обещали оградить интересы рабочих путем разработки рабочего законодательства. Действительно, в 20-е годы кемалисты разрабатывали проекты весьма умеренных законов о труде, но они даже не обсуждались в меджлисе. В 1924 г. был подготовлен проект закона о труде, включавший 99 статей. Однако после двухлетних проволочек в 1926 г. этот законопроект был взят правительством обратно. Такие проекты подготовлялись и в последующий период. Тем не менее до середины 30-х годов никакого закона, регламентирующего труд рабочих, в Турции не было принято.

Особенно тяжелым оставалось положение трудящихся масс в годы экономического кризиса. Некоторые шаги турецких властей в области социально-экономического развития привели к усилению классовой дифференциации, к обострению имущественного неравенства. Резко ухудшилось положение крестьянства, особенно в вилайетах, больше зависевших от внешнего рынка. В этих вилайетах, где культивировались технические культуры, как правило, крестьяне закупали продовольствие на рынке. Поскольку в годы кризиса крестьяне испытывали трудности в сбыте своих товаров, они оказались в более тяжелом положении.

Несколько лучше было положение во внутренних районах страны. Однако и здесь из-за сокращения спроса крестьяне не имели возможности сбывать небольшие излишки своей продукции. Положение крестьянства усугублялось тем, что цены на сельскохозяйственные товары падали более интенсивно, чем на промышленные. Если средний индекс оптовых цен 52 статей важнейших товаров на стамбульском рынке упал за годы кризиса на 33%, то на сельскохозяйственные товары (продовольствие, зерно, фрукты, текстильное сырье и т. п.) — почти на 50%.

Крестьяне страдали и как продавцы, вследствие падения цен на их продукцию, и как покупатели, поскольку сохранялись высокие цены на промышленные товары массового потребления. Большинство крестьян вообще не имели продовольственных излишков и каких-либо накоплений. Более того, многие крестьяне были вынуждены оставлять свои крохотные наделы семьям, а сами переселялись в города в поисках работы. Но в городах, как правило, их ждала безработица. Нищенская заработная плата, не регулируемый никаким законодательством рабочий день, тяжелые жилищные условия и антисанитария были уделом тех немногих, которые находили в городе работу.

Особенно тяжелым было положение турецкого пролетариата. В связи с некоторым развитием промышленности в 20-е годы на-

кануне кризиса увеличилась и численность рабочего класса Турции. В 1932 г. в более крупной цензовой промышленности насчитывалось 52 тыс. рабочих, а железнодорожных рабочих — 16 тыс.

Вследствие некоторого развития капитализма в деревне росло и число сельскохозяйственного пролетариата. В годы кризиса в Турции было уже около 200 тыс. батраков, единственным источником существования которых являлась работа по найму. Горькую нужду испытывали в годы кризиса и средние слои — ремесленники, кустари и низкооплачиваемые категории служащих.

Бичом трудящихся была безработица. В городах Турции насчитывалось около 100 тыс. безработных. В то время как широкие массы испытывали нужду, эксплуататорские классы стремительно обогащались за их счет. На различных операциях с государственными хозяйственными предприятиями, на экспортно-импортных сделках, на банковско-кредитных операциях, имевших часто открыто спекулятивный характер, на ростовщичестве и скупке земли и городской недвижимости быстро наживалась правившая верхушка. Рост материальной базы эксплуататорских слоев за счет жестокой эксплуатации трудящихся привел к обострению классовой борьбы.

В 1929 г. произошли забастовки трамвайщиков и шоферов Стамбула, печатников Анкары, шахтеров Зонгулдака. Стачечное движение в это время нередко распространялось и на более отсталые слои рабочих, которые ранее стояли в стороне от активной борьбы за свои права. Так, в ноябре 1929 г. в Кастамону вспыхнула забастовка 2000 женщин-работниц, занятых на местных деревообделочных предприятиях. Раньше таких крупных забастовок работниц вообще не отмечалось.

В декабре 1931 г. бастовали рабочие текстильной фабрики в Дефтердаре (Стамбул). В марте 1932 г. вспыхнула стачка на табачных складах в Измире, а в апреле — на предприятиях судоходной компании «Сейри Сефаин». Только в Стамбуле в первой половине 1932 г. состоялось 18 забастовок. В июне — августе 1932 г. произошли забастовки рабочих-табачников в Ортакёе, Ускюдаре и Галате (Стамбул). На справедливые требования рабочих повысить им заработную плату предприниматели отвечали локаутом.

В 1929 г. министерство экономики подготовило проект закона о труде, включавший 36 статей. Однако, представленный в Государственный совет, он был взят обратно, как недостаточно подготовленный.

В 1932 г. Высший экономический совет подготовил более либеральный законопроект о труде, включавший 192 статьи. Необходимость такого закона вызывалась не только внутренними факторами (усиление рабочего движения), но и внешними, так как в 1932 г. Турция вступила в Международную организацию труда. Тем самым она была вынуждена признать основные принципы этой организации.

В ходе классовой борьбы передовые слои пролетариата все более освобождались от дурмана официозной шовинистической пропаганды и казенных проповедей классового мира. Рабочие смело выступали не только против иностранных, но и против местных предпринимателей. В годы кризиса рабочее движение приобрело более широкий размах, стало принимать новые формы, освобождаться от цеховой ограниченности. Вместе с тем среди рабочих росло чувство пролетарского интернационализма и классовой солидарности. В этом значительная роль принадлежала Коммунистической партии Турции, находившейся в подполье. В течение некоторого времени КПТ издавала и распространяла нелегальные печатные органы — газету «Кызыл Истанбул» («Красный Стамбул») и журнал «Инкиляп йолу» («Путь революции»), а также различные прокламации, обращения и брошюры. Материалы, публиковавшиеся в этих изданиях, свидетельствовали об идеологическом росте турецких коммунистов. Хотя КПТ к тому времени приобрела уже значительный опыт революционной борьбы, она еще не обладала достаточным влиянием в массах, чтобы превратить стихийную борьбу рабочего класса в сознательную. Она не имела заметного влияния в деревне, достаточного опыта по установлению прочного союза турецкого пролетариата с крестьянскими массами.

Турецкие власти жестоко расправлялись с активистами рабочего и коммунистического движения. Они арестовывали рабочих, представителей интеллигенции, учащихся по обвинению в «коммунистической пропаганде», в организации «незаконных собраний». Особенно широко практиковались аресты по обвинению «в подстрекательстве к незаконным действиям» или «попытке изменить существующий строй». Арестованные подвергались избиениям, пыткам, приговаривались к длительным срокам тюремного заключения. Тем не менее в трудных условиях турецкие рабочие, беднейшие слои крестьянства, представители прогрессивной части интеллигенции продолжали посильную борьбу за свои социально-экономические права.

Обострение классовых и национальных противоречий в стране, экономическая зависимость Турции от западных монополий, боязнь народных масс толкали кемалистов на сближение с капиталистическими державами. Об этом свидетельствовали договоры и соглашения, подписанные Турцией с западными державами в 20-е годы. Еще в марте 1924 г. в Анкаре был подписан турецко-германский договор о дружбе; в последующие годы был заключен ряд специальных взаимных соглашений.

Важным нерешенным вопросом после Лозанны оставалась мосульская проблема. Восстание шейха Саида в известной мере ускорило решение мосульского вопроса и установление окончательной границы между Турцией и подмандатным Ираком.

5 июня 1926 г. в Анкаре между Великобританией, Ираком и Турцией был подписан договор, который устанавливал оконча-

тельную турецко-иракскую границу, а также предусматривал совместные меры по подавлению движения в Курдистане.

В мае 1926 г. турецкое правительство подписало с Францией договор «О дружбе и добрососедских отношениях», по которому она отказалась от претензий на присоединение к Турции Александреттского санджака (Хатая). В феврале 1927 г. на основе обмена нотами между Турцией и США были восстановлены дипломатические отношения на базе Лозаннского мира, от подписания которого США в свое время воздержались. В мае 1928 г. был заключен особый турецко-итальянский договор «О нейтралитете, согласительной процедуре и разрешении споров третейским судом».

В течение 1924—1928 гг. Турция подписала различные договоры с Австрией, Польшей, Германией, Швецией, Грецией, Испанией, Чехословакией, Чили, Ираном, Аргентиной, Мексикой, Бразилией, Афганистаном и другими странами.

В целях сближения с иностранными монополиями 13 июля 1928 г. турецкое правительство подписало соглашение с иностранными держателями облигаций, по которому обязывалось уплатить свою долю Оттоманского долга в размере 86 млн. лир золотом. Все это делалось во имя «восстановления доверия Европы», в надежде на получение новых займов. Но займы предлагались на условиях, несовместимых с национальной независимостью Турции.

В отличие от империалистических держав Советский Союз продолжал улучшать отношения с новой Турцией.

Развитие советско-турецких отношений к середине 20-х годов требовало заключения нового договора, который отвечал бы дальнейшему политическому сотрудничеству между обеими странами. В результате длительных переговоров 17 декабря 1925 г. в Париже был подписан советско-турецкий договор, который вошел в нашу литературу как «Договор о дружбе и нейтралитете», хотя правильнее его следует именовать «Договор о нейтралитете и ненападении». Этот договор знаменовал новый шаг в развитии добрососедских отношений между двумя странами. «Договор о дружбе и нейтралитете» сыграл важную роль в укреплении внешнеполитической позиции Турции, в провале военных провокаций английских империалистов, в росте ее международного авторитета. Хотя он не был союзным договором, как справедливо отмечает турецкий дипломат А. Акшин, его подписание способствовало значительному расширению и развитию политических, экономических и культурных связей между СССР и Турцией. Вместе с тем договор выходил за рамки отношений между двумя странами, так как он вводил в международную практику систему двусторонних пактов о нейтралитете и ненападении и содействовал обеспечению мира на Ближнем и Среднем Востоке.

Советский Союз прилагал большие усилия к полной нормализации торгово-экономических отношений с Турцией. После длительных переговоров 11 марта 1927 г. в Анкаре был подписан «Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских

Социалистических Республик и Турецкой Республикой». Это был первый торговый договор Советского Союза со страной Востока.

Заключение этого договора означало завершение периода неопределенности, который господствовал в экономических взаимоотношениях обоих государств почти с момента установления нормальных дипломатических отношений. Основная цель его заключалась в том, чтобы поставить торговые отношения между обеими странами на определенную юридическую основу. Этот договор во многом способствовал расширению и развитию торговых связей между СССР и Турцией. К 1928 г. советско-турецкий торговый оборот вырос в 5 раз по сравнению с 1923—1924 гг.: в 1923 г. он составлял 20,5 млн. руб., а к 1928 г. достиг 101,9 млн.

Касаясь значения этого договора, турецкий историк Дж. Алсан пишет, что «он устранил изоляцию Турции на международном рынке». Политическое значение договора о торговле заключалось в том, что, несмотря на ожесточенную кампанию, которую вели против СССР в тот период империалистические державы, он демонстрировал равноправие отношений Турции со своим великим соседом.

Успешно развивались и советско-турецкие культурные связи. В рассматриваемый период, несмотря на определенные трудности в развитии политических и экономических связей, в урегулировании некоторых пограничных вопросов, являвшихся главным образом наследием первой мировой войны, советско-турецкие отношения с большой убедительностью показали, что дружба двух стран, возникшая в годы военных испытаний, сохранилась и расширилась в условиях мирного развития, что она являлась важным элементом внешней политики обоих государств. Успеху сотрудничества содействовали прежде всего мероприятия Советского Союза, который, продолжая политику улучшения отношений с соседними странами, стремился укрепить дружественные связи с новой Турцией.

В годы кризиса основным направлением политики Турции было стремление нормализовать отношения со всеми странами, и прежде всего с государствами Запада. С осени 1929 г. со стороны Турции стали наблюдаться стремления к сближению с Англией, активизировавшей в это время свою политику в Турции. В феврале 1930 г. был подписан турецко-французский договор об арбитраже, дружбе и согласии, что свидетельствовало о сближении Турции с Францией.

В мае 1930 г. Турция заключила торговый договор с Германией, имевший целью расширить двусторонние торгово-экономические связи. В том же году Германия вышла на первое место по товарообороту с Турцией. Вместе с тем усилился приток немцев в Турцию в качестве «советников» различных турецких учреждений, а также инструкторов в армии и флоте. Начали проявлять увеличившийся интерес к Турции в это время и американские монополии. В мае 1930 г. была создана «Турецко-американская

нефтяная компания» («Тюркиш-американ петролеум компани»), которая имела целью изыскание и разработку месторождений в Турции. В октябре того же года Турция подписала с Грецией договор «о дружбе, нейтралитете и арбитраже», «протокол об отказе от соперничества в морских вооружениях», а также конвенцию о торговле и мореплавании.

Установив более тесные связи с Грецией, Турция начала принимать активное участие в балканских конференциях. В октябре 1930 г. в Афинах состоялась первая балканская конференция, в которой приняли участие Турция, Греция, Болгария, Румыния, Югославия, Албания. Между участниками конференции сразу же выявились противоречия. Несмотря на это, в качестве постоянной организации был оформлен Балканский союз с советом, ассамблеей и секретариатом. Впоследствии балканские конференции состоялись в Стамбуле и Анкаре (октябрь 1931 г.), в Бухаресте (октябрь 1932 г.) и Салониках (ноябрь 1933 г.). Попытки Турции сыграть роль арбитра между двумя группировками стран (Албания и Болгария, с одной стороны, Румыния, Греция, Югославия — с другой) не имели успеха. Балканский союз распался, и на его месте с 1933 г. стала оформляться Балканская Антанта с участием Турции, Румынии и Югославии.

В июле 1932 г. Турция вступила в Лигу наций. Вступление в эту организацию означало еще один шаг в сторону сближения с державами Запада. В 1933 г. Турция возобновила платежи по султанским долгам. Правда, по новому соглашению, заключенному в 1933 г., сумма долга снижалась до 7,9 млн. лир (вместо 86 млн. лир в 1928 г.).

В 1933 г. турецкое правительство санкционировало заключение соглашения с Восточным консорциумом Круппа на поставку оборудования для строительства железнодорожной линии Сивас — Эрзурум, а также подвижного состава для этой дороги.

Вместе с тем правящие круги Турции не могли не учитывать симпатии своего народа к Советскому Союзу, а также игнорировать реальные возможности развития с ним политических, экономических и культурных связей в условиях заметного обострения международной обстановки, сокращения внешнеторговых операций с капиталистическими странами в годы кризиса.

СССР и Турция в необходимых случаях координировали свои внешнеполитические акции и выступали с согласованных позиций в интересах укрепления мира и добрососедства. Дружественный характер советско-турецких отношений был продемонстрирован во время пребывания заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахана в Турции в 1929 г. (Это был ответный визит на посещение в 1926 г. Одессы министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюштю для свидания с Г. В. Чичериным.) Во время визита состоялись переговоры, в результате которых 17 декабря в Анкаре был подписан Протокол о продлении срока действия советско-турецкого «Договора о дружбе и нейтралитете» от

17 декабря 1925 г. на два года со дня его истечения. Турецкая газета «Миллиет» 24 декабря 1929 г., комментируя это важное политическое соглашение, сообщала, что протокол «еще больше укрепил дружбу, существующую между обеими странами». Подчеркивая вклад СССР и Турции в дело укрепления мира, газета отмечала, что «сотрудничество между Анкарой и Москвой выгодно для сохранения мира и развития обеих стран...».

В целях развития отношений между двумя соседними государствами в сентябре 1930 г. Тевфик Рюштю нанес официальный визит в Москву. Между ним и народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым состоялся дружественный обмен мнениями относительно советско-турецких отношений и различных вопросов международной политики.

Стремясь к укреплению дружественных отношений, 7 марта 1931 г. в Анкаре представители Советского Союза и Турции подписали протокол относительно паритета вооружений на Черном море. Этот протокол, имевший характер морского соглашения, являлся вкладом СССР и Турции в борьбу за мир на Балканах и Ближнем Востоке. Как отмечал турецкий дипломат Ф. Дж. Эркин, подписание «морского протокола» явилось продолжением политики сотрудничества между Советским Союзом и Турцией.

В октябре 1931 г. Турцию посетил М. М. Литвинов. В результате его переговоров с турецкими руководителями 30 октября в Анкаре был подписан Протокол о продлении на пять лет срока действия Парижского договора и заключенных в его развитие протоколов между СССР и Турцией. Встречи руководителей СССР и Турции и обмен мнениями по важным вопросам международной политики создавали благоприятные условия для установления единого взгляда по этим вопросам.

26 апреля — 8 мая 1932 г. в Советском Союзе с официальным визитом находилась турецкая правительственная делегация во главе с премьер-министром Исмет-пашой. Во время этого визита между ним и советскими руководителями состоялись неоднократные беседы, которые имели дружественный характер и позволили подвергнуть широкому обсуждению как международные проблемы, так и вопросы непосредственных отношений между обеими странами. Особое внимание было уделено советско-турецким экономическим связям. Было достигнуто принципиальное соглашение на предоставление Советским Союзом Турции беспроцентного кредита в 8 млн. долл. сроком на 20 лет с ежегодным платежом турецкими товарами в сумме 400 тыс. долл. Было признано также полезным укреплять культурные связи, в частности путем непосредственных контактов между научными институтами обеих стран.

Советский Союз продолжал поддерживать мероприятия Турции по укреплению ее политической независимости. Так, в марте 1933 г. он поддержал предложение турецкого правительства по изменению положений Лозаннской конвенции о проливах, ущемлявших национальный суверенитет Турции.

Продолжая контакты государственных деятелей обеих стран, 26 октября 1933 г. в Анкару с официальным визитом прибыла советская правительственная делегация во главе с К. Е. Ворошиловым. Турецкое правительство уделило большое внимание советской делегации. Она присутствовала на параде 29 октября 1933 г. по случаю десятой годовщины Турецкой Республики. Вместе с Мустафой Кемаль-пашой, Февзи-пашой и Исмет-пашой К. Е. Ворошилов объехал войска, принимал парад. По словам Мустафы Кемаль-паши, визит советских гостей вызвал демонстрацию дружбы во всех районах Турции.

Визит имел большое значение в развитии и укреплении советско-турецких отношений. Он явился важной фазой в развитии всесторонних политических, экономических и культурных связей между Советским Союзом и Турцией.

Глава XII

ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1934—1945)

В 30-е годы турецкое правительство продолжало принимать меры, которые, по его мнению, должны были содействовать решению отдельных социальных вопросов, стабилизации внутриполитического положения, устранению некоторых феодальных традиций, препятствовавших укреплению буржуазных порядков в стране.

В июне 1934 г. ВНСТ приняло закон о введении фамилий. Прежде турки имели лишь имена. Этот закон упразднял также титулы и старые формы обращения: паша, бей, эфенди. 24 ноября 1934 г. Мустафа Кемаль-паша получил от ВНСТ фамилию Ататюрк («Отец турок»). Согласно другому закону, принятому меджлисом 17 декабря 1934 г., фамилию Ататюрк, кроме Мустафы Кемаль-паши, никто не имел права носить. 26 ноября Кемаль Ататюрк дал Исмет-паше фамилию Инёню, по названию местечка, где тот одержал победу над греками. Введение фамилий облегчало осуществление гражданского делопроизводства, устраняло путаницу с одинаковыми именами. В начале декабря 1934 г. меджлис принял закон о предоставлении женщинам права избирать и быть избранными в меджлис. Тем самым турецкие женщины формально были уравнены в правах с мужчинами. В результате этих изменений на выборах в ВНСТ в феврале 1935 г. было избрано 17 женщин (из 399 депутатов).

В мае 1935 г. в Анкаре состоялся IV съезд Народно-республиканской партии. Съезд утвердил новую программу партии, означавшую дальнейшее укрепление диктатуры национальной буржуазии. Он принял решение, усилившее слияние партийного аппарата с государственным. Так, в дополнение к ранее принятому ре-

шению генеральный секретарь НРП становился министром внутренних дел, председатели вилайетских организаций партии — губернаторами вилайетов.

В то же время через ВНСТ были проведены законы, которые способствовали централизации власти и усилению контроля на местах. В декабре 1934 г. были внесены изменения в закон 1926 г. о вилайетах, направленные на укрепление местной власти. В каждом вилайете избирался генеральный административный совет.

В январе 1936 г. в Восточной Анатолии правительство создало пять новых вилайетов — Чорух, Хаккяри, Битлис, Бингёль, Тунджели, населенных главным образом курдами. К тому времени вновь обострилась курдская проблема в стране, что было вызвано принятием меджлисом ряда законов. Турецкие власти на этот раз решили окончательно покорить курдское население Дерсима, которое фактически сохраняло некоторую самостоятельность в решении своих внутренних вопросов. Они ввели осадное положение в вилайетах Тунджели, Элязыг и Бингёль и направили войска против непокорных курдских племен, которые возглавил видный курдский патриот Сеит Риза. Операция турецких войск по умиротворению Дерсима продолжалась вплоть до осени 1938 г. Руководители курдов во главе с Сеитом Ризой были схвачены, преданы суду и казнены. По некоторым данным, во время дерсимских событий было уничтожено 70 тыс. курдов, в том числе женщин, детей и стариков.

В начале января 1937 г. ВНСТ приняло поправку к ст. 2 конституции, согласно которой принципы партийной программы нашли свое отражение и в конституции. В ст. 2 говорилось, что турецкое государство основано на принципах республиканизма, национализма, народности, этатизма, лаицизма и революционности. Принятие этой поправки было еще одним свидетельством сращивания партийного аппарата с государственным.

Накануне второй мировой войны произошли большие изменения в руководящих кругах Турции. Возникли разногласия между Кемалем Ататюрком и Исметом Инёню. В итоге Исмет Инёню после 14-летнего пребывания на посту премьер-министра в октябре 1937 г. ушел в отставку. Его место занял Джеляль Баяр, который представлял интересы немногочисленной, но весьма влиятельной крупной торговой и банковской буржуазии и был связан с иностранным капиталом. В правительство Дж. Баяра не вошли такие партийные и государственные деятели, как Шюкрю Кая и Рюштю Арас, игравшие видную роль в определении политики прежнего правительства. С приходом к власти Дж. Баяра активизировалась внутренняя реакция, подверглись гонениям прогрессивные элементы, усилились преследования за антифашистскую пропаганду.

В июне 1938 г. ВНСТ приняло «Закон об обществах», установивший жесткий контроль над всеми прогрессивными организациями страны. Закон запрещал создание организаций на основе

«семьи, общины, расы, рода и класса». Он запрещал деятельность организаций, «стремящихся нарушить государственную целостность, безопасность и порядок», «политическое и национальное единство», а также «выступающих от имени класса». Согласно закону все общества подлежали контролю со стороны местных властей, полиции, министерств юстиции и внутренних дел. Нарушители закона подвергались тюремному заключению.

Летом того же года меджлис принял «Закон о печати», даровавший властям широкие полномочия по контролю над прессой. Вместе с тем этот закон предоставлял свободу действий для реакционных газет и журналов, активизировавших свою деятельность особенно накануне и в годы второй мировой войны.

В связи с ростом авторитарных тенденций все больше ограничивались конституционные права и свободы в стране. В июне 1938 г. был принят закон об изменении уголовного кодекса, предусматривавший усиление наказания «за ослабление национального чувства» и «пропаганду в пользу иностранных государственных порядков». Резко стали возрастать судебные репрессии. Если в 1935 г. суды приговорили к заключению 54 тыс. человек, то в 1939 г. число осужденных возросло до 94 тыс., т. е. почти вдвое.

По случаю приближения 15-й годовщины Турецкой Республики в июне 1938 г. реакционные круги провели через меджлис закон об амнистии всех лиц, включенных в черный «список 150-й» *. Все эти реакционные законы были приняты в отсутствие Кемаля Ататюрка, который в связи с тяжелой болезнью по совету врачей с мая 1938 г. находился в Стамбуле.

10 ноября 1938 г. после продолжительной болезни в Стамбуле скончался президент Турецкой Республики Кемаль Ататюрк. 11 ноября новым президентом Турции был избран Исмет Инёню, находившийся более года не у дел. Премьер-министром остался Дж. Баяр. В декабре состоялся чрезвычайный съезд НРП, который избрал Исмета Инёню пожизненным председателем. В устав было внесено положение: «Ататюрк является основателем и вечным президентом партии». К активной политической деятельности вернулись представители кругов, бывших в оппозиции к Кемалю Ататюрку. В том же месяце состоялись частичные выборы в ВНСТ по рекомендательному списку НРП, в результате которых и были проведены в депутаты Кязым Карабекир, Фетхи Окьяр, Хюсейн Джахит Ялчин; из-за границы вернулся Рауф.

В конце января 1939 г. премьер-министром стал Рефик Сайдам, сторонник Исмета Инёню. В марте того же года состоялись досрочные выборы в ВНСТ. Всего было избрано 442 депутата (в том числе 130 новых). Меджлис вновь избрал президентом республики Исмета Инёню, пост премьер-министра остался за Рефиком Сайдамом.

---

* В этот список были включены лица, участвовавшие в борьбе против национально-освободительного движения; им запрещался въезд в Турцию.

В целях придания своему правлению видимости демократии, а также ослабления недовольства в стране НРП на конгрессе, состоявшемся в мае 1939 г., решила создать в меджлисе группу «независимых» депутатов (21 человек). Оставаясь членами НРП, «независимые» получали право не подчиняться решениям фракции партии в меджлисе, «свободно» критиковать действия правительства и даже голосовать против него. Вместе с тем создание в меджлисе группы «независимых» депутатов свидетельствовало об усилении политической борьбы в НРП, борьбы между разными кругами национальной буржуазии за власть.

После мирового экономического кризиса внутриполитическая и международная обстановка диктовали турецким правящим кругам необходимость принять меры, которые должны были улучшить экономическое положение страны. Еще в январе 1933 г. турецкое правительство приняло первый пятилетний план развития (1933—1937), который предусматривал главным образом строительство промышленных объектов за счет государства, а также металлургического комбината, текстильных фабрик, сахарных, бумажных, стекольных, химических заводов и других предприятий. На сооружение этих объектов было выделено 44 млн. лир, однако они обошлись в 100 млн.

Политика этатизма и поощрения частного капитала, проводившаяся правительством в 30-е годы, вызвала заметное развитие промышленности Турции. Так, стоимость продукции цензовой промышленности выросла с 1933 по 1939 г. втрое, достигнув 331 млн. лир. Значительное развитие получила текстильная промышленность. Благодаря льготным кредитам, предоставленным Турции Советским Союзом, а также участию советских специалистов были построены два крупных текстильных комбината — в Кайсери (1935 г.) и Назилли (1937 г.). Кроме того, были сооружены текстильные фабрики в Эрегли и Малатье, модернизирована фабрика в Бакыркёе, пущено несколько небольших частных предприятий. Все это дало возможность покрыть 80% потребностей страны в хлопчатобумажных тканях (120 млн. м).

Определенное развитие получила пищевая промышленность, особенно такие отрасли, как сахарная, маслобойная, спиртоводочная, мукомольная, консервная и др. Появились и некоторые отрасли химической промышленности. В ноябре 1936 г. в Измире вступила в строй целлюлозно-бумажная фабрика.

Развивалась и горнодобывающая промышленность. Если в 1930 г. в Зонгулдакском бассейне было добыто примерно 1,5 млн. т угля, то в 1936 г. — около 3 млн. т. В тот же период государство продолжало выкупать шахты у иностранцев. В 1939 г. добыча хромовой руды составила 184 тыс. т. Стоимость горнодобывающей промышленности в 1935 г. достигла 17,3 млн. лир, в 1939 г. — 27,6 млн., т. е. выросла на 62,6%. При этом, если рост добычи угля был связан с увеличением его спроса внутри страны, то хромовой руды — главным образом с ростом спроса на мировом рынке, с

гонкой вооружений в лагере империалистических держав. По-прежнему внимание уделялось строительству и выкупу у иностранцев железных дорог. В результате в 1937 г. государство эксплуатировало уже 6340 км железных дорог; в ведении иностранных компаний оставалось всего 509 км железнодорожного пути.

Таким образом, в 30-е годы наблюдалось некоторое развитие легкой промышленности, путей сообщения и средств транспорта. Была создана национальная промышленность (преимущественно текстильная, кожевенно-обувная, пищевая, химическая, а также добывающая и военная), что способствовало укреплению экономики страны. В результате Турция отказалась от импорта многих иностранных товаров, но она была вынуждена ввозить из-за границы машинное оборудование, запасные части к нему и другие материалы.

Вместе с тем не было сколько-нибудь серьезных сдвигов в турецкой деревне, где продолжали сохраняться сильные пережитки феодализма. Большая часть пахотной земли по-прежнему принадлежала помещикам, кулакам и государству. Правительство принимало ряд мер, который содействовал развитию сельского хозяйства. Оно создало сельские сбытовые кооперативы, кредитные общества, организовало борьбу с сельскохозяйственными вредителями, расширило сеть сельскохозяйственных учебных и научных заведений, основало показательные имения и увеличило импорт земледельческих машин, в том числе тракторов. Увеличилось число помещичьих и кулацких хозяйств, применявших машины и наемный труд, в Западной и Южной Анатолии, что привело к некоторому росту посевных площадей и увеличению валового сбора зерновых и технических культур.

Сельское хозяйство продолжало играть решающую роль в экономике страны. Так, в 1938 г. доля сельскохозяйственной продукции в национальном доходе была равна 40%, в то время как доля промышленной продукции — около 13%. В экспорте страны продукция сельского хозяйства составляла 93%. Однако все это свидетельствовало не столько о развитии сельского хозяйства, сколько об отсталости промышленности.

Таким образом, несмотря на заметное развитие промышленности, Турция в целом продолжала оставаться отсталой, аграрной страной, зависимой от импорта иностранных товаров. Значительным был и долг Турции по внешним займам, который в 1939 г. достиг 223,8 млн. лир.

Тем не менее проведение политики этатизма, создание новых и расширение старых отраслей промышленности в значительной степени уменьшили зависимость Турции от внешних рынков и привели к существенным социальным сдвигам, к изменению структуры турецкого общества, к заметному росту рабочего класса. По некоторым данным, к середине 30-х годов численность рабочих достигла более 500 тыс., в том числе около 200 тыс. в промышленности. К тому времени в структуре промышленного пролетариата

произошли значительные количественные и качественные изменения, что нашло отражение в рабочем движении страны.

Несмотря на репрессии, соглашательскую деятельность руководителей «рабочих союзов», на предприятиях, в том числе и на государственных, не прекращались забастовки. В марте 1935 г. на угольных складах в Куручешме (вблизи Стамбула) произошла забастовка грузчиков, которые требовали повышения заработной платы за свой 12-часовой тяжелый труд. Забастовка была подавлена властями, а руководители ее арестованы.

В условиях роста рабочего движения правящие круги были вынуждены идти на некоторые уступки. В тот период власти провели ряд мероприятий, направленных на создание различного рода «рабочих обществ», продолжавших возникать на основе еще младотурецкого «Закона об ассоциациях», положения которого официально не были отменены республиканским правительством. Так, в 1935 г. в Измире была создана единая организация — Общество морских рабочих, которое включало действовавшие до этого общества «охраны труда», «рабочих порта и судов», «рабочих-лодочников», а также «рабочих порта и набережной». Были организованы и другие общества рабочих.

В 1934 г. турецкое правительство подготовило проект «Закона о труде» и передало его на рассмотрение ВНСТ. После двухлетних проволочек в июне 1936 г. меджлис принял «Закон о труде» (№ 3008), который вступил в силу в июне 1937 г. Закон устанавливал восьмичасовой рабочий день, еженедельный выходной день, оплачиваемые очередные отпуска и социальное страхование на случай болезни и утраты трудоспособности. Эти права предоставлялись на основе особых инструкций, которые должны были быть изданы дополнительно. «Закон о труде» в известной мере упорядочил условия труда на ряде крупных государственных и частных предприятий. В этом прежде всего была его важность для турецкого пролетариата. Закон распространялся только на предприятия, в которых было занято не менее 10 человек. Он не распространялся на работников железнодорожного и водного транспорта и сельскохозяйственных рабочих.

Таким образом, огромное число рабочих, занятых на мелких предприятиях, сельскохозяйственный пролетариат, железнодорожники и моряки по-прежнему не имели какого-либо рабочего законодательства. «Закон о труде» запрещал забастовки, карая их участников штрафами или же штрафами и тюремным заключением до двух лет. Он не устанавливал минимума заработной платы, не предоставлял рабочим права на организацию профсоюзных объединений. Более того, уже в сентябре 1937 г. управление труда при министерстве экономики, которое должно было заниматься проблемами, возникавшими между рабочими и предпринимателями, издало циркуляр о сохранении до особого распоряжения прежней, т. е. неограниченной, продолжительности рабочего дня. В 1938 г. было опубликовано новое «дополнение», по которому

издание различных инструкций (а без них не могло применяться социальное обеспечение) было отсрочено на несколько лет.

Несмотря на весьма умеренный характер, «Закон о труде» мог быть использован турецким пролетариатом в дальнейшей борьбе за свои социально-экономические права.

В 1938 г. забастовали табачники, текстильщики, портовые рабочие Стамбула, докеры Измира, горнорабочие Фетхие, шахтеры каменноугольного бассейна Эрегли — Зонгулдак. С начала 1938 г. развернулась широкая кампания за скорейшее введение в действие «Закона о труде». В июле в Стамбуле состоялся 40-тысячный митинг, который потребовал ввести в действие «Закон о труде» 1936 г. Наряду с экономической борьбой турецкий пролетариат в те годы не раз выступал с требованиями и лозунгами политического характера. Особо широкие отклики среди турецких рабочих вызвала гражданская война в Испании. Многие из них выражали желание поехать в Испанию и сражаться на стороне республиканцев против фашистского мятежа Франко. Однако турецкие власти в феврале 1937 г. запретили вербовку добровольцев для республиканской Испании, затем даже арестовали несколько сот человек, которых заподозрили в желании поехать в Испанию.

Против антинародных действий властей борьбу вели турецкие коммунисты. В тяжелых условиях подполья они помогали трудящимся массам организовываться для борьбы с эксплуататорами. Пытаясь подавить любое проявление недовольства, власти организовывали так называемые «коммунистические процессы». Так, в апреле 1935 г. было арестовано около 30 человек, в том числе и известный турецкий писатель Назым Хикмет, по обвинению в коммунистической деятельности. В мае того же года в Измире было приговорено к длительному тюремному заключению 12 человек, обвинявшихся в принадлежности к Коммунистической партии Турции. Многочисленные аресты и суды над лицами, подозревавшимися в принадлежности к КПТ, продолжались и в 1936—1939 гг. Только по процессам 1938—1939 гг. Назым Хикмет был осужден турецкими властями в общей сложности на 35 лет строгого тюремного заключения. Как было отмечено в приговоре, его вина заключалась в том, что он заявил: «Самая большая опасность для национальной независимости турецкого народа — это фашизм, реакция и империализм».

И действительно, Турция накануне второй мировой войны продолжала усиливать свои политические и экономические связи с державами Запада. Значительную активность в Турции стала проявлять фашистская Германия. В апреле 1935 г. было заключено турецко-германское клиринговое соглашение, что привело к быстрому росту торговли между двумя странами. В 1939 г. Германия контролировала больше половины внешнеторгового оборота Турции. Она увеличила вывоз капитала в эту страну. Германия предоставила Турции также крупные займы. В 1938 г. германские займы составляли 87 млн. лир, или 48% всего внешнего долга

Турции. Наряду с этим Германия усилила свое идеологическое проникновение, активизировала расистскую пропаганду в Турции.

Однако, несмотря на все старания, Германии все же не удалось накануне войны втянуть в орбиту своей политики Турцию, где наиболее влиятельные круги в то время ориентировались на Англию, Францию и США. Эти державы усилили свое проникновение в Турцию, стремились подчинить ее политику своим империалистическим целям. В 1938 г. английские капиталовложения в Турции составляли 167,5 млн. долл., а французские — 250 млн. Сравнительно большие размеры англо-французских капиталовложений делали Турцию зависимой от Англии и Франции. Еще в конце 1935 г. Турция заключила так называемое джентльменское Средиземноморское соглашение, по которому обязывалась оказывать возможное содействие Англии в случае ее столкновения с Италией. Англия согласилась поддержать Турцию в деле пересмотра режима проливов.

В апреле 1936 г. западные державы, пойдя на значительные уступки в вопросе об «оттоманском долге», подписали с Турцией соглашение, по которому она получила право производить в валюте лишь половину ежегодных платежей, покрывая другую половину товарами; в дальнейшем уплата товарами была распространена на всю сумму платежей. По предложению турецкого правительства в июне — июле 1936 г. в Монтрё (Швейцария) состоялась конференция о проливах, на которой 20 июля была подписана новая конвенция об их режиме. Она предоставляла Турции право на ремилитаризацию проливов и установила ограничение для прохода военных кораблей (15 тыс. т), а также для пропуска нечерноморских флотов в Черное море (30 тыс. т); черноморские державы получали право проводить через проливы также свои крупные корабли сверх установленного конвенцией лимита; подтверждалась свобода торгового мореплавания через проливы. На случай войны с участием Турции режим проливов устанавливался по ее усмотрению; при нейтралитете Турции проход торговых кораблей свободен, а военные корабли воюющих держав не имели права проходить через проливы, за исключением случаев помощи жертве агрессии в соответствии с договорами о взаимной помощи, заключенными Турцией.

Новый режим проливов, установленный в Монтрё, явился шагом вперед по сравнению с режимом, установленным в 1923 г. Лозаннской конвенцией. Он практически полностью восстановил суверенитет Турции над проливами. Хотя новая конвенция и не обеспечивала полностью законных интересов черноморских держав, Советский Союз, рассматривая ее как определенный удар по агрессивным планам Германии и Италии, руководствуясь интересами добрососедских отношений с Турцией, а также мира на Ближнем Востоке и Балканах, подписал ее *.

* Кроме Советского Союза конвенцию подписали Болгария, Румыния, Турция, Югославия, Греция, Франция, Великобритания и Япония.

В июле 1937 г. в Тегеране Турция подписала Саадабадский пакт — Ближневосточную Антанту (Турция, Иран, Ирак, Афганистан), которая была орудием британской политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Таким образом, накануне второй мировой войны Турция укрепила свои политические и экономические связи с империалистическими державами. Несмотря на это, СССР продолжал твердо проводить в отношении Турции политику добрососедства. В ноябре 1934 г. в Анкаре был подписан протокол относительно реализации кредита на сумму 8 млн. долл., предоставленных СССР Турции на весьма льготных условиях: он был беспроцентным и погашение его предусматривалось поставками турецких товаров в СССР. В ноябре 1935 г. в Анкаре был подписан Протокол о продлении на 10 лет срока действия «Договора о дружбе и нейтралитете» 1925 г. совместно со всеми дополнениями к нему. Однако со второй половины 30-х годов со стороны турецких правящих кругов отчетливо стала обозначаться линия постепенного отхода от укрепления тесных уз дружбы с Советским Союзом и явное тяготение к державам Запада. Эта тенденция усилилась после Монтрё и особенно после смерти первого президента Турецкой Республики — Кемаля Ататюрка.

В целях предотвращения гитлеровской агрессии на Средний Восток Советское правительство весной 1939 г. направило в Анкару заместителя народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкина с предложением заключить советско-турецкий пакт о взаимной помощи в рамках общего фронта против фашистской агрессии. Однако турецкие правящие круги, следуя англо-франко-американской политике саботажа соглашений с СССР, не дали тогда определенного ответа на советские предложения. На деле турецкие руководители, отражая интересы реакционных сил, тесно связали свою судьбу с империалистической политикой западных держав. 12 мая 1939 г. Турция подписала с Англией предварительное соглашение о взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря. Спустя полтора месяца она заключила аналогичное соглашение с Францией, которая передала Турции Александреттский санджак (Хатай), оставленный по соглашению 1921 г. в составе Сирии.

К началу второй мировой войны, возникшей в результате кризиса капиталистической системы, в правящих кругах Турции еще не закончилась борьба по вопросу окончательного выбора внешнеполитической ориентации. Турции отводилось важное место в планах как англо-французского блока, так и гитлеровской Германии. Обе империалистические коалиции придавали огромное значение стратегическому положению Турции и ее географической близости к Советскому Союзу. Правящие круги Турции балансировали между обеими воюющими группировками, склоняясь на первых порах в сторону англо-французского блока.

Англо-французский блок, стремившийся направить гитлеров-

скую агрессию против СССР, попытался столкнуть Советский Союз и фашистскую Германию через Турцию. В конце сентября 1939 г. в Москву для ведения переговоров прибыл министр иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу. Во время переговоров в Москве, которые продолжались с 27 сентября по 17 октября 1939 г., турецкий министр предложил заключить пакт о взаимопомощи применительно к району проливов и Балкан. Однако вскоре выяснилось, что одновременно переговоры о заключении пакта о взаимопомощи турецкое правительство вело с Англией и Францией. Это означало, что если бы Советский Союз заключил тогда с Турцией предложенный ею пакт, то он легко мог бы оказаться втянутым в войну с Германией, не имея никаких обязательств со стороны Англии и Франции о помощи Советскому Союзу при наличии с их стороны крайней враждебности по отношению к СССР. Поэтому Советское правительство отвергло предложение Ш. Сараджоглу и предложило Турции подтвердить «Договор о дружбе и нейтралитете» 1925 г. Ш. Сараджоглу отказался принять это предложение. Как показали дальнейшие события, турецкие правящие круги были заинтересованы не в улучшении отношений с СССР, а в сближении с Англией и Францией, правительства которых проводили враждебную Советскому Союзу политику.

19 октября 1939 г. в Анкаре Турция подписала договор о взаимопомощи с Англией и Францией, по которому она обязалась в случае акта агрессии, совершенного европейской державой в зоне Средиземного моря, эффективно сотрудничать с Англией и Францией. Тем самым Турция примкнула к англо-французскому блоку, находившемуся в состоянии пассивной войны с фашистской Германией, которая к весне 1941 г. оккупировала почти всю Западную Европу и поставила под свой контроль страны Юго-Восточной Европы.

Вместе с тем 18 июня 1941 г. Турция подписала на 10-летний срок пакт «о дружбе и ненападении» с фашистской Германией. Подписание этого договора свидетельствовало об изменении Турцией своей политической ориентации. Турция не поставила Советский Союз в известность о германо-турецких переговорах, нарушив тем самым свои договорные обязательства (протокол 1929 г.).

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, обезопасив себя с юга и нарушив свои обязательства, вероломно напала на Советский Союз. 25 июня того же года турецкое правительство объявило о своем нейтралитете. Но этот «нейтралитет» не помешал Турции проводить прогерманскую политику в течение почти всей второй мировой войны.

Реакционный внешнеполитический курс турецких правящих кругов был отражением антинародной внутренней политики, которая содействовала, с одной стороны, обогащению эксплуататорских классов, с другой — обнищанию трудящихся масс Турции.

18 января 1940 г. ВНСТ приняло «Закон о национальной защите». Закон являлся как бы программой действий правительства

на все время войны. Он предусматривал принятие правительством мер по контролю и урегулированию в различных областях хозяйственной и политической жизни страны в условиях военного времени. На основе этого закона правительство ввело трудовую повинность, увеличило продолжительность рабочего дня на предприятиях, разрешило применять детский труд в шахтах и в ночные смены на заводах. Некоторые предприятия работали в три смены. Хотя Турция не участвовала в войне, она содержала огромную армию. В 1939 г. под ружьем находилось 207 тыс. человек, в начале 1940 г. общая численность турецкой армии составила 700 тыс., к 1942 г. — 1 млн. человек. Таким образом, она увеличилась по сравнению с довоенным временем почти в 5 раз.

В течение всей войны турецкая армия находилась в состоянии мобилизационной готовности. Политика милитаризации страны нашла свое отражение прежде всего в разбухании военных расходов. По официальным данным, в 1938/39 финансовом году прямые военные ассигнования составляли 94,4 млн. лир (30% расходной части бюджета), в 1939/40 г. — 169,9 млн., а в 1944/45 г. — 554,2 млн. лир, или более половины всех ассигнований. Таким образом, прямые военные расходы к концу войны по сравнению с довоенным периодом выросли более чем в 5 раз. Общие расходы Турции в период войны, включая военную помощь со стороны Англии, Франции, Германии и США, составили 4 млрд. лир.

Для обслуживания армии были подключены практически все отрасли экономики. Это привело к еще большему расстройству хозяйственной жизни страны. Мобилизация значительной части самодеятельного крестьянского населения, а также другие факторы резко отрицательно сказались и на положении сельского хозяйства. Вследствие сокращения посевных площадей и снижения урожайности наполовину уменьшился валовой сбор зерновых, что вызвало острую нехватку продовольствия. К концу 1942 г., по официальным данным, дефицит зерна составил 250 тыс. т при потребности 500 тыс. т.

В результате неудержимо росли рыночные цены на хлеб. В этих условиях в конце 1941 — начале 1942 г. турецкие власти были вынуждены ввести карточную систему в Стамбуле и Анкаре, а затем и в других городах. Нехватка продуктов питания и товаров широкого потребления содействовала росту спекуляции. Резко поднялись цены на товары первой необходимости. Этому во многом способствовало увеличение денежной массы в обращении. Если в первые семь лет (после создания Центрального банка) количество эмиссий колебалось ежегодно в пределах 150—200 млн. лир, то в 1939 г. оно составило 396 млн., в 1940 г. — 417 млн., в 1941 г. — 521 млн. и в 1942 г. — 767 млн. лир, т. е. возросло примерно в 4 раза.

Для удовлетворения растущих расходов на армию в условиях резкого повышения цен, роста инфляции турецкое правительство прибегло к увеличению налогов с населения. В ноябре 1942 г. ВНСТ

приняло чрезвычайный «Закон о налоге на состояние» (№ 4305). Выполнение этого закона привело к массовой экспроприации собственности национальных меньшинств, а также к жестоким репрессиям против них. Налог на состояние, по официальным данным, позволил приостановить дополнительную эмиссию денег, дал возможность Центральному банку закупить 35 т золота, а правительству — собрать 320 млн. лир, т. е. треть государственного бюджета на 1942 г.

В 1942 г. правительство реквизировало хлебные запасы крестьян и ввело обязательные поставки хлеба государству (20—50% урожая) по низким закупочным ценам. Все эти меры вели к обнищанию трудовых масс, к резкому недовольству в стране.

В период войны НРП уделяла особое внимание работе так называемых народных домов и комнат, а также расширению их сети для усиления своего идеологического и политического влияния на народные массы, для обработки их в духе буржуазного национализма, пантюркизма. Если в 1939 г. в стране имелось 373 «народных дома», то в 1944 г. — 406. В 1940 г. была открыта еще 141 «народная комната», число которых достигло 365. Хотя в Турции практически отсутствовала легально хорошо организованная демократическая печать, турецкие власти решили сузить также ее деятельность. В конце апреля 1940 г. ВНСТ приняло закон (№ 3812) об изменении некоторых статей «Закона о печати», согласно которому власти получили право на запрещение газет, осмелившихся критиковать политику правительства. В мае того же года была создана Генеральная дирекция печати, призванная усилить контроль над деятельностью печати. В декабре 1943 г. партийная группа НРП в меджлисе организовала специальную комиссию, которая должна была представлять правительству доклады по вопросам печати, поддерживать непосредственные контакты с владельцами и редакторами газет и давать им соответствующие рекомендации по различным вопросам.

В ноябре 1940 г. турецкое правительство ввело чрезвычайное положение в вилайетах Стамбул, Эдирне, Кыркларели, Текирдаг, Чанаккале и Коджаэли, которое сохранялось в течение всей войны, что давало властям практически неограниченные права для подавления любого недовольства, недопущения критики правительства. В эти годы были приняты новые дополнения к законам, ограничившие неприкосновенность личности. Так, закон о полицейской службе давал право полиции производить аресты по своему усмотрению и, не представляя арестованному никакого обвинения, держать его в предварительном заключении неограниченное время. Многие полицейские чиновники проходили стажировку в фашистской Германии. Оттуда они принесли в Турцию методы работы в гестапо.

Турецкие власти предприняли ряд мер репрессивного характера, направленных на дальнейшее усиление позиций реакции. Они осуществляли многочисленные аресты лиц по обвинению в комму-

низме, организовывали судебные процессы. В 1940 г. в Измире были арестованы учащиеся лицея «за организацию коммунистической ячейки». В 1941—1942 гг. по обвинению в коммунистической пропаганде было арестовано много патриотов в Зонгулдаке и других городах страны. Аресты патриотов и прогрессивных деятелей продолжались и в последующие годы.

В начале 40-х годов произошли изменения в турецком правительстве, что свидетельствовало об усилении реакции в стране. Так, в августе 1942 г. правительство впервые возглавил Ш. Сараджоглу, заменив ушедшего в отставку Рефика Сайдама. В программе своего правительства, зачитанной в меджлисе 5 августа 1942 г., он заявил, что Турция будет продолжать политику дружбы как с Англией, так и с Германией. Особое внимание он уделил пантюркистской пропаганде. «Сотоварищи, мы, — говорил Ш. Сараджоглу, — турки, туркисты и всегда будем туркистами. Для нас вопрос туркизма не только вопрос крови, но и вопрос совести и культуры».

Накануне выборов в меджлис правительство Ш. Сараджоглу в пропагандистских целях подняло на щит такой злободневный вопрос, как проблема улучшения состояния просвещения в стране. В январе 1943 г. министр национального просвещения Х. А. Юджель заявил, что в Турции не останется деревни, «не имеющей школ, и что программа обязательного обучения в кратчайший срок во всей стране будет осуществлена на все 100%». Однако, несмотря на это заявление, к концу войны 82% населения Турции оставалось неграмотным.

В конце февраля 1943 г. состоялись выборы ВНСТ седьмого созыва. Они проходили по двухстепенной системе, что давало властям возможность протащить в меджлис своих ставленников. В новый меджлис вошли юристы, отставные военные, землевладельцы, торговцы, финансисты, различные чиновники, т. е. представители эксплуататорских классов. Ни один рабочий и крестьянин не стал депутатом.

Президентом Турецкой Республики вновь был избран Исмет Инёню. Премьер-министром опять стал Шюкрю Сараджоглу. В программном заявлении он отметил, что будет продолжать политику прежнего своего правительства. Это означало, что турецкие власти по-прежнему намерены проводить политику обогащения господствующих классов, обнищания трудящихся масс, подавления демократических сил в стране.

В 1943 г. власти арестовали преподавателей сельского института в Хамидие по обвинению в коммунистической пропаганде. В начале 1944 г. турецкая реакция организовала в Анкаре грандиозное сборище по образцу немецких фашистов. На главной площади столицы турецкие черносотенцы-факельщики при активном содействии полиции сжигали на кострах произведения прогрессивных и демократических писателей и поэтов. Одновременно из библиотек и книжных магазинов были изъяты произведения рус-

ских классиков — Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского, Тургенева, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова и др.

В 1944 г. были арестованы З. Баштымар, Р. Ф. Баранер, С. Акарышык, Т. Дильмен и другие, обвиненные в принадлежности к подпольной компартии. В том же году в Стамбуле были арестованы М. Белли, М. Аркави, Ф. Гёксой, Д. Баштымар и другие, которых власти обвинили в принадлежности к подпольному «Союзу прогрессивной молодежи». Суд приговорил их к различным срокам тюремного заключения. В 1944 г. власти арестовали 31 человека в Акхисаре по обвинению в организации коммунистической ячейки. В том же году были арестованы курсанты школ офицеров запаса в Анкаре. К процессу в военном трибунале Анкары привлекались 64 человека. Суд продолжался более года. В августе 1945 г. подсудимые были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Необходимо отметить, что все судебные процессы проходили при закрытых дверях, без права на защиту и апелляцию.

Реакционная политика правящих кругов Турции встречала отпор со стороны прогрессивных сил страны, которые, несмотря на усиление репрессий, не прекращали своей деятельности, направленной против политики внутренней реакции. Коммунистическая партия, находившаяся в подполье, и прогрессивная интеллигенция вели борьбу против пропаганды национализма, шовинизма и пантюркизма, против засилья немецко-фашистской агентуры и идеологического проникновения фашистской Германии, против антисоветской внешней политики турецкой реакции, за соблюдение подлинного нейтралитета страны. В своих бюллетенях, издававшихся в глубоком подполье, КПТ требовала ввести одностепенные выборы, обеспечить демократические права и свободы, осуществить мероприятия, направленные на оздоровление экономики, финансов и повышение жизненного уровня трудящихся масс.

В 1944 г. в Стамбуле вышла в свет книга видной представительницы турецкой демократической интеллигенции Суат Дервиш «Почему я друг Советского Союза?». В этой книге она описывала свое путешествие в СССР, предпринятое накануне войны, излагала помощь Советской России в становлении новой Турции, а также успехи Советского Союза в области экономики, культуры и народного образования. Суат Дервиш открыто выразила свое восхищение героизмом советских людей на фронтах войны против немецко-фашистских захватчиков, а также выступила за дружбу между советским и турецким народами. Содержание книги не отвечало интересам турецкой реакции, и поэтому она была изъята из продажи, а автор ее арестована.

В годы войны турецкие правящие круги проводили недружественную политику в отношении Советского Союза. Они неоднократно нарушали конвенцию о проливах, подписанную в 1936 г. в Монтрё. Советское правительство сделало правительству Турции демарш по поводу прохода через проливы германских и итальян-

ских военных кораблей и вспомогательных судов, но турецкие власти продолжали содействовать фашистской Германии.

Турецкий автор А. Айдемир писал: «...чтобы посетить гитлеровский генштаб, побывать на оккупированных немцами восточных территориях, из Турции выезжали журналисты, писатели, даже политические деятели». Осенью 1941 г. турецкое правительство направило на советско-германский фронт делегацию во главе с начальником военной академии армейским генералом Али Фуадом Эрденом, которая, согласно официальной версии, «должна была облегчить участь военнопленных из среды тюркоязычных народов». В действительности турецкие власти намеревались «из первых рук» получить необходимую информацию для использования ее в антисоветских целях. Восторженные рассказы турецких офицеров о временных успехах фашистских войск на Восточном фронте служили пищей для антисоветской пропаганды на страницах реакционной печати. Самые враждебные измышления о Советском Союзе распространяли пантюркисты и белоэмигранты, открыто требовавшие быстрейшего вступления Турции в войну на стороне Германии. В исполнение этой цели турецкое командование продвинуло к советско-турецкой границе большое количество войск, которые в середине 1942 г. составили 26 дивизий. Победы, одерживаемые Красной Армией над гитлеровскими захватчиками, не позволили осуществиться планам турецкой реакции, желавшей втянуть Турцию в войну против Советского Союза.

Большое значение придавали Турции в своих экспансионистских планах правящие круги Англии и США. В конце 1943 г. в Каире состоялось свидание Рузвельта и Черчилля с Исметом Инёню, на котором обсуждался вопрос об участии Турции в войне на Балканах. По англо-американскому замыслу турецкие войска должны были вступить на Балканы, чтобы содействовать сохранению там реакционных режимов и разгрому народно-освободительного движения. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Осенью 1944 г. народы балканских государств были освобождены Красной Армией от гитлеровской тирании. Американо-английские войска сумели сохранить тогда режим реакции только в Греции.

Убедившись в неизбежности поражения фашистской Германии и желая ослабить недовольство широкой общественности, турецкое правительство 2 августа 1944 г. разорвало дипломатические отношения с Германией. С целью вывести Турцию из внешнеполитической изоляции и сделать ее членом Организации Объединенных Наций США и Англия рекомендовали ей вступить в войну против Германии. 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и Японии, однако этот запоздалый акт турецкого правительства не имел никакого значения для исхода войны.

24 февраля Турция объявила о своем присоединении к Объединенным Нациям и 5 марта 1945 г. получила приглашение участвовать в конференции Объединенных Наций.

Поскольку сотрудничество Турции с фашистской Германией в годы войны нанесло ущерб как безопасности СССР, так и советско-турецким отношениям, Советское правительство сделало соответствующие выводы и 19 марта 1945 г. решило денонсировать «Договор о дружбе и нейтралитете» 1925 г., так как этот договор в результате изменений, происшедших особенно в период войны, уже не отвечал новой обстановке. Оно предложило Турции заключить новый договор, но по вине турецкого правительства он не был заключен.

Глава XIII

ТУРЦИЯ В 1945—1960 гг.

После второй мировой войны произошли коренные изменения во всей международной обстановке. Укрепилась мировая социалистическая система, нарастали классовые битвы в капиталистическом мире, усилился распад колониальной системы империализма.

Под влиянием победы советского народа над фашизмом и новых демократических преобразований на Балканах и в странах Восточной Европы политическая борьба в Турции еще более обострилась. Начался новый подъем демократического движения, в котором принимали участие рабочие, крестьяне, ремесленники и прогрессивная часть интеллигенции, молодежи. Прогрессивные патриотические круги требовали отмены антинародных законов, осуществления демократизации политической жизни в стране, принятия мер против фашистской реакции, изменения внешней политики. Чтобы заглушить недовольство широких слоев населения, турецкие правящие круги были вынуждены сделать ряд уступок, которые, однако, радикально не касались коренных социально-экономических и политических проблем Турции.

11 июня 1945 г. ВНСТ приняло закон о наделении крестьян землей («Закон о земельной реформе»), по которому крестьянам предоставлялось право выкупать земли из государственных фондов и у помещиков с рассрочкой платежей на 20 лет. Были сделаны некоторые уступки и рабочему классу. Так, в 1946 г. были приняты законы о социальном страховании рабочих *, о создании биржи труда, о создании союза ремесленных обществ, об учреждении министерства труда, которое должно было заниматься вопросами урегулирования отношений между предпринимателями и рабочими. Наконец, в феврале 1947 г. ВНСТ приняло «Закон о профсоюзах», который действовал до июля 1963 г.

Прогрессивные круги начали издавать демократические газеты и журналы («Гюн», «Ени дюнья», «Гёрюшлер», «Мерхум-паша»).

---

* В июне 1949 г. был принят «Закон о социальном страховании по старости».

Для прекращения выпуска демократических изданий власти в начале декабря 1945 г. организовали демонстрации реакционной части студенческой молодежи, которая разгромила помещения редакций демократической печати, сломала типографские машины, избила прогрессивных журналистов. Демонстранты разгромили также книжные магазины, где продавалась советская литература. Однако в 1946 г. вновь появились демократические газеты и журналы («Сес», «Норлу»).

Резкой критике подвергалась однопартийная система в стране. Вместе с тем стали усиливаться разногласия в самой НРП, которые явились отражением массового недовольства трудящихся реакционной, антинародной политикой правящих кругов, а также сдвигов, происшедших в экономической и социально-политической жизни страны в предыдущие годы. В этих условиях правительство было вынуждено разрешить создание политических партий. 1 ноября 1945 г., открывая заседание ВНСТ, Исмет Инёню заявил: «Наш единственный недостаток — отсутствие (оппозиционной) партии перед правительственной партией», т. е. НРП. Однако еще раньше, 18 июля 1945 г., возникла Партия национального подъема (ПНП). Генеральным председателем ПНП стал предприниматель Нури Демираг. Эта партия отражала интересы разбогатевшей национальной буржуазии, мусульманско-националистических элементов. По словам Нури Демирага, партия имела целью «устранить тысячи различных страданий, несчастий и злоупотреблений, которым подвергался народ в результате проведения политики этатизма». Таким образом, ПНП выступала против одного из шести принципов НРП, сыгравшего важную роль в развитии турецкой промышленности, в борьбе за укрепление экономической независимости Турции.

В стране в тот период возникли другие буржуазно-помещичьи, религиозные и националистические партии. В марте 1946 г. была создана Либеральная демократическая партия (ЛДП), в апреле — Партия фермеров и крестьян, в июне — Партия только для родины, Рабоче-крестьянская партия Эргенекона, Религиозная партия очищения и защиты, в июле — Партия защиты ислама, в августе — Патриотическая партия, в июле 1947 г. — Исламская турецкая консервативная партия, в июле 1948 г. — Партия возвышения Турции, в августе 1948 г. — Партия самих демократов, Свободно-демократическая партия и т. д. Возникли и левые партии. В феврале 1946 г. — Партия социальной справедливости, в апреле — Турецкая социал-демократическая партия, в мае — Социалистическая и рабочая партия Турции, Социалистическая партия Турции, в июне — Турецкая рабоче-крестьянская партия, Турецкая социалистическая рабоче-крестьянская партия.

В январе 1946 г. исключенные члены НРП основали Демократическую партию (ДП) во главе с Джелялем Баяром. Эта партия вскоре заняла видное место в политической жизни страны. В руководство вошли разбогатевшие дельцы из числа банкиров, круп-

ных торговцев, промышленников и крупных помещиков. В своей программе ДП демагогически требовала обеспечения демократических свобод, создания партий и профсоюзов для рабочих, промышленников и сельских хозяев. Она считала необходимым предоставить широкую свободу действий частному капиталу, а также не препятствовать проникновению в страну иностранного капитала. В целом ДП защищала интересы крупной буржуазии и помещиков.

В условиях послевоенного оживления политической жизни, возникновения и активизации деятельности новых политических партий в июле 1946 г. состоялись выборы в ВНСТ, которые впервые в истории Турции были одностепенными. Отличительной чертой этих выборов было и то, что впервые в них приняла участие оппозиционная партия. В результате выборов НРП получила 396 мест, ДП — 61, «независимые» — 7 мест. Показательным было то, что в Стамбуле ДП одержала победу, получив 18 мест (НРП — 5 мест). ДП стала серьезной соперницей НРП в борьбе за власть.

В начале августа 1946 г. открылась первая сессия ВНСТ нового созыва. Президентом республики вновь был избран Исмет Инёню, председателем меджлиса — Кязым Карабекир, премьер-министром был назначен Реджеб Пекер. С первых же дней усилия нового правительства были направлены на укрепление в стране военно-полицейского режима и разгром демократического движения.

В декабре 1946 г. ВНСТ продлило еще на шесть месяцев чрезвычайное положение в вилайетах Стамбул, Эдирне, Кыркларели, Текирдаг, Чанаккале и Коджаэли*. 16 декабря 1946 г. военные власти этих вилайетов запретили деятельность Турецкой социалистической рабоче-крестьянской партии и Социалистической партии Турции, революционных профсоюзов, закрыли демократические газеты и произвели массовые аресты среди борцов за свободу и демократию. Арестованные демократы были преданы суду военного трибунала по обвинению в «распространении коммунизма».

В начале 1947 г. правительство внесло на утверждение меджлиса бюджет, сохранивший огромные военные ассигнования и увеличивший расходы на органы охраны и жандармерию. Премьер-министр Реджеб Пекер откровенно пояснил, что усиление военного и полицейского аппарата рассчитано на «беспощадное подавление беспорядков, способных возникнуть в результате всякого рода политических влияний».

В области внешней политики турецкое правительство ориентировалось на западные державы. Первые послевоенные годы были отмечены стремлением правящих кругов Турции всемерно расширять всевозможные связи — экономические, политические, дипломатические, военные — с империалистическим лагерем, в то время развязавшим «холодную войну» против Советского Союза и других

---

* В конце мая 1947 г. меджлис продлил чрезвычайное положение в этих вилайетах еще на шесть месяцев.

социалистических стран. В мае 1947 г. президент Турции Исмет Инёню направил обращение к американской нации, в котором приветствовал помощь, объявленную США в «доктрине Трумэна». «Доктрина Трумэна» предусматривала создание американских военных баз в восточной части Средиземного моря и была направлена против стран социалистического содружества, а также национально-освободительных движений на Ближнем Востоке. 12 июля 1947 г. было подписано американо-турецкое соглашение о предоставлении Турции военной помощи в соответствии с «доктриной Трумэна». По этому соглашению Турция получала 100 млн. долл. на военные мероприятия и поставки американского вооружения. Турцию стали наводнять многочисленные американские миссии, изучавшие военно-стратегическое положение страны. В Стамбуле и Анкаре были созданы американские информационные центры, снабжавшие турецкие газеты, журналы и радио пропагандистскими материалами, направленными на разжигание «холодной войны».

Антинародная внутренняя и антинациональная внешняя политика правительства вызывала резкое недовольство в стране. В августе 1947 г. состоялось бурное заседание парламентской фракции НРП, на котором депутаты критиковали деятельность правительства Р. Пекера. И хотя большинство депутатов поддержало Р. Пекера, уже 9 сентября он вынужден был уйти в отставку. Новое правительство сформировал Хасан Сака. Турецкая пресса и некоторые политические деятели пытались изобразить смену правительства как какой-то шаг в сторону демократии. Так, в частности, высказывался министр иностранных дел нового кабинета Неджметдин Садак. Однако это были только слова, поскольку в политике турецких властей практически ничего не изменилось. Более того, под видом борьбы с подрывными элементами турецкие правящие круги стали подавлять всякое проявление прогрессивных настроений. Стремясь подавить недовольство народа, правительство Хасана Сака создало комиссию по «борьбе с коммунизмом», которая бросила в тюрьмы сотни прогрессивных людей.

В июле 1948 г. правительство Хасана Сака подписало с США соглашение о предоставлении Турции экономической помощи в рамках «плана Маршалла», что содействовало экономическому закабалению страны. Империалисты США под предлогом военной и экономической помощи фактически стремились подчинить себе Турцию, пытались превратить ее в полуколонию и военную базу с целью расширить свою экспансию на Ближнем и Среднем Востоке, а также в плацдарм против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

В соответствии с заключенными соглашениями в Турцию широким потоком хлынула американская военная помощь, американское оборудование, потребительские товары. Началось ускоренное военное строительство стратегических путей, портов, аэродромов, военных баз, промышленных сооружений, жилищ для американ-

ских военных. В свою очередь, турецкие правящие круги предпринимали меры в интересах еще большего расположения к себе американских империалистов, а также усиления реакции в стране.

Проведение правительством НРП проимпериалистического внешнеполитического курса, ориентированного главным образом на США, отражало характер внутренней политики правящих кругов Турции, пронизанной духом «холодной войны» и направленной на упрочение позиций господствующих классов, усиление эксплуатации трудящихся масс и ограничение демократических свобод. Под прикрытием «борьбы с коммунизмом» турецкие власти развернули в стране широкую кампанию репрессий и террора против участников демократического движения.

В конце 1947 г. была поднята антикоммунистическая, антисоветская кампания в связи с отменой чрезвычайного положения в шести западных вилайетах, существовавшего с 1940 г. Характерной чертой этой реакционной кампании было то, что она поддерживалась турецкими правительственными кругами. Так, премьер-министр Хасан Сака специально отправил телеграмму Обществу турецких журналистов в Стамбуле, в которой выразил свое удовлетворение безудержной антисоветской, антикоммунистической кампанией, поднятой реакционными стамбульскими газетами.

Главной целью антисоветской пропаганды печати и радио, грубых инсценировок «коммунистических заговоров», разжигания националистических идей среди молодежи являлась попытка ослабить волну недовольства населения, вызванную американским проникновением, а также стремление отвлечь трудящиеся массы от борьбы за человеческие условия жизни.

Однако в Турции все больше стали сознавать, что многие трудности вызваны проамериканской политикой правительства, которое вопреки национальным интересам продолжает выделять значительные средства на милитаризацию страны. Турецкая общественность начала проявлять тревогу по поводу американского хозяйничанья в стране. В тех кругах турецкого общества, где еще были живы традиции национально-освободительного движения и борьбы за экономическую и политическую независимость, все усиливавшееся влияние американского империализма рассматривалось как серьезная угроза национальным интересам турецкого народа. Свою тревогу подчинением страны американскому империализму выражали турецкие патриоты в журналах «Зинджирли хюрриет», «Сон саат», «Мерхум-паша» и др.

Непримиримую борьбу против реакционного режима вела в трудных условиях подполья Компартия Турции. Она требовала аннулирования всех кабальных соглашений с США, освобождения государственного аппарата и армии от американских «специалистов» и «советников», восстановления дружественных отношений с Советским Союзом, отмены всех антидемократических законов, признания за рабочими и крестьянами права на создание легальных политических организаций.

Более активно за свои права стал выступать турецкий пролетариат. Несмотря на режим террора, рабочее движение в Турции с 1948 г. стало расти и расширяться. Только за три месяца 1948 г. в наиболее важных промышленных центрах страны было зарегистрировано свыше 5 тыс. конфликтов между рабочими и предпринимателями. Рабочие в Стамбуле, Измире, Бурсе, Адане, Зонгулдаке и других городах выступали за установление восьмичасового рабочего дня, введение социального страхования, повышение заработной платы, ликвидацию штрафов и право на свободное объединение в профсоюзы. В начале мая 1949 г. в Стамбуле состоялся 10-тысячный митинг протеста против дороговизны жизни. Участники митинга несли плакаты, на которых было написано: «Власти, откройте глаза и посмотрите на голодную нацию, которая вас кормит». В 1949 г. митинги протеста против повышения стоимости жизни и против роста безработицы прошли и в ряде других городов. В Эрегли и Карабюке распространялись листовки, направленные против закабаления Турции Соединенными Штатами, против дороговизны, нищеты и эксплуатации. В том же году 10 тыс. шахтеров Зонгулдакского угольного бассейна подписали требование о повышении заработной платы.

В борьбу за свои права, землю и хлеб постепенно втягивались и крестьянские массы страны. Все чаще происходили захваты помещичьих земель, возникло сопротивление поборам и риквизициям, вооруженное сопротивление властям. По официальным данным, только за первую половину 1949 г. в 22 вилайетах страны было зарегистрировано 323 случая захвата помещичьих земель, угона скота и др. Зачастую столкновения между крестьянами и жандармерией принимали «характер настоящих боев». Так, в вилайетах Адана, Конья, Денизли в столкновениях с жандармерией принимали участие сотни крестьян, в результате чего были десятки убитых и раненых. В 1949 г. не прекращались столкновения между крестьянами и жандармами в вилайетах Балыкесир, Самсун и Сивас.

В связи с резким недовольством различных социальных слоев политикой правительства, а также выявлением целого ряда злоупотреблений, совершенных министрами, в июле 1948 г. кабинет Хасана Сака был вынужден подать в отставку. Новый кабинет, сформированный им же, смог продержаться лишь до 14 января 1949 г., 16 января было создано правительство во главе с Шемсетдином Гюналтаем. Это была последняя попытка НРП удержать власть в своих руках.

В условиях ожесточенной политической борьбы в стране 14 мая 1950 г. состоялись парламентские выборы. В результате ДП получила в меджлисе 396 мест, НРП — 68, Национальная партия — одно, «независимые» — семь. Таким образом, НРП потерпела крупное поражение. Кончилось ее единоличное властвование, продолжавшееся 27 лет. Впервые в истории Турции смена власти одной буржуазной партии другой была осуществлена в результате

выборов. К власти пришла Демократическая партия, которая посредством широкой социальной демагогии сумела получить голоса большинства избирателей. Новый меджлис избрал президентом республики Джелаля Баяра, премьер-министром стал крупный помещик Аднан Мендерес. В состав правительства вошли наиболее видные члены ДП, придерживавшиеся крайне правых взглядов. Программа правительства, одобренная ВНСТ 29 мая 1950 г., предусматривала создание благоприятных условий для деятельности частного капитала, широкое использование иностранного капитала, ограничение политики этатизма. Основным направлением внутренней политики правительства ДП стали антикоммунизм, усиление национализма и возрождение религиозного фанатизма. Широко используя религию в целях укрепления своей власти, ДП получила поддержку со стороны духовенства и отсталых верующих масс.

После прихода к власти руководство ДП неоднократно заявляло о намерении ограничить государственный капитализм, об ориентации на «постепенную передачу частному предпринимательству ряда государственных предприятий». Однако ни одно государственное предприятие не было денационализировано. Наоборот, в 50-е годы были созданы новые государственные экономические организации (ГЭО) — в форме акционерных компаний. Дело в том, что правительство ДП вскоре поняло, что частный сектор может расширять свои возможности в результате сотрудничества с государственными предприятиями в смешанных компаниях. И действительно, в 50-е годы ДП осуществила целую серию мер по активному участию капитала ГЭО в создаваемых смешанных компаниях, в которых был представлен крупный частный капитал. Именно в 50-е годы широко развернулась деятельность смешанных и частных промышленных фирм в ряде отраслей турецкой промышленности.

Политика поощрения частной инициативы привела к некоторому росту промышленности. Среднегодовой прирост продукции промышленности в 1950—1960 гг. составлял 8%. Возросло производство электроэнергии, хлопчатобумажных тканей, сахара, добыча угля. Для кредитования частного сектора по инициативе западных монополий был создан Банк промышленного развития. Иностранный капитал получил большие льготы для участия в строительстве заводов и фабрик. В начале 50-х годов в Турции были приняты законы о поощрении иностранного капитала и о нефти, что свидетельствовало о новом этапе в истории ввоза иностранного капитала в Турцию. По-прежнему займы и кредиты от стран Запада, и прежде всего США (ежегодно 200—300 млн. долл.), как правило, поступали по государственной линии. Однако все в больших масштабах кредиты и помощь, получаемые на государственном уровне, попадали в руки крупного частного капитала.

Аграрная политика правительства А. Мендереса была направлена на превращение крупных помещичьих и кулацких владений в

капиталистические хозяйства. Резко увеличился парк тракторов, комбайнов и других земледельческих машин. В результате применения машин значительно расширилась посевная площадь и увеличился сбор зерновых. Однако производившаяся продукция сельского хозяйства не покрывала растущие потребности Турции, поэтому уже во второй половине 50-х годов правительство ДП почти каждый год прибегало к импорту зерна.

Вместе с тем большие затраты на милитаризацию страны тяжелым бременем ложились на плечи турецких налогоплательщиков. В период правления ДП среднегодовой рост налогов составил около 26%. Хронический дефицит бюджета вызвал увеличение государственного долга. К 1960 г. внешний долг страны достиг 12 млрд. лир, а внутренний — 7 млрд. В условиях постоянного роста государственного долга турецкое правительство было вынуждено просить новые займы для уплаты основных сумм и процентов по долгам.

Начало правления ДП характеризовалось обострением классовой борьбы, выступлением прогрессивных сил против внутренней и внешней реакции. В июле 1950 г. в Стамбуле было создано Общество сторонников мира, куда вошли представители турецкой интеллигенции. Оно опубликовало обращение, в котором заявило, что, выражая стремление турецкого народа к миру, будет «проводить в рамках закона соответствующую деятельность во имя установления длительного и прочного мира». Важной победой прогрессивных сил Турции и мировой демократической общественности в тот период явилось то, что турецкое правительство было вынуждено освободить из тюрьмы поэта-демократа, активного борца за мир Назыма Хикмета.

Вместе с тем для подавления недовольства широких масс населения, борьбы сторонников мира правительство А. Мендереса усилило репрессивные меры. Оно закрыло Общество сторонников мира. Руководители общества, в том числе Бехидже Боран, были обвинены в распространении коммунизма и брошены в тюрьму, а издание газеты «Барыш» («Мир») было запрещено.

Турецкие власти поощряли деятельность реакционных сил в стране. Одной из форм их идеологической борьбы было насаждение религиозного фанатизма с целью одурманить трудящиеся массы, облегчить их эксплуатацию, задержать рост классового самосознания. В июне 1950 г. ВНСТ приняло закон о чтении Корана на арабском языке. Затем власти разрешили чтение Корана по радио. Преподавание религии в начальных и средних школах стало обязательным; были восстановлены школы по подготовке имамов и мулл, открылся факультет богословия при Анкарском университете. Повсюду в стране на государственные средства началось строительство новых мечетей и ремонт старых. Политика уступок духовенству соответствовала устремлениям турецкой реакции, видевшей в насаждении религиозного фанатизма средство отвлечения трудящихся от борьбы за свои социальные права.

Демократическая партия усиленно насаждала национализм, особенно в школах и высших учебных заведениях, культивировала вражду между представителями различных народов в стране. В апреле 1951 г. возникло Общество националистов, которое в феврале 1953 г. было переименовано во Фронт националистической солидарности. Общество имело целью борьбу против коммунизма и всех «крайних левых организаций, ставивших под угрозу государственный и общественный строй». Правительство ДП подавляло не только прогрессивное движение, но и, вопреки обещаниям, всякую оппозиционную деятельность в Турции. Пользуясь большинством в ВНСТ, ДП провела ряд законов с целью подавления оппозиции НРП — наиболее сильной и организованной оппозиционной партии. В начале августа 1951 г. меджлис принял закон о закрытии «народных домов» и передаче их имущества в государственную казну. В результате НРП лишилась одного из своих опорных пунктов.

В ноябре 1951 г. ВНСТ приняло закон об изменении ст. 141 уголовного кодекса, в результате которого политические противники режима Баяра — Мендереса подлежали наказанию вплоть до смертной казни. После принятия этого закона в стране были произведены многочисленные аресты лиц, обвиненных в коммунистической деятельности. В октябре 1953 г. в Стамбуле в военном трибунале начался судебный процесс над 167 патриотами, арестованными еще в 1951 г. Через год, в октябре 1954 г., трибунал приговорил 131 «обвиняемого» к тюремному заключению сроком от одного до десяти лет и ссылке сроком от одного до трех лет.

В марте 1954 г. ВНСТ приняло «Закон о печати», согласно которому журналисты и авторы статей, критикующие государственных деятелей и наносящие ущерб их авторитету, подвергаются тюремному заключению от пяти месяцев до трех лет. В соответствии с этим законом были учреждены специальные суды по делам печати, полностью находящиеся под контролем властей. Опираясь на этот закон, власти привлекли к судебной ответственности и подвергли заключению ряд турецких журналистов.

В условиях напряженной политической борьбы в мае 1954 г. состоялись парламентские выборы. В результате этих выборов ДП получила в ВНСТ 490 мест, НРП — 30, Республиканская национальная партия (РНП, создана в феврале 1954 г.) — 5 и «независимые» — 10. В том же месяце президентом республики вновь был избран Дж. Баяр, а премьер-министром назначен А. Мендерес. 26 мая 1954 г. меджлис одобрил программу нового правительства, которая практически ничем не отличалась от программы прежнего.

Одержав новую победу на парламентских выборах, ДП продолжала свой реакционный курс. Она усиленно раздувала шовинистическую кампанию против немусульманских меньшинств. 6—7 сентября 1955 г. в Стамбуле и Измире состоялись организованные властями погромы, в результате которых было разорено и

разрушено множество домов, магазинов, школ, принадлежавших грекам и армянам. Погром был закономерным результатом принятого правительством курса на их насильственное отуречивание, составной частью его реакционной внутренней политики. Воспользовавшись спровоцированными антихристианскими погромами, турецкие власти объявили чрезвычайное положение в Стамбуле, Анкаре и Измире, которое 12 ноября было продлено меджлисом еще на шесть месяцев. Чрезвычайное положение использовалось турецкими властями для продолжения репрессивных мер против оппозиции. В начале июня 1956 г. ВНСТ приняло новый «Закон о печати», согласно которому газетам и журналам запрещалось печатать неугодные властям статьи и заметки об экономическом положении страны, а также статьи, критиковавшие депутатов меджлиса. Лица, нарушившие этот закон, могли быть приговорены к тюремному заключению сроком от одного года до пяти лет.

В конце июня 1956 г. ВНСТ приняло «Закон о собраниях и демонстрациях». По этому закону без разрешения властей запрещались открытые и закрытые собрания и демонстрации в общественных местах, в частных домах и учреждениях. Депутаты от НРП покинули меджлис, поскольку одной из целей принятия этих законов было стремление ограничить деятельность оппозиционной партии накануне парламентских выборов 11-го созыва. Выборы проводились досрочно, так как в условиях наметившегося ухудшения экономического положения в стране, усиления недовольства различных социальных слоев ДП боялась потерпеть поражение на выборах 1958 г.

Во время предвыборной кампании ДП прибегла к широкому подкупу избирателей, к использованию влияния духовенства в своих политических целях. Вместе с тем она продолжала репрессии против оппозиции. В сентябре 1957 г. меджлис одобрил закон, запрещавший оппозиционным партиям выступать на выборах единым списком. Щедрую финансовую поддержку ДП оказали Деловой банк и многие крупные предприниматели. Однако ни финансовая поддержка со стороны крупного капитала, ни предвыборные обещания, ни подкупы и давление не дали ДП желаемых результатов. 27 октября состоялись парламентские выборы, на которых за ДП проголосовало на 376 тыс. избирателей меньше, чем за оппозиционные партии. И лишь мажоритарная система обеспечила правившей партии большинство мест в меджлисе — 419. НРП получила 173 места, РНП — 4, Партия свободы (создана в ноябре 1955 г.) — 4 и «независимые» — 2 места.

Распределение мест в меджлисе не отражало фактического соотношения политических сил в стране. Правившая ДП стала терять свое влияние среди избирателей. Стремясь предупредить дальнейшее ослабление позиций ДП, в сентябре 1958 г. А. Мендерес выступил с планом создания так называемого «отечественного фронта». ДП стала вовлекать в эту организацию представителей различных слоев населения, используя материальные и моральные

рычаги. К апрелю 1960 г. в Турции было основано около 150 ячеек этой организации, которые возглавлялись членами ДП и пользовались покровительством правительства А. Мендереса. Однако уже ничто не могло задержать процесс ослабления влияния Демократической партии в стране, которое было вызвано главным образом ее реакционной политикой по отношению к трудящимся массам — рабочим, крестьянам и другим трудовым слоям населения.

С развитием промышленности численность рабочего класса Турции заметно увеличилась, выросло и его самосознание, он стал значительной политической силой. К концу 50-х годов в стране насчитывалось примерно 2 млн. рабочих, с учетом постоянных безработных — почти 3 млн., или около 20—25% самодеятельного населения. Наличие в среде турецких рабочих большого числа сезонников и отходников, связанных многими нитями с деревней, ослабляло рост классового самосознания турецкого пролетариата, сказывалось на его организованности и единстве.

Тем не менее среди рабочих росло убеждение в необходимости создания профессиональных организаций. Если в 1950 г. в стране было 78 тыс. рабочих — членов профсоюза, то в 1960 г. — около 400 тыс., т. е. число их увеличилось в 5 раз. Правда, к тому времени большая часть промышленных рабочих и весь сельский пролетариат находились все еще вне профсоюзов. Следует также отметить, что начало 50-х годов ознаменовалось новой, более высокой формой организованности трудящихся Турции. В 1951 г. начали создаваться федерации — объединения профессиональных союзов рабочих одной или близких отраслей труда в масштабах вилайетов и всей страны. Так, возникли федерации профсоюза рабочих текстильной промышленности, рабочих морского транспорта, железнодорожников и др., а также объединения рабочих и профсоюзов Стамбула, Бурсы, Анкары. В 1952 г. была создана Конфедерация рабочих профсоюзов Турции («Тюрк-Иш»). Хотя руководство «Тюрк-Иш» верно служило интересам буржуазии, тем не менее создание этой организации свидетельствовало о заметном росте организованности рабочего движения, с которым были вынуждены считаться турецкие правящие круги. И все же рабочее движение в Турции в 50-х годах не сумело объединиться в национальном масштабе, оно развивалось в отрыве от борьбы крестьян за землю.

Рабочий класс не прекращал борьбу за свои классовые права. В июле 1951 г. бастовали работницы табачной фабрики в Стамбуле. На помощь хозяевам предприятия пришла полиция, которая арестовала 60 человек. В конце июля того же года была проведена забастовка портовых рабочих Искендеруна. Для усмирения забастовщиков власти направили в город войска. В марте 1952 г. в Анкаре объявили забастовку шоферы такси, в которой приняли участие 2 тыс. человек. Забастовщики требовали снизить цены на бензин и протестовали против непомерных налогов и штрафов.

В результате столкновения с полицией было арестовано и отдано под суд 100 человек.

В последующие годы забастовочное движение приняло более широкий размах. В январе 1954 г. объявили забастовку рабочие текстильной фабрики «Адалет» в Стамбуле. Они требовали повышения заработной платы на 50%. В июле того же года организовали забастовку около 600 докеров Измира, которые протестовали против изменения соглашения на погрузочно-разгрузочные работы, заключенного еще в 1951 г. Забастовка была подавлена с помощью войск. Власти запретили деятельность профсоюзов докеров, произвели многочисленные аресты и возбудили судебный процесс против рабочих.

В 1955 г. волна забастовочного движения охватила Стамбул, Анкару, Измир, Адану, Битлис и другие города. Рабочий класс Турции организовал также ряд забастовок, направленных против иностранных монополий. В конце декабря 1957 г. произошел конфликт между рабочими порта Алсанджак и руководством голландской строительной компании. Рабочие требовали повышения заработной платы на 30%. В конфликт вмешалось правительство. Лишь после того, как компания удовлетворила предъявленные ей требования, рабочие возобновили работу. В конце октября 1959 г. произошел конфликт между рабочими и американской компанией «Митков — Гамильтон», причиной которого послужило увольнение 550 рабочих, занятых на строительстве американского городка в Анкаре. 2 ноября рабочие устроили демонстрацию протеста перед министерством труда и зданием американского посольства. Демонстрация была разогнана полицией.

Таким образом, в годы правления ДП забастовочная борьба рабочего класса значительно усилилась, возросла его классовая сознательность и укрепилась рабочая солидарность. Наряду с экономическими (повышение заработной платы, улучшение условий труда и т. д.) рабочий класс Турции, организованный в профсоюзы, стал выдвигать политические требования — отмены антидемократического и антирабочего законодательства, предоставления рабочим права на забастовки и заключение коллективных договоров с предпринимателями, расширения профсоюзных прав и т. д. Увеличился и размах борьбы крестьян за землю, против помещичье-кулацкой эксплуатации, против насилия властей. Не прекращались столкновения между крестьянами и жандармами во многих вилайетах, особенно на востоке. По признанию газеты «Зафер», только за шесть месяцев 1951 г. в стране было 718 случаев «нарушения крестьянами общественного порядка», более 400 случаев угона помещичьего скота и 43 случая насильственного захвата помещичьих и кулацких земель. Столкновения между крестьянами и жандармерией происходили в различных районах и в последующие годы. По официальным данным, лишь в 1959 г. число вооруженных столкновений между крестьянами и представителями властей достигло 200.

Отмечая усиление крестьянского движения в период правления ДП, вместе с тем необходимо отметить его неорганизованный, стихийный характер. Отсутствие руководства со стороны рабочего класса отрицательно влияло на общий ход и характер крестьянского движения. Крестьянство, как правило, находилось под влиянием буржуазии.

В период правления ДП еще больше усилилась зависимость внешней политики Турции от империалистических государств. Политика этих держав в отношении Турции определялась их интересом к Ближнему и Среднему Востоку как к важнейшему стратегическому плацдарму на подступах к Советскому Союзу и крупнейшему источнику нефти. Западные державы отводили Турции роль проводника империалистической политики, оплота в борьбе против коммунистического и национально-освободительного движения. В свою очередь, руководители Турции, вопреки национальным интересам, охотно поддерживали агрессивные акции империалистов. В июле 1950 г. правительство А. Мендереса без ведома и согласия меджлиса приняло решение о посылке в Корею турецкой бригады, которая приняла участие в войне против корейского народа. Турция оказалась единственной страной Ближнего и Среднего Востока, принявшей активное участие в авантюре США на Дальнем Востоке.

В мае 1951 г. правительство США выступило с рекомендацией принять Турцию в состав Североатлантического блока (НАТО). В октябре 1951 г. в Лондоне был подписан протокол о приеме Турции в НАТО, который был ратифицирован ВНСТ 18 февраля 1952 г. Тем самым турецкие правящие круги связали судьбу своей страны с реакционными планами западных держав. Турция приняла активное участие в создании военного блока на Ближнем и Среднем Востоке. В начале апреля 1954 г. в Карачи был подписан турецко-пакистанский договор, а в феврале 1955 г. в Багдаде — турецко-иракский договор о взаимном сотрудничестве. Турецко-иракский договор имел целью связать Ирак не только с Турцией, но и с турецко-пакистанским пактом; он являлся средством давления на другие арабские страны, а также Иран и Афганистан. Правительства Турции и Пакистана обратились к правительствам арабских стран и Афганистана с призывом присоединиться к турецко-пакистанскому договору. Более того, Турция на границах с Сирией, а Пакистан на границах с Афганистаном инсценировали пограничные конфликты, предпринимали демонстративные перегруппировки войск. Из стран региона только Иран в октябре 1955 г. заявил о своем желании вступить в военный пакт. В ноябре того же года в Багдаде на совещании премьер-министров Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Англии был оформлен военный блок — Багдадский пакт. По существу, Багдадский пакт стал ближневосточным филиалом НАТО.

По всем вопросам международной политики Турция в тот период выступала на стороне империалистических сил, против на-

ционально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока. Турция поддержала англо-франко-израильскую агрессию против Египта в 1956 г. и приняла активное участие в провокациях американского империализма против Сирии в 1957 г. Советское правительство, руководствуясь стремлением поддержать мир и безопасность в районе Ближнего и Среднего Востока, решительно выступило в защиту независимости Сирии. 10 сентября 1957 г. оно направило премьер-министру Турции А. Мендересу послание, в котором серьезно предупредило турецкие правящие круги о пагубных последствиях попытки предпринять вооруженное нападение на Сирию. 19 октября 1957 г. оно снова выступило с предупреждением в адрес агрессивных кругов Турции и США. Твердая и решительная позиция Советского Союза и меры, принятые в защиту Сирии, предотвратили империалистическую агрессию против этой страны.

Правительству А. Мендереса не нравились изменения, происходившие в арабских странах, усиление национально-освободительного движения в регионе. Когда в Ливане летом 1958 г. вспыхнуло восстание против антинародного режима президента Шамуна, турецкое правительство высказалось за вмешательство в гражданскую войну в этой стране. Оно выступило на стороне США в период их интервенции в Ливане в 1958 г. Однако когда в Анкаре представители мусульманских стран — членов Багдадского пакта готовились провести совещание для подготовки мер вмешательства в дела Ливана, иракский народ сверг антинародное правительство Нури Саида. В результате Ирак в январе 1959 г. вышел из состава военного блока и Багдадский пакт был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО) * со штаб-квартирой в Анкаре.

Несмотря на очевидные провалы во внешней политике, на ее непопулярность, правительство ДП продолжало придерживаться прежнего прозападного курса. В марте 1959 г. оно подписало с США двустороннее военное соглашение. В октябре того же года А. Мендерес и министр иностранных дел Ф. Зорлу совершили поездку в Вашингтон на очередную сессию СЕНТО. Тогда же между США и Турцией была достигнута принципиальная договоренность о создании на турецкой территории американских баз для запуска ракет с атомными боеголовками.

Все эти и другие меры привели к усилению политической и экономической зависимости Турции от западных держав, в особенности от США. С 1948 по 1959 г. Турция получила американской помощи на 2,9 млрд. долл. (из них две трети составляла прямая военная помощь), содержала огромную, более чем полумиллионную армию. На ее территории была создана система военно-воздушных и военно-морских баз НАТО, площадок для запуска ракет,

---

* В 1979 г. — после выхода из СЕНТО Пакистана и Ирана — эта агрессивная организация прекратила свое существование.

радиолокационных установок, пунктов прослушивания и т. д. Вся система инфраструктуры страны модернизировалась и расширялась в соответствии с военно-стратегическими планами НАТО в этом районе.

Вступление Турции в агрессивные военные блоки и подчинение ее политики империалистическим монополиям препятствовало улучшению советско-турецких отношений. Предложения Советского правительства об улучшении отношений между двумя странами постоянно наталкивались на противодействие турецких правящих кругов.

Огромные военные расходы, усиление экономической и политической зависимости Турции от западных держав, в особенности от США, отказ от активных этатистских мероприятий, быстрое обогащение верхушки крупной турецкой буржуазии и помещиков сопровождались ускоренным ростом инфляции, дороговизны, безработицы. Все это резко ухудшило положение трудящихся масс, обострило социальные конфликты в стране, вызвало недовольство не только среди неимущих слоев населения, но и среди интеллигенции, военных, представителей средней буржуазии. Особенно большое недовольство антинародный режим ДП вызвал среди студенческой молодежи. Активизировали свою деятельность оппозиционные буржуазные партии, особенно Народно-республиканская.

Перед лицом краха своей власти ДП стала на путь массовых репрессий. Аресты происходили практически среди всех слоев населения. Многие газеты и журналы были закрыты, и сотни журналистов арестованы. В апреле 1960 г. «демократы» протащили через ВНСТ закон о создании парламентской комиссии, наделенной чрезвычайными полномочиями по расследованию «подрывной деятельности» оппозиции.

Вскоре эта комиссия приняла решение запретить на три месяца проведение собраний и съездов оппозиционных партий, а также публикацию в газетах любой политической информации. С этого времени борьба между ДП и НРП за власть резко обострилась. В межпартийную борьбу вмешались студенты, примыкавшие к оппозиции и выступавшие против деспотических методов правления Баяра — Мендереса. 27 апреля 1960 г. студенты Стамбульского университета в знак протеста против массовых репрессий устроили митинг. На следующий день состоялась многотысячная демонстрация с участием студентов всех факультетов. Полиция пустила в ход слезоточивые газы и открыла огонь. Расстрел мирной демонстрации в Стамбуле вызвал всеобщее возмущение. Со всех концов страны в адрес президента и правительства страны стали поступать многочисленные телеграммы с требованием привлечь к судебной ответственности виновников злодеяния. Студенты Анкарского университета в знак солидарности со студентами Стамбульского университета 29 апреля 1960 г. провели митинг на площади Кызылай, у памятника Ататюрку. Студенческие демонстрации состоялись и в других городах.

В связи с антиправительственными выступлениями власти объявили в Стамбуле и Анкаре чрезвычайное положение, запретили собрания, демонстрации, а также публикации в печати каких-либо сообщений о происходивших событиях. 3 мая командующий сухопутными силами армейский генерал Джемаль Гюрсель направил министру национальной обороны предупредительное письмо. В этом письме Дж. Гюрсель требовал отставки президента, выведения из состава правительства скомпрометировавших себя министров, замены губернаторов Стамбула и Анкары, отмены закона о создании парламентской комиссии расследования, а также других антидемократических законов, освобождения арестованных журналистов, студентов и др.

6 мая 1960 г. Дж. Гюрселю был предоставлен принудительный отпуск, что означало его уход в отставку. Однако властям не удалось подавить антиправительственные выступления. 21 мая 1960 г. курсанты военного училища Анкары устроили демонстрацию в знак солидарности со студентами. Среди молодых офицеров задолго до студенческих демонстраций были созданы тайные группы, ставившие задачу свержения правительства ДП. В связи с резким обострением недовольства в стране наиболее активные тайные группы офицеров приняли решение о свержении правительства А. Мендереса. На рассвете 27 мая 1960 г. части анкарского и стамбульского гарнизонов стали занимать правительственные здания, арестовывать министров, руководителей ДП, виднейших депутатов во главе с Дж. Баяром и А. Мендересом. Вся операция была проведена в течение нескольких часов. В Турции был осуществлен государственный переворот. Этим переворотом, как указывалось в заявлении международного Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г., был нанесен удар по открыто проамериканскому, марионеточному правительству.

Глава XIV

ТУРЦИЯ ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1960 г.

В результате государственного переворота 27 мая 1960 г. власть перешла в руки военных, объединившихся в Комитет национального единства (КНЕ). Согласно временной конституции этот комитет, состоявший из 38 офицеров и генералов, становился высшим законодательным органом страны. Председателем КНЕ был избран бывший командующий сухопутными силами генерал армии Джемаль Гюрсель. Он же возглавил временное правительство, в которое вошли три генерала и 15 гражданских лиц, не принадлежавших ни к одной политической партии. Временное правительство опубликовало специальное коммюнике, в котором

провозгласило следующую программу действий: 1) охранять права и свободу граждан; 2) отменить антидемократические законы; 3) осуществлять государственные мероприятия на новой основе; 4) создать новые, демократические учреждения, основывающиеся на современном правопорядке; 5) покончить с экономической расточительностью, создать Управление государственного планирования; 6) принять меры к улучшению экономического и финансового положения страны; 7) следовать принципу поддержания дружественных отношений со всеми странами мира и т. д.

Для расследования преступлений бывших министров, депутатов и должностных лиц — членов ДП и суда над ними КНЕ создал Высшую следственную комиссию и Верховный суд *.

Комитет принял решение освободить из тюрем участников антиправительственных выступлений в период правления ДП. Он временно запретил деятельность политических партий, утвердил изменения к «Закону о печати», в результате чего были закрыты все печатные органы ДП и разрешено издание газет и журналов, запрещенных правительством А. Мендереса, а также приняты меры с целью предотвратить выступление сторонников ДП против КНЕ. По мере обсуждения политических и социально-экономических проблем в КНЕ стали выделяться две группировки: одна — умеренная (генеральская), которую в целом поддерживал Дж. Гюрсель, другая — радикально-националистическая (молодые офицеры), где видную роль играл полковник Алпарслан Тюркеш, ставший впоследствии лидером реакционного, профашистского мелкобуржуазного движения в стране.

13 ноября 1960 г. по настоянию умеренной группы Дж. Гюрсель устранил 14 радикальных членов КНЕ и выслал из страны, назначив советниками при турецких посольствах. Удалив группу «четырнадцати» из КНЕ, генеральская группа приступила к «восстановлению конституционного режима», что означало стремление передать власть умеренному крылу буржуазно-помещичьего блока.

В декабре 1960 г. КНЕ принял закон о статусе Учредительного собрания и о представительстве в нем. Учредительное собрание состояло из КНЕ и палаты представителей. Законодательные функции КНЕ формально передавались Учредительному собранию, однако фактически законодательная власть сохранялась за КНЕ, так как выборы и назначение в палату представителей проводились под контролем КНЕ и ни один закон не мог вступить в силу без его одобрения.

Учредительное собрание, начавшее свою работу 6 января 1961 г., 27 мая 1961 г. приняло новую конституцию, которая вступила в силу после референдума 9 июля того же года.

---

* В сентябре 1961 г. на о-ве Яссыада закончился судебный процесс над свергнутыми руководителями Турции. К суду были привлечены 592 человека. Бывший премьер-министр А. Мендерес, министр иностранных дел Ф. Зорлу и министр финансов Х. Полаткан были казнены, 461 человек приговорены к различным срокам тюремного заключения, остальные освобождены.

Конституция 1961 г. провозглашала Турецкую Республику «национальным, демократическим, светским и социально-правовым государством» (ст. 2), где верховная власть «безоговорочно принадлежит народу» (ст. 4). Конституция 1961 г., как и прежняя, защищала неприкосновенность основ капиталистического государственного устройства. Основными принципами государственного строя Турции конституция провозглашала незыблемость республиканской формы правления; независимость законодательной, исполнительной и судебной власти друг от друга; выборность и сменяемость представительных органов; периодическую отчетность исполнительных органов; гарантию независимости органов судебной власти.

Конституция содержала обычную буржуазную декларацию прав граждан, без каких-либо фактических гарантий. Хотя конституция и открывала некоторые ограниченные возможности для использования политических свобод, она была далека от того, чтобы быть подлинно демократической: не гарантировала проведения аграрной реформы, не решала национального вопроса. Основное, принципиальное отличие конституции 1961 г. от конституции 1924 г. выразилось в усилении исполнительной власти, изменении структуры ВНСТ и введении конституционного суда.

По конституции 1961 г. ВНСТ состояло из национальной палаты и сената (ст. 63). Национальная палата (450 депутатов) избиралась на четыре года, сенат (150 членов) — на шесть лет (каждые два года сенат обновлялся на одну треть); 15 сенаторов назначались президентом республики. Кроме того, в сенат входил в качестве его «пожизненных членов» весь состав КНЕ, а также «бывшие президенты независимо от возраста» (ст. 70).

В компетенцию ВНСТ входили принятие, изменение и отмена законов, утверждение государственного бюджета, выпуск денежных знаков, право амнистии, ратификация договоров, заключенных с иностранными государствами, и другие законодательные акты.

Много места в конституции отводилось вопросам экономической и социальной жизни страны. Она признавала за каждым турецким гражданином обычные для буржуазного государства права. Однако все свои обязанности, как говорилось в ст. 53, государство будет выполнять по мере своих финансовых возможностей. Более того, буржуазно-демократические свободы сводились на нет в случаях так называемых чрезвычайных обстоятельств. В этих случаях конституция предоставляла совету министров Турции фактически неограниченное право объявлять всю территорию страны или ее часть на военном положении в течение двух месяцев, которое в дальнейшем меджлис мог продлевать каждый раз еще на два месяца. В этих случаях на территории, объявленной на военном положении, отменялись конституционные гарантии и декретировалось военное законодательство. Тем не менее провозглашенные в конституции права и свободы давали прогрессивным

силам страны некоторые возможности бороться за права трудящихся, за подлинную национальную независимость и прогресс страны.

15 октября 1961 г. состоялись выборы в Великое национальное собрание Турции. В них приняли участие Народно-республиканская партия (НРП), Партия справедливости (ПС), Республиканская крестьянская национальная партия (РКНП) и Партия новой Турции (ПНТ). Другие партии не были допущены к выборам, так как не смогли организовать предвыборную кампанию в 15 и более вилайетах, что требовалось по избирательному закону.

В результате выборов ПС получила в сенате 70 мест, в национальной палате — 158; НРП — соответственно 36 и 173; ПНТ — 28 и 65; РКНП — 16 и 54. Всего в национальную палату было избрано 450 депутатов, в сенат — 150. Кроме того, в сенат в качестве пожизненных сенаторов вошли 21 бывший член КНЕ *, а также 15 сенаторов, назначенных президентом. Таким образом, ВНСТ состояло из 636 депутатов и сенаторов.

Итоги выборов означали серьезный успех Партии справедливости, объединявшей в своих рядах многих членов бывшей Демократической партии. В то же время итоги выборов показали, что ни одной политической партии не удалось получить абсолютное большинство мест в ВНСТ. В связи с этим впервые в истории Турции встал вопрос о создании коалиционного правительства. Однако разногласия между партиями долго не позволяли осуществить это. Возникли трудности и с избранием президента республики. Лишь после вмешательства военных президентом был избран Дж. Гюрсель. На пост главы правительства был назначен старейший политический деятель, лидер НРП И. Инёню.

В первое коалиционное правительство на паритетных началах вошли представители НРП и ПС. В его программе говорилось, что «цель правительства — обеспечить быстрейший подъем в условиях свободы и в ближайшем будущем догнать передовые страны». Для достижения этого предусматривалось увеличить капиталовложения в государственный и частный секторы экономики за счет как внутренних накоплений, так и притока иностранного капитала. В области внешней политики программа правительства содержала старые положения, предусматривавшие тесное сотрудничество в рамках НАТО и СЕНТО. Она подчеркивала, что правительство приложит все возможные усилия для более широкого развития отношений Турции со странами, входящими в западные блоки.

Новый меджлис и первое коалиционное правительство оказались, однако, неспособными разрешить неотложные социально-экономические проблемы. Причиной этого в значительной мере была деятельность сторонников свергнутого режима из числа чле-

* С парламентскими выборами истек срок полномочий КНЕ, который 24 октября 1961 г. принял решение о самороспуске. Все его члены в соответствии с конституцией пожизненно вошли в сенат.

нов ПС, которые выступали, в частности, с предложением о политической амнистии всех осужденных на о-ве Яссыада.

Политическая обстановка в стране становилась все более напряженной. Усилились нападки одной партии на другую, и особенно распри между ПС и НРП. В этих условиях вечером 22 февраля 1962 г. курсанты Анкарского военного училища, игравшие активную роль в свержении режима Баяра — Мендереса, а также курсанты танкового училища и школы жандармских офицеров по приказу своих командиров окружили здание меджлиса, президентский дворец в Чанкая и радиостанцию. В выступлении приняли участие около 8 тыс. военных, в том числе 500 офицеров. Руководил ими начальник Анкарского военного училища полковник Талат Айдемир. Однако, как показали события, восставшие не имели четкого плана действий. На рассвете вступили в столицу верные правительству войска, и восставшие сдались. Около 300 офицеров были арестованы, 69 уволены в отставку.

Движение 22 февраля, инициаторами которого являлись молодые офицеры — сторонники радикальных преобразований, было вызвано нежеланием и неспособностью турецких правящих кругов заняться важными проблемами, решение которых, отвечая объективным потребностям страны, содействовало бы ее социально-экономическому прогрессу.

Попытка государственного переворота и усиление брожения в армии насторожили турецкие правящие круги, которые для пресечения антиправительственных выступлений приняли чрезвычайные меры. В начале марта 1962 г. ВНСТ после многодневных бурных прений приняло «Закон о нарушителях национальной безопасности и конституционного порядка», предусматривающий строгие меры за деятельность против «законной власти».

Неудавшаяся попытка государственного переворота активизировала деятельность правых элементов в стране. 31 мая 1962 г. премьер-министр первого коалиционного правительства И. Инёню подал в отставку и коалиция НРП и ПС, существовавшая в течение семи месяцев, распалась. После отставки правительства снова начались поиски различных комбинаций для формирования коалиционного правительства. Прогрессивная турецкая общественность с тревогой наблюдала за межпартийными распрями, приобретавшими беспринципный характер. В Турции не было ни одной легальной партии, которая последовательно боролась за прогресс, назревшие реформы, коренные интересы трудящихся. Рабочая партия Турции (РПТ), воссозданная в феврале 1962 г., не была представлена в меджлисе. К власти стремились буржуазные, буржуазно-помещичьи партии, которые мало чем отличались друг от друга.

В результате энергичного вмешательства высшего военного командования в июне 1962 г. из представителей НРП, ПНТ и РКНП было сформировано второе коалиционное правительство И. Инёню. Как по числу, так и по важности постов НРП заняла

в нем руководящее положение. Программа второго коалиционного правительства содержала расплывчатые обещания разрешить насущные проблемы. Она вызвала резкую критику среди представителей общественности. В стране усиливалась деятельность как сторонников, так и противников государственного переворота 1960 г. С целью сбить накал борьбы турецкие правящие круги, несмотря на протесты многих рядовых членов НРП, значительной части студентов, широких кругов интеллигенции, а также оппозиции сенаторов — бывших членов КНЕ, 16 октября 1962 г. провели через ВНСТ правительственный законопроект о частичной амнистии деятелям мендересовского режима. Однако, добившись частичной амнистии своим сторонникам, ПС в начале 1962 г. усилила кампанию за освобождение очередной группы осужденных, что вновь усилило политическую напряженность в стране.

Поздно вечером 20 мая 1963 г. в Турции была предпринята новая попытка военного переворота. Во главе восставших вновь встал полковник Т. Айдемир, уволенный в отставку в феврале 1962 г. При поддержке курсантов Анкарского военного училища и некоторых других воинских частей он, захватив здание радиостанции, обратился к населению с воззванием, в котором заявил, что «вооруженные силы решили действовать, поскольку нынешний режим свернул Турцию с пути Ататюрка». Было объявлено о роспуске обеих палат ВНСТ и ликвидации политических партий. Правительство бросило против восставших танки, и утром 21 мая сопротивление курсантов было сломлено. Подавив это выступление, власти создали два специальных военных трибунала, которые приговорили к различным срокам тюремного заключения около 300 курсантов и офицеров. Двое из руководителей восстания (Т. Айдемир и Ф. Гюрджан) были повешены.

Однако внутриполитическая напряженность в стране сохранялась. Она стала обостряться с приближением муниципальных выборов, которые состоялись 17 ноября 1963 г. На выборах победу одержала ПС. В результате выявилось новое соотношение политических сил в стране. Это незамедлительно привело к развалу партийной коалиции, отставке второго коалиционного кабинета И. Инёню. После долгих консультаций президента с лидерами политических партий в конце декабря 1963 г. было сформировано третье коалиционное правительство, также во главе с И. Инёню. Кроме членов НРП в правительство вошли и «независимые». Впервые после выборов 1961 г. было создано правительство, фактически состоявшее из представителей одной партии.

Новое правительство наряду с другими мерами обещало наделить безземельных крестьян землей и оказать помощь малоземельным хозяйствам. Оно обещало ввести более справедливое налоговое обложение и распределение национального дохода, провести некоторые изменения в административном аппарате, вызывавшем большие жалобы со стороны населения. Однако ни одно из своих обещаний, касавшихся разрешения внутренних проблем, прави-

тельство не смогло выполнить. К тому же положение его было непрочным и в меджлисе. В результате 13 февраля 1965 г. третье коалиционное правительство ушло в отставку. 20 февраля бывшие оппозиционные партии [ПС, ПНТ, РКНП и Национальная партия (НП)] подписали протокол о принципах создания нового коалиционного правительства. В тот же день было оформлено четвертое коалиционное правительство, которое возглавил «независимый» сенатор Суат Хайри Ургюплю. Как по числу мест, так и по важности постов ПС заняла ведущее положение в правительстве. После выборов в октябре 1961 г. это было первое правительство, в котором не было ни одного представителя НРП.

Программа правительства С. Х. Ургюплю фактически не отличалась от программ предыдущих правительств. Тем не менее в области внешней политики она отразила новые тенденции, наблюдавшиеся в Турции после государственного переворота 1960 г. и заключавшиеся в стремлении проводить более независимую политику в рамках НАТО и улучшить отношения с СССР и другими странами социалистического содружества.

Важным политическим событием в стране в 1965 г. были выборы в национальную палату. Они состоялись 10 октября и проходили по пропорциональной системе с учетом так называемого «национального остатка», принятой усилиями НРП в феврале 1965 г. Эта система означала, что партия, не получившая в каком-либо избирательном округе необходимого для избрания депутата числа голосов, может дополнить это число за счет голосов, полученных в других избирательных округах, т. е. число представителей каждой партии в национальной палате равно частному от деления всех голосов, полученных данной партией в масштабе страны, на число голосов, необходимых для избрания одного кандидата. Такая система давала возможность учитывать все голоса, полученные той или иной партией на выборах.

По расчетам инициаторов принятия этой системы она должна была усилить в национальной палате НРП и мелкие партии и ослабить позиции их основной соперницы — ПС. Однако эти расчеты не оправдались. По официальным данным, из 450 мест в национальной палате ПС обеспечила себе 240, НРП — 134, НП — 31, ПНТ — 19, РКНП — 11 мест. Победа на выборах ПС во многом объяснялась тем, что ее руководство располагало большими материальными средствами в борьбе за власть. Несмотря на поражение, НРП продолжала оставаться значительной силой в ВНСТ.

Рабочая партия Турции (РПТ), впервые принявшая участие в парламентских выборах, получила 15 мест. Это было большим успехом партии, который дал ей право иметь свою парламентскую группу (для этого требовалось не менее 10 мест).

Победа на выборах дала возможность ПС в октябре 1965 г. сформировать однопартийное правительство во главе с Сулейманом Демирелем. Правительство ПС выражало интересы крупной

буржуазии и помещиков. Его обширная программа предусматривала широкое привлечение в Турцию частного иностранного капитала, подтверждала намерение ПС произвести изменения в законе о выборах. Правительство высказалось против закона о земельной реформе. В области внешней политики оно, как и предыдущие правительства, выступало за участие Турции в НАТО и за сохранение военных баз НАТО в стране.

Придя к власти, ПС стала захватывать ключевые позиции в государственном аппарате и принимать меры по «чистке» его от неугодных элементов. Был уволен ряд губернаторов, прокуроров, судей, чиновников, произведены перемещения в армии, жандармерии и полиции; при этом в высшие государственные органы власти Партия справедливости продвигала своих сторонников.

В соответствии с программой правительство ПС подготовило законопроекты об амнистии руководителей бывшей Демократической партии и изменении избирательной системы и внесло их на рассмотрение меджлиса. Против этих проектов выступили оппозиционные партии. В результате в парламенте создалась напряженная обстановка, которая особенно обострилась к весне 1966 г. Положение усугублялось тем, что президент Дж. Гюрсель из-за тяжелой болезни практически не мог участвовать в работе меджлиса. В связи с этим в конце марта 1966 г. ВНСТ приняло решение избрать нового президента. 28 марта на совместном заседании обеих палат бывший начальник генерального штаба турецкой армии Джевдет Сунай был избран президентом Турецкой Республики. Избрание нового президента несколько смягчило политическую напряженность в стране, но насущные проблемы тем не менее ждали своего решения.

В стране активизировались выступления рабочего класса, прогрессивной интеллигенции, студенчества. Глубокий кризис переживала НРП, внутри которой шла острая борьба вокруг программного положения «левее центра», выдвинутого группой Бюлента Эджевита и получившего поддержку на XVIII съезде партии в ноябре 1966 г. Правое крыло партии, возглавлявшееся Т. Фейзиоглу, выступало против этого программного положения. Более того, в начале 1967 г. 15 сенаторов и 32 депутата национальной палаты, примкнувшие к Т. Фейзиоглу, заявили о своем выходе из НРП и о создании так называемой Партии доверия (ПД). Генеральным председателем ПД стал Т. Фейзиоглу.

Реакционные депутаты неоднократно пытались расправиться с левой официальной оппозицией — депутатами Рабочей партии Турции. Так, во второй половине февраля 1968 г., во время обсуждения бюджета в меджлисе, министр внутренних дел Фарук Сюкан в своем выступлении потребовал запретить РПТ как «коммунистическую». В то же время правительство приняло меры по упрочению своего положения в меджлисе. С целью нанести удар по мелким партиям оно разработало проект нового избирательного закона и в марте 1968 г. провело его через ВНСТ.

Новая избирательная система предусматривала довольно запутанный подсчет голосов. В некоторых случаях применение этой системы могло привести, например, к тому, что если от какого-либо вилайета должно быть избрано в сенат три представителя, то партия, получившая менее 50% голосов, может получить все три места, а оппозиционные партии — ни одного, хотя в общей сложности они соберут более 50% голосов избирателей. Против принятия нового закона выступили НРП и РПТ, которые обратились в Конституционный суд с требованием аннулирования нового избирательного закона, как противоречащего конституции Турецкой Республики. В начале мая 1968 г. Конституционный суд лишь частично отменил новый избирательный закон и отклонил требование РПТ о восстановлении ранее действовавшей избирательной системы.

2 июля 1968 г. состоялись частичные выборы в сенат и промежуточные выборы в национальную палату. На этих выборах Партия справедливости получила около 50% голосов избирателей, т. е. на 6% меньше, чем на выборах 1965 г. Тем не менее принятие нового избирательного закона дало возможность ПС получить в сенате 38 мест из 53. Кроме того, представители ПС заняли все пять вакантных мест в национальной палате. Вместе с тем РПТ, хотя за нее голосовало около 5% избирателей, не получила ни одного места в сенате.

Упрочив свое положение в меджлисе, правительство С. Демиреля стало предпринимать усилия, направленные на подавление прогрессивного движения в стране. Стремясь отвлечь внимание прогрессивной общественности, трудящихся масс от борьбы за социально-экономические преобразования, а также подавить движение курдов за свои национальные права, оно внесло на рассмотрение ВНСТ проект «Закона об охране конституционного строя», который предусматривал суровые меры наказания «в отношении тех, кто стремится создать теократическое государство, проповедует фашизм, анархизм, а также коммунизм, кто подстрекает друг против друга различные классы или группы общества, кто... открыто порочит какой-либо класс или группу общества». Этот закон был направлен главным образом на подавление демократического движения, ограничение буржуазных свобод, провозглашенных конституцией. Поэтому он подвергся резкой критике со стороны широкой турецкой общественности. Некоторые представители политических партий, профсоюзов решительно выступили против одобрения законопроекта парламентом, рассматривая его как орудие дальнейшего ограничения буржуазных свобод в стране.

В обстановке резкого недовольства правительство С. Демиреля было вынуждено взять из ВНСТ «для дальнейшей доработки» проект «Закона об охране конституционного строя». Вместе с тем оно продолжало расчищать путь для возвращения политических прав бывшим «демократам». В этом его стало открыто поддерживать и руководство НРП.

11 мая 1969 г. по настоянию И. Инёню руководство НРП после продолжительных и бурных прений приняло решение «добиваться возвращения политических прав бывшим демократам». Следует отметить, что до этого НРП выступала против предоставления им политических прав. Изменение ее позиции в этом вопросе объяснялось стремлением привлечь на свою сторону сторонников ДП во время предстоящих парламентских выборов в октябре 1969 г.

После многомесячной ожесточенной политической борьбы в результате поддержки НРП правительству С. Демиреля удалось провести через национальную палату проект закона об изменении ст. 68 и отмене временной статьи 11 конституции. Принятие этого закона давало бы возможность бывшим членам ДП и лицам, осужденным за политические преступления, а затем амнистированным, получить политические права. Против изменения статей конституции выступили пожизненные сенаторы, а также РПТ. Не поддержали затею ПС и НРП высшее командование армии и президент. В этой обстановке сенат Турции принял решение возвратить в конституционную комиссию сената проект закона об изменении ст. 68 и отмене временной статьи 11 конституции.

Таким образом, еще одна попытка правящей партии изменить неугодные ей статьи конституции потерпела провал. Реакционная политика правительства ПС вызвала резкую критику со стороны турецкой прогрессивной общественности. В стране активизировалось рабочее движение, участились и стали более массовыми забастовки на промышленных предприятиях. Возросла активность студенческой молодежи, выступавшей за осуществление социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс, за независимую внешнюю политику, в том числе за выход Турции из НАТО, против политики империалистических держав. Повысилась активность левых политических организаций и групп. Однако левым силам Турции в обстановке общего подъема демократического движения в стране в конце 60-х годов не удалось достичь единства. Наряду с группами, стоявшими на позициях научного социализма, существовали группы ревизионистского и маоистского направления.

В обстановке острой политической борьбы в октябре 1969 г. состоялись выборы в национальную палату ВНСТ, в которых приняли участие восемь политических партий: Партия справедливости, Народно-республиканская партия, Рабочая партия Турции, Партия новой Турции, Партия доверия, Национальная партия, Партия националистического движения, Партия единства.

Выборы принесли разочарование малым партиям, которые значительно сократили число своих представителей в меджлисе. Неудача постигла и РПТ. За нее голосовало меньше избирателей, чем на прошлых выборах. Она получила лишь два депутатских места (в 1965 г. — 15). На результатах выборов сказались разногласия и борьба группировок, которые обострились в РПТ с

1968 г. в связи с определением программных положений партии. Хотя на выборах 1969 г. за ПС голосовало меньше половины избирателей, антидемократический характер избирательной системы позволил ей завоевать в национальной палате на 16 мест больше, чем в 1965 г. Основная оппозиционная партия — НРП получила на 9 мест больше. После выборов 1969 г. места в национальной палате распределились следующим образом: ПС — 260, НРП — 144, ПД — 14, ПЕ — 7, НП — 6, ПНТ — 3, РПТ — 2, ПНД — 1, «независимые» — 13.

Выборы 1969 г. подтвердили ведущее положение ПС в политической жизни страны. Вместе с тем они показали, что ПС представляет собой правление меньшинства как по числу голосов, поданных за нее, так и в процентном отношении от общего числа избирателей.

После выборов по поручению президента лидер ПС С. Демирель сформировал новое однопартийное правительство. В начале ноября 1969 г. он изложил в национальной палате программу своего второго однопартийного правительства. Согласно этой программе ПС придавала важное значение мероприятиям в «области сельского хозяйства и промышленности». Касаясь внешней политики, программа указывала, что «Турция всегда рассматривает Атлантический союз... как действенную гарантию безопасности и солидарности». Вместе с тем в ней говорилось, что правительство будет стараться развивать отношения с соседними странами, в том числе с Советским Союзом. В то же время глава нового правительства не предложил ни одного конкретного мероприятия, осуществление которого содействовало бы решению социально-экономических проблем, ослаблению политической напряженности в стране. Более того, в начале ноября 1969 г. правительство ПС провело через ВНСТ «Закон о политической амнистии», которым могли воспользоваться более 500 бывших членов ДП, лишенных политических прав после государственного переворота 1960 г.

Эти меры реакционной политики правительства ПС вызвали резкую критику со стороны прогрессивной турецкой общественности и оппозиционных буржуазных партий; усилились разногласия и в самой Партии справедливости. В результате 42 депутата от ПС в феврале 1970 г. проголосовали против законопроекта о бюджете страны на новый финансовый год. Это дало возможность парламентской оппозиции провалить принятие бюджета, а также привело к отставке правительства. Новое правительство, сформированное опять же С. Демирелем в начале марта 1970 г., объявило программу, которая явилась почти дословной копией программы предыдущего правительства. Получив поддержку правого, буржуазно-помещичьего блока в ВНСТ, правительство ПС продолжало проводить политику подавления демократического движения, борьбы трудящихся масс, усилившихся в 60-е годы.

Все правительства, приходившие к власти после государственного переворота, обещали заняться решением социально-экономи-

ческих вопросов, а также улучшить жизнь трудящихся. Но внутренняя политика турецких правящих кругов привела к тому, что положение подавляющего большинства населения страны — трудящихся масс продолжало оставаться тяжелым. В 1966 г. национальный доход на душу населения составлял в ценах 1961 г. в среднем 1788 лир (примерно 200 долл.). Однако эти данные не отражали истинной картины положения различных слоев общества. Совершенно ясно, что доходы капиталистов и помещиков в сотни и тысячи раз превышали доходы рабочих и крестьян. Так, в 1964 г. батраки и малоземельные крестьяне (70% населения страны) делили между собой 20% национального дохода; средние земельные собственники, служащие и рабочие (28%) — 35%, а крупные землевладельцы, купцы и промышленники (2%) — 45% национального дохода Турции. Таким образом, ничтожное число представителей эксплуататорских классов присваивало значительную часть национального дохода, в то время как подавляющее большинство трудящихся масс было вынуждено влачить нищенское существование.

Хроническая безработица, систематические увольнения рабочих, отсутствие надлежащей техники безопасности на предприятиях, тяжелые условия труда, низкий уровень заработной платы трудящихся, постоянный рост розничных цен на товары широкого потребления и продукты питания, а также фактическое политическое бесправие вызывали резкое недовольство пролетариата Турции. Рабочий класс стал добиваться повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, прекращения увольнений, введения и улучшения социального обеспечения и удовлетворения других экономических требований. Формы этой борьбы были самыми разнообразными — от мирных демонстраций до организации забастовок и установления пикетов у предприятий.

Особенно усилилась борьба трудящихся за свои права в связи с обсуждением проекта конституции в Учредительном собрании. За неделю до принятия конституции, 20 мая 1961 г., в Эскишехире состоялся 20-тысячный митинг трудящихся северо-западных районов страны. Участники митинга требовали демократических свобод. «Наш принцип — хлеб, мир и свобода» — говорили они.

В результате мощного выступления пролетариата турецкие правящие круги были вынуждены включить в конституцию 1961 г. статью, которая провозглашала право рабочих на забастовку. Это был крупный успех рабочего движения в Турции. После принятия конституции произошли важные события в рабочем движении. Так, в 1961 г. наблюдались выступления трудящихся в Измире, Анкаре, Зонгулдаке, Коджаэли, Амасье, Эскишехире и других городах. В канун нового, 1962 г. в Стамбуле произошли мощные демонстрации и грандиозный митинг трудящихся, в которых приняли участие свыше 100 тыс. человек, представлявших интересы 297 профсоюзов. Никогда в истории Турции не было столь массового выступления, грандиозной демонстрации роста сплоченно-

сти турецкого пролетариата в борьбе за свои права. Всего в 1961 г. в митингах, демонстрациях и прочих выступлениях, организованных профсоюзами, участвовали более 300 тыс. трудящихся. Рабочее движение получило еще больший размах в 1962 г. 3 мая 1962 г. несколько тысяч строителей Анкары устроили демонстрацию протеста против безработицы. Полиция, применив силу, арестовала многих демонстрантов. Вслед за демонстрацией в Анкаре тысячи людей труда вышли на улицы Афьон-Карахисара, Денизли и других городов.

Рабочее движение этого периода стало приобретать антиимпериалистические черты. Рабочие боролись не только против местных эксплуататоров, но и против империалистических монополий, которые жестоко эксплуатировали турецких трудящихся. Выступления с требованием улучшения условий труда сталкивали рабочих с интересами иностранных капиталистических монополий, и, таким образом, эти выступления в известной мере имели политический характер, поскольку они были направлены против империалистического засилья. В первой половине августа 1962 г. в Эрегли состоялся 10-тысячный митинг. Его организовала Федерация профсоюзов строительных рабочих Турции в знак протеста против жестокого обращения с рабочими представителей американской фирмы «Моррисон — Надсен Компани», занимавшейся строительством военных объектов НАТО и металлургического комбината в Эрегли. Участники митинга подвергли резкой критике экономическую политику правительства, протестовали против привилегий иностранных компаний.

Значительным событием в истории рабочего движения в Турции была забастовка 200 рабочих стамбульского завода «Кавел кабло» в конце января 1963 г. Завод принадлежал американской компании «Дженерал Электрик» и турецким фирмам «Вехби Коч» и «Бурла». До этого Турция не знала такой длительной и упорной борьбы трудящихся за свои права. Рабочие устроили около завода пикеты, вывесили плакаты: «Требуем социальной справедливости!», «Требуем своих прав!». Забастовкой руководила федерация МАДЕН-ИШ.

Пытаясь сломить сопротивление трудящихся, власти прибегли к помощи полиции. В результате столкновения рабочих с полицией были ранены девять рабочих и один полицейский, десятки рабочих были арестованы. Вопреки руководству Конфедерации рабочих профсоюзов многие профсоюзные объединения страны поддержали беспримерную борьбу трудящихся завода «Кавел кабло». В результате в начале марта 1963 г. был подписан протокол, по которому предприниматели обязались удовлетворить требования рабочих завода. Успех этой забастовки, продолжавшейся пять недель, был большой победой турецкого рабочего движения: ведь в стране все еще были запрещены забастовки.

Перед лицом широкого недовольства трудящихся масс, усиления рабочего движения турецкие правящие круги вынуждены бы-

ли поторопиться с подготовкой закона о предоставлении рабочим права на забастовку и заключение коллективных договоров с предпринимателями, провозглашенного конституцией 1961 г. В начале марта Конституционный суд, признав, что ст. 72 «Закона о труде», запрещавшая забастовки, противоречит конституции, отменил эту статью. В июле 1963 г. ВНСТ приняло «Закон о профсоюзах» и «Закон о забастовках, коллективных договорах и локаутах».

Принятие этих законов ВНСТ было серьезным успехом турецкого пролетариата в борьбе за свои права. Этот успех пришел в результате многолетней борьбы рабочего класса Турции, особенно усилившейся после государственного переворота 1960 г. Он показал, что турецкий пролетариат представляет собой значительную классовую силу, с которой уже не могут не считаться господствующие классы. Однако турецкая буржуазия с помощью своих представителей в меджлисе сумела включить в закон положение о локаутах, что давало всем хозяевам серьезное оружие в борьбе с пролетариатом Турции, где царит безработица и сотни тысяч ищут работу за границей. Право предпринимателей на локаут, различные положения, ограничивающие создание и деятельность профсоюзов, запрещающие забастовки, свидетельствуют о том, что принятие законов о профсоюзах, коллективных договорах, забастовках и локаутах, хотя и означало значительный успех пролетариата, тем не менее эти законы во многом отвечали интересам турецкой буржуазии, которая, пользуясь ими, продолжала бороться против рабочего движения.

После вступления в силу этих законов начался новый этап в турецком рабочем движении. В ноябре 1963 г. начались забастовки на фабрике резиновых изделий «Трио». Бастующие требовали увеличения заработной платы, улучшения питания и прекращения произвольных перемещений рабочих с одного места на другое. Во второй половине декабря того же года несколько сот рабочих нефтеперерабатывающего завода (АТАШ) в Мерсине, принадлежавшего фактически англо-американскому капиталу, объявили забастовку. Рабочие требовали: 1) безопасности труда; 2) 42-часовой рабочей недели; 3) повышения заработной платы; 4) устранения всех различий между турецкими трудящимися и американскими рабочими, занятыми на заводе. В конфликт вмешалось правительство, которое под давлением англо-американских нефтяных монополий приняло решение приостановить забастовку. В этих условиях рабочие вынуждены были начать переговоры с хозяевами завода, что привело к компромиссному решению. Забастовка на нефтеперерабатывающем заводе в Мерсине еще раз показала, что в подавлении борьбы трудящихся иностранные и местные капиталисты действуют сообща.

Около трех месяцев продолжалась забастовка рабочих на предприятии швейных машин «Зингер» (близ Стамбула), принадлежавшем иностранному капиталу. Забастовка началась в конце

марта 1964 г. из-за того, что владельцы предприятия отказались подписать коллективный договор, который предусматривал увеличение заработной платы и улучшение условий труда. Однако, как отмечала турецкая печать, рабочие были вынуждены прекратить забастовку, потому что они не получили никакой помощи от профсоюза металлистов, членами которого они являются, и от Конфедерации рабочих профсоюзов Турции (ТЮРК-ИШ).

Почти месяц бастовали рабочие на трех стамбульских предприятиях, на 60% обеспечивавших потребности страны в фанере. Несмотря на лишения, рабочие добились победы. Хозяева предприятий были вынуждены увеличить заработную плату на 15—20%. Во время забастовки была продемонстрирована растущая солидарность турецкого пролетариата. Различные профсоюзные организации страны оказывали бастующим не только моральную, но и материальную поддержку.

В начале июля 1964 г. в Батмане (центр турецкой нефтяной промышленности) забастовали 1200 рабочих предприятий турецкого акционерного общества нефти, которое отказалось подписать коллективный договор об улучшении условий труда и увеличении минимума заработной платы. В результате широкой поддержки профсоюзов, различных слоев населения десятидневная забастовка увенчалась успехом. Рабочие добились увеличения заработной платы.

После событий в Батмане успешные забастовки провели и рабочие мукомольного завода в Адане, скотобойни в Малатье, черепичного завода в Балыкесире, текстильщики Газиантепа.

Забастовочная борьба охватила не только турецкие предприятия, но и американские военные объекты. Во второй половине октября 1964 г. прекратили работу рабочие, занятые на обслуживании радарных установок американских ВВС в районах Трабзона, Орду, Самсуна и Синопа. В середине декабря того же года забастовали 300 рабочих, занятых на строительстве американского центра в Синопе. Забастовщики требовали улучшения условий труда и увеличения заработной платы. Всего в 1964 г. на 87 предприятиях произошли забастовки, в которых приняли участие свыше 11 тыс. рабочих.

В 1965 г. в забастовочную борьбу включались все новые и новые отряды. Так, в середине марта 1500 шахтеров Зонгулдака не вышли на работу, требуя урегулирования заработной платы и улучшения условий труда. Турецкие власти направили войска, которые пытались разогнать забастовщиков. Однако шахтеры, вооружившись камнями и палками, отказались разойтись. Солдаты применили оружие. В результате столкновения трое забастовщиков были убиты, несколько шахтеров и солдат получили тяжелые ранения. Эта забастовка шахтеров вызвала большой резонанс в стране и поддержку среди различных слоев населения Турции. В связи с этими событиями в Анкаре состоялось специальное заседание правительства, которое решило послать в район забас-

товки специальную комиссию для урегулирования положения на месте.

В результате бесчинств и произвола, осуществлявшихся на строительстве объектов НАТО, в конце 1966 г. по Турции прокатилась волна антиамериканских выступлений. «Янки, убирайтесь домой!» — под таким лозунгом в ноябре в Анкаре прошел митинг трудящихся и студентов. Выступавшие на митинге осудили американских империалистов, посягавших на экономическую и политическую независимость Турции. В то же время вспыхнула шеститысячная демонстрация на юге страны — в Адане, расположенной недалеко от крупнейшей военно-воздушной базы США — Инджирлик. Жители Аданы разгромили американское консульство, а также отделение информационного агентства США за границей.

По сведениям турецкой печати, с июля 1963 по 1966 г. были проведены 184 забастовки, в которых приняли участие 32 тыс. человек. Забастовки и выступления пролетариата в эти годы свидетельствовали о том, что рабочее движение становилось все более сознательной классовой силой, как ни пытались этому воспрепятствовать правые профсоюзные лидеры путем пропаганды идей «социального партнерства».

Насаждая реформизм в рабочем движении, руководство ТЮРК-ИШ широко использовало опыт американских профсоюзных лидеров. Правительственная политика руководства ТЮРК-ИШ вызвала резкое недовольство со стороны прогрессивных членов профсоюзов, левого крыла рабочего движения в Турции. В результате в феврале 1967 г. левые профсоюзы создали Конфедерацию революционных рабочих профсоюзов Турции (ДИСК).

В противоположность правым лидерам ТЮРК-ИШ, которые неоднократно заявляли, что их конфедерация никогда не превратится в «организацию классового обособления рабочих», ДИСК своей главной задачей объявила сплочение рядов рабочего класса, превращение его в руководящую, направляющую и организующую силу общества, участвующую в управлении государством, которое должно превратиться в «государство социального равенства».

Возникновение ДИСК оказало положительное влияние на развитие профсоюзного и рабочего движения в стране. Только в 1967 г. число забастовок по сравнению с предыдущим годом возросло в 2,5 раза; в трудовых конфликтах приняли участие около 10 тыс. рабочих.

В июле 1967 г. под давлением рабочего движения ВСНТ приняло новый «Закон о труде», который заменил закон 1936 г. Новый закон охватывал и предприятия с четырьмя и более рабочими, хотя пролетариат требовал распространить его и на предприятия с одним рабочим (в Турции к тому времени было все еще более 50 тыс. кустарных мастерских, где работали один — три человека). Этот закон не распространялся на рабочих ряда отраслей хозяйства страны. В результате, хотя охват рабочих новым законом в 1967 г. по сравнению с 1937 г. увеличился в

7,4 раза, он распространялся примерно на 4 млн. человек (33% всех лиц наемного труда). Несмотря на многие недостатки, в целом принятый «Закон о труде» 1967 г. означал уступку рабочему классу, вырванную у буржуазии в результате широкой забастовочной борьбы.

В конце 60-х годов забастовочная борьба приняла новый размах. В апреле 1968 г. бастовали рабочие на кирпичном заводе «Филиос атеш тугласы», в мае — на фабрике по производству растительного масла в г. Орду, в сентябре — на заводе «Кавел кабло» (Стамбул), в июле 1969 г. — на стамбульском заводе «Тюрк демир дёкюм», в августе — октябре — на металлургическом комбинате в Эрегли. Хотя забастовки рабочих не всегда завершались успехом, они имели большой резонанс в стране. Так, в августе 1969 г. в Анкаре состоялся массовый митинг, на котором делегация металлистов от Эрегли выдвинула лозунги: «Долой империализм, угнетающий нас!», «За независимую Турцию!».

Всего за 1967—1969 гг. в стране произошли 254 забастовки, в которых приняли участие более 110 тыс. человек. В этих забастовках рабочие выступали как с экономическими, так и с политическими требованиями. Они боролись за осуществление на деле социальных прав, декларированных трудовым законодательством, поддерживали требования крестьян о земельной реформе, протестовали против социальной политики буржуазных партий, против деятельности американских баз в Турции.

В условиях усиления рабочего движения правительство С. Демиреля внесло на рассмотрение меджлиса законопроект об изменении законов о профсоюзах и забастовках, который ограничивал борьбу пролетариата Турции. Против принятия этих изменений выступила Конфедерация революционных рабочих профсоюзов Турции. По призыву ДИСК рабочие стали объявлять забастовки, выходить на демонстрации. Особенно многочисленные шествия состоялись 15—16 июня 1970 г. на участке дороги Стамбул — Измир, где сосредоточена значительная часть промышленных предприятий. Антиправительственные выступления рабочих проходили под лозунгами: «Будем до конца бороться за свои права!», «Да здравствует рабочий класс!», «Нам нечего терять, кроме своих цепей!», «Долой американский империализм!», «Демиреля в отставку!».

В первые дни классовых битв в июне 1970 г. более 100 участников демонстрации были убиты и ранены. 16 июня 1970 г. по призыву ДИСК около 100 тыс. рабочих 113 предприятий (в том числе и таких крупных, как стамбульский сталелитейный завод, фабрики «Сунгурлар», «Отосан», «Филлипс», «Грюндиг», «Винилекс») прекратили работу и вышли на улицу в знак протеста против репрессий. Вопреки позиции руководства конфедерации ТЮРК-ИШ значительная часть этого крупнейшего объединения также выступила на стороне рабочих профсоюзов ДИСК. О своей солидарности с требованиями рабочих заявляли и некоторые сту-

денческие организации. Выступление турецкого рабочего класса 16 июня 1970 г. явилось самым крупным за всю историю Турецкой Республики.

Правительство ПС, напуганное размахом рабочего движения, приняло решение о введении в Стамбуле и Измире чрезвычайного положения сроком на один месяц *. Против рабочих были брошены крупные силы полиции, жандармерии и военных подразделений. Впервые после государственного переворота 27 мая 1960 г. на улицах Стамбула появились танки и бронетранспортеры с солдатами. Власти создали военные трибуналы, которые начали вести судебные дела против участников демонстраций, проходивших 15—16 июня.

Начались массовые аресты прогрессивных деятелей, а также мероприятия по подавлению левой печати. В августе 1970 г. был наложен запрет на издание прогрессивного журнала «Ант». За три с половиной года существования журнала против его сотрудников было возбуждено 112 судебных дел, по которым им грозило в общей сложности 582 года тюремного заключения.

Наряду с репрессивными мерами правящие круги продолжали усилия по принятию законодательных актов, направленных на подавление рабочего движения в стране. В середине июля 1970 г. ВНСТ приняло законопроект об изменении законов о профсоюзах и забастовках. В ноябре 1970 г. турецким правящим кругам удалось упразднить «Закон о труде» 1967 г. Конституционный суд признал, что этот закон якобы не соответствует социально-экономическим условиям Турции. Действия правительства С. Демиреля еще более усилили напряженную обстановку в стране.

Несмотря на массовые репрессии, выступления рабочих продолжались. Крестьяне, потерявшие надежду на долгожданную аграрную реформу, пытались в ряде мест силой завладеть землей.

В восточных вилайетах страны, где компактной массой живут курды, ширилось движение за гражданские права, гарантированные конституцией, за устранение разницы в экономическом уровне между западными и восточными вилайетами, за развитие всех сторон экономической, общественной, культурной и духовной жизни курдского населения Турции.

Большой размах приобрели студенческие выступления с требованиями выхода Турции из НАТО и проведения в стране социально-экономических преобразований. Эти выступления проходили не без участия левацких элементов, а в некоторых случаях — и явных провокаторов. Иногда они сопровождались актами насилия и террора, похищениями и убийствами людей, ограблениями банков. С усилением в стране политического кризиса началось также брожение среди молодых офицеров, недовольных политикой правительства С. Демиреля и требовавших его отставки.

---

* Спустя месяц ВНСТ продлило чрезвычайное положение еще на два месяца (т. е. до 15 сентября 1970 г.)

Внутри самой правящей партии также усилились разногласия. В конце июля 1970 г. из Партии справедливости были исключены 26 депутатов ВНСТ «за деятельность, противоречащую интересам партии». Среди исключенных были пять бывших министров. После этого ПС стала располагать в национальной палате 236 местами, а к концу января 1971 г. число мест правившей партии в меджлисе сократилось до 225.

После государственного переворота 1960 г. внутренняя реакция при поддержке империалистических держав воспрепятствовала тому, чтобы Турция отказалась от прежнего внешнеполитического курса. В результате политика милитаризации продолжалась, на турецкой территории строились стартовые площадки для запуска американских ракет, военные аэродромы, военно-морские базы и другие военные объекты; численность армии не была уменьшена. Ежегодно только по министерству национальной обороны расходы составляли примерно пятую часть государственного бюджета. На военные цели шли значительные суммы и по другим министерствам.

Турция по-прежнему оставалась в системе военных блоков НАТО и СЕНТО. Сохранялась ее финансово-экономическая и военная зависимость от западных держав. К началу 1963 г. на территории Турции было сооружено 60 аэродромов и стартовых площадок.

Продолжалось активное экономическое сотрудничество с капиталистическими странами. В 1963 г. было подписано соглашение о присоединении Турции к «Общему рынку» в качестве ассоциированного члена. Внешняя политика Турции в тот период мало чем отличалась от империалистической политики государств НАТО.

Заметный поворот во внешней политике Турции произошел во время кипрского кризиса 1964 г. В условиях обострения обстановки на Кипре в результате вооруженных столкновений между греческим и турецким населением, вызванных провокациями агентов империалистических кругов, Греция и Турция — союзницы по НАТО начали военные приготовления друг против друга.

Возможность военного столкновения между двумя странами — членами НАТО встревожила американское правительство. 5 июня 1964 г. президент США Л. Джонсон направил личное послание И. Инёню, в котором писал, что США не придут на помощь своему верному союзнику, поскольку речь идет о «таких действиях Турции, которые будут предприняты без полного согласия и одобрения наших союзников по НАТО». Послание Л. Джонсона оказало сильное влияние на турецких руководителей, которые до этого слепо верили в готовность своих союзников по НАТО защищать любые их интересы. Все это не могло не сказаться на формировании внешней политики Турции в последующие годы.

Предметом пристального внимания широких кругов общественности Турции стали турецко-американские отношения. Особую

тревогу турецкой общественности вызывали двусторонние американо-турецкие военные соглашения. Речь шла о более чем 50 соглашениях, подписанных в разное время между двумя странами, на основе которых США, в частности, имели право создавать военные базы и держать свои войска на турецкой территории. Как сообщала печать, эти базы, на которых были размещены авиационные части, радиолокационные установки, склады оружия с ядерными боеголовками, занимали площадь 35 млн. кв. м. В стране находилось примерно 30 тыс. американских военнослужащих.

Недовольство различных слоев турецкой общественности односторонней ориентацией правящих кругов особенно усилилось во второй половине 60-х годов. Широкая общественность требовала пересмотра основ внешней политики Турции с учетом национальных интересов и тех изменений, которые произошли на международной арене. Все это заметно сказалось на политике турецкого правительства, которое стало проявлять тенденцию к проведению Турцией в ряде международных проблем позитивной политики, отвечающей национальным интересам страны. Так, под давлением прогрессивной общественности турецкое правительство вынуждено было пересмотреть некоторые ранее заключенные двусторонние соглашения по военно-политическому сотрудничеству с США. Однако новое турецко-американское соглашение, заключенное в 1969 г., не изменило военного характера этого сотрудничества. Под предлогом обеспечения «безопасности» страны турецкое правительство согласилось сохранить на своей территории американские радиолокационные станции, военные базы стратегической авиации, а также 6—7 тыс. американского военного персонала для обслуживания этих объектов.

Вместе с тем турецкие правящие круги не могли игнорировать требования общественности страны об улучшении отношений со своим северным соседом — Советским Союзом. В результате в 60-е годы в советско-турецких отношениях наблюдались положительные сдвиги. Развитию отношений способствовали взаимные визиты государственных деятелей Советского Союза и Турецкой Республики. По приглашению Верховного Совета СССР с 30 мая по 14 июня 1963 г. в Советском Союзе находилась турецкая парламентская делегация в составе 15 сенаторов и депутатов, представлявших различные политические партии.

С 30 октября по 6 ноября 1964 г. с официальным визитом в Советском Союзе находился министр иностранных дел Турции Ф. Дж. Эркин. В результате переговоров А. А. Громыко и Ф. Дж. Эркин подписали соглашение о культурных и научных связях между Советским Союзом и Турцией.

В первой половине января 1965 г. советские парламентарии находились в Турции с ответным визитом по приглашению ВНСТ. Продолжая политику улучшения добрососедских отношений, с 17 по 22 мая 1962 г. А. А. Громыко находился с официальным визитом в Турции. В августе того же года по приглашению Советского

правительства в Москву прибыл с официальным визитом премьер-министр Турции Суат Хайри Ургюплю. Во время этих визитов руководители обоих государств неоднократно подчеркивали свое удовлетворение развитием дружественных, добрососедских отношений между двумя странами. Они констатировали, что в отношениях между Советским Союзом и Турцией не существует вопросов, которые вели бы к столкновению их коренных интересов. Напротив, стали открываться новые возможности для широкого развития советско-турецких отношений. С 20 по 27 декабря 1966 г. по приглашению турецкого правительства с официальным визитом в Турции находился Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Этот визит, являвшийся первым посещением Турции главой Советского правительства, представлял собой важный этап в развитии советско-турецких отношений. Во время визита была достигнута принципиальная договоренность о сотрудничестве двух стран в осуществлении в Турции нескольких промышленных проектов.

В марте 1967 г. в Москве было подписано соглашение о поставках оборудования, материалов и об оказании услуг Советским Союзом Турции в строительстве некоторых промышленных предприятий. В числе этих объектов были металлургический, алюминиевый, нефтеперерабатывающий заводы, а также заводы по производству серной кислоты, древесноволокнистых плит и др.

Во второй половине сентября 1967 г. по приглашению Советского правительства премьер-министр Турции С. Демирель находился в Советском Союзе с официальным визитом.

В 60-е годы были улучшены транспортные связи между СССР и Турцией: открыта прямая авиационная линия, прямое железнодорожное пассажирское сообщение Москва — Стамбул, налажены транспортные железнодорожные и авиационные перевозки через территорию Турции из СССР в арабские страны и т. д. Расширился культурный и научный обмен. Таким образом, в конце 60-х годов в советско-турецких отношениях вместо прежней «холодности» наблюдался поворот в сторону взаимного доверия, развития экономических, культурных и межгосударственных связей, что соответствовало национальным интересам обеих стран.

Глава XV

ТУРЦИЯ В 70-е ГОДЫ

Начало 70-х годов ознаменовалось обострением внутриполитического положения в стране. 12 марта 1971 г. высшее военное командование предъявило президенту Дж. Сунаю меморандум, в котором отмечалось, что «в результате позиции, взглядов и дея-

тельности парламента и правительства страна оказалась ввергнутой в анархию, братоубийственную борьбу и социально-экономические волнения», а «будущее Турецкой Республики поставлено под серьезную угрозу, поскольку не осуществлены реформы, предусмотренные конституцией». Меморандум указывал на необходимость сформирования надпартийного правительства, которое «покончило бы с анархией и занялось реформами в духе Ататюрка, предусмотренными конституцией». В нем содержалось предупреждение, что «в случае если это не будет быстро осуществлено, турецкие вооруженные силы полны решимости выполнить возложенную на них миссию по защите Турецкой Республики и взять управление страной непосредственно в свои руки».

Составители меморандума — начальник генерального штаба и командующие тремя родами вооруженных сил — постарались создать впечатление, что разделяют и выражают недовольство народных масс и армии против правительства С. Демиреля. Требование реформ, которое высшее командование выдвинуло на передний план, вначале привело в замешательство буржуазно-помещичью верхушку, а также вызвало определенную надежду у прогрессивной интеллигенции, обеспокоенной антидемократическим курсом правительства ПС. Однако дальнейшее развитие событий успокоило буржуазно-помещичью верхушку, а также уничтожило надежды на реформы у прогрессивных деятелей страны.

Следует отметить, что в Турции некоторые высшие чины армии являются акционерами различных промышленных предприятий, в том числе контролируемых иностранным капиталом. Значительное увеличение жалованья офицерам, создание Армейского общества взаимопомощи в 1961 г. заметно изменили условия жизни военных. Задуманное вначале как орган социального обеспечения, это общество, финансируемое за счет отчислений из жалованья, быстро приобрело характер капиталистического предприятия. Его капитал за 10 лет увеличился с 44 млн. до 1 млрд. лир в результате операций по капиталовложениям, которые были осуществлены на новых промышленных предприятиях, возникших под покровительством крупных иностранных компаний. Высшие офицеры стали получать «свою долю прибылей», — иначе говоря, дивиденды держателей акций. Следовательно, армейская верхушка по существу интегрировалась с буржуазией.

В результате вмешательства командования турецкой армии, не пожелавшего взять власть непосредственно в свои руки, а решившего проводить антидемократические мероприятия руками гражданского правительства, 12 марта 1971 г. правительство С. Демиреля ушло в отставку.

Основными причинами фактического свержения правительства ПС было стремление генералитета турецкой армии подавить левое, антиамериканское движение в стране, борьбу трудя-

щихся масс, прогрессивной интеллигенции и молодежи за свои экономические и политические права, а также предотвратить возможность нового переворота и изменения пронатовского внешнеполитического курса Турции.

После продолжительных консультаций с представителями различных политических групп президент Дж. Сунай поручил сформировать правительство депутату НРП Нихату Эриму с условием выхода его из рядов своей партии. Выбор в качестве нового премьер-министра Н. Эрима, представлявшего правое крыло НРП, предвещал умеренный курс политики нового, «надпартийного» правительства, сформированного в конце марта. В его состав вошли пять представителей от ПС, три — от НРП, один — от НП, 15 «беспартийных», в том числе один пожизненный сенатор.

В программе нового правительства, обнародованной в начале апреля 1971 г., как и в меморандуме высшего военного командования, говорилось о «предусмотренных конституцией реформах: аграрной, национального образования, налоговой системы и др.». Однако, прежде чем приступить к реформам, правительство решило «навести в стране порядок», осуществляя ряд мер, направленных против рабочего и антиимпериалистического движения. Это соответствовало второму меморандуму, врученному президенту высшим военным командованием. В нем генералитет требовал изменения раздела конституции «Об основных правах и обязанностях человека». Генералы обосновали свое требование необходимостью борьбы против «анархистских» и «экстремистских» правых и левых движений. На деле они выступали за упразднение прав, предоставленных трудящимся, хотя и формально, буржуазной демократией.

Вскоре после назначения Н. Эрима на пост премьер-министра он заявил, что считает турецкую конституцию либеральнее конституции некоторых европейских стран. Новое правительство объявило, что борьба масс за предоставление основных демократических прав будет расцениваться правительством как «подрывная деятельность», направленная на «уничтожение общественного порядка», «раскол страны и нации».

Правительство Н. Эрима действовало в соответствии с указаниями турецкой армии. 26 апреля 1971 г. оно приняло решение об объявлении с 27 апреля сроком на один месяц чрезвычайного положения в 11 илах (вилайетах) страны: Стамбул, Сакарья, Зонгулдак, Измир, Эскишехир, Анкара и др. Принимая это решение, правительство ссылалось на ст. 124 конституции, которая предусматривала подобную акцию в случае серьезных и активных выступлений против основ государства и республики.

Турецкая печать указывала на следующие основные причины, побудившие правительство Н. Эрима ввести чрезвычайное положение: рабочее движение, курдская проблема, кипрский вопрос и неблагополучная обстановка в крупных городах. По существу, главными причинами являлись усилившееся демократическое, ан-

тиимпериалистическое движение трудящихся масс, прогрессивной интеллигенции и молодежи, а также обострение курдской проблемы.

Правительство начало осуществлять в широких масштабах репрессии против трудящихся; начались аресты среди рабочих, молодежи, представителей национальных меньшинств, прогрессивных писателей и журналистов. В течение 1971 г. органы политической полиции, по признанию министра внутренних дел, возбудили дело против 333 политических организаций и групп, обвиненных только в коммунистической деятельности. Было арестовано несколько тысяч человек. Сотни курдских деревень подверглись налетам отрядов «коммандос» и жандармерии. Стало ясно, что новое правительство преследовало цель лишить трудящиеся массы возможности бороться за улучшение условий жизни, не допустить развития и укрепления союза всех прогрессивных, демократических сил за укрепление независимости Турции.

21 июля 1971 г. была запрещена деятельность Рабочей партии Турции, которая в легальных условиях (в рамках конституции 1961 г.) прилагала усилия для обеспечения демократического развития страны, а также распространения идей национальной независимости, демократии и социализма среди широких слоев трудящихся масс города и деревни. Она была единственной легальной партией, выступавшей с прогрессивной программой глубоких преобразований турецкого общества.

Высший совет Турции утвердил список прогрессивной литературы, подлежавшей запрету и изъятию из продажи. Многие турецкие книжные издательства, выпускавшие прогрессивную литературу, были закрыты, а значительное число их владельцев и редакторов арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Однако правительству Н. Эрима не удалось ликвидировать внутриполитический кризис и «навести в стране порядок». В самом правительстве усилились разногласия, приведшие в начале декабря 1971 г. к выходу из него 11 радикальных его членов, заявивших, что отныне не осталось никаких возможностей для проведения реформ.

Второе правительство Н. Эрима, сформированное только из правых элементов, еще более обострило внутриполитическое положение Турции. Как отмечал Совет национальной безопасности в конце марта 1972 г., в стране сохранялась «очень трудная обстановка». Сильно активизировали свою политическую деятельность реакционные религиозные организации. Усилили террористическую деятельность экстремистские элементы из молодежных организаций.

Все эти события показали неустойчивость внутреннего положения и глубокий характер политического кризиса, переживаемого Турцией. В начале апреля 1972 г. президент Дж. Сунай обратился к руководителям политических партий с призывом воздержаться на время от политической деятельности, изменить кон-

ституцию и предоставить главе правительства юридические полномочия — право издавать декреты, имеющие силу законов. Но все политические партии в решительной форме отвергли направленные им призывы Дж. Суная.

17 апреля 1972 г. Н. Эрим вынужден был вторично уйти в отставку, выполнив главным образом ту часть программы правительства, которая была направлена на подавление демократических сил. Формирование нового правительства президент поручил «независимому» сенатору Суату Хайри Ургюплю. Но предложенный им состав кабинета министров, состоявший из членов основных политических партий, 13 мая 1972 г. был отвергнут президентом как «не соответствующий требованиям меморандума от 12 марта 1971 г. к существующим условиям». 15 мая 1972 г. Дж. Сунай поручил формирование нового правительства одному из лидеров Партии национального доверия — министру национальной обороны Фериту Мелену.

С первых шагов своей деятельности новое, «надпартийное» правительство столкнулось с теми же экономическими и политическими трудностями, которые привели к отставке прежнего правительства. Подготовленный правительством проект куцей аграрной реформы встретил в парламенте резкое возражение со стороны депутатов ПС и был возвращен для доработки.

Влияние Партии справедливости на правительство Ф. Мелена было особенно ощутимо в ходе разработки и утверждения в ноябре 1972 г. третьего пятилетнего плана экономического развития (1973—1977). В новом плане ПС добилась уменьшения доли государственного сектора и дальнейших уступок частному капиталу.

Народно-республиканская партия, стоявшая за укрепление государственного сектора и проведение некоторых реформ для подъема экономики страны, отозвала своих депутатов-министров из правительства Ф. Мелена. В решении партийного совета НРП о причине отзыва министров отмечалось, что правительство превратило пятилетний план в документ, отражающий социальную и экономическую политику ПС, и что взгляды правительства и НРП непримиримы.

Решение партийного совета резко обострило давно возникшее противоречие в руководстве партии, особенно между его консервативными и радикальными кругами. Консерваторы во главе с И. Инёню стояли за поддержку правительства и за продление чрезвычайного положения, в то время как радикалы возражали против вмешательства армии в государственные дела.

Еще на чрезвычайном съезде НРП, состоявшемся в начале мая 1972 г., победу одержали радикалы, возглавлявшиеся Бюлентом Эджевитом, вдохновителем курса «левее центра». Решение чрезвычайного съезда послужило поводом для ухода И. Инёню с поста генерального председателя партии 8 мая 1972 г. 14 мая на новом съезде Б. Эджевит был избран генеральным

председателем НРП. И. Инёню вышел из рядов партии, а вместе с ним и 35 членов НРП — депутатов меджлиса, которые образовали консервативную Республиканскую партию.

Общая напряженность политического и экономического положения и действие «Закона о чрезвычайном положении» в течение 26 месяцев пагубно влияли на все стороны жизни страны. Показателем глубокого политического кризиса стали выборы президента республики.

Турецкий генералитет, фактически контролировавший политическую жизнь и деятельность правительства, выдвинул на пост президента кандидатуру бывшего начальника генерального штаба генерала Фарука Гюрлера, который с этой целью 9 марта поспешно был назначен сенатором по контингенту президента. Однако политические партии, представленные в парламенте, не поддержали кандидатуру Ф. Гюрлера. После 14 туров голосования лидеры политических партий, чтобы выйти из президентского кризиса, пришли к соглашению о выдвижении приемлемой им кандидатуры. Таким кандидатом стал сенатор Фахри Корутюрк. 6 апреля 1973 г., на 15-м туре голосования, Ф. Корутюрк 365 голосами был избран президентом Турецкой Республики.

Эти выборы показали поражение генералитета и неизбежность некоторого отхода его от политической деятельности. В апреле начальником генерального штаба был назначен генерал Семих Санджар, которого турецкая пресса считала сторонником невмешательства армии в политику. Генерал С. Санджар уволил в отставку или переместил на другие посты 230 генералов, адмиралов и полковников. Еще раньше в отставку вышли четыре генерала — авторы меморандума от 12 марта 1971 г.

После избрания нового президента в отставку ушло правительство Ф. Мелена. Формирование нового правительства было поручено представителю торгово-промышленных кругов Наиму Талу, который 16 апреля 1973 г. возглавил коалиционное правительство из представителей Партии справедливости и Республиканской партии доверия (РПД), имевших большинство депутатов в меджлисе.

26 сентября было отменено чрезвычайное положение в Анкаре и Стамбуле, объявленное в апреле 1971 г. В течение 29 месяцев вооруженные солдаты патрулировали улицы крупных промышленных и административных центров, проводя невиданную кампанию репрессий против прогрессивных и патриотических сил страны. «По достоверным данным,— писала газета „Файнэншл Таймс“,— были осуждены военным трибуналом по обвинению в подрывной деятельности 1700 человек, идет судебное разбирательство по делу 4 тыс. человек, а еще одна тысяча ждет суда». Очень суровые приговоры были вынесены руководителям РПТ, революционных профсоюзов и патриотов.

В связи с предстоявшими в октябре 1973 г. выборами в национальную палату новое правительство подготовило и провело

через меджлис «Закон об аграрной реформе». Эта реформа предусматривала отчуждение за плату части помещичьих земель и распределение их за выкуп среди крестьян в течение 15 лет. Подобные реформы обычно сводились к передаче крестьянам за выкуп некоторой части государственных земель — помещичье землевладение при этом не затрагивалось. Как и следовало ожидать, эта куцая реформа практически осталась на бумаге.

Меджлис утвердил также «Закон об университетах», по которому высшие учебные заведения лишались автономии и вводилась плата за обучение в размере 3 тыс. лир в год. Эти и другие антидемократические законы вызвали большое недовольство среди народа, страдавшего от экономических трудностей, безработицы, инфляции и безудержного роста цен на товары широкого потребления. Используя предвыборную кампанию, начатую в августе 1973 г., народные массы вышли на улицы с требованиями хлеба, земли, больниц, лекарств, бесплатного обучения и безотлагательного решения проблем социально-экономического развития страны.

НРП, выступавшая в предвыборной кампании с минимальной программой защиты прав рабочих, мелкой буржуазии города и деревни, за проведение аграрной реформы, ограничение бесконтрольной деятельности крупного капитала и усиление государственного сектора, сумела завоевать симпатии многих миллионов избирателей. На выборах 14 октября 1973 г. НРП получила 185 (из 450) мест в национальной палате, в то время как ее соперница ПС, занимавшая первое место в предыдущих выборах, получила 149 мест. В связи с запрещением РПТ трудящиеся массы не смогли принять участия в выборах со своей программой.

В результате выборов в национальную палату меджлиса ни одна из политических партий, выставивших своих кандидатов в депутаты, не получила права на формирование однопартийного правительства. Образование коалиционного правительства приняло затяжной характер. В новое правительство, сформированное только в конце января 1974 г. во главе с лидером НРП Б. Эджевитом, вошли 25 человек: 18 представителей НРП и 7 — Партии национального благоденствия (ПНБ), в том числе генеральный председатель ПНБ Неджметдин Эрбакан, занявший пост заместителя премьер-министра.

Однако новое правительство оказалось нежизнеспособным. Разногласия среди членов коалиции возникли уже при выработке программы правительства. В дальнейшем они резко обострились, а в мае 1974 г. едва не привели к развалу коалиции. Тогда многие депутаты от ПНБ вместе с депутатами правых партий проголосовали против правительственного законопроекта об амнистии политических заключенных. «Закон об амнистии» НРП была вынуждена провести через Конституционный суд. Свыше 4 тыс. политзаключенных, осужденных в годы чрезвычайного положения после 12 марта 1971 г., получили свободу.

Распад правительственной коалиции был задержан кипрским кризисом. 15 июля 1974 г. насильственным путем было свергнуто законное правительство Республики Кипр во главе с президентом архиепископом Макариосом. Мятеж был организован реакционной греческой военщиной с целью осуществления «энозиса» — присоединения Кипра к Греции. Это послужило поводом для резкого противодействия Турции, которая в феврале 1959 г. вместе с Англией и Грецией подписала соглашение о независимости и целостности Республики Кипр. Основываясь на этом соглашении, 20 июля Турция высадила свои войска на севере острова. Б. Эджевит заявил, что его правительство пошло на этот шаг после того, как убедилось, что мирные пути урегулирования конфликта исчерпаны.

Начало военных действий между турецкими войсками и национальной гвардией довело греко-турецкие отношения до крайней степени напряженности. В ответ на высадку турецких частей Греция объявила мобилизацию и начала стягивать свои войска к турецкой границе. В Турции тоже начались военные приготовления. В 14 вилайетах было объявлено военное положение, закрыты международные аэродромы и приведены в боевую готовность войска.

Таким образом, по вине правящих кругов Греции и Турции, а также определенных кругов НАТО в Восточном Средиземноморье возникла серьезная опасность более широкой войны. Эта опасность усиливалась тем, что в район Кипра были подтянуты американские и английские военно-морские силы.

Советское правительство с самого начала мятежа потребовало от Совета Безопасности ООН принятия срочных мер для восстановления прав законного кипрского правительства, независимости и суверенитета Республики Кипр и вывода с острова иностранных военных сил.

По инициативе Советского Союза и ряда миролюбивых государств Совет Безопасности ООН 20 июля принял резолюцию, которая призывала все государства уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Кипра.

Тем временем массовое антивоенное выступление греческого народа привело к отставке правительства военной диктатуры. 23 июля было сформировано правительство во главе с бывшим премьер-министром К. Караманлисом. Пал также марионеточный «президент» Кипра Самсон.

Председатель парламента Кипра Г. Клиридис, исполнявший обязанности президента в его отсутствие, стремился объединить все патриотические силы острова для борьбы за восстановление конституционного устройства и укрепление законной власти, оказание материальной помощи населению, пострадавшему от военных действий, а также за вывод с острова всех иностранных войск. 22 июля было подписано соглашение о прекращении огня между турецкими и греческими войсками и начался обмен военноплен-

ными, который завершился лишь в октябре. Однако переговоры в Женеве об установлении мира между греческой и турецкой общинами Кипра закончились безрезультатно.

Тем временем внутриполитическая обстановка в Турции продолжала обостряться. Из-за противодействия правых партий и нерешительности Б. Эджевита правительство не смогло провести в жизнь обещанных реформ. С целью нанести поражение правым силам Народно-республиканская партия высказалась за проведение внеочередных выборов в палату депутатов. 18 сентября 1974 г. правительственная коалиция распалась. Начался затяжной правительственный кризис. В результате усилий реакционных кругов в конце 1974 г. стала складываться коалиция правых партий, получившая название «Националистический фронт» (НФ). В него вошли Партия справедливости, Партия национального благоденствия, Республиканская партия доверия и Партия националистического движения. Руководящую роль в этой коалиции играла Партия справедливости. Консервативная демократическая партия не присоединилась формально к фронту, однако ее правое крыло во главе с Бильгичем заявило, что будет поддерживать в меджлисе НФ.

В начале января 1975 г. было опубликовано совместное заявление членов НФ, в котором указывалось, что фронт объединил националистические партии для «защиты единства турецкой нации», для борьбы «против коммунизма, против левого движения в Турции».

19 марта формирование правительства вновь было поручено лидеру ПС С. Демирелю. 31 марта был подписан и опубликован протокол о правительственной коалиции четырех партий, входивших в НФ, а в начале апреля, после шестимесячного правительственного кризиса, национальная палата высказалась за утверждение сформированного С. Демирелем правительства НФ. В программе нового правительства подчеркивалось намерение бороться внутри страны против коммунизма и всякого рода анархии, стремиться к обеспечению социальной справедливости, добиваться превращения Турции в самые короткие сроки в развитую промышленную страну. В области внешней политики в программе декларировались приверженность НАТО, а также желание правительства продолжать развитие политики добрососедства с Советским Союзом. Как протокол, так и программа правительства отвечали главным образом интересам крупной буржуазии и помещиков, а также западных монополий.

Создание правительства НФ означало успех буржуазно-помещичьего блока, который, используя свое влияние, огромные финансовые возможности, богатый опыт политического маневра, сумел преодолеть межпартийные разногласия, создать коалицию, сформировать правительство и добиться его утверждения меджлисом. Вместе с тем оно означало известную слабость демократического движения, которое не смогло ничего эффективного про-

тивопоставить правой коалиции. Первое коалиционное правительство НФ находилось у власти около двух лет.

Осуществляя программу так называемого «национального обновления», Турция достигла некоторых успехов в области развития экономики. В частности, в 1975 г. прирост валового продукта составил 8%. Ведущую роль в этом сыграл государственный сектор. В декабре 1976 г. турецкие власти приняли решение полностью взять в свои руки управление крупным смешанным металлургическим заводом в Эрегли. Ранее этот объект находился в совместном владении Турции и американской монополии «Куперс». Акции, принадлежавшие этой компании, были выкуплены турецкой стороной. Такое решение отвечало интересам национальной экономики, являлось шагом по пути освобождения экономики страны от иностранной зависимости, укрепляло позиции государственного сектора в такой важной отрасли, какой является металлургия. Вместе с тем острые проблемы, стоящие перед страной, ждали своего решения. На февраль 1976 г. долги Турции составляли около 6 млрд. долл., а дефицит внешнеторгового баланса — 3337 млн. долл. Только за 1975 г. он увеличился на 1 млрд. долл.

С конца 1975 г. началось резкое повышение цен на продукты питания и товары первой необходимости, а заработная плата турецких трудящихся повышалась очень медленно. Не была решена проблема занятости. По официальным данным, к марту 1976 г. в Турции насчитывалось свыше 2 млн. безработных.

Все это привело к росту социальных противоречий, забастовочного движения. Среди факторов, усугублявших трудности страны, были нерешенность аграрного вопроса, сопротивление иностранных монополий попыткам обеспечить экономическую самостоятельность страны. Давали о себе знать последствия военных действий на Кипре, содержание там войск, растущие военные расходы.

При попустительстве турецких властей усилилась деятельность внутренней реакции. Правые экстремисты каждый день провоцировали различные столкновения, в результате которых росло число жертв. В январе 1976 г. в Турции происходили студенческие беспорядки, вызванные провокациями со стороны фашистских и промаоистских организаций. Экстремисты совершали вооруженные нападения на прогрессивных студентов, угрожали физической расправой профессорам и преподавателям, выступавшим за мирный, демократический путь развития Турции.

В условиях обострения политической напряженности в начале апреля 1977 г. подавляющим большинством голосов национальная палата ВНСТ приняла решение о проведении в июне 1977 г. досрочных всеобщих парламентских выборов, которые по закону должны были состояться в октябре того же года. По мере приближения дня выборов в Турции усиливался накал избирательной кампании. В предвыборной борьбе участвовали шесть поли-

тических партий, опиравшихся главным образом на поддержку различных буржуазных и буржуазно-помещичьих кругов,— Партия справедливости, Народно-республиканская партия, Демократическая партия, Партия национального благоденствия, Партия националистического движения, Республиканская партия доверия, а также две партии — Рабочая партия Турции и Партия единства Турции,— выражавшие интересы трудящихся и левого движения в стране.

В борьбе за голоса избирателей буржуазные партии прибегали к самым различным средствам. В некоторых районах страны, особенно в сельской местности, нагнеталась антикоммунистическая истерия и активно эксплуатировались религиозные чувства людей, не искушенных в тонкостях политической игры буржуазных сил. Однако основная борьба за большинство в парламенте развернулась между двумя наиболее влиятельными буржуазными партиями — ПС и НРП.

5 июня 1977 г. состоялись досрочные парламентские выборы, выявившие новую расстановку политических сил. Победу на выборах одержала НРП. Она получила в национальной палате 213 мест, ПС — 189, ПНБ — 24, ПНД — 16, РПД — 3, ДП — 1 и «независимые» — 4 места. Выборы в сенат, который обновлялся каждые два года на одну треть, принесли следующие результаты: НРП — 28 мест, ПС — 21, ПНБ — 1 место.

Таким образом, в результате выборов НРП завоевала относительное большинство как в национальной палате, так и в сенате. Успех НРП был связан с надеждами избирателей на осуществление ею назревших социально-экономических и политических реформ.

21 июня 1977 г. лидер НРП Б. Эджевит сформировал однопартийное правительство, надеясь в своих планах заручиться поддержкой других политических сил ВНСТ. Однако оказавшиеся в оппозиции ПС, ПНБ, ПНД, несмотря на существовавшие между ними разногласия по некоторым внутренним и внешнеполитическим проблемам, сумели договориться на первом же заседании национальной палаты и большинством голосов выразили вотум недоверия правительству НРП.

21 июля того же года лидер ПС С. Демирель сформировал второе коалиционное правительство «Националистического фронта», в состав которого вошли представители трех буржуазных партий — ПС, ПНБ, ПНД. Программа правительства С. Демиреля, получившая в начале августа одобрение меджлиса, мало чем отличалась от программы первого коалиционного правительства НФ.

Второе коалиционное правительство НФ так и не сумело практически решить ни одной серьезной проблемы, стоявшей перед страной. В Турции продолжала бушевать инфляция, число безработных к концу 1977 г. достигло почти 3 млн., продолжался рост цен, страна задолжала банкам Запада огромную сумму и была

не в состоянии расплачиваться, не прибегая к новым займам и кредитам. Между тем западные кредиторы, используя экономические неурядицы в стране, требовали от Турции новых уступок.

К концу 1977 г. администрация С. Демиреля оставила стране тяжелое наследство — 7 млрд. долл. внешнего долга, который в расчете на душу населения являлся одним из наиболее крупных в мире. А если учесть скромные экспортные возможности страны, то можно представить, каким бременем являлся этот долг для Турции. Экспорт традиционных товаров — хлопка, табака, орехов, сушеных фруктов, пшеницы, хрома — принес Турции лишь столько, сколько ей необходимо было для закупки нефтепродуктов — около 2 млрд. долл.

В течение долгого времени денежные переводы сотен тысяч турецких рабочих, выехавших на заработки в Западную Европу, главным образом в ФРГ, позволяли «затыкать дыры» во внешнеторговом балансе. Однако после того, как кризис подорвал курс турецкой лиры (западногерманская марка оставалась сравнительно стабильной), рабочие-эмигранты начали придерживать деньги.

С целью улучшить свое финансовое положение в начале сентября 1977 г. правительство приняло решение о новом повышении цен. Турецкая печать, ссылаясь на информацию Института статистики, отмечала, что рост розничных цен за 12 месяцев достиг 30%. В этой связи указывалось, что, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, Турция к тому времени по росту цен вышла на одно из первых мест в мире.

Все это свидетельствовало о том, что трехпартийная правая коалиция оказалась бессильной решать задачи, стоявшие перед страной. В самой коалиции усилились разногласия. Раздоры охватили и Партию справедливости. В декабре 1977 г. из ПС вышло несколько парламентариев. В результате правительство С. Демиреля утратило абсолютное большинство в меджлисе. Оно подало в отставку после того, как национальная палата 228 голосами выразила ему недоверие. Формирование правительства президент Ф. Корутюрк поручил Б. Эджевиту. Поскольку НРП не имела абсолютного большинства в национальной палате, она приняла решение создать правительство на коалиционной основе. В правительство Б. Эджевита, сформированное 5 января 1978 г., вошли более 30 министров — представители НРП, Демократической партии, Республиканской партии доверия и 10 «независимых» депутатов, вышедших из ПС.

История турецкого государства не знала такого случая, когда бы правительство состояло из стольких министров. Это было вызвано соотношением политических сил в ВНСТ, что вынудило руководство НРП пойти на такой шаг, чтобы укрепить свое положение в меджлисе. Вместе с «независимыми» депутатами НРП располагала в национальной палате абсолютным большинством мест (227 из 450). Поэтому руководство НРП в правительстве

и ВНСТ при принятии каких-либо постановлений и законов должно было учитывать мнение этих «независимых», придерживавшихся правой ориентации.

В программе правительства Б. Эджевита, одобренной меджлисом 19 января 1978 г., отмечалось, что наряду с решением острых экономических вопросов будет уделено особое внимание борьбе с разгулом насилия в стране. В области внешней политики Турция намеревалась проводить курс, направленный на укрепление разрядки международной напряженности. Значительное внимание во внешнеполитической деятельности предлагалось уделить кипрской проблеме.

В период нахождения у власти коалиционного правительства Б. Эджевита ВНСТ приняло более 100 различных законов, многие из которых были направлены на нормализацию экономического и политического положения. Однако принятые законы радикально не касались важнейших социально-экономических проблем, административных институтов. Вступившие в коалицию с НРП Демократическая партия и Республиканская партия доверия стремились не допустить проведения правительством каких-либо мероприятий, которые, по их мнению, являлись «слишком левыми». Особенно настороженно они относились к таким вопросам, как легализация Коммунистической партии Турции, ограничение политической активности правых сил.

В целях преодоления существовавших социально-экономических трудностей в начале января 1978 г. правительство Б. Эджевита образовало Совет по вопросам экономики. В конце марта того же года оно одобрило законопроект, предусматривавший национализацию в стране всех частных шахт, рудников и других объектов горнодобывающей промышленности. В середине мая 1978 г. турецкие власти официально объявили, что с 28 мая принадлежащий английским фирмам нефтеперегонный комбинат «Аташ» переходит в ведение турецкой государственной нефтяной корпорации. Мощность этого предприятия составляла более 4 млн. т нефтепродуктов в год. Этот шаг правительства был вызван тем, что к тому времени английские фирмы, преследуя корыстные цели, более чем наполовину прекратили производство нефтепродуктов на этом предприятии, что нанесло ущерб экономическим интересам Турции.

В течение 1978 г. невиданного размаха достигла деятельность экстремистских организаций, терроризм. Главными вдохновителями терроризма были ультраправые организации, особенно связанные с Партией националистического движения. В начале октября фашистские молодчики из ПНД зверски убили шестерых активистов Рабочей партии Турции. В декабре того же года сторонники крайне реакционной Партии националистического движения спровоцировали кровавое столкновение в Мараше, в результате которого было убито более 100 человек и несколько сот ранено. В связи с этим 26 декабря турецкое правительство объ-

явило на два месяца чрезвычайное положение в 13 илах: Адана, Анкара, Элязыг, Бингёль, Эрзурум, Эрзинджан, Газиантеп, Стамбул, Мараш, Карс, Малатья, Сивас, Урфа. (Впоследствии чрезвычайное положение через каждые два месяца продлевалось ВНСТ.) Следовательно, чрезвычайное положение охватило, кроме Стамбула и Анкары, лишь те илы, значительную часть населения которых составляли курды и в которых курдское движение в последние годы получило заметное развитие.

По словам Б. Эджевита, правительство оказалось вынужденным объявить чрезвычайное положение в ряде илов ввиду того, что акты террора и вооруженных нападений участились и ставили под удар целостность и единство государства. 26 апреля 1979 г. турецкое правительство объявило чрезвычайное положение еще в шести илах — Адыяман, Диярбакыр, Хаккяри, Мардин, Сиирт и Тунджели. Таким образом, чрезвычайное положение было распространено на 19 илов. В решении турецкого правительства по поводу расширения числа этих илов говорилось, что «будут приняты строгие меры в отношении профсоюзов и обществ, которые выступят против чрезвычайного положения». И действительно, чрезвычайное положение, как и раньше, было направлено главным образом против рабочего класса, прогрессивных, демократических сил, на усиление террора и репрессий против курдского народа.

Внутриполитическое положение Турции 1979 г. показывало, что правительство Б. Эджевита, придя к власти, не смогло преодолеть серьезных финансово-экономических трудностей, полученных в наследство от прошлых правительств. Более того, экономическое положение страны продолжало ухудшаться. Турецкая лира по сравнению с основными валютами других капиталистических государств обесценилась на 80%. Цены на продовольствие выросли на 90%. Продолжала расти безработица, достигшая 17% трудоспособного населения страны. Внешняя задолженность Турции превысила 10 млрд. долл. Обещания НРП ликвидировать остатки феодализма, содействовать кооперированию крестьянских хозяйств остались на бумаге. Не были выполнены и обещания о расширении демократических прав и свобод.

Вместе с тем после прихода к власти правительства НРП на территории страны были вновь открыты американские военные базы, возобновились поставки в Турцию американского оружия, заметно укрепились ее связи с НАТО. Все это не отвечало интересам Турции и не способствовало развитию ее отношений с социалистическими государствами.

14 октября 1979 г. состоялись частичные выборы в ВНСТ, в ходе которых были избраны пять депутатов национальной палаты и 51 сенатор. Выборы проходили в 29 из 67 илов. В них принимали участие девять политических партий. Ко дню выборов НРП вместе с коалицией «независимых» депутатов лишилась большинства мест в национальной палате и имела всего

220 голосов. Выборы в ВНСТ проходили в напряженной обстановке. Избирательные участки, здания государственных учреждений и другие важные объекты охранялись солдатами. Власти пошли на эти меры с целью предотвратить вылазки экстремистов. Однако в канун выборов в Анкаре, Стамбуле и некоторых других городах правые силы и левые анархисты предприняли террористические акты, чтобы обострить обстановку, сорвать предвыборные митинги и манифестации прогрессивных организаций. На частичных выборах успех выпал на долю ПС. Она получила все пять мандатов в национальную палату и 33 — в сенат. НРП не получила ни одного нового места в национальной палате и в сенате приобрела лишь 12 мест, тем самым лишившись там большинства.

В результате в ВНСТ расстановка политических сил выглядела следующим образом: НРП в неустойчивой коалиции с группой «независимых» имела всего 220 мест в национальной палате, а оппозиция — 227. Потеря правительственного большинства в парламенте вынудила Б. Эджевита уйти в отставку.

Политическая нестабильность турецкого правительства вызывалась тем, что ни одна из крупнейших в стране партий не имела достаточно мест в парламенте, чтобы управлять самостоятельно. Каждое новое правительство попадало в зависимость от голосов мелких партий, которые могли оказывать политическое воздействие, совершенно не соответствовавшее их влиянию.

12 ноября президент Ф. Корутюрк утвердил состав нового, однопартийного правительства, сформированного лидером ПС С. Демирелем. Приход к власти ПС означал победу правых сил, которые, используя недовольство широких слоев населения экономической и политической нестабильностью в стране, сумели свергнуть «хрупкую» коалиционную администрацию Б. Эджевита. Крупный капитал с удовлетворением встретил смену правительства.

В ноябре 1979 г. Федерация турецких работодателей, выражающая интересы главным образом крупной буржуазии, заявила, что она окажет поддержку правительству С. Демиреля в стабилизации экономической жизни страны. Однако эта поддержка была обусловлена рядом реакционных требований. Среди них были запрет митингов и собраний «по идеологическим мотивам», чистка государственных учреждений «от коммунистических элементов», учреждение «трибуналов государственной безопасности» и более активное применение статей уголовного кодекса, направленных на подавление демократических и профсоюзных свобод. Бизнесмены потребовали также расширения сотрудничества с Западом и скорейшей нормализации отношений с «Общим рынком», с которым к тому времени возникли серьезные разногласия из-за проведения Европейским экономическим сообществом дискриминационной торгово-экономической политики в отношении Турции.

Приход к власти правительства ПС, как и следовало ожидать, не только не улучшил экономическое и политическое положение страны, но и привел к еще большему обострению проблем, ждавших своего решения. В этих условиях в начале января 1980 г. руководство вооруженных сил вручило президенту Ф. Корутюрку заявление, в котором потребовало от всех «конституционных организаций» покончить с межпартийными распрями и наладить сотрудничество, чтобы ликвидировать в стране анархию и вывести экономику из состояния застоя. В свете этого заявления президент провел серию консультаций с лидерами ведущих буржуазных политических партий, а также с председателями сената и национальной палаты. В итоге состоялось экстренное заседание национальной палаты, которое приняло «Закон о борьбе с терроризмом», предоставивший широкие полномочия полиции и силам безопасности. Этот закон был направлен главным образом против демократических сил в стране. За него проголосовали все политические партии, представленные в парламенте.

Заявление генералов, принятие этого репрессивного закона вызвали серьезную озабоченность турецкой общественности. Рабочая партия Турции, Социалистическая рабочая партия Турции, руководство Конфедерации революционных рабочих профсоюзов и 24 другие левые организации осудили действия военных, а само заявление назвали «ультиматумом и вызовом народу». За последние 20 лет, отмечала газета «Гюнайдын», турецкая армия восемь раз вмешивалась в политическую жизнь под предлогом преодоления разного рода «трудностей».

Важным событием политической жизни Турции стали выборы нового президента. В начале апреля истек срок полномочий президента Ф. Корутюрка, избранного семь лет назад. Однако проведенные на совместном заседании обеих палат ВНСТ неоднократные туры голосования не принесли результатов. С 7 апреля 1980 г. обязанности президента Турции стал временно исполнять председатель сената И. С. Чаглаянгиль.

Опыт последних двух десятилетий турецкой действительности показывает, что буржуазные правительства меняются, а социально-экономические и политические проблемы лишь обостряются. По данным турецкой печати, к началу 1980 г. фабрики и заводы работали с огромной недогрузкой (до 55%). Не хватало сырья и энергетических ресурсов, запасных частей, готовых импортных изделий и полуфабрикатов для сборочных предприятий, составляющих значительную часть турецкой промышленности.

Были практически исчерпаны валютные резервы, внешний долг (включая проценты) достигал почти 20 млрд. долл. Инфляция только за 1979 г. выросла на 80%. Значительный ущерб финансовому положению и экономике в целом наносил хронический дефицит внешней торговли Турции с западными партнерами. Он достигал 2,5—4 млрд. долл. в год, т. е. 30—50% всего внеш-

неторгового оборота страны. Стремясь покрыть этот дефицит, Турция обращалась к Западу за дополнительной финансовой помощью. Западные державы, соглашаясь предоставить дополнительную «помощь», в свою очередь, выдвигали целый ряд требований, ущемлявших суверенитет Турции (девальвация турецкой валюты, предоставление дополнительных льгот иностранному капиталу, ограничение государственного сектора экономики, отказ от контроля за ценами на внутреннем рынке, замораживание заработной платы рабочим и служащим). По меткому выражению турецкой газеты «Демократ», Турция — типичный пример страны, попавшей в «долговую яму» империализма. Она занимает шестое место среди государств — наибольших должников западного капитала и транснациональных корпораций.

Пагубное воздействие на состояние экономики оказывал проимпериалистический внешнеполитический курс правящих кругов страны. В 70-е годы Турция, несмотря на некоторые сдвиги в сторону улучшения своих отношений с государствами социалистического содружества, а также с развивающимися странами, в целом проводила прозападную политику, не отвечавшую ее национальным интересам. Правда, к середине 70-х годов Турции пришлось несколько переосмыслить отношения со своим старшим партнером по НАТО — Соединенными Штатами, что было вызвано событиями на Кипре.

В связи с военными действиями Турции на Кипре в 1974 г. конгресс США в феврале 1975 г. наложил эмбарго на поставки американского оружия в Турцию, ссылаясь на то, что такое оружие используется ею против своего союзника по НАТО — Греции. Это решение конгресса наносило ощутимый удар по всей системе турецких вооруженных сил, целиком зависимых от поставок вооружения из США и других стран НАТО. В ответ на это решение со стороны турецких правящих кругов были приняты некоторые меры, чтобы продемонстрировать недовольство Турции. Так, из американской военной миссии были отозваны турецкие офицеры связи, министр иностранных дел Турции Эсенбель отказался от планировавшейся им встречи с государственным секретарем США Г. Киссинджером. Действия США были осуждены в программе правительства НФ в апреле 1975 г. Более того, в конце июля Турция заявила, что она приостанавливает действие соглашений о «совместной обороне» с США, а также 58 других двусторонних соглашений, определявших статус американских баз в Турции (за исключением принадлежащей НАТО базы в Инджирлике), приостанавливает деятельность этих баз и берет их под свой контроль.

Только весной 1976 г. двум сторонам удалось смягчить остроту своих отношений. В марте в Вашингтоне состоялись переговоры между министром иностранных дел Турции и официальными лицами США. В результате переговоров было подписано новое американо-турецкое соглашение о сотрудничестве в воен-

ной области сроком на четыре года. Соглашение предусматривало возобновление деятельности американских баз, предоставление Турции на четыре года американской военной помощи на 1386 млн. долл. Таким образом, приверженность США и Турции к империалистической стратегии Североатлантического блока позволила преодолеть возникшие разногласия между обоими государствами.

В октябре 1976 г. на турецкой территории, в районе Эрзурума, проходили военные маневры НАТО под кодовым названием «Дисплей детерминейшн», в которых участвовали подразделения вооруженных сил США, Италии и Турции. Как передавало «Анатолийское агентство», командующий вооруженными силами НАТО в юго-восточной зоне Европы, американский генерал Ноултон, непосредственно руководивший учениями, заявил, что цель маневров состоит в «проверке и отработке вопросов усиления турецких войск за счет сил и средств НАТО». В ходе маневров осуществлялась высадка американского десантного батальона в район учений. Одновременно американские военные самолеты, базировавшиеся на борту американского авианосца «Нимиц», совместно с турецкими ВВС осуществляли авиационную поддержку сухопутных частей.

Турецкая общественность выражала серьезную озабоченность по поводу явно провокационного характера этих маневров, которые, по словам газеты «Дейли Ньюс», имели «целью отразить условное нападение советских войск на Восточную Турцию».

Необходимо отметить, что эти маневры, проводившиеся в районе Эрзурума, отражали стремление некоторых кругов НАТО помешать наметившемуся успешному развитию советско-турецких отношений. В 70-е годы отношения между Советским Союзом и Турецкой Республикой продолжали в целом развиваться по восходящей линии в интересах мира на Ближнем и Среднем Востоке, в интересах народов двух соседних государств. Важным элементом в развитии этих отношений оставались взаимные визиты государственных деятелей СССР и Турции. В результате такого визита в апреле 1972 г. в Анкаре была подписана Декларация о принципах добрососедских отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой. В соответствии с декларацией обе стороны согласились руководствоваться в своих двусторонних и международных отношениях следующими основными принципами:

1) Развитие отношений между обеими странами в соответствии с традициями мира, дружбы и добрососедства, которые были заложены В. И. Лениным и К. Ататюрком;

2) Уважение суверенитета и равноправия государств;

3) Уважение территориальной целостности и неприкосновенности границ государств;

4) Невмешательство во внутренние дела государств;

5) Уважение неотъемлемого права каждой страны избирать

и развивать свою политическую, социальную, экономическую и культурную систему;

6) Неприменение силы или угрозы силой, а также отказ от предоставления своей территории для совершения агрессии и подрывных действий против других государств;

7) Уважение обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права;

8) Урегулирование международных споров мирными средствами *.

В интересах развития добрососедских отношений в 70-х годах при техническом содействии Советского Союза в Турции были построены металлургический завод в Искендеруне, нефтеперерабатывающий завод в Алиага, алюминиевый завод в Сейдишехире, сернокислотный завод в Бандырме, завод древесноволокнистых плит в Артвине. «Предприятия, построенные в Турции при содействии СССР,— говорил государственный министр Г. Караджа,— созданы на основе передовой технологии и вносят крупный вклад в подъем национальной экономики. Они рентабельны, дают работу десяткам тысяч людей. Мы приветствуем дальнейшее развитие сотрудничества с СССР».

Крупным шагом в расширении советско-турецких экономических связей было подписание в июле 1975 г. межправительственного соглашения о дальнейшем развитии экономического и технического сотрудничества, рассчитанного на 10—12 лет. Важным событием в дальнейшем упрочении добрососедских отношений между двумя странами были официальный визит в Турцию в декабре 1975 г. Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и его участие в церемонии открытия Искендерунского металлургического комбината.

Наряду с развитием экономических связей улучшались советско-турецкие политические отношения. В этой связи показателен тот интерес, какой турецкая общественность проявила к работе XXV съезда КПСС. Прогрессивные органы печати опубликовали подробное изложение доклада, с которым выступил на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Слова Л. И. Брежнева о том, что сотрудничество СССР с Турцией «из сферы главным образом экономической распространяется постепенно на вопросы политические» **, были встречены в Турции с большим удовлетворением.

Улучшению советско-турецких отношений содействовали визиты в Советский Союз турецких государственных, политических и общественных деятелей. В сентябре 1976 г. из поездки по Советскому Союзу на родину возвратился видный политический деятель, генеральный председатель Партии единства Турции Мустафа Тимиси. Он поделился с общественностью своими впечат-

---

* «Правда», 18.IV.1972.

** Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, с. 15.

лениями в печати и по анкарскому телевидению. «Поездка в СССР,— говорил Мустафа Тимиси,— это поездка в удивительную страну, все народы которой живут счастливо, свободно, не зная никаких форм угнетения. В СССР построено передовое общество, решен национальный вопрос. Когда-то отсталые во всех отношениях национальные окраины царской России — сегодня районы высокой культуры и жизненного уровня, развитой промышленности. Советские люди — подлинные хозяева своей страны.

Особенно хотелось бы подчеркнуть, — отмечал Мустафа Тимиси,— что Советский Союз стремится жить в мире и согласии со всеми народами и государствами. Это составляет основу внешней политики страны социализма. Руководители Советского Союза придают большое значение развитию дружественных, добрососедских отношений с Турцией... И Турция, в свою очередь, должна делать все для развития отношений такого рода со своим северным соседом».

По приглашению Советского правительства с 13 по 18 марта 1977 г. в СССР с официальным визитом находился министр иностранных дел Турции И. С. Чаглаянгиль. Между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и И. С. Чаглаянгилем состоялись переговоры, проходившие в дружественной и деловой обстановке. В ходе визита в Москве были подписаны соглашение о развитии советско-турецкого экономического сотрудничества, соглашение о научно-техническом сотрудничестве и соглашение о сотрудничестве в предотвращении угона гражданских воздушных судов.

В начале августа 1977 г. в Анкаре было создано межпарламентское общество сотрудничества с Советским Союзом, в состав которого вошли представители сената и национальной палаты. Сенатор Субхи Гюрсойтрак заявил, что цель общества — оказывать всяческое содействие отношениям добрососедства и сотрудничества между двумя странами.

Важным событием в советско-турецких отношениях был официальный визит премьер-министра Турецкой Республики Б. Эджевита, который по приглашению Советского правительства побывал в СССР в июне 1978 г. Премьер-министр Турции был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым. В ходе визита был подписан политический документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между Советским Союзом и Турецкой Республикой, который открывал новые перспективы дальнейшего развития сотрудничества между двумя соседними государствами. Кроме того, были подписаны советско-турецкое соглашение о разграничении континентального шельфа между Советским Союзом и Турцией в Черном море, а также программа культурного и научного обмена между двумя странами на 1978—1980 гг.

Обе стороны единодушно отметили, что состоявшиеся переговоры носили плодотворный и конструктивный характер, что достигнутые результаты явятся важным вкладом в дело развития добрососедства и дружественного сотрудничества между СССР и Турцией.

Развивались отношения Турецкой Республики и с другими странами социалистического содружества.

Однако такой оборот событий не отвечал империалистическим интересам США. Потерпев поражение в Иране и Афганистане, американский империализм пытался заделать брешь в своих стратегических позициях, рассчитывая закрепиться на турецкой территории. После длительных переговоров в марте 1980 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между США и Турцией в области «совместной обороны». Военно-экономическая помощь США Турции на 1980 г. в соответствии с этим соглашением, рассчитанным на пять лет, составила примерно 450 млн. долл. Турецкое правительство разрешило «американской стороне участвовать в мероприятиях по совместной обороне определенных объектов турецких вооруженных сил», право постоянного статуса получили около 30 американских объектов и баз, расположенных на турецкой территории. Эти базы, на которых находятся более 7 тыс. американских военнослужащих, представляют собой комплекс новейшей аппаратуры электронной разведки, складов ядерных боеприпасов и средств доставки, нацеленных главным образом на Советский Союз, а также центров различных видов связи, в том числе и с кораблями 6-го флота США, оперирующего в Средиземном море. Как отмечала турецкая прогрессивная общественность, целью соглашения было еще прочнее привязать Турцию к агрессивному блоку НАТО. Этим актом США сделали еще один шаг по пути втягивания Турции в милитаристские авантюры на Ближнем и Среднем Востоке.

Подписание в Анкаре соглашения о совместной обороне вызвало ликование в лагере правых сил. Средства массовой информации, отражавшие позицию этих кругов, приветствовали политику гонки вооружений и вовлечения Турции в русло агрессивных устремлений натовской военщины. Однако оно вызвало резкое недовольство демократических и прогрессивных сил Турции. Коммунистическая партия Турции, Рабочая партия Турции, Социалистическая рабочая партия Турции и другие левые демократические и прогрессивные организации выступили с осуждением военного соглашения с США, подчеркнув при этом, что американские базы — это угроза спокойствию и независимости Турции, народам стран Ближнего и Среднего Востока, районам Средиземного и Черного морей.

Несмотря на это, турецкие правящие круги продолжали свою пронатовскую внешнюю политику, а также мероприятия по подавлению антиимпериалистического и рабочего движения, кото-

рое было вызвано тяжелым материальным и социальным положением трудящихся масс Турции.

В 70-х годах в Турции ничтожное число представителей эксплуататорских классов присваивало значительную часть национального дохода, в то время как подавляющее большинство трудящихся масс с трудом сводило концы с концами. Это особенно ясно видно на примере турецкой деревни. Неразрешенность земельной проблемы, медленное развитие промышленности, сравнительно быстрый рост населения, пороки капиталистического способа производства, пережитки феодализма — все это вело к аграрному перенаселению, к снижению сельскохозяйственного производства на душу населения. Сотни тысяч крестьян совершенно не имели земли и вынуждены были батрачить в поместьях крупных землевладельцев или скитаться по стране в поисках заработка. Безземельные и малоземельные крестьяне фактически находились в полной экономической и политической зависимости от местных помещиков, кулаков (ага) и торговцев, наживавших огромные прибыли.

Безземельных и малоземельных крестьян эксплуатировали в качестве испольщиков (ярыджы), издольщиков (ортакчы) и сельскохозяйственных рабочих. Некоторые издольщики только за арендуемую землю вынуждены были отдавать кулаку или помещику более половины урожая.

Не менее остры в турецкой деревне были бытовые и социальные проблемы. По официальным данным, большая часть домов в сельской местности была непригодна для жилья.

Подавляющее большинство крестьян в Турции, особенно в Восточной Анатолии, неграмотно. Во многих деревнях не было школ, медицинских пунктов и даже в достаточном количестве питьевой воды. 50% жителей не пользовались электричеством.

Бедственное положение трудящихся масс деревни усилило приток обездоленных крестьян в крупные города, где они надеялись найти себе и своей семье кусок хлеба. На улицах Стамбула, Анкары и других промышленных и торговых центров можно было встретить оборванных крестьян, приехавших туда на заработки (часто вместе с семьями). Однако здесь их ожидала безработица, полуголодное существование. В этих условиях наблюдалось усиление классового сознания крестьянских масс.

Турецкий рабочий класс в 70-х годах представлял внушительную политическую силу страны. Новое качество приобрело и рабочее движение. Оно характеризовалось ростом классового самосознания пролетариата, усилением его борьбы за экономические и политические права. Рост удельного веса рабочего класса, особенно фабрично-заводского пролетариата, свидетельствовал о том, что в социальной структуре Турции произошли существенные сдвиги.

В связи с развитием капитализма в стране, особенно в промышленности, численность рабочего класса в послевоенные годы

значительно выросла. По некоторым данным, в Турции насчитывалось более 3 млн. рабочих. Это означало, что рабочий класс составлял примерно 20% самодеятельного населения страны. Но дело не только в этом. «Сила пролетариата,— указывал В. И. Ленин, — в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» *.

Правда, следует учитывать, что значительное увеличение численности рабочего класса за послевоенные годы происходило главным образом за счет непролетарских слоев деревни, сгоняемых с помещичьих земель крестьян-арендаторов. Поэтому часть рабочего класса была еще связана с деревней, находилась под влиянием мелкобуржуазной идеологии и в плену у широко пропагандируемого правящими классами ложного понятия «единой турецкой нации», что сильно влияло на характер рабочего движения.

Значительная часть турецких трудящихся была объединена в профессиональных организациях. Самое большое объединение трудящихся — Конфедерация рабочих профсоюзов Турции, руководство которой в основном находилось под влиянием буржуазных партий и проводило их политику. Пропагандируя реформизм и «единство деятельности трудящихся и хозяев», оно старалось подчинить профсоюзное движение правительству. Интересы трудящихся масс отстаивала главным образом Конфедерация революционных профсоюзов Турции, запрещенная после военного переворота 1980 г. Тем не менее большинство профсоюзов в Турции все еще находилось под влиянием буржуазии, мелкобуржуазных элементов, национализма и потому проявляло нерешительность и колебания как в борьбе за свои классовые права, так и в вопросах солидарности с международным рабочим движением.

В Турции, как и во многих странах буржуазного мира, заработная плата рабочих резко отставала от прожиточного минимума его семьи. По сообщению турецкой печати, пятая часть рабочих получала заработную плату на 25—50% ниже минимального уровня, установленного по закону. Особенно большая разница между фактической заработной платой и ее минимальным уровнем наблюдалась на предприятиях резиновой, химической и кожевенной промышленности, а также в дорожном строительстве.

Тяжелое положение рабочих усугублялось ростом цен на предметы первой необходимости, который с 1970 по 1979 г. пре-

---

* В. И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 23.

высил 800%, а заработная плата основной массы трудящихся выросла незначительно. Вместе с тем уровень инфляции в Турции только в 1980 г. достиг 90%.

Одной из серьезных проблем продолжала оставаться безработица. Сравнительно медленное развитие экономики, вызванное во многом участием Турции в военных блоках и непрерывными военными расходами, неспособность слаборазвитой промышленности обеспечить занятость возрастающего самодеятельного населения вели к росту безработицы. Число безработных в стране на начало 1981 г. достигло 4 млн.

В поисках лучшей жизни турецкие трудящиеся вынуждены были покидать родину и уезжать за границу. К началу 1980 г. более 1 млн. турецких граждан работали в Западной Европе. Они были заняты главным образом на наиболее трудоемких и низкооплачиваемых видах работ. Попытки турецких рабочих объединиться в профсоюзах, участвовать вместе с остальными трудящимися в борьбе за социальные и экономические права пресекались местными властями. Их немедленно увольняли, что автоматически влекло за собой высылку из страны пребывания. Так, в начале 1980 г. более 140 турецких рабочих были уволены из автомеханических мастерских Бирмингема (Англия), так как они требовали повышения заработной платы, ссылаясь на то, что английские рабочие, выполнявшие ту же работу, получали значительно больше. Многие турецкие рабочие, обманутые в своих надеждах, спустя некоторое время стали возвращаться на родину, не выдержав жестокой эксплуатации западноевропейских монополистов.

Иностранные фирмы, вербовавшие турецких рабочих на тяжелые и низкооплачиваемые работы, как правило, стремились оформлять контракты при посредничестве различного рода частных бюро. Это давало возможность заполучить более дешевую рабочую силу и не предоставлять рабочим никаких гарантий. Однако турецкое правительство продолжало поощрять эмиграцию турецких рабочих за границу.

Несмотря на то что в 70-х годах в крупных городах Турции велось довольно интенсивное жилищное строительство, одной из серьезных проблем являлся жилищный кризис. Дело в том, что жилищное строительство вели частные лица и новые дома рассчитаны на состоятельных арендаторов. В стране более 3 млн. семей совершенно не имели жилища, 33% городских помещений были непригодны для жилья. Наблюдался непрерывный рост квартирной платы. Высокая квартирная плата не позволяла большинству рабочих снимать помещения в благоустроенных домах, вынуждала их ютиться в трущобах — «геджеконду». По сведениям турецкой печати, 70% этих лачуг находилось вокруг Анкары, Измира, Стамбула. Но не всегда трудящиеся массы могли спокойно жить даже в трущобах. Турецкие власти нередко пытались выселить жителей этих «незаконно» выстроенных «гедже-

конду», что приводило к кровавым столкновениям между жителями трущоб и полицией.

Реакционная внутренняя и пронатовская внешняя политика турецких правящих кругов вызывала мощные выступления трудящихся масс, их политических и общественных организаций за свои классовые права, за проведение политического курса, отвечавшего национальным интересам страны. В апреле 1977 г. в Анкаре состоялась конференция демократических и прогрессивных общественных организаций, которая создала Общество сторонников мира. Избранный председателем общества, известный политический деятель М. Дикердем заявил, что турецкие сторонники мира будут совместно с народами других стран участвовать в борьбе за дело мира и безопасности на земле, за разрядку международной напряженности. В середине августа того же года 16 ведущих демократических организаций Турции выступили с совместным заявлением, в котором решительно осуждалась политика американской администрации, вставшей на путь гонки вооружений и подготовки производства нейтронной бомбы. В Стамбуле состоялась грандиозная манифестация сторонников мира, участники которой сожгли американский флаг и изображение нейтронной бомбы. Антивоенные митинги прошли также в Измире, Анкаре и Анталье.

В начале марта 1978 г. завершилась победой забастовка 30 тыс. турецких горняков, которая продолжалась более восьми месяцев, на рудниках, принадлежавших частному сектору. Предприниматели были вынуждены пойти на уступки и подписать новый коллективный договор, гарантировавший рабочим повышение оплаты труда с учетом роста в стране дороговизны жизни, предоставление им некоторых социальных льгот в соответствии с трудовым законодательством. В апреле того же года в Анкаре состоялся митинг протеста против американских планов производства нейтронного оружия и намерения США разместить его в странах Западной Европы. В митинге, организованном Рабочей партией Турции, приняли участие более 10 тыс. человек — рабочие, крестьяне, студенты и служащие. Массовые антивоенные митинги прошли также в Измире, Стамбуле и других городах.

В начале июля 1979 г. состоялись митинги и массовые демонстрации трудящихся Измира. В них приняли участие представители некоторых политических партий и более 50 общественных организаций Турции. Участники манифестации приняли совместно декларацию, в которой говорилось: «Турецкий народ не хочет выполнять обязанности жандарма американского империализма и быть соучастником действий НАТО, направленных на подрыв мира во всем мире. Турция должна выйти из блока НАТО». В ноябре в Стамбуле проходила антивоенная манифестация жителей под лозунгами: «Нет — НАТО!», «Нет — новым видам американского ядерного оружия в Европе!». Демонстрация за-

вершилась митингом, на котором представители различных национально-демократических организаций осудили планы Пентагона и НАТО оснастить западноевропейские государства новыми атомными ракетными установками.

В январе 1980 г. в Измире прошли демонстрации трудящихся под лозунгами «Нет — дороговизне и безработице!», «Нет — вылазкам неофашистов!». В них приняли участие 38 профсоюзных и общественных организаций города и провинции. Демонстранты выдвигали одновременно и политические требования: сокращение военных расходов, ликвидация американских баз, расположенных на территории Турции. Подобные выступления провели в Анкаре, Стамбуле, Адане и Бурсе профсоюзы, входившие в ДИСК.

В феврале 1980 г. около трех недель бастовали несколько тысяч рабочих и служащих предприятий по обработке сельскохозяйственной продукции компании «Тариш» в Измире. Забаррикадировавшись в цехах, они требовали от предпринимателей удовлетворения своих социальных и экономических прав. Против забастовщиков власти направили более 10 тыс. жандармов и полицейских, которые при поддержке бронемашин захватили территорию комбината. Они учинили жестокую расправу над забастовщиками, арестовав около 1,5 тыс. человек. В знак протеста против бесчинства властей по призыву ДИСК в Измире и его промышленной зоне была объявлена всеобщая двухдневная забастовка. Прекратили работу промышленные предприятия и учреждения, бездействовал транспорт, в городе происходили демонстрации трудящихся, которые разгоняла полиция.

Используя законы чрезвычайного положения, введенного правительством в этом городе, предприниматели стали проводить «чистку» персонала, увольнять профсоюзных активистов. Однако значительная часть рабочих компании продолжала бойкот и не являлась на работу. Своей решительной борьбой рабочие и служащие предприятий компании «Тариш» вписали яркую страницу в историю рабочего движения Турецкой Республики, которое становилось все более организованным, решительным и политически зрелым.

В условиях подъема рабочего движения турецкая реакция всеми силами старалась лишить пролетариат всяких прав на активное участие в политической жизни страны. Для этого господствующий буржуазно-помещичий блок проводил политику жестокого подавления любого прогрессивного движения, используя пресловутый лозунг о «коммунистической опасности». Принадлежность к Коммунистической партии Турции, находящейся в подполье, рассматривалась в Турции как преступление. Антикоммунистическая истерия раздувалась и подогревалась официальной пропагандой. Под фальшивым лозунгом антикоммунизма реакция «преследует и травит все передовое и революционное, старается расколоть ряды трудящихся, парализовать волю проле-

тариев к борьбе» *. Многие рабочие, профсоюзные деятели, представители интеллигенции были преданы суду и брошены в тюрьмы по обвинению в коммунистической деятельности.

Наряду с репрессиями и преследованиями трудящихся, прогрессивно настроенных лиц, патриотов реакционные силы организовывали в стране антикоммунистическую кампанию, устраивали различного рода сборища, которые по замыслу организаторов должны были ослабить рабочее движение, а также содействовать его расколу, усилению антикоммунистической истерии.

Несмотря на раскольническую деятельность правых лидеров профсоюзов, турецкий рабочий класс сознавал необходимость объединения своих рядов для борьбы против эксплуатации и угнетения со стороны господствующих классов. В борьбе за свои жизненные права зрело убеждение, что завоевание этих прав невозможно без укрепления национальной независимости, без коренных социально-экономических преобразований. Как подчеркивал генеральный секретарь ЦК КПТ И. Билен **, Турция испытывает на себе последствия дальнейшего углубления экономического, социального и политического кризиса капиталистического общества. КПТ видит выход из кризисной ситуации в прогрессивно-демократической революции, которая покончила бы с господством над Турцией как международного империализма, так и сотрудничающей с ним турецкой монополистической буржуазии и открыла путь к социализму.

* * *

К осени 1980 г. внутриполитическая обстановка в Турции резко обострилась. Политическая нестабильность, вызванная ожесточенной борьбой за власть двух основных буржуазных партий (Партии справедливости и Народно-республиканской партии), резко усугубилась террором, развязанным правонационалистическими организациями. Только за два года до этого от рук экстремистов погибли более 5 тыс. человек, а свыше 14 тыс. были ранены. Жертвами в основном становились люди прогрессивных взглядов. Экстремистские выступления развивались на фоне тяжелых экономических неурядиц, которые переживала Турция, резкого обострения на социальном фронте. Широкий размах приобрело стачечное движение трудящихся, требовавших повышения заработной платы и улучшения условий труда. Усилилась борьба курдов за предоставление национальных прав.

В этих условиях 12 сентября 1980 г. в Турции был совершен государственный переворот. Руководство вооруженных сил взяло власть в свои руки. Оно создало Совет национальной безопас-

---

* Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 52.

** И. Билен. Национально-демократические силы против политики эксплуатации и репрессий. — «Проблемы мира и социализма». Прага, 1980, № 2, с. 14.

ности (СНБ) во главе с начальником генерального штаба генералом Кенаном Эвреном. СНБ взял на себя функции законодательного органа. В состав СНБ вошли командующие сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами Турции, а также командование жандармерии и полиции. Совет национальной безопасности распустил ВНСТ и правительство С. Демиреля, запретил деятельность всех политических партий и общественных организаций, отменил парламентскую неприкосновенность и распространил чрезвычайное положение на всю страну. Председатель СНБ К. Эврен выступил по анкарскому радио и телевидению. По его словам, переворот имел целью нормализовать и стабилизировать внутриполитическую обстановку в стране. Новый глава турецкого государства подчеркнул, что Турция сохранит верность НАТО, будет уважать все заключенные ею международные соглашения и поддерживать хорошие отношения со всеми соседними странами на основе равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела.

Вместе с тем заявлялось, что власть военной администрации имеет временный характер. Как только будут устранены причины, вызвавшие в стране политическую нестабильность, вооруженные силы передадут власть гражданскому руководству с восстановлением конституционной парламентской системы правления и свободой деятельности политических партий.

18 сентября в Анкаре в здании ВНСТ члены Совета национальной безопасности приняли присягу на верность нации. Они заверили народ, что в своей деятельности будут неукоснительно следовать завету К. Ататюрка: «Мир в стране, мир во всем мире». 22 сентября в Анкаре был официально объявлен состав нового правительства Турции, в состав которого вошли 27 министров, в том числе семь представителей вооруженных сил. Премьер-министром стал Бюлент Улусу, до 30 августа 1980 г. командовавший военно-морскими силами, министром иностранных дел — кадровый дипломат Ильтер Тюркмен.

Программа нового правительства, по существу, повторяла заявление главы правительства. В ней говорилось, что преодоление финансово-экономических неурядиц, стабилизация политической обстановки и борьба с терроризмом будут осуществляться на основе уважения прав человека, соблюдения законности и постепенного восстановления демократических свобод. Использование кем-либо религии в корыстных политических целях категорически запрещалось.

Совет национальной безопасности издал ряд декретов и решений, регламентировавших различные стороны политической и экономической жизни страны. Он принял поправку к закону о чрезвычайном положении, которая, по мнению СНБ, должна была обеспечить более эффективную борьбу с террористическими организациями независимо от их политической окраски, а также с деятельностью контрабандистов и уголовных элементов.

Военные власти начали аресты среди населения. По некоторым данным, за два месяца после переворота было арестовано более 32 тыс. человек, в том числе свыше 10 тыс. в Турецком Курдистане. События после военного переворота показали, что хотя и были репрессированы правоэкстремистские элементы, однако главный удар военная администрация направила против левого движения, которое получило значительное развитие в последние годы.

В начале ноября 1980 г. секретарь СНБ генерал Х. Салтык обнародовал программу перехода Турции к «демократическому строю». Программой предусматривалось, в частности, создание предпосылок для организации в Турции консультативного меджлиса, принятие закона о создании, задачах и компетенции меджлиса, подготовка новой конституции страны, разработка новых законов о политических партиях и выборах, разрешение в будущем деятельности партий.

Как сообщала турецкая печать в начале июня 1981 г., за истекшее время военной администрации удалось покончить с массовым террором в стране. Вместе с тем СНБ опубликовал заявление, в котором подтверждал запрет на политическую деятельность всех бывших парламентариев, лидеров и членов всех запрещенных политических организаций, лишал их права выступать с изложением взглядов по поводу существующей политико-правовой структуры государства, а также проводить различного рода собрания и обсуждения деятельности военного режима.

Государственный переворот 1980 г. еще раз показал, что турецкая буржуазия в условиях усиления классовой борьбы не в состоянии управлять страной обычными буржуазно-парламентскими методами и все чаще прибегает к военно-полицейским мерам с целью сохранить социально-экономический режим в стране, а также удержать ее в рамках военного блока НАТО.

Обращает на себя внимание тот факт, что совет министров Турции ратифицировал подписанное в марте 1980 г. турецко-американское соглашение о «содружестве в области совместной обороны». По этому соглашению США предоставлялось 12 баз на турецкой территории сроком на пять лет. Вместе с тем США пытались привлечь Турцию и к осуществлению своих гегемонистских планов на Ближнем и Среднем Востоке.

Придерживаясь главным образом политики сотрудничества с союзниками по блоку НАТО, в особенности с США, Турция в то же время продолжала развивать на принципах взаимной выгоды и взаимного уважения связи с соседними государствами, в частности с Советским Союзом. «Отношения с Советским Союзом,— говорил на пресс-конференции в Анкаре в марте 1981 г. глава турецкого правительства Б. Улусу,— успешно развиваются во всех областях, в том числе в областях экономики, торговли и культуры. Мы очень высоко оцениваем достигнутый прогресс и еще раз выражаем свое удовлетворение по этому поводу».

О стремлении развивать добрососедские отношения с Турцией не раз заявляли руководители Советского государства. Так, по случаю 60-летия советско-турецкого договора 1921 г. Л. И. Брежнев направил главе Турецкой Республики Кенану Эврену поздравительное послание, в котором подчеркнул, что Советский Союз последовательно выступает за мир, углубление разрядки и прекращение гонки вооружений, за неуклонное укрепление добрососедских отношений с Турецкой Республикой, а также выразил уверенность, что и с турецкой стороны будут приложены усилия в этом направлении *.

---

* «Правда», 16.III.1981.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Классики марксизма-ленинизма*

Маркс К. Хронологические выписки. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 6. М., 1939.

Маркс К. Немецкая идеология. — Т. 3.

Маркс К. Реорганизация английского ведомства. — Австрийские требования.— Экономическое положение Англии. — Сент-Арно. — Т. 10.

Маркс К. Капитал. Т. 1. — Т. 23.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — Т. 9.

Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией? — Т. 9.

Энгельс Ф. Армии Европы. Статья третья. I. Турецкая армия. — Т. 11.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. — Т. 22.

Ленин В. И. Как не следует писать резолюций. — Т. 15.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Т. 17.

Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. — Т. 17.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии. — Т. 17.

Ленин В. И. Пробуждение Азии. — Т. 23.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27.

Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Т. 40.

Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. — Т. 42.

Программные документы, выступления руководителей партии и правительства

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1—7. М., 1970—1979.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1980.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961.

Фрунзе М. В. Поездка в Ангору. — Собрание сочинений. Т. 1. М.—Л., 1929.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по Сочинениям, изд. 2-е; произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Абидова М. А. К истории внешней политики Ак-Коюнлу (война с Турцией 1472—1473 гг.). — «Труды САГУ». Новая серия. 1959, вып. 151.

Авни Х. Как Турция стала полуколонией. Л., 1934.

Агаджанов С. Г. Огузская проблема и задачи ее изучения. — Тюркологический сборник 1973. М., 1975.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969.

Агаджанов С. Г. Сельджуки и туркмены в XI—XII вв. М., 1973.

Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. М., 1965.

Алибеков И. В. О причинах промышленной отсталости полуколониальной Турции. — «Etudes balkaniques». Sofia, 1975, № 3.

Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.

Алимов А. А. Революция 1908 г. в Турции. — Пробуждение Азии. 1905 год и революция на Востоке. Л., 1935.

Алькаева Л. О. Творчество Халида Зии Ушаклыгиля. М., 1965.

Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи). М., 1963.

Арш Г. Л. Восстание 1821 г. в освещении греческого историка. — «Новая и новейшая история». 1961, № 2.

Арш Г. Л. Тайное общество «Филики Этерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965.

Арш Г. Л., Сенкевич И. Т., Семенова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство. — Сочинения. Т. 4. М., 1966.

Бартольд В. В. Халиф и султан. — Сочинения. Т. 6. М., 1966.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956.

Билен И. Национально-демократические силы против политики эксплуатации и репрессий. — «Проблемы мира и социализма». Прага, 1980, № 2.

Боджолян М. Т. Реформы 30-х гг. XIX в. в Османской империи. Автореф. канд. дис. М., 1980.

Бондаревский Г. Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. Таш., 1955.

Брун Ф. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. — «Записки имп. Новороссийского университета». Одесса, 1867, т. 1, вып. 1—2.

Васильев А. Трудный перевал. М., 1977.

Виноградов В. Н. Державы и объединение Дунайских княжеств. М., 1966.

Витол А. В. Из истории Османской империи начала XVIII в. Деятельность Дамада Али-паши (1713—1716). — Востоковедение. Т. 4. Л., 1977.

Водовозов В. Старый режим Турции. — Турецкий сборник. СПб., 1909.

Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1979.

Габидуллин Х. З. Младотурецкая революция. Исторический очерк. М., 1936.

Гарбузова В. С. Сказание о Мелике Данишменде. М., 1958.

Гасратян М. А. Турция в 1960—1963 гг. М., 1965.
Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Ер., 1966.
Георги Кастриоти Скендербег (1468—1968). София, 1970.
Гордлевский В. А. А был ли турецкий султан халифом? (Привесок к монографии В. В. Бартольда). — Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
Гордлевский В. А. Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI в. (По документам, изданным Ахмедом Рефиком). — Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. — Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1971.
Гусейнов А. А. Профсоюзы в Турции (1960—1970). М., 1975.
Гусейнов Р. А. Земли уджей. — Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Гусейнов Р. А. Из «Хроники» Михаила Сирийца. — Письменные памятники народов Востока. 1973. М., 1979.
Гусейнов Р. А. Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI—XII вв. — Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
Гусейнов Р. А. Рец. на книгу Д. Е. Еремеева: Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). — «Советская тюркология». Баку, 1972, № 2.
Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв. — Нумизматика и эпиграфика. Т. 2. М., 1958.
Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции. М., 1968.
Джаба дефтер Чилдырского эялета 1694—1732 гг. Тб., 1979.
Димитров С. За аграрните отношения в България през XVIII в. — Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962.
Димитров С. А. Политиката на управлешата върхушка в Турции спрямо спахийство през втората половина на XVIII в. — «Исторически прегляд». София, № 5, 1962.
Димитров С. А. Ликвидация ленно-сипахийской системы в Турции. — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 3. М., 1963.
Димитров С. Сербия и крестьянское восстание 1850 г. в Болгарии. — «Etudes balkaniques». Sofia, 1964, т. 1.
Документы внешней политики СССР. Т. 1—21. М. 1957—1977.
Достян И. А. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX века. М., 1958.
Достян И. А. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.
Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.
Дулина Н. А. К вопросу о периодизации реформ танзимата. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1979.

Дулина Н. А. О программе реформ Мустафы Решада-паши. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1977.

Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.

Еремеев Д. Е. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории. — Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка). — «Советская этнография». 1974, № 4.

Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время. — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2, Л., 1968.

Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1792—1908 гг.). М., 1972.

Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX вв.). М., 1965.

Живкова Л. Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг. М., 1975.

Записка янычара, написанная Константином Михайловичем из Островиц. М., 1978.

Зиројевић О. Цариградски дрим од Београда де Софије (1459—1683). Београд, 1970.

Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856. М., 1971.

Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ер., 1977.

История Болгарии. Т. 1. М., 1954.

История Византии. Т. 3. М., 1967.

История Венгрии Т. 1. М., 1972.

История внешней политики СССР. Т. 1—2. М., 1976.

История дипломатии. Т. 3. М., 1945.

Каменев Ю. А. Некоторые источники трактата Ибрахима Мутеферрика «Мудрые принципы управления устройства народов». — Востоковедение. Т. 4. Л., 1977.

Капитуляции или трактаты между Оттоманской Портой и французским двором, возобновленные и умноженные в 1740 году. [СПб.], [1780].

Кёпрюлю М. Ф. Происхождение Османской империи. М., 1939.

Киракосян Дж. С. Западная Армения в годы 1-ой мировой войны. Ер., 1971.

Киреев Н. Г. Турция вчера и сегодня. М., 1977.

Книга законов султана Селима I. М., 1969.

Комнина Анна. Алексиада, или Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Пер. на рус. яз. [Б. м., б. г.].

Кондакчян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ер., 1978.

Корниенко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963 гг. М., 1965.

Косев Д. Новая история Болгарии. М., 1952.

Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. М., 1961.

Лэ-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческим введением. СПб., 1899.

Маринов В. Расселение пастухов-влахов на Балканском полуострове и за его пределами. — Исторические аспекты славяно-валашских связей. Кишинев, 1973.
Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественные организации. М., 1976.
Мейер М. С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю. — «Народы Азии и Африки». 1971, № 1.
Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. — «Народы Азии и Африки». 1963, № 4.
Мейер М. С. К вопросу об изменении в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в. — Проблемы истории Турции. М., 1978.
Мейер М. С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма. — «Вестник Московского университета. Серия востоковедение». № 4, 1977.
Мейер М. С. К вопросу о происхождении тимара. — Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
Мейер М. С. К характеристике экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. — Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
Миллер А. Ф. Буржуазная революция 1908 г. в Турции. — «Советское востоковедение». 1955, № 6.
Миллер А. Ф. Вступительная статья. — Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. М., 1966.
Миллер А. Ф. Вступление Турции в первую мировую войну. — «Известия АН СССР. Серия история и философия». 1946, т. 3, № 4.
Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.
Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.-Л., 1947.
Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948.
Миллер А. Ф. 50-летие младотурецкой революции. М., 1958.
Моисеев П., Розалиев Ю. К истории советско-турецких отношений. М., 1958.
Муратов Н. Турция в тисках внутренней и внешней реакции. М., 1949.
Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. 1—4. М.—Л., 1929—1934.
Мусульманский мир 950—1150. М., 1981.
Мутафчиева В. К вопросу о феодальной иерархии в османской военно-ленной системе XV—XVI вв. — «Проблемы востоковедения». 1959, № 3.
Мутафчиева В. П. За съестоянето на спахилька през XV—XVIII в. — «Исторически преглад». София, 1952, № 2.
Мутафчиева В. П. Описание хассов великого везира Синан-паши. — Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
Новейшая история стран зарубежного Востока. Ч. 1—2. М., 1954—1955.
Новейшая история Турции. М., 1968.
Новичев А. Д. Али-паша и лидер движения за реформы в Турции (танзимата) в 50—70-х годах XIX в. — «Вестник Ленинградского университета». 1977, № 8.
Новичев А. Д. Борьба между реформаторами и консерваторами в период танзимата (1839—1853). — Тюркологический сборник 1973. М., 1975.

Новичев А. Д. Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект. — Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
Новичев А. Д. История Турции. [Т.] 1—3. Л., 1963—1978.
Новичев А. Д. Крестьянские восстания в Турции в начале XV в. — «Проблемы востоковедения». 1960, № 3.
Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937,
Новичев А. Д. Подготовка реформ Селима III. — Тюркологический сборник. М., 1966.
Новичев А. Д. Предпосылки конфликта между султаном Махмудом II и Мухаммедом Али в 1839—1841 гг. — «Вестник Ленинградского университета». 1971, № 20.
Новичев А. Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768—1774 гг. — «Вестник Ленинградского университета». 1978, № 8.
Новичев А. Д. Турецкие кочевники XV—XVIII вв. М., 1960.
Новичев А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965.
Новичев А Д. Экономика Турции в период первой мировой войны. Л.—М., 1935.
Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948.
Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб., 1899.
Орешкова С. Ф. Из истории посреднической торговли в Османской империи в конце XV — начале XVI вв. — Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
Орешкова С. Ф. К вопросу о подчинении Валахии Османской империи. — «Краткие сообщения Института народов Азии». 1961, № 30.
Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи (2-я половина XVII — начало XVIII вв.). — Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. М., 1975.
Орешкова С. Ф. О ростовщическом кредите в Османской империи в начале XVII в. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
Орешкова С. Ф. Турецкий документ первой половины XVIII в. о международной ситуации в Европе и внешнеполитических целях Османской империи. — Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
Павлович М. П. Восток в борьбе за независимость. М., 1980.
Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 1971.
Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М.—Л., 1958.
Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. М., 1977.
Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1968.
Политика и экономика современной Турции. М., 1977.
Попова А. А. Политика Турции и национально-освободительная борьба турецкого народа в 60-х гг. XIX в. — «Вопросы истории». 1953, № 10.
Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Поцхверия Б. М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М., 1976.
Розалиев Ю. Н. Классы и классовая борьба в Турции. М., 1966.
Розалиев Ю. Н. Убежденный интернационалист. — Жизнь, отданная борьбе. М., 1964.
Розен Д. Т. История Турции от победы реформ 1826 г. до Парижского трактата. Ч. 1—2. СПб., 1872.
Россия, Польша и Причерноморье в XV — начале XVIII в. М., 1979.
Садр ад-дин Али ал-Хусейни. Ахбар ад-даулат ас селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) [«Сообщения о сельджукидском государстве». «Сливки летописей, сообщения о сельджукидских эмирах и государях»]. Изд. текста, пер., введ., примеч. и прил. З. М. Буниятова. М., 1980.
Самыловский И. В. Турция — вотчина Уолл-стрита. М., 1952.
Сванидзе М. Х. О юрдлуках и оджаклыках как одной из форм землевладения в Османской империи (на примере Чалдырского эялета). М., 1961.
Сиасет-наме, книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. М.—Л., 1949.
Смирнов В. Д. Кучубей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1875.
Современная Турция. Справочник. М., 1958.
Старченков Г. И. Проблемы занятости и миграция населения Турции. М., 1975.
Степанов А. С. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклюдже Мустафа. — «Византийский временник». [Т.] 6. М., 1952.
Страны Ближнего и Среднего Востока. М., 1944.
Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Турция. Т. 10. Ер., 1979.
Тарле Е. В. Крымская война. — Сочинения. Т. 8—9. М., 1959.
Тверитинова А. С. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.—Л,, 1946.
Тверитинова А. С. Второй трактат Кочибея. — «Ученые записки Института востоковедения». Т. 6. М., 1953.
Тверитинова А. С. К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции. — «Византийский временник». [Т.] 15. М., 1956.
Тверитинова А. С. К вопросу о крестьянском землепользовании в Османской империи. — «Ученые записки Института востоковедения. [Т.] 17. М., 1959.
Тверитинова А. С. Некоторые нерешенные проблемы в характеристике турецкого феодализма. — Ближний и Средний Восток. М., 1968.
Тверитинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI—XVII вв. М., 1960.
Тверитинова А. С. Фальсификаторы истории средневековой истории Турции в кемалистской историографии. — «Византийский временник». [Т.] 7. М., 1953.
Тодоров Н. Т. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976.
Тодорова М. Н. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878). — Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
Турецкая Республика. Справочник. М., 1975.

Уразова Е. И. Турция: проблемы формирования экономического развития. М., 1974.
Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3. М.—Л., 1948.
Устюн Н. Америка и американцы в Турции. М., 1971.
Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958.
Фадеева И. Е. Мидхад-паша, жизнь и деятельность. М., 1977.
Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов 50—60 годов XIX в. Али-паши и Фуад-паши. — «Народы Азии и Африки». 1978. № 4.
Хаджибегич Х. Турецкие правовые памятники как исторический источник.— Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
Хюсейн. Беда'-и ул века'и. Удивительные события. Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Ч. 1—2. М., 1961.
Цветкова Б. Извънрдни данъцы и державни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958.
Цветкова Б. Новые данные о христианах-сипахи на Балканском полуострове в период турецкого господства. — «Византийский временник». [Т.] 13. М., 1958.
Цовикян Х. М. Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции. — «Советское востоковедение». [Т.] 3. М.—Л., 1945.
Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967.
Шамсутдинов А. М. К вопросу об образовании Османского княжества. — «Труды Московского Института востоковедения». 1947, сб. 5.
Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. М., 1966.
Шамсутдинов А. М. Турецкая Республика. Краткий очерк истории (1923—1961). М., 1962.
Шамсутдинов А. М. Феодальные отношения в османском государстве в XIV в. — «Труды Московского Института востоковедения». Вып. 3, 1941.
Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
Шпаро О. Б. Освобождение Греции и России (1821—1829). М., 1965.
Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.
Шульман Е. Русско-турецкая война 1735—1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией. М., 1963.
Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г. М., 1959.
Эфендиев О. А. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961.

* * *

Ağralı S. Günümüze kadar belgelerle Türk Sendikacılığı. İstanbul, 1967.

Akdağ M. Genel çizgilerile XVII yüzyıl Türkiye tarihi.— «Tarih araştırmaları dergisi». Ankara, 1966, c. 4.

Akdağ M. Türk halkının dirlik ve düzenlik kavga: celâli isyanları. Ankara, 1975.

Akşın A. Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi. (İkinci kısım). İstanbul, 1966.

Aktepe M. Patrona isyanı. İstanbul, 1958.

Alsan C. Türk-Sovyet halklarının kardeşliği. İstanbul, 1976.

Anhegger R., İnalcik H. Kanunname-i Sultani ber muceb-i ort-i Osmani. Ankara, 1956.

Arar İ. Hükûmet programları (1920—1965). İstanbul, 1968.

Asgari ücret. Ankara, 1978.

Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman. İstanbul, 1913.

Aşkun V. C. Sivas kongresi. İstanbul, 1963.

Atatürk K. Nutuk. Cilt 1—3. İstanbul, 1962.

Avcioğlu D. Türkiyenin düzeni (dün — bugün — yarın). Cilt 1—2. Ankara, 1971.

Avcioğlu D. Milli kurtuluş tarihi. İkinci kitap. İstanbul, 1974.

Aydemir Ş. S. İkinci Adam. İsmet Inönü. Cilt 1. İstanbul, 1968.

Barkan Ö. L., Ayverdi E. M. İstanbul vakıflar tahrir defteri 953 (1546) tarihli. İstanbul, 1970.

Barkan Ö. L. Edirne askeri kassamına ait tereke defteri (1545—1659).—«Belgeler». Ankara, 1968, c. 3.

Barkan Ö. L. Malikâne-divâni sistemi.—«Türk hukuk ve iktis tarihi mecmuası». İstanbul, 1939, c. 2.

Barkan Ö. L. Mülk topraklar ve sultanları temlik hakkı.— «İstanbul Üniversitesi İktisat fakültesi mecmuası». 1941, c. 7.

Barkan Ö. L. XV asırın sonunda bazı şehirinde eşya ve yiyecek fiatlarını tesbit ve tetkisi hususlarını tanzim eden kanunlar.— «Tarih vesikalar». İstanbul, 1942, № 5.

Barkan Ö. L. XV—XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda ziraî ekonominin hukuk ve malî esasları. Kanunnameler. İstanbul, 1945.

Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatarluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu alarak sürgünler.— «İktisat fakültesi mecmuası». İstanbul, 1953—1954, c. 15.

Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatorluğu bütçelerine dair notlar.— «İktisat fakültesi mecmuası». 1955—1956, c. 17, № 1—4.

Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatorluğunda toprak işçiliğin organizasyonu.— «İktisat fakültesi mecmuası». İstanbul, 1940, c. 1.

Bayur Y. H. Türk inkilâbı tarihi. C. 1. Kısım 2. Ankara, 1964.

Beşikçi İ. Cumhuriyet halk fırkasının tüzüğü (1927) ve kürt sorunu. İstanbul, 1978.

Bıyıkoğlu. Atatürk Anadoluda (1919—1921). Ankara, 1959.

Bozbeyli F. Parti programları. Birinci kitap — birinci cilt. İstanbul, 1970.

Cem İ. Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973.

Cezar M. Osmanlı tarihinde Levendler. İstanbul, 1965.

Danişmend İ. H. Izahlı osmanlı tarih kronolojisi. T. 1—4. İstanbul, 1947—1955.

Deliorman A. Türklere karşı Ermeni komitecileri. İstanbul, 1973.
Demiray T. Türkiye yıllığı. İstanbul, 1947.
Duru K. N. İttihat ve Terakki hatıralarım. İstanbul, 1957.
Dustur. Istanbul — Ankara, 1929—1948.
Eren A. C. Selim III'un biografyası. İstanbul, 1964.
Erkanlı O. Anilar... Sorunlar... Sorumlular. İstanbul, 1973.
Erkilet H. E. Şark cebhesinde gördüklerim. İstanbul, 1943.
Erkin F. C. Türk-Sovyet ilişkileri ve bogazlar meselesi. Ankara, 1968.
Erzi A. II Murad'ın Varna muharebesi hakkında fethnamesi.—«Belleten». Ankara, 1950, № 14.
Es'ad Effendi. Uss-u-zafer. İstanbul, 1248.— Precis historique de la destruction du corps des janissaires par le sultan Mahmud en 1826. P., 1833.
Fişek K. Devlete karşı grevlerin kritik tahlili. Ankara, 1969.
Gevgilili A. Türkiyede 1971 regimi. [İstanbul], 1973.
Gökbilgin M. T. XV—XVI asırlarda Edirne Paşa livası vakiflarmukataalar. İstanbul, 1952.
Gökbilgin M. T. XV—XX yüzyıllarda merkezi ve güney.—Doğu Avrupada köylü hareketleri konusu hakkında.— «Belleten». Ankara, 1966, № 117.
Gökbilgin M. T. Rumeli'de iskâninda ve türkleşmesinde yürükler.— III Turk tarihi kongresi. Ankara, 1948.
Gökbilgin M. T. Rumeli'de yürükler tatarlar ve evlak'i tatuhan. İstanbul, 1957.
Gökman M. 50 yılın tutanağı. İstanbul, 1973.
Güçer L. XVI—XVII asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda hububat meselesi ve hububattan alınan vergiler. İstanbul, 1964.
İnalcık H. Osmanlı-Rus rekabetini menşei ve Don — Wolga kanalı teşebbüsü (1569).— «Belleten». Ankara, 1948, № 46.
İnalcık H. 1444. Buhranı,— Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar. Ankara, 1954.
İslam Ansiklopedisi. C. 1—30. İstanbul. 1950—1972.
Karal E. Z. Osmanlı tarihi. C. 5—8. Nizam-i cedit ve tanzimat denirleri (1789—1856). Ankara, 1956—1962.
Karal E. Z. Selim III-un hattı humayunları. Nizam-i cedit. 1789—1807. Ankara, 1946.
Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1960). İstanbul, 1963.
Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.
Köprülü M. F. Osmanlı İmparatorluğunun etnik menşei meseleleri — «Belleten», Ankara, 1943, c. 7, № 28.
Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki. İstanbul, 1948.
Kurat A. N. İsveç kıralı XII Karl'ın Türkiyede kalışı ve bu sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. İstanbul, 1943.
Kurat A. N. Prut seferi ve barışı 1123 (1711). C. 1—2. Ankara, 1951—1953.
Kurat A. N. Türkiye ve İdil boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten-İdil kanalı ve XVI—XVII yüzyıl osmanlı-rus munasebetleri). Ankara, 1966.
Maghul Y. Portekiz tehlikesi karşısında osmanlı-musluman hind münasebetleri (1517—1538)— «İslam tetkikleri enstitüsü dergisi». İstanbul, 1975, c. 6.
Mardin S. Yan türklerin siyasi fikirleri. Ankara, 1964.
Neşri Mehmed. Kitab-i cihan-huma, Neşri tarihi. C. 1. Ankara, 1941.

Nizam-i cedide dair layihalar, 1792.— «Tarih vesikaları». İstanbul, 1942, c 1, № 6, c. 2, № 8; 1943, c. 2, № 11.
Orhonlu C. Osmanlı İmparatorluğunda Derbent teşkilâtı. İstanbul, 1967.
Refik A. Lâle Devri. İstanbul, 1928.
Refik A. On altıncı asırda rafizilik ve bektaşilik. İstanbul, 1932.
Sencer M. Türkiyede sınıfsal yapı ve siyasal davranışlar. İstanbul, 1974.
Sencer M. Türkiyede siyasal partilerin sosyal temelleri. İstanbul, 1974.
Tahim Paşa. Abdulhamit ve gildez hatıraları. İstanbul, 1931.
Temo İ. İttihad ve Terakki cemiyetinin teşekkülü ve hedematı vataniye ve inkilâbı milliye dair hatırım. Rumanya, Mecidiye, 1939.
Toker M. Tek partiden çok partiye. [İstanbul], 1970.
Toker M. Şeyh Sait ve isyanı. Ankara, 1968.
Tunaya T. Z. Türkiyede siyasi partiler (1859—1952). İstanbul, 1952.
Tunçay M. Türkiyede sol akımlar (1908—1925). İkinci basım. Ankara, 1967.
Turan O. İstanbul'un fethinden önce yazılmış tarihi tekvimler. Ankara, 1965.
Turan O. Selçuklular tarihi ve türk-islam medeniyeti. Ankara, 1965.
Turan O. Fatih Mehmed — Uzun Hasan mucadelesi ve Venedik — «Tarih araştırmalar dergisi». Ankara, 1966, № 3.
Turkiye Cumhuriyeti anayasası. İstanbul, 1970.
Türkiye İş bankası. 50 yıl. Ankara, 1974.
Unat F. R. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri, Ankara, 1968.
Uzunçarşılı İ. H. Anadolu beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu devirleri. İstanbul, 1937; 2 ed. Ankara, 1969.
Uzunçarşılı İ. H. Kütahya şehri. İstanbul, 1932.
Uzunçarşılı İ. H. Mustafa Bayraktar. Ankara, 1943.
Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı devleti teşkilâtında kapıkulu ocakları. C. 1—2. Ankara, 1943—1944.
Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilâtı. Ankara, 1948.
Uzunçarşılı I. H. Osmanlı tarihi. C. 1—4, Ankara, 1947—1959.
Uykucu K. E. 1919-den 1973-e kadar Cumhuriyet tarihi ansiklopedisi. İstanbul, 1973.
Üstüngel. Savaş yolu. İstanbul, 1977.
Yazman M. O. Türkiye tarihi. Selçuklular devri. İstanbul, 1944.
Yeni kanunlarımız. Ankara, 1960.
Yınanç M. H. Türkiye tarihi. Selçuk devri. İstanbul, 1944.
Yucel O. III. Selim devrinde nizam-i cedid'in Anadolu'da karışılaştığı zorluklar.— «Tarih araştırmaları dergisi». Ankara, 1961, c. 1.

* * *

A Narrative of Italian Travels in Persia in the 15-th and 16-th Centures. L., 1879.
Das Asaf name des Lutfi Pascha nach den Handschriften zu Wien, Dresden und Konstantinopel zum ersten Male herausgegeben und ins Deutsche Ubertragen von Dr. R. Tschudi.— «Turkische Bibliothek». B., 1910, Bd 12.
Barkan Ö. L. Essai sur les données statistiones des registres de recensements dans l'Empire Ottoman au XV—XVI siècles.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». V. 1. Leiden, 1958.

Beldiceanu N.-N. Les roumains ont-ils participe à Bataille d'Ankara?—«Balcania». Bucureşti, 1945, [t.] 8.
Beldiceanu G., Beldiceanu N. Steiner. Recherche sur la province de Qaraman du XVI-e siècle. Leiden, 1968.
Berkes N. The Development of Secularim in Turkey. Montreal, 1964.
Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. L.— N. Y., 1968.
Cambridge History of Iran. Vol. 5. Cambridge, 1968.
Cambridge History of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970.
Cevad Bey A. Etat militaire Ottoman depuis la fondation de l'Empire jusqu'a nos jours. Livre premier. Le corps des janissaires depuis sa creation jusqu'a sa suppression. Trad. du Turc par G. Macridés. P., 1882.
Cook M. Population Pressure in Rural Anatolia. 1450—1600. Ox., 1972.
Coles P. The Ottoman Impact on Europe. L., 1968.
Davison R. H. Reform of the Ottoman Empire. 1856—1976. Princeton, 1963.
Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963.
Engelhardt E. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des reformes. P., 1882.
Fesch P. Constitutional aux derniers jours d'Abdul-Hamid. P., 1907.
Finlay G. History of the Greek Revolution. V. 1—2. L., 1961.
Gibb H. A., Bowey H. Islamic Society and the West. London — New York — Toronto, 1950.
Gokbilgin T. Un aperçu general sur l'histoire des institutions de l'Empire Ottoman au XVI-e siècle.— «Turcica». Paris — Strasbourg, 1969, t. 1.
Hammer-Purgstall Y. Geschichte des Osmanischen Reiches. 1—10. Pest, 1827—1835.
Heyd W. Histoire du commerce du Lewant. Lpz., 1936.
Hurmuzaki E. Dokumente previtoare la istoria Românilor. Vol. 1, P. 2—3. Bucureşti, 1876.
Inalcik H. Bursa and the Commerce of the Levant.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Leiden, 1960, v. 3.
Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600. L.—N. Y., 1973.
Inalcik H. The Problem of the Relationship between Byzantine and Ottoman Taxation.— Akten des XI Internationaler Byzantinistes Kongres, München, 1958. Munich, 1960.
Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law.— «Archivum Ottomanikum». 1. Leiden, 1969.
Inalcik H. The Turkish Impact on the Development of Modern Europa.— The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974.
Karpat K. An Inquire Into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman Stat, From Social Estates to Chasses, From Millet to Nations. Princeton, 1973.
Kissling H. Y. Die Turkenfrage als Europaischen Problem.— «Sudostdeutschen Archiv». München, 1964.
Köprülü M. F. Les Origines de L'Empire Ottoman. P., 1935.
Kraelitz-Greifengorst F. Kanunname Sultan Mehmeds des Erobers.— «Mitteilungen zur osmanischen Geschichte». Bd 50. Wien, 1921.
Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. London — New York — Toronto, 1965.
Mantran R. Istanbul dans la seconde moitié du XVII-e siècle. P., 1962.

Mardin S. The Geiesis of Yung Ohuman Thought. Princeton, 1962.
Miller A. F. Mustafa Pacha Bairaktar. Bucarest, 1975.
Matafçieva V. P. De l'exploitation feodale dans les population bulgar sous la domination turgue on XV—XVI s.— «Etudes historiques». Sofia, 1960, № 11.
Dimitrov S., Mutafcieva V. P. Sur l'Etat des Systeme des Timar des XVII-e—XVIII-e s. Sofia, 1968.
New Cambridge Modern History. V. 1—2, 1957—1958.
Nouicca A. D. Der Einfal der Franzosen in Ägypten und der franzosen in Ägypten und der franzosisch turkische Krieg 1798—1802.— «Zeitschrift für geschichts-wissenschaft». 1971, h. 9.
Ramsaur E. E. The Young Turks. Prelude of the Revolution of 1908. Princeton, 1957.
Rizas G. Abdul Hamid. Sa vie politique et intime. 33 ans de tyrannie. Constantinople, 1909.
Semavi Eyice. Bertradon de la Broquière ve Seyahat namesi (1432—1433).— «İslam tetkikleri institüsü dergisi». V. 6. Ankara, 1976.
Shaw St. Between Old and New, the Ottoman Empire under Sultan Selim III (1789—1807). Massachusetts, 1971.
Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 1—2. Cambridge — London — New York — Melbourne, 1976—1977.
Siruni H. Dj. Bairakdar Mustafa Pacha et Manauk Bey Prince of Moldavie.— «Balkania». Bucarest, 1943 [t.] 6.
Suçeske A. Reichsstellungs des Bevolkerung in den Stadten Bosniens und der Herzegowina unter den Osmanen (1463—1878).— Sud-ost Europa Yahrbuch. Munchen, 1960.
Tischendorf P. A. Das Lehnwesen in den moslimischen Staaten, insbesondere in Osmanische Reiche. Lpz., 1875.
Tuncel M. B. L'influence des «Lumières» sur l'Empire Ottoman.— «Turcica». Paris — Strasbourg, 1969, т. 1.
Vasic M. Die Martolosen in Osmanischen Reich.— «Zeitschrift für Balkanogie». Wiesbaden, 2, 1964.
Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century. London — Berkeley — Los Angeles, 1971.
Werner E. Die Geburt einer großmacht — Die Osmanen, 1300—1481. Lpz., 1966; 2 ed., B., 1971; 3 ed. B., 1978.
Werner E. Seih. Bedr-eddin, Burkluge Mustafa und chios. Sitzungsbericht der Sacksischen Akademie der Wissenschaften. Leipzig Philologisch Historische klasse. Bd 116. Hft 5. B., 1974.
Werner E., Markov W. Geschichte der Turken von den Anfangen bis zur Gegenwart. B., 1978.
Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. V. 1—7. Cotha, 1854—1863.

Пресса

«За прочный мир, за народную демократию». Прага.
«За рубежом». М.
«Известия». М.
«Заря Востока». Тб.
«Литературная газета». М.
«Правда». М.
«Cumhuriyet». İstanbul.
«Durum».
«Dünya». İstanbul.
«Günaydın». Istanbul.
«Haber». Istanbul.
«Hakimiyeti Milliye». Ankara.
«İstanbul». İstanbul.
«Milliyet». İstanbul.
«Monde». P.
«Politika». İstanbul.
«Tan». Ankara.
«Tercüman». İstanbul.
«T. C. Resmî gazete». Ankara.
«Türk Solu». Ankara.
«Ulus». Ankara.
«Vatan». İstanbul.
«Yeni İstanbul». İstanbul.
«Zafer». Ankara.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Раздел I. **Средние века (IX—XVIII вв.)** [*С. Ф. Орешкова*] 4

Глава I. Тюрки в Малой Азии в XI—XIII вв. 4

Глава II. Становление Османской империи 15

Глава III. Османская империя в период своего наивысшего могущества (вторая половина XV — первая половина XVI в.) 36

Глава IV. Обострение социальных противоречий и внешнеполитические трудности Османской империи (конец XVI—XVIII в.) 63

Раздел II. **Новое время (конец XVIII в. — 1917 г.)** [*Ю. А. Петросян*] 80

Глава V. Османская империя на рубеже столетий. Попытки преодоления кризиса империи с помощью реформ 80

Глава VI. Танзиматские реформы 40—50-х годов XIX в. Крымская война и Османская империя 102

Глава VII. Османская империя в 60—70-х годах XIX в.: от реформ к первой конституции 114

Глава VIII. Превращение Османской империи в полуколонию и режим «зулюма». Младотурецкое движение 133

Глава IX. Буржуазная революция 1908 г. Правление младотурок и крушение Османской империи 147

Раздел III. **Новейшее время (1918—1980)** [*М. А. Гасратян*] 164

Глава X. Национально-освободительное движение и провозглашение Турции республикой (1918—1923) 164

Глава XI. Турция в годы упрочения независимости (1923—1933) . . . 179

Глава XII. Турция накануне и в годы второй мировой войны (1934—1945) 200

Глава XIII. Турция в 1945—1960 гг. 215

Глава XIV. Турция после государственного переворота 1960 г. . . . 230

Глава XV. Турция в 70-е годы 250

Использованная литература 280

Манвел Арсенович Гасратян,
Светлана Филипповна Орешкова,
Юрий Ашотович Петросян

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ТУРЦИИ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *М. И. Штемпель*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Б. Г. Дудорев*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 14446

Сдано в набор 31.12.81. Подписано к печати 14.02.83. А-09050. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 18,5. Усл. кр.-отт. 18,69.
Уч.-изд. л. 21,56. Тираж 5 000 экз.
Изд. № 5045. Зак. № 223. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

1-я типография Профиздата, Москва,
Крутицкий вал, 18.